

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

XXI международная научно-практическая конференция

(5–6 апреля 2018 г.)

Материалы конференции

Часть 1

Ответственный редактор Н.Н. Цуканов

Красноярск
СибЮИ МВД России
2018

ББК 67.4:67.411:67.73:67.52

Ответственный редактор

Н.Н. Цуканов, доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России)

Редакционная коллегия:

О.В. Евтихов, кандидат психологических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

А.В. Жильцов, кандидат юридических наук (Сибирский юридический институт МВД России);

А.Г. Калугин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

Ю.В. Леонтьева (Сибирский юридический институт МВД России);

С.М. Мальков, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

Е.Б. Мельников, кандидат химических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

В.В. Молоков, кандидат технических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

Е.В. Панов, кандидат педагогических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

В.В. Пономарева, доктор юридических наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России);

Н.А. Рябинин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

А.Б. Судницын, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

С.А. Чумаров (Сибирский юридический институт МВД России);

О.А. Юсупова, кандидат педагогических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России).

Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXI международной научно-практической конференции (5–6 апреля 2018 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов ; СибЮИ МВД России. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – ISBN 978-5-7889-0245-6. – Ч. 1. – 248 с. – ISBN 978-5-7889-0247-0.

В сборник включены тезисы докладов, сообщений и выступлений участников XXI международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики», прошедшей на базе Сибирского юридического института МВД России 5–6 апреля 2018 г.

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-7889-0245-6

ISBN 978-5-7889-0247-0 (ч. 1)

Federal State Public Educational Institution of Higher Education
«Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

ACTUAL PROBLEMS OF FIGHTING CRIME: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

XXIth International Scientific-Practical Conference
(April 5–6, 2018)

Conference proceedings

Part 1

Editor-in-Chief Nikolay N. Tsukanov

KRASNOYARSK
SLI OF THE MIA OF RUSSIA
2018

ББК 67.4:67.411:67.73:67.52

Editor-in-Chief Nikolay N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia)

Editorial Board:

Oleg V. Yevtikhov, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Andrey V. Zhiltsov, Candidate of Law Sciences (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Aleksey G. Kalugin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Yuliya V. Leontyeva (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Sergey M. Malkov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Ye.B. Melnikov, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Vyacheslav V. Molokov, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Yevgeny V. Panov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Nikolay A. Ryabinin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

A.B. Sudnitsyn, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Sergey A. Chumarov (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Olga A. Yusupova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia).

Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice : proceedings of the XXIth International Scientific-Practical Conference (April 5–6, 2018) : in 2 parts / editor-in-chief Nikolay N. Tsukanov ; SLI of the MIA of Russia. – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2018. – ISBN 978-5-7889-0245-6. – P. 1. – 248 p. – ISBN 978-5-7889-0247-0.

The collection of proceedings includes abstracts of reports, speeches and presentations of the participants of the XXIth International Scientific-Practical Conference «Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice» held at Siberian Law Institute of the MIA of Russia on April 5–6, 2018.

Proceedings are published in authors' versions.

ISBN 978-5-7889-0245-6.

ISBN 978-5-7889-0247-0 (p. 1).

Содержание

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Мелихов М.Г.</i> Об основных направлениях сотрудничества государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере противодействия современным вызовам и угрозам.....	9
<i>Гармаев Ю.П.</i> Антикоррупционное просвещение в органах внутренних дел	16

Секция

ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

<i>Безруков А.В.</i> Конституционно-правовое поощрение в системе средств обеспечения правопорядка	20
<i>Овсянников П.Ю.</i> Государственное регулирование иммиграционных процессов: сравнительный анализ США И России	23
<i>Юрицин А.Е.</i> Совершенствование административной деятельности полиции по предупреждению и пресечению экстремизма в период подготовки и проведения массовых мероприятий.....	26
<i>Вершинин А.Н.</i> Ужесточение ответственности за пропаганду наркотических средств как одно из перспективных направлений совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере реализации антинаркотической политики	28
<i>Жильцов А.В.</i> О некоторых вопросах законодательного закрепления признаков объективной стороны состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.17 КоАП РФ.....	31
<i>Рыдченко К.Д.</i> Административная ответственность несовершеннолетних по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан (сравнительно-правовой анализ)	34
<i>Шишкин П.Е.</i> К вопросу об усилении внутриведомственного взаимодействия подразделений полиции территориальных органов МВД России при реализации мер побуждения лиц, совершивших административные правонарушения, к прохождению диагностики, лечения от наркомании, медицинской и (или) социальной реабилитации.....	37
<i>Астахов А.А.</i> К вопросу о понятии административного задержания.....	40
<i>Цуканов Н.Н.</i> Опьянение как административно-правовая категория: множественность способов констатации как следствие многообразия содержания	43
<i>Будникова А.Б.</i> К вопросу о содержании понятия «опьянение» применительно к статье 12.8 КОАП РФ	46
<i>Кохан Р.Ю.</i> Ретроспективный взгляд на формирование института медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения в Российской Федерации	48
<i>Иванов А.Ю.</i> Действия сотрудников ДПС ГИБДД МВД России при отказе водителя транспортного средства от медицинского освидетельствования (административно-правовой аспект)	52
<i>Кулицкая Л.И.</i> Административно-правовые средства противодействия преступности на рынке ритуальных услуг	55
<i>Бабин С.В.</i> Правоохранительная функция в парадигме преобразования системы МВД России на современном этапе	57
<i>Бучакова М.А., Дизер О.А.</i> Вопросы совершенствования правового регулирования в сфере противодействия бродяжничеству и попрошайничеству.....	60
<i>Бережкова В.И.</i> Информационное сопровождение органов внутренних дел как важный фактор в профилактике преступлений и правонарушений, формировании положительного имиджа полиции, повышении уровня правовой культуры населения.....	62
<i>Дудина Н.А.</i> К вопросу о коррупционных правонарушениях	64

<i>Невирко Д.Д.</i> К вопросу о необходимости дифференциации антикоррупционных мер в рамках процедур контроля над расходами лиц, занимающих государственные должности	67
<i>Кудашова И.В.</i> К вопросу о применении полицией отдельных мер административного принуждения в помещении для голосования	70
<i>Нозиров Н.А.</i> Организация взаимодействия следователя с органами дознания в контексте охраны прав и свобод человека и гражданина	73
<i>Рябинин Н.А.</i> Защита права от нарушений как субъективное право: особенности понимания	75
<i>Казанцева К.Ю.</i> Правопреемство при возмещении вреда, причиненного противоправным деянием	77
<i>Гаврилов Е.В.</i> К вопросу о способах заглаживания вреда деловой репутации юридического лица в уголовном процессе	80
<i>Ступина С.А.</i> Отдельные аспекты гражданско-правовой ответственности при возмещении вреда, причиненного в ходе контртеррористических операций	83

Секция

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

<i>Прокументов Л.М.</i> Уголовно-правовая политика и предупреждение преступности	86
<i>Шеслер А.В.</i> Учение Питирима Сорокина о преступлении	88
<i>Ткачев И.О.</i> Реформа системы мер уголовно-правового характера: критический взгляд	90
<i>Белецкий И.А.</i> Смешанная форма вины в преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности	93
<i>Беларева О.А.</i> К вопросу об установлении предварительного сговора на совершение преступления	95
<i>Сипягина М.Н.</i> Значение формы вины при повторности преступлений	98
<i>Каппасов Е.Т.</i> О целесообразности последних изменений института рецидива преступлений	101
<i>Трухин А.М.</i> Дифференциация наказания в пределах санкции	103
<i>Степашин В.М.</i> Параметры строгости уголовной репрессии	104
<i>Пермиловская Е.А.</i> К вопросу о дефиниции ограничения свободы как вида уголовного наказания	107
<i>Смирнов А.Н.</i> Замена не отбытой части наказания более мягким видом наказания: проблемы применения	109
<i>Михайлов А.Н.</i> К вопросу о понятии изменения обстановки и критериях утраты общественной опасности деянием и (или) лицом, его совершившим	112
<i>Курсаев А.В.</i> О криминализации деяний против трудовых прав граждан в Уголовном кодексе Швейцарии	116
<i>Винокуров В.Н.</i> К вопросу об источнике официального документа и квалификации по совокупности использования документа при хищении имущества	119
<i>Рогова Е.В.</i> Кража и находка в правоприменительной практике	121
<i>Мурин Д.А.</i> Общая характеристика признаков прикосновенности к преступлениям против собственности	124
<i>Бархатова Е.Н.</i> Об общественной опасности мошенничества в сфере высоких технологий	126
<i>Фисенко Д.Ю.</i> Отграничение хищения чужого имущества от присвоения найденного имущества	128
<i>Пальчик М.В.</i> Некоторые вопросы соотношения гражданского правонарушения и уголовно наказуемого деяния (на примере присвоения или растраты)	131
<i>Серета И.М., Серета А.Г.</i> Преднамеренное банкротство: сравнительный аспект	134

<i>Малолеткина Н.С.</i> Вопросы теории и практики преступлений экстремистской направленности	136
<i>Глухов Е.А.</i> Совершение экстремистских преступлений путем публичных выступлений и высказываний в сети Интернет	139
<i>Гордеев Р.Н.</i> К вопросу об уголовной ответственности секретоносителей при несанкционированном выезде за границу	142
<i>Астахова А.О.</i> Объект уклонения от административного надзора	144
<i>Крюкова О.Ю.</i> Некоторые вопросы определения специального субъекта в преступлениях, предусмотренных статьями 313 и частью 2 статьи 314 УК РФ	147
<i>Федорова Е.А.</i> Получение взятки: актуальные вопросы правоприменительной практики	149
<i>Кузнецова Н.В.</i> Особенности уголовно-правового противодействия контрабанде мигрантов в отдельных европейских государствах	151
<i>Лобанова Л.В.</i> Актуальные проблемы освобождения от уголовной ответственности за участие в незаконном обороте наркотических средств	154
<i>Назаров А.Д., Трофимик А.Г., Абдулкерим Фахил.</i> Уголовные дела о наркотиках и психотропных веществах в России и Ираке: лечение как альтернатива наказанию	157
<i>Витовская Е.С.</i> Нормы с «двойной превенцией» в системе предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов	159
<i>Борисова А.Ю.</i> Незаконный оборот наркотических средств: история уголовной ответственности и некоторые вопросы квалификации	162
<i>Быкова Е.Г., Яшков С.А.</i> К вопросу об ошибочной квалификации незаконной перевозки наркотических средств или психотропных веществ	165
<i>Радушкина Т.О.</i> К вопросу об ответственности за создание интернет-магазинов по продаже наркотических средств и психотропных веществ	167
<i>Шеслер В.А.</i> Разграничение преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков, и других преступлений и административных правонарушений	169
<i>Сурихин П.Л.</i> Судебное толкование признаков наркопреступлений и его значение в борьбе с наркопреступностью	171
<i>Токманцев Д.В.</i> К вопросу об обстоятельствах, исключающих добровольность сдачи наркотических средств	173
<i>Муксинова А.Ф.</i> Уголовное законодательство стран СНГ об ответственности за легализацию доходов, приобретенных в результате незаконного оборота наркотиков	175
<i>Калашников О.Д., Меркулов М.А.</i> Изучение особенностей личности несовершеннолетнего преступника как неотъемлемый элемент эффективного предупреждения преступности несовершеннолетних	178
<i>Писаревская Е.А.</i> Законодательная регламентация деятельности субъектов профилактики преступности несовершеннолетних: проблемы и перспективы	180
<i>Зиненко Ю.В.</i> Анализ преступлений в состоянии опьянения и судебно-медицинских экспертиз при преступлениях против жизни и здоровья граждан по материалам Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы г. Красноярск за 2015-2017 годы	183
<i>Кудрявцев А.В.</i> Актуальные проблемы совершенствования алгоритма противодействия осуществлению криминальной финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций	186
<i>Мальков С.М.</i> Понятие коррупционной преступности	189
<i>Берзинь О.А.</i> Основные закономерности преступной деятельности коррупционной направленности в сфере здравоохранения	192
<i>Мартыненко С.В.</i> Причины молодежного экстремизма в мировой сети Интернет и его профилактика	194
<i>Тепляшин И.В.</i> Правовые средства, обеспечивающие участие общественности в противодействии коррупции: институциональные аспекты	196

<i>Качурова Е.С.</i> Актуальные проблемы ресоциализации интерационно осужденных к лишению свободы.....	199
<i>Шерстяных А.С.</i> Статистические методы прогнозирования преступлений террористического характера и экстремистской направленности	201
<i>Комлев Ю.Ю.</i> Киберпреступность в High-Tech эпоху	203
<i>Минисламов М.Н.</i> Актуальные проблемы развития киберпреступности: прогнозы и реальность	206
<i>Павловская Н.В.</i> Состояние коррупционной преступности в сфере противодействия незаконной миграции	209
<i>Передерий В.А.</i> Некоторые особенности борьбы с преступностью среди мигрантов	211
<i>Жукова Ю.В.</i> К вопросу об обусловленной взаимосвязи преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию», с иными преступлениями: криминологический аспект преюдиции в уголовном праве	214
<i>Новохионов Д.В., Евстратова Ю.А.</i> К вопросу о предупреждении и профилактике нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности в подразделении (статья 335 УК РФ).....	217
<i>Тепляшин П.В.</i> Научные основы реализации зарубежного пенитенциарного опыта в уголовно-исполнительной политике России	220
<i>Урусов А.А.</i> Проблемы эффективности исполнения уголовного наказания в виде штрафа	223
<i>Рахматулин З.Р.</i> Принцип законности как основа формирования и реализации требований непенитенциарного режима уголовного наказания в виде ограничения свободы	225
<i>Кузьменкова С.В.</i> К вопросу о проведении воспитательной работы с осужденными к аресту	227
<i>Андреева Ю.В.</i> Принципы осуществления общественного контроля в местах принудительного содержания граждан	229
<i>Сперанская А.В.</i> Особенности жизненного пути осужденных, совершивших преступления против здоровья населения и общественной нравственности	232
<i>Галыгина И.П., Писаревская Е.А.</i> Реализация права несовершеннолетнего, осужденного к отбыванию наказания в виде лишения свободы, на частную жизнь как необходимый элемент его ресоциализации	235
<i>Онищенко И.С.</i> Подготовка к освобождению осужденных к лишению свободы женщин, имеющих малолетних детей.....	238
<i>Обернихина О.В.</i> К вопросу об эффективности контроля за условно осужденными	241
<i>Погорелов С.А.</i> Штрафбат – уголовное наказание или дисциплинарное взыскание (историко-правовой анализ)	243
<i>Беляева Л.И.</i> Проблемы уголовного права в освещении III Международного пенитенциарного форума	246

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Мелихов М.Г.,

кандидат юридических наук, доцент

Советник Секретариата Организации Договора
о коллективной безопасности (ОДКБ),
Заместитель Секретаря Координационного совета
руководителей компетентных органов
по противодействию незаконному обороту
наркотиков государств – членов ОДКБ

ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫМ ВЫЗОВАМ И УГРОЗАМ

Сотрудничество государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ, Организация) по противодействию современным вызовам и угрозам ведется в соответствии с Уставом ОДКБ. Государства – участники ОДКБ координируют и объединяют усилия в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами безопасности государств – членов Организации.

Осуществляется взаимодействие в сферах охраны государственных границ, информационной безопасности, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также от опасностей, возникающих при ведении или вследствие военных действий.

В 2016 году главы государств – членов ОДКБ утвердили новую Стратегию коллективной безопасности до 2025 года, в которой большое внимание уделено вопросам совершенствования работы по противодействию современным вызовам и угрозам.

Одной из основных угроз безопасности для всего мирового сообщества явля-

ется терроризм, который давно уже вышел за национальные рамки и приобрел международный характер.

В Организации особое внимание отводится вопросам противодействия терроризму и экстремизму, в первую очередь выработке эффективных практических мер в этом направлении.

Сформирована необходимая правовая основа для коллективных действий государств – членов ОДКБ по противодействию террористическим угрозам. Принятые и вступившие в силу в формате Организации международные договоры, решения Совета коллективной безопасности регламентируют порядок формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности, их техническое оснащение, а также подготовку кадров.

Одним из главных инструментов обеспечения безопасности государств – членов ОДКБ, в том числе и от террористической угрозы, является силовой потенциал Организации.

В результате реализации принятых соглашений и решений в состав Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ включены формирования сил специального назначения – это выделенные государствами подразделения специального назначения органов внутренних дел

(полиции), внутренних войск, органов безопасности и специальных служб. Основной задачей этих формирований является участие в мероприятиях по борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и боеприпасов, другими видами транснациональной организованной преступности.

Вопросы, связанные с решением контртеррористических задач, отрабатываются в ходе совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки. Они включаются в замыслы совместных тактических и тактико-специальных учений «Взаимодействие», «Кобальт», «Гром», «Нерушимое братство», «Рубеж».

Для координации совместных действий, обмена информацией в области противодействия экстремизму и терроризму на регулярной основе проводятся заседания Рабочей группы экспертов по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом при Комитете секретарей советов безопасности ОДКБ.

Вопросы противодействия международному терроризму и экстремизму рассмотрены главами государств в ходе сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ 14 октября 2016 года (г. Ереван). По итогам принят ряд документов, направленных на совершенствование системы противодействия международным террористическим организациям и их пособникам. Утверждены Положение о формировании единого списка организаций, признанных террористическими в формате ОДКБ, и комплекс мер правового, административного, внешнеполитического и практического характера, направленных на совершенствование координации усилий государств – членов Организации по противодействию международному терроризму и экстремизму. Благодаря этому созданы условия для более эффективного практического взаимодействия государств – членов ОДКБ в вопросах организации информационного обмена в отношении деятельности международных террористических организаций, противодействия им в информационном пространстве, а также проведения

совместных оперативно-профилактических мероприятий.

К числу острейших вызовов цивилизованному миру относится незаконное распространение наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Антинаркотическое направление в работе государств – членов ОДКБ сформировано достаточно давно, однако реальный прорыв в области практической борьбы с незаконным распространением наркотиков в рамках ОДКБ произошел в 2003 году, когда впервые в формате Организации была проведена комплексная оперативно-профилактическая операция под условным наименованием «Канал-2003», направленная на выявление и блокирование маршрутов нелегальной транспортировки наркотиков и прекурсоров по так называемому «Северному маршруту» (Афганистан – Центральная Азия – Россия – Европа) и в регионах, непосредственно примыкающих к Афганистану.

В 2005 году решением СКБ ОДКБ создан Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств – членов ОДКБ (далее – КСОПН), под эгидой которого в настоящее время проводится Региональная антинаркотическая операция постоянного действия «Канал».

В операции участвуют сотрудники органов наркоконтроля, внутренних дел (полиции), пограничной службы, таможни, государственной (национальной) безопасности и финансовых разведок государств – членов Организации.

Целью операции является выявление и блокирование маршрутов контрабанды наркотиков из Афганистана, перекрытие международных и межрегиональных каналов поставок синтетических наркотиков из стран Европы и Юго-Восточной Азии, кокаина из Латинской Америки, пресечение деятельности подпольных лабораторий, предупреждение утечки прекурсоров в нелегальный оборот, подрыв экономических основ наркобизнеса. С 2003 года по 2017 год включительно проведены 26 активных этапов операции.

Благодаря взаимодействию с Евразийской группой по противодействию ле-

гализации преступных доходов и финансированию терроризма удалось значительно повысить уровень взаимодействия правоохранительных органов и подразделений финансовых разведок, что положительно отразилось на результативности проводимых в рамках операции «Канал» мероприятий.

Слаженная работа органов правопорядка и финансового мониторинга Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана позволила пресечь три канала контрабанды наркотиков из Афганистана по «Северному маршруту», выявить ряд лидеров и активных участников наркосообществ, их иерархическую структуру и финансовые схемы.

В соответствии с положениями Антинаркотической стратегии государств – членов ОДКБ до 2020 года, утвержденной в 2014 году на сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ, принципиально важным направлением является организация скоординированной работы по снижению спроса на наркотики.

С 2013 года активно и на системном уровне действует Координационное совещание главных наркологов государств – членов Организации.

Во взаимодействии с Социально-правовым институтом экономической безопасности (г. Домодедово) постоянно проводятся международные научно-практические конференции по проблемам профилактики немедицинского потребления наркотиков в молодежной среде.

Важным направлением деятельности Организации является противодействие незаконной миграции граждан третьих стран.

Незаконной миграции на территорию и с территории государств – членов ОДКБ в большой степени способствует географическое положение региона, что делает его естественным перевалочным пунктом для мигрантов.

Для создания эффективной системы противодействия незаконной миграции Решением Совета коллективной безопасности ОДКБ от 6 октября 2007 года создан Координационный совет руководителей компетентных органов государств

членов ОДКБ по вопросам борьбы с незаконной миграцией (далее – КСБНМ).

В рамках КСБНМ регулярно проводятся мероприятия по целевому мониторингу миграционной ситуации в государствах – членах ОДКБ, результаты которых учитываются при оценке обстановки и тенденций ее развития в зоне ответственности Организации, в планировании совместных операций и профилактических мероприятий по противодействию незаконной миграции и торговле людьми под условным наименованием «Нелегал».

Отличительной особенностью операции «Нелегал» является ее комплексность, выражающаяся в скоординированном объединении усилий органов внутренних дел (полиции), миграционных, пограничных и специальных служб по контролю над соблюдением миграционного законодательства и выявлению совершаемых в этой сфере административных правонарушений и уголовных преступлений, разоблачению организаторов незаконной миграции и торговли людьми. К участию в операциях привлекаются и структуры финансового мониторинга. Комплексный подход, а также возросший уровень взаимодействия компетентных органов государств – членов ОДКБ позволили добиться существенных результатов в борьбе с незаконной миграцией.

При проведении операций «Нелегал» за период с 2008 года были выявлены более 1 миллиона нарушений миграционного законодательства, основная часть которых (около 85%) связаны с нарушением порядка въезда-выезда и пребывания иностранных граждан на территории государств – членов ОДКБ. Наложено административных штрафов на сумму более 76 миллионов долларов США. Возбуждены более 5 тысяч уголовных дел в отношении организаторов незаконной миграции и более 400 уголовных дел за торговлю людьми, а также около 100 тысяч уголовных дел по другим составам преступлений, выявленным в ходе операций. Задержаны более 1 600 лиц, находившихся в международном розыске. Только в рамках операции «Нелегал-2016» выявлены сомнительные финансовые операции на сумму около 1,5 миллиардов долларов США.

В 2017 году операция «Нелегал» проведена в два этапа, с 22 мая по 2 июня и с 25 сентября по 6 октября.

Исходя из масштабности и одновременно глубокой латентности преступлений, связанных с торговлей людьми, в рамках ОДКБ совместно с Бюро Международной организации по миграции в 2014 году и 2016 году проведены отдельные комплексы скоординированных оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций по противодействию деятельности организованных преступных сообществ в сфере торговли людьми. Усилиями компетентных органов государств – членов ОДКБ в ходе проведения данных мероприятий были выявлены свыше 600 каналов торговли людьми.

По результатам проведенных мероприятий органами внутренних дел государств – членов ОДКБ возбуждены свыше 3 тысяч уголовных дел непосредственно за торговлю людьми и использование рабского труда. Кроме того, в период проведения операции выявлены более 930 лиц, находившихся в международном розыске. Проведены 45 финансовых расследования в рамках приоритетного направления деятельности «Борьба с торговлей людьми».

Среди важнейших задач обеспечения коллективной безопасности стоит задача по формированию безопасного информационного пространства государств – членов ОДКБ.

Формирование системы информационной безопасности в интересах государств – членов Организации началось с 2006 года. За это время на уровне Совета коллективной безопасности ОДКБ приняты более десяти важных нормативных правовых актов, регламентирующих сотрудничество государств – членов Организации по формированию политической, правовой и организационной основ системы информационной безопасности; кадровое, научное и финансовое сопровождение; разработку мер по обеспечению информационной безопасности объектов, имеющих трансграничное значение; укрепление взаимодействия заинтересованных министерств и ведомств государств – членов ОДКБ по противодей-

ствию преступности в сфере информационных технологий.

В целях координации совместных действий при Комитете секретарей советов безопасности ОДКБ сформирована Рабочая группа по вопросам информационной политики и информационной безопасности, в состав которой включены представители национальных координирующих и уполномоченных органов в сфере обеспечения информационной безопасности.

На постоянной основе реализуются практические мероприятия по противодействию преступности в сфере информационных технологий в формате операции «ПРОКСИ» (от полного названия – противодействие криминалу в сфере информации). Основной целью операции является выявление и пресечение функционирования в национальных сегментах сети Интернет информационных ресурсов, содержание которых наносит или может нанести ущерб национальной и коллективной безопасности государств – членов Организации.

К участию в операции привлекаются специализированные подразделения органов безопасности, внутренних дел (полиции) и органов финансового мониторинга.

Всего в ходе операции «ПРОКСИ» с 2009 года выявлены более 96 тысяч информационных ресурсов, имеющих значение для оценки угроз коллективной безопасности. Деятельность более 48 тысяч из них приостановлена или заблокирована. Возбуждены более 21 тысячи уголовных дел.

По данным национальных органов безопасности, ежегодно фиксируются десятки миллионов атак на объекты критически важной инфраструктуры, включая военные, на сайты руководителей государств – членов ОДКБ, различных министерств и ведомств.

В целях борьбы с этими проявлениями в декабре 2014 года Советом коллективной безопасности ОДКБ было принято Решение о создании Консультационного координационного центра Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам реагирования на компьютерные инциденты (ККИ).

В настоящее время завершается актуализация перечня наиболее важных объектов национальной информационной инфраструктуры, обеспечение безопасности которых требует совместного мониторинга.

Налажен процесс обмена информацией о кибератаках.

Исходя из положений Декларации государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности, принятой на сессии СКБ ОДКБ в 2006 году, главы государств инициировали процесс формирования механизмов сотрудничества в сфере реагирования на чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера.

В 2007 году решением Совета коллективной безопасности ОДКБ создан Координационный совет по чрезвычайным ситуациям государств – членов ОДКБ (далее – КСЧС). В состав КСЧС вошли руководители уполномоченных органов государств – членов Организации в области предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

На Координационный совет возложено совершенствование механизмов коллективного реагирования на чрезвычайные ситуации.

Эта работа проводится в соответствии с Планом мероприятий по реализации основных направлений развития системы коллективного реагирования государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности на чрезвычайные ситуации, утвержденным решением Совета коллективной безопасности ОДКБ в 2014 году.

Реализуются мероприятия по созданию Гуманитарных центров в регионах коллективной безопасности, что позволит повысить оперативность реагирования на чрезвычайные ситуации, обеспечит поддержку поисково-спасательных операций и повышение квалификации персонала. В настоящее время завершается развертывание российско-армянского гуманитарного центра.

Сформировано единое информационно-программное пространство, которое обеспечивает регулярный обмен информацией об угрозе или возникновении

чрезвычайной ситуации. Данная система позволяет оперативно принимать соответствующие решения по совместному реагированию на чрезвычайные ситуации и осуществлять координацию действий государств – членов ОДКБ.

Систематически проводятся совместные учения спасательных подразделений государств – членов ОДКБ, в ходе которых отрабатываются вопросы взаимодействия при проведении совместных спасательных операций.

В частности, в октябре 2017 года на территории Республики Беларусь проведено совместное учение спасательных подразделений государств – членов ОДКБ по ликвидации последствий радиационных чрезвычайных ситуаций на атомной электростанции.

В октябре 2016 года в Ереване Советом коллективной безопасности ОДКБ принято решение о создании Центра кризисного реагирования ОДКБ, который своей информационно-аналитической и информационно-технологической составляющими призван дополнить функционирующую в рамках ОДКБ систему кризисного реагирования.

Одной из приоритетных тем внешнеполитической координации остается афганская проблематика. Работа на этом направлении организована в соответствии с принятым Советом коллективной безопасности 20 декабря 2011 года Планом мероприятий ОДКБ по противодействию вызовам и угрозам, исходящим с территории Афганистана. Анализ военно-политической обстановки в Исламской Республике Афганистан, выработка соответствующих инициатив по афганскому урегулированию осуществляется в рамках специально созданной Рабочей группы по Афганистану при Совете министров иностранных дел ОДКБ.

Реализация проектов в сфере противодействия современным вызовам и угрозам, а также в интересах объединения усилий ради поддержания стабильности и укрепления мира предполагает поступательное развитие сотрудничества с международными организациями. В результате проделанной работы Организация признана на международной арене пол-

ноправным участником важнейших процессов в сфере обеспечения безопасности.

Отношения с ООН базируются на полученном ОДКБ в 2004 году статусе наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН, Совместной декларации о сотрудничестве между Секретариатами ОДКБ и ООН, меморандумах о взаимодействии между ОДКБ и ООН в различных областях, в том числе в области миротворчества, противодействия вызовам и угрозам.

В дополнение к пакету документов о сотрудничестве между ОДКБ и ООН в сентябре 2016 года был подписан Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ и Исполнительным директором Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН.

В 2016 году на Специальной сессии Генеральной Ассамблее ООН по мировой проблеме наркотиков озвучено и распространено Заявление государств – членов ОДКБ по вопросам противодействия наркоугрозе. Заместитель Генерального секретаря ОДКБ выступил на заседании Комитета Совета безопасности ООН по «Талибану» и наркотикам с развернутой презентацией об опыте взаимодействия антинаркотических служб государств-членов ОДКБ в борьбе с трафиком наркотиков с территории Афганистана.

Успешно развивается сотрудничество ОДКБ с Региональным центром ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии, а также с Региональным Офисом для стран Кавказа и Центральной Азии Управления ООН по координации гуманитарных вопросов.

Важное значение придается взаимодействию с организациями, созданными на постсоветском пространстве.

Налажен обмен информацией с Антитеррористическим центром государств – участников СНГ (далее – АТЦ СНГ), Координационной службой Совета командующих пограничными войсками СНГ.

По инициативе Генерального секретаря ОДКБ в августе 2016 года состоялась встреча руководителей Секретариата ОДКБ, АТЦ СНГ и Регионального антитеррористического центра ШОС (далее – РАТС ШОС), в ходе которой были обсуждены актуальные проблемы ситуации на

постсоветском пространстве и достигнута договоренность о дальнейшей координации действий в сфере обеспечения безопасности.

Развивается сотрудничество с профильными структурами ОБСЕ.

В июне 2017 года проведена международная встреча по проблематике противодействия терроризму с участием АТЦ СНГ, РАТС ШОС, Секретариата ОДКБ, Исполнительного директората Контртеррористического Комитета Совета Безопасности ООН, Регионального Центра ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии, Департамента по борьбе с транснациональными угрозами Секретариата ОБСЕ и Центра по предотвращению конфликтов ОБСЕ.

Формирование системы коллективной безопасности невозможно без подготовки высококвалифицированных кадров. На этом направлении практические меры в формате ОДКБ реализуются в соответствии с Соглашением о подготовке кадров для правоохранных, противопожарных, аварийно-спасательных органов и специальных служб государств – членов ОДКБ.

При поддержке Правительства Российской Федерации на базе ведущих университетов страны организован ежегодный прием на обучение молодежи из числа выпускников школ, в том числе по специальности «Информационная безопасность».

Реализуется проект по повышению квалификации специалистов высшего звена из государств – членов ОДКБ по тематике «информационная безопасность» на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», организованное при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации. Ежегодно по соответствующим программам обучаются до 30 специалистов.

В образовательных учебных заведениях МВД Российской Федерации проходят подготовку около 400 граждан из государств – членов ОДКБ.

Профессиональная подготовка и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов государств – членов Организации осуществляется во Всероссийском институте повышения квалификации сотрудников (ВИПК) МВД России, в том числе по таким важным направлениям, как подготовка руководящего состава подразделений специального назначения Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ и подготовка сотрудников для участия в составе полицейских контингентов Миротворческих сил ОДКБ.

С 2006 года прошли обучение 960 сотрудников правоохранительных органов государств-членов Организации.

Существенную роль в системе подготовки высокопрофессиональных кадров для компетентных органов государств-членов Организации играет Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск), где по программам высшего образования в области контроля за оборотом наркотиков проходят обучение слушатели из Таджикистана, Кыргызстана и Казахстана.

Вышеизложенное наглядно иллюстрирует стремление государств – членов Организации к решению стоящих перед

ними проблем безопасности совместно и в комплексе.

В то же время тенденции развития международной обстановки, существенная трансформация ситуации в евроатлантическом и евразийском регионах, с учетом все возрастающих вызовов и угроз международной и региональной безопасности, требуют от ОДКБ оперативного и адекватного реагирования на них, значительного повышения уровня взаимодействия государств-членов ОДКБ по совершенствованию и развитию системы коллективной безопасности Организации.

В этих условиях, актуальным продолжает оставаться необходимость осуществления конкретных шагов по повышению консолидации ОДКБ, проведения согласованных действий по укреплению внешнеполитического, военного, военнотехнического и военно-экономического сотрудничества, противодействия вызовам и угрозам безопасности, связанным с международным терроризмом, производством и контрабандой наркотиков, незаконной миграцией, распространением оружия массового уничтожения и средств его доставки, а также обеспечения информационной безопасности.

Гармаев Ю.П.,

доктор юридических наук, профессор

Сибирский юридический институт МВД
России (г. Красноярск)

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Сфера деятельности органов внутренних дел является одной из наиболее коррупциогенных. Практически в любой развитой стране мы видим сходные показатели. Но российские реалии вызывают, что называется, особую тревогу. Согласно данным, приведенным первым заместителем Генерального прокурора России А.Э. Буксманом, в 2017 г. больше всего коррупционных преступлений в системе правоохранительных органов совершили сотрудники органов внутренних дел. За девять месяцев 2017 г. в правоохранительных органах выявлено порядка 1,3 тысяч коррупционеров и большинство из них (729¹, а по окончании года – 845) – это сотрудники ОВД. «Если общее число зарегистрированных коррупционных преступлений постепенно снижается, то количество таких деяний, совершенных сотрудниками правоохранительных органов, растет из года в год»². В литературе верно отмечается, что если выявленные в других государственных органах коррупционные проявления воспринимаются обществом относительно терпимо, то такие же проявления в органах внутренних дел получают широкий общественный резонанс. Зачастую со стороны населения делаются поспешные категоричные выводы, ставящие коррупционное клеймо чуть ли не на каждом сотруднике.³

Безусловно, проблеме противодействия коррупции в ОВД руководством министерства и региональных подразделений уделяется особое и приоритетное внимание. Так, приказом МВД РФ от 2 января 2013 г. № 1 утверждена Концепция обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации». В области профилактики правонарушений сотрудников, гражданских служащих и работников органов внутренних дел Концепцией предусмотрены, в том числе:

– выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений сотрудниками, гражданскими служащими и работниками органов внутренних дел;

– обобщение и распространение передового опыта работы по профилактике правонарушений сотрудников, гражданских служащих и работников органов внутренних дел (п. 17.4 «в» и «ж»)) и другие мероприятия, которые реально проводятся в подразделениях.

Вместе с тем в анализируемом направлении налицо больше перспектив, нежели крупных достижений. Впрочем, специалисты в соответствующей⁴ и иных областях⁵ говорят о системных проблемах по всей стране, во всех сферах деятельности. Предлагаемая позиция заключается в том, что в деятельности ОВД повышение эффективности профилактики коррупции должно реализовываться в значительной мере путем реализации средств антикоррупционного просвещения сотрудников.⁶ Попытку использования соответствующих мер предприняла группа ученых-криминалистов во взаимодействии с прокуратурой Забайкальского края и прокуратурой Республики Бурятия (РБ). В 2011-2013 гг. проводился специальный мониторинг (промежуточные результаты этого мониторинга, проведенного при содействии прокуратуры Забайкальского края, публиковались ранее⁷, здесь и далее мы приводим некоторые данные из этого совместного проекта, который продолжается и в настоящее время), результаты которого показали, что подавляющее большинство российских граждан, в том числе и сотрудников ОВД, не имеют четкого представления о том, что такое коррупционные правонарушения и как их отличать от правомерных деяний; что такое коррупционные преступления, каковы признаки

их совершения и, главное, как не допустить вовлечения себя в коррупционные отношения. Так, проведенные опросы и анкетирование показали, что свыше 75% респондентов (была разработана анкета, по которой всего были опрошены и проанкетированы 320 государственных служащих, служащих органов местного самоуправления Забайкальского края и Республики Бурятия. Среди них было 56 сотрудников ОВД: оперативные сотрудники, сотрудники ГИБДД и следователи. Указанная цифра – 75% – относится именно ним) в корне неверно оценивают юридические признаки уголовно наказуемых коррупционных деяний. Специальная анкета предлагала ответы на некоторые самые насущные вопросы разграничения преступных коррупционных посягательств и правомерного поведения. Результаты исследования позволили выявить, к примеру, целый ряд типичных заблуждений, которые очень дорого могут обойтись каждому. Так, большинство респондентов не знают о том, что взятка – это не только деньги, ценные бумаги, но и иное имущество либо незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (например, кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатных либо по заниженной стоимости туристических путевок, ремонт квартиры и т.п.)⁸.

Еще раз подчеркнем, что в числе опрошенных 320 респондентов 56 являлись сотрудниками ОВД, имели высшее (или неоконченное высшее) юридическое образование. Однако и они в рамках анкетирования допустили более половины неправильных ответов на вопросы, касающиеся заблуждений. Неправильно на них отвечают даже действующие следователи, если у них не было опыта расследования коррупционных преступлений. Получается, что государство объявило войну с коррупцией, но мало кто из граждан понимает условия и правила ведения этой войны, а потому ответ на вопрос: кто будет ее «жертвами», не вызывает сомнений: не только, а может и не столько «профессиональные» и наиболее опасные преступники – матерые мздо-

имцы и расхитители, а практически каждый может либо сознательно, либо невольно стать коррупционером.

Изложенное лишний раз указывает на то, что не только для широких слоев населения⁹, но и для сотрудников ОВД, просто необходимо периодическое антикоррупционное просвещение. Нужно постоянно проводить занятия по вопросам, связанным с противодействием, прежде всего предупреждением, коррупционным преступлениям. И такие занятия, как известно, проводятся достаточно активно. Так, А. Фролов обобщает опыт организации и проведения в ОВД лекций, совещаний-семинаров, занятий в рамках служебной подготовки по вопросам противодействия коррупции, соблюдения запретов, ограничений, требований к служебному поведению. Автор предлагает акцентировать внимание на следующих вопросах:

- разъяснение норм уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за совершение коррупционных правонарушений, в том числе преступлений;

- комментирование законов, подзаконных нормативных актов, ведомственных приказов и инструкций, направленных на противодействие взяточничеству;

- разъяснение методики заполнения, проверки достоверности и полноты сведений о доходах и расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;

- доведение до сведения личного состава фактов коррупционных преступлений, совершенных конкретными сотрудниками, ознакомление с материалами служебных проверок, уголовных дел, приговорами;

- изучение опыта зарубежных стран по борьбе с коррупцией в полиции и полиции с коррупцией.

Одновременно автор верно указывает на необходимость развития культуры поведения сотрудников, направленного на строгое соблюдение норм профессиональной этики в служебных взаимоотношениях и при общении с гражданами.¹⁰

Не отрицая эффективность данного подхода к проведению занятий, который можно назвать традиционным, для обсу-

ждения предлагаются несколько иные подходы к методологии и методике подготовки дидактических материалов и проведения занятий. Их основа – ситуационный и практико-ориентированный подходы. В силу ограниченности объема доклада, ограничимся лишь краткими тезисами.

В рамках антикоррупционного просвещения в ОВД необходимо исходить, прежде всего, из типичных криминально-коррупционных ситуаций и типичных коррупционных рисков, среди которых следует выделять, в частности, типичные ситуации:

- в которых возникает соблазн принять «подношение»;

- провокации со стороны гражданина, представителя организации (оставление предмета, сумки, предложение дать взятку, перечисление денег на счет в банке по «привязанному» к нему номеру телефона без согласия владельца) и затем – заявление, сообщение на сайт и т.п.;

- возникновения необходимости помочь друзьям, родственникам, иным близким людям с использованием должностных полномочий;

- недонесения об обращении в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений (нарушение ст. 9 ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и многие другие.

Именно в контексте этих типичных криминально-коррупционных ситуаций, коррупционных рисков, раскрывая их, необходимо применять практико-ориентированные подходы, такие как: разъяснение на примере конкретного приговора и иного реального документа; рекомендации «от типичного заблуждения»; максимально близкая к обучаемым аналогия типичного поведения осужденного сотрудника ОВД и т.п. То есть именно в контексте этих подходов следует демонстрировать, разъяснять:

- отдельные нормы антикоррупционного, в том числе и прежде всего уголовного, законодательства (например, ст. 290-291.2 УК РФ и др.);

- типичные заблуждения относительно разграничения преступных коррупционных посягательств и правомерного поведения;

- за какого рода типичные коррупционные деяния (способы), в каких типичных криминальных ситуациях привлекаются к юридической ответственности сотрудники ОВД;

- яркие примеры из судебной практики по делам соответствующей категории (желательно региональные) с указанием на избранные судом строгие меры наказания;

- как не допустить вовлечение себя в коррупционные отношения в типичных, хорошо знакомых слушателям ситуациях и многое другое.

В частности, в обязательном порядке следует информировать сотрудников ОВД о том, что вокруг них часто разворачивают преступную деятельность различные «мнимые посредники», которые берут взятки «под них» и без их участия, фактически торгуя их полномочиями. Заметим, что реализация названных ситуационного и практико-ориентированных подходов предполагает комплексное, междисциплинарное содержание занятий и дидактических материалов к ним, включающих знания и навыки из оперативно-розыскной деятельности, уголовного права, криминалистики, криминологии (опыт проведения подобных занятий показывает именно такую иерархию (последовательность) степени значимости отраслей знаний для восприятия сотрудниками ОВД).

Как уже отмечалось выше, в регионах Восточной Сибири прокуратурой Забайкальского края и прокуратурой РБ, а в последнее время во взаимодействии со Следственным управлением СК РФ по РБ, реализовали все перечисленные подходы. В рамках проекта, поддержанного российскими грантами (в частности, гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (2018-2019 гг., НШ-4484.2018.6), за 13 лет проведены сотни соответствующих обучающих семинаров в органах внутренних дел, а также в иных государственных органах, учреждениях, органах местного самоуправления и других организациях. Тематика занятий определяется как «Предупреждение коррупции в сфере ... (в зависимости от

категории обучаемых) и защита от незаконного обвинения в коррупционном преступлении». В частности, были подготовлены и широко внедрены специальные электронные и бумажные памятки, а также электронные базы данных.¹¹ Органы прокуратуры и Следственного комитета России содействовали организации этих занятий, представляли информационные ресурсы, их представители зачастую участвовали в проведении мероприятий.

На учебно-методическом уровне формирование и активное внедрение кратких, доступных в процессе изучения рекомендаций, причем преимущественно в интерактивной, мультимедийной («стационарной» плюс мобильной) форме, с междисциплинарным содержанием, может и должно стать приоритетным направлением развития прикладных разработок всех наук антикриминального цикла.¹² И применение ситуационного, практико-ориентированных подходов на основе дидактических материалов антикоррупционного содержания способно существенным образом повысить эффективность антикоррупционного просвещения в ОВД.

Обращаемся с предложением о сотрудничестве ко всем присутствующим коллегам – сотрудникам ОВД. Коллектив научной школы в рамках работы по названному гранту Президента РФ готов оказать помощь по организации и проведению соответствующих занятий в подразделениях ОВД и главное – поделиться методологией, методикой и опытом с теми сотрудниками, кто будет проводить подобные в дальнейшем.

¹ По данным СК РФ, по результатам 2017 г. этот показатель достиг значения 845. СКР возбудил за 7 лет 150 тысяч уголовных дел о коррупции. URL: https://kompromat1.org/articles/77632-skr_vozbudil_za_7 лет_150_tysjach_ugolovnyh_del_o_korrupsii. Загл. с экрана (дата обращения: 04.03.2018).

² Генпрокуратура назвала самое коррупционное подразделение силовиков. URL: <https://ria.ru/incidents/20171215/1511017410.html>. Загл. с экрана (дата обращения: 04.03.2018).

³ Фролов А. А. Профилактика взяточничества и недопущения сотрудниками ОВД коррупционного поведения. URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/102/prevention-of-vzyatochnichestvo-and-preventing-police-corruption-behavior>. Загл. с экрана (дата обращения: 04.03.2018).

⁴ Савенков А.Н., Савенкова Л.В. Состояние и проблемы формирования антикоррупционной правовой культуры в Российской Федерации // Проблемы формирования правосознания и правовой культуры современного российского общества : материалы Всероссийской научно-практ. конф. / под ред. С. И. Герасимова: РПА Минюста России. М. 2012. С. 47-61.

⁵ Чумаков А.В., Соловьева Л.Н. Воспитание гражданственности как неотъемлемая часть образовательной деятельности // Высшее образование в России. 2015. № 2. С. 111-116.

⁶ См.: подпункт 2 пункта 14, подпункт 1 пункта 15 Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом РФ 4 мая 2011 г.

⁷ См.: Фалилеев В.А. Правовое просвещение как средство предупреждения коррупции в регионе // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 10. С. 3-5.

⁸ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24, п. 9.

⁹ Попова Е.И. Подходы к организации занятий по предупреждению коррупции // Диалектика противодействия коррупции : материалы VI Всероссийской научно-практ. конф. с международным участием. Казань: «Познание», 2016. С. 135-137.

¹⁰ Фролов А.А. Указ. соч.

¹¹ Подр.: Сайт Международной ассоциации содействия правосудию (МАСП). URL: <http://www.iauaj.net/node/1559>. Там же для свободного скачивания размещена одна из электронных памяток по предупреждению коррупции и защите от незаконного обвинения в коррупционном преступлении.

¹² Подр. см.: Garmaev Yu.P. Multimedia Interindustrial crime prevention instruments: development and introduction prospects // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 71-80.

Секция ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Безруков А.В.,

доктор юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ПОощРЕНИЕ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВООРЯДКА

Юридические средства обеспечения правопорядка весьма разнообразны и исходят из классического представления об алгоритме действия права, который был введен в правовую доктрину под названием «механизм правового регулирования» С.С. Алексеевым, определившим его как взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное воздействие на общественные отношения.¹

Исходные ценностные установки и разрабатываемая в конституционной доктрине конструкция конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка² влекут необходимость определения наиболее эффективных конституционно-правовых средств (инструментов) обеспечения правопорядка, среди которых особое значение имеют меры стимулирующего, превентивного и принудительного характера.

Такие конституционно-правовые средства реализуют уполномоченные субъекты обеспечения правопорядка, которые в тех или иных случаях вынуждены применять как меры правового стимулирования (поощрение, убеждение, льготы, преференции) к участникам правоотношений, ориентирующие их на правомерное поведение, так и меры конституционно-правового принуждения в целях поддержания и укрепления правопорядка.

В первом случае работает превентивная, профилактическая составляющая системы обеспечения правопорядка, которая стимулирует и ориентирует субъектов на социально полезное и правомерное поведение, способствуя процессу формирования и укрепления правопорядка. Во втором случае происходит принуждение (понуждение) субъектов правоотношений вести себя должным образом, оказание им организационно-управленческой помощи в целях обеспечения (восстановления) правопорядка.

Наряду с конституционно-правовым принуждением не менее распространенным способом правового воздействия, который влияет на формирование и поощрений, и рекомендаций, и дозволений, и запретов, является правовое убеждение. Правовое убеждение рассматривается и как форма правового стимулирования, и как правовое средство.³ Безусловно, оно формирует уважение к праву, влечет его признание и восприятие.⁴ Однако метод убеждения в минимальной мере регламентирован правовыми нормами, в большей мере он сопряжен с мероприятиями и средствами организационно-правового характера (правовое воспитание, правовое обучение, пропаганда и пр.). Метод же поощрения предельно регламентирован нормами права и осуществляется посредством реализации различных правовых средств.

С учетом изложенного и того обстоятельства, что главной целью правового регулирования является установление и укрепление правопорядка, наибольший интерес и действенный эффект представляет правовое стимулирование в виде поощрения.

Проблематике правового стимулирования (поощрения) посвящены множество исследований как в теории государства и права⁵, так и в отраслевых юридических науках⁶. Создание механизма стимулирования правомерного поведения средствами, исключающими принуждение, расширяет возможности добросовестного исполнения правовых норм. Право признает человека высшей ценностью и ориентирует его на правомерное поведение, правовую активность, чему способствует правовое стимулирование.⁷ Действительно, правовое поощрение наряду с государственно-правовым принуждением является необходимым и действенным средством для эффективного функционирования правовой системы и обеспечения конституционного правопорядка в целом.

Поощрение позитивно воздействует на правосознание индивида, влечет заинтересованность в получении определенных благ, стимулирует позитивными средствами к воздержанию от противоправного поведения.⁸ Следовательно, институт правового поощрения предназначен сформировать позитивные правовые побуждения, направленные на обеспечение правомерного поведения и поддержание конституционного правопорядка.

С учетом того, что правовое поощрение и правовое стимулирование зачастую отождествляют, подчеркнем необходимость четкого их разграничения. Более фундаментальной категорией выступают правовые стимулы, включающие различные субъективные права, поощрение, убеждение, льготы, которые системно формируют мотивацию к правомерному поведению.⁹ Правовой стимул представляет собой правовое побуждение к законопослушному поведению, создаваемое для удовлетворения собственных интересов субъекта режима благоприятствования, основанное на свободе выбора, вза-

имной выгоде общества и личности, позитивно-созидательных началах.¹⁰

Правовой стимул есть установленный законодательством институт, способствующий возрастанию мотивации к правомерному поведению, его назначение — выработать мотивацию у субъектов общественных отношений вести себя правомерно. Однако и правовые ограничения (принуждения, запреты, ответственность) побуждают человека воздерживаться от совершения правонарушений.¹¹ Следовательно, рассмотрение стимулов в связке с ограничениями как сдерживанием противоправного поведения, способствует полноценному их уяснению.¹² Причем парное рассмотрение принуждения с поощрением встречается в отраслевых правовых работах.¹³

Определить правовое поощрение можно как форму правового стимулирования и меру юридического одобрения добровольно заслуженного поведения, в результате чего субъект вознаграждается, для него наступают благоприятные последствия. Разнообразные меры поощрения — важнейшие рычаги государственно-го контроля, достигающие цели права¹⁴.

Если говорить о конституционно-правовом поощрении как разновидности правового поощрения, то в последнее время такая разновидность правового поощрения приобретает достаточные основания, появляются отдельные исследования, раскрывающие те или иные меры конституционно-правового поощрения.¹⁵

Вместе с тем в юридической науке конституционно-правовое поощрение и его меры изучены недостаточно. В основном правовые исследования либо концентрируются на теоретических аспектах поощрения, либо проводятся в сфере регулирования административного, налогового, уголовного и других отраслей права, о чем упоминалось.

В системе мер конституционно-правового поощрения следует выделить:

— награждение государственной наградой (высшие звания — Героя Российской Федерации и Героя Труда Российской Федерации, ордена и медали Российской Федерации, почетные звания

Российской Федерации, знаки отличия Российской Федерации);

– получение государственной премии, что влечет необходимость осознания получателем значимость не только материального, но и доверительного стимулирования органов государства его достижений с перспективой на их дальнейшее развитие и укрепление¹⁶;

– предоставление Президентом РФ гражданства за особые заслуги перед Российской Федерацией, что предполагает не только правомерное, но и социально полезное поведение гражданина для российского государства;

– осуществление помилования Президентом РФ, что предполагает осознание своей вины помилованным и оценку благоприятного для него властного акта (взвешивания), тем самым ориентирующего его на соответствующее правомерное и социально значимое последующее поведение.

Представленный перечень вряд ли является исчерпывающим, но даже и в предложенном виде он показывает, как становится заметна роль мер конституционно-правового поощрения в качестве эффективного инструмента поддержания и обеспечения конституционного правопорядка.

В качестве поощряемых могут выступать не только физические лица, но и органы государственной власти, и публично-территориальные образования, например, субъекты Российской Федерации, достигшие наилучших результатов по социально-экономическому развитию территорий, которым представляются межбюджетные трансферты в целях стимулирования темпов их социально-экономического развития.¹⁷

В правовых исследованиях выявляются отличия конституционно-правового поощрения от смежных отраслевых поощрений. Так, например, в административном праве такие отличия выделяются по правовой основе, целям, определенности субъектного состава поощряемых и их статуса (общий или специальный), устойчивости связи государства с награждаемым, по официальному доведению информации о поощрении до неограниченного круга лиц.¹⁸

Таким образом, важнейшим средством стимулирования к правомерному поведению и поддержанию правопорядка являются меры конституционно-правового поощрения, которые ориентируют субъектов общественных отношений на должное соблюдение правовых норм, поддержание, восстановление и укрепление правопорядка.

¹ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966; Алексеев С.С. Механизм правового регулирования // Право: азбука – теория – философия. М., 1999.

² Безруков А.В. Конституционно-правовой механизм обеспечения правопорядка органами публичной власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2017; Безруков А.В. Конструкция конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка в России // Российское право: образование, наука, практика. 2017. № 1 (97). С. 55-64.

³ См., напр.: Аскерова Л.А. Правовые убеждения: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012; Косых А.А. Убеждение в праве: теория, практика, техника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 13-15.

⁴ Корнев В.Н. Правопонимание и правовое государство // Государство и право. 2016. № 6. С. 9-10.

⁵ Напр.: Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978; Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект) : дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 1995; Гущина Н.А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование : дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2004; Дуэль В.М. Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Мирошник С.В. Правовые стимулы в российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1997; Налбандян А.С. Применение поощрительных норм российского права. Проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1994.

⁶ Напр.: Винокуров В.А. Конституционно-правовые основы регулирования наград в Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011; Голик Ю.В. Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание перспективы) : дис. ... докт. юрид. наук. М., 1994; Трофимов Е.В. Наградное дело в Российской Федерации: административно-правовое исследование : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013; Пономарев А.В. Правовые стимулы в налоговом праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; Лайченкова Н.Н. Стимулы в налоговом праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.

⁷ Гущина Н.А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование : дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2004. С. 7-8.

⁸ Гущина Н.А. Указ. соч. С. 17-19.

⁹ Большинство исследователей сходятся именно в таком их соотношении. См., напр.: Мирошник С.В. Указ. соч. С. 4-5; Провалинский Д.И. Правовое поощрение как форма проявления правовых стимулов // Современное право. 2015. № 9. С. 17-19.

¹⁰ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект) : дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 15-16; Малько А.В. Льготы и поощрения как важнейшие правовые средства регионального законодательства // Правоведение. 1999. № 1. С. 238.

¹¹ Мирошник С.В. Указ. соч. С. 4-5.

¹² Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект); Ныров В.В. Поощрение и наказание как парные категории : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.

¹³ Напр.: Смоляков А.И. Административно-правовое принуждение и поощрение в системе

государственно-правовых методов обеспечения безопасности дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2014.

¹⁴ Малько А.В. Поощрение как правовое средство // Правоведение. 1996. № 3. С. 28-29; Гущина Н.А. Указ. соч. С. 40-41.

¹⁵ Винокуров В.А. Указ. соч.

¹⁶ О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации : Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (в ред. от 20.06.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2017).

¹⁷ О поощрении субъектов Российской Федерации, достигших наилучших результатов по социально-экономическому развитию территорий : постановление Правительства РФ от 23.12.2015 № 1408 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2017).

¹⁸ Осинцев Д.В. Методы административно-правового воздействия : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 27-28.

Овсянников П.Ю.,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИММИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ США И РОССИИ

На протяжении многих лет вопросы государственного регулирования иммиграции населения занимают важное место в государственной политике многих государств. США уже на ранних этапах своей государственности стали одним из крупнейших центров притяжения мировых иммиграционных потоков. Россия с такой проблемой столкнулась примерно двадцать пять лет назад.

Не вызывает сомнений тот факт, что для обеих стран как регулирование легальной иммиграции, так и противодействие ее нелегальным формам являются актуальными направлениями в государственной политике. Однако по своей природе иммиграция в России и США разная, что и обуславливает различное построение системы органов государственной власти, регулирующих процессы в рассматриваемой сфере.

В США началом правового регулирования иммиграционных процессов с передачей данных функций государственному органу исполнительной власти является закон США от 21 марта 1819 г. «О регулировании пассажирских перевозок кораблями и судами».¹ По официальным статистическим данным, в США государственный учет иммигрантов начался с 1820 г.²

В 1864 г. в Нью-Йорке был образован Отдел по иммиграционным вопросам, наделенный функцией по ведению иммиграционных учетов, которая в 1867 г. была передана в ведение Бюро статистики в структуре Министерства финансов.

В дальнейшем в структуре Министерства финансов было создано Управление по вопросам иммиграции во главе с суперинтендантом (управляющим). Полномочия данного органа заключались в осу-

ществлении надзора за работой пунктов иммиграционного контроля, проведении медицинского освидетельствования иммигрантов, а также осуществлении выдворения «нежелательных» иностранцев (закон США от 3 марта 1891 г. «Об иммиграции»).

С 1 июля 1895 г. управление было преобразовано в Бюро по вопросам иммиграции, а управляющий стал именоваться Генеральным комиссаром. В 1903 г. бюро было передано в ведение Министерства торговли и труда и стало его структурным подразделением (закон США от 3 марта 1903 г. «Об иммиграции»), а в 1906 г. – переименовано в Бюро иммиграции и натурализации. В 1907 г. должностные лица бюро наделяются полномочиями по принятию решения о допуске в страну иностранцев (закон США от 20 февраля 1907 г. «Об иммиграции»).

В 1913 г. Бюро иммиграции и натурализации вошло в состав вновь образованного Министерства труда и разделено на два самостоятельных органа: Бюро иммиграции и Бюро натурализации.

В 1924 г. в структуре Бюро иммиграции была создана Служба пограничного патрулирования, осуществляющая охрану государственной границы с целью пересечения контрабанды и нелегальной иммиграции. В 1925 г. функции службы распространились на побережье США.

В 1933 г. Бюро иммиграции и Бюро натурализации были ликвидированы, а их функции переданы новому органу исполнительной власти – Службе иммиграции и натурализации – вместе с региональными представительствами, расположенными на территории США, и международными – в таких странах, как Мексика, Австрия, Великобритания, Германия, Греция, Италия, Индия, Китай, Таиланд, Россия и др. В ходе реформирования произошло значительное сокращение численности сотрудников путем ужесточения квалификационных требований к последним.

В 1940 г. Служба иммиграции и натурализации была передана в ведение Министерства юстиции и наделена новыми функциями: регистрация и дактилоскопирование иностранцев; организация и управление лагерями для интернированных; охрана государственной грани-

цы; управление программой для сельскохозяйственных рабочих.

В начале 2000-х гг. произошли существенные изменения в системе государственных органов, наделенных полномочиями в области реализации иммиграционной политики. Поводом послужили террористические акты, произошедшие в США 11 сентября 2001 г. На первый план вышли вопросы государственной безопасности и иммиграции, которые были неотделимы друг от друга и требовали разрешения в кратчайшие сроки. Власти были вынуждены пересмотреть цели и функции государственных органов, в компетенцию которых входили вопросы обеспечения безопасности, охраны государственных границ, разведки и внешней политики.

В соответствии с Законом США от 25 ноября 2002 г. «О внутренней безопасности» образовано Министерство внутренней безопасности, объединившее 22 федеральных агентства, существовавших в качестве самостоятельных структур или входивших в состав других органов исполнительной власти. Одной из основных функций министерства является регулирование иммиграционных процессов, в ходе чего происходит взаимодействие с рядом других федеральных ведомств. Фактически данный орган исполнительной власти стал осуществлять деятельность с 1 марта 2003 г.

С целью осуществления функций по контролю над иммиграционными процессами в Министерстве внутренней безопасности образовано Управление пограничной и транспортной безопасности, обеспечивавшее охрану государственной границы и целостность транспортной системы. В его ведение переданы Служба иммиграции и натурализации, ранее входившая в состав Министерства юстиции, Администрация транспортной безопасности Министерства транспорта, Таможенная служба, входившая в Министерство финансов.

Бюро гражданства и иммиграции 1 сентября 2003 г. переименовано в Службу гражданства и иммиграции.

В результате в структуре Министерства внутренней безопасности стали

функционировать 3 самостоятельных государственных органа исполнительной власти, наделенных полномочиями в сфере регулирования иммиграционных процессов: Управление таможенной и пограничной службы, Служба гражданства и иммиграции, Управление иммиграционного и таможенного контроля.

В Российской Федерации функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере миграции возложены на Главное управление по вопросам миграции МВД России. Данное подразделение образовано в соответствии с Указом Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции». До 2004 г. указанные функции выполняла паспортно-визовая служба МВД России, а с 2004 по 2016 гг. — Федеральная миграционная служба. Вместе с тем на протяжении нескольких лет функции данного органа исполнительной власти оставались неизменными, менялись правовой статус, структура и наименование. Особое внимание стоит обратить на изменения, произошедшие в миграционном законодательстве Российской Федерации в 2010 г., которые носят либеральный характер.

Граждане Российской Федерации получили право привлекать к трудовой деятельности по найму на основании трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) для личных, домашних и иных подобных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, законно находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан, прибывших в порядке, не требующем получения визы, при наличии у каждого такого иностранного гражданина патента.

Необходимо отметить, что наличие у иностранного гражданина патента и квитанции об уплате налога подтверждают право гражданина осуществлять трудовую деятельность у работодателя — физического лица и законное нахождение иностранного гражданина на территории Российской Федерации.

Существенным нововведением стало появление в российском миграционном законодательстве понятия «высококвалифицированный специалист», которым признается иностранный гражданин, имеющий опыт работы, навыки или достижения в конкретной области деятельности, если условия привлечения его к трудовой деятельности в Российской Федерации предполагают получение им заработной платы (вознаграждения) в размере двух и более миллионов рублей за период, не превышающий одного года.

В США первое упоминание на законодательном уровне о высококвалифицированных специалистах как о категории приоритетных иммигрантов относится к середине XX в. — с принятием закона «Об иммиграции и гражданстве» в 1952 года.

В Российской Федерации постепенно предпринимались меры по ограничению избыточного притока низкоквалифицированной рабочей силы, обеспечению его соответствия потребностям существующего рынка труда. Об этом свидетельствуют система квотирования, введение патентов, привлечение высококвалифицированных специалистов, установление преференциального режима осуществления трудовой деятельности для отдельных категорий граждан из стран, с которыми заключены соответствующие соглашения.

Неоднократно поднимался вопрос о проведении иммиграционной амнистии. В большинстве случаев она касается граждан стран СНГ, которые въехали на территорию Российской Федерации в порядке, не требующем получения визы. Такие иностранцы, как правило, не покидают территорию Российской Федерации по истечении срока временного пребывания и продолжают незаконную трудовую деятельность на территории страны.

Может быть, федеральным органам власти стоит задуматься об иммиграционной амнистии как способе легализации находящихся в стране нелегальных иммигрантов, когда их количество физически не дает возможности аппарату государственного принуждения выслать их за пределы страны. И если у России не имеется собственного опыта в регулировании

миграции, то США более чем за сто лет выработали все известные на сегодня формы и способы такого регулирования. В США впервые появились законы, регулирующие иммиграцию, разработаны такие институты иммиграционного права, как квотирование, визовый режим, выдворение и иммиграционная амнистия.

¹ Hutchinson E.P. Legislative history of American Immigration policy, 1798-1965. Philadelphia, 1981. P. 21.

² U.S. Department of Homeland Security, Yearbook of Immigration Statistics, 2003. Washington: U.S. Government Printing Office, 2004. P. 11.

Юрицин А.Е.,

кандидат юридических наук, доцент

Омская академия МВД России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В современной России граждане все активнее принимают участие в различных массовых общественно-политических, спортивных, культурных, религиозных и других мероприятиях. Проведение массовых мероприятий зачастую сопровождается попытками деструктивных сил destabilизировать общественно-политическую обстановку, в том числе посредством экстремистской деятельности, которая не только нарушает права и свободы человека и гражданина¹, но и является одним из основных источников угроз государственной и общественной безопасности.

По данным МВД России, количество зарегистрированных преступлений экстремистского характера с 2003 г. по 2013 г. возросло в 4,4 раза (с 157 до 696).² В 2014 г. выявлены 1024 преступления экстремистской направленности (на 14% превышает показатель 2013 г.), выявлены 345 противоправных фактов, к уголовной ответственности привлечены 258 человек, к административной – 401.³ В 2015 г. были зарегистрированы 1329, а в 2016 г. – 1450 преступлений экстремистской направленности (рост на 9,1% по сравнению с 2015 г.).⁴

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁵ определил новую обязанность полиции, которая выражается в предупреждении, выявлении и пресечении экстремистской деятельности

общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан. Согласно ч. 1 ст. 12 указанного закона на полицию возлагаются обязанности:

1) принимать в соответствии с федеральным законом меры, направленные на предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан (п. 16);

2) участвовать в мероприятиях по противодействию терроризму и в обеспечении правового режима контртеррористической операции, а также в обеспечении защиты потенциальных объектов террористических посягательств и мест массового пребывания граждан, в проведении экспертной оценки состояния антитеррористической защищенности и безопасности объектов» (п. 17).

Анализ обязанностей полиции в рассматриваемой сфере общественных отношений позволяет заключить, что значительные ее ресурсы задействуются для обеспечения безопасности крупных региональных, всероссийских и международных общественно-политических и спортивных мероприятий.⁶

На основании ст. 15 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» за осуществление экстремистской деятельности граждане Россий-

ской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке.

Противодействие экстремизму во время проведения массовых мероприятий сотрудниками различных служб и подразделений полиции осуществляется по следующим основным направлениям:

1) принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;

2) выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

В рамках реализации полномочий по противодействию экстремизму при проведении массовых мероприятий органы внутренних дел (полиция) решают следующие задачи:

1) обеспечение успешного проведения массового мероприятия;

2) обеспечение личной безопасности граждан;

3) предупреждение и пресечение преступлений, нарушений общественного порядка и безопасности;

4) оказание помощи и содействия соответствующим должностным лицам и организаторам в пределах, установленных законом, в обеспечении строгого соблюдения участниками и зрителями установленных правил поведения;

5) оказание содействия другим государственным органам в обеспечении мер общественной безопасности;

6) обеспечение охраны общественного порядка на территории, где мероприятия непосредственно не проводятся.⁷

Несмотря на принимаемый правоохранительными органами комплекс мер по противодействию правонарушениям экстремистской направленности, полностью преодолеть негативные тенденции их роста не удастся. По мнению Н.В. Пролетенковой, одним из негативных факторов, который этому способствует, явля-

ется «хроническая разобщенность усилий подразделений полиции даже в рамках одного и того же органа внутренних дел, а тем более в различных субъектах Российской Федерации, различных аппаратах следствия, слабая взаимосвязь с действиями иных субъектов антиэкстремистской деятельности»⁸. Кроме того, руководители региональных органов внутренних дел зачастую не в полной мере уделяют внимание профилактике правонарушений экстремистской направленности.

Существует проблема уточнения компетенции сотрудников полиции, выполняющих обязанности по противодействию экстремизму в рамках реализации функций по охране правопорядка. К данным категориям должностных лиц следует отнести, прежде всего, участковых уполномоченных полиции и сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних. В настоящее время отсутствуют четкие алгоритмы их действий по противодействию правонарушениям экстремистской направленности во время проведения массовых мероприятий на обслуживаемой территории. С учетом знания населения, специфики обслуживаемой территории и находящихся на ней объектов потенциал выявления правонарушений указанной категории со стороны указанных подразделений используется не в полной мере.

С целью совершенствования административной деятельности полиции по предупреждению и пресечению экстремизма в период подготовки и проведения массовых мероприятий необходимо:

1) осуществлять дальнейшую оптимизацию межведомственного взаимодействия (Министерство юстиции Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации) с целью координации совместных действий, направленных на предупреждение и борьбу с правонарушениями экстремистской направленности;

2) в структурных подразделениях полиции (прежде всего патрульно-постовой службы, по делам несовершеннолетних, участковых уполномоченных) в рамках служебной подготовки обеспечить систе-

матическое изучение нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы противодействия экстремизму;

3) осуществлять сбор и систематизацию информации о деятельности общественных объединений экстремистской направленности;

4) с учетом полученной информации предпринимать меры индивидуального профилактического воздействия в отношении лидеров и активных участников формирований экстремистской направленности;

5) выявлять преступные группировки и их лидеров, осуществляющих разжигание межнациональных, межэтнических противоречий и конфликтов с целью прикрытия своей противоправной деятельности.

Решение данных вопросов позволит вывести деятельность полиции по предупреждению и пресечению экстремизма в период подготовки и проведения массовых мероприятий на более высокий качественный уровень.

¹ См.: Кошелев Е.В., Юрицин А.Е. Права и свободы человека: актуальные вопросы защиты и ограничения в международном праве и внутригосударственном законодательстве РФ // Актуальные вопросы публичного права. 2014. № 5 (29). С. 54-61.

² Сводные отчеты по России о преступлениях террористического характера, экстремистской направленности и связанных с террористической деятельностью за 2003-2013 гг. М., 2014.

³ Текст официального выступления министра внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 04.03.2015. URL: <https://mvd.ru/document/> (дата обращения: 07.03.2015).

⁴ См.: Сводный отчет ГИАЦ МВД России «О преступлениях террористического характера, экстремистской направленности и связанных с террористической деятельностью». М., 2016.

⁵ Российская газета. 2011. 8 февр.

⁶ Административная деятельность полиции. Часть Общая / под. ред. проф. О.И. Бекетова. Омск: Омская академия МВД России, 2015. С. 3.

⁷ Административная деятельность полиции. Часть Особенная / под. ред. проф. О.И. Бекетова. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 333.

⁸ Пролетенкова С.Е. Компетенция органов внутренних дел в сфере противодействия религиозному экстремизму // Российский следователь. 2013. № 18. С. 45.

Вершинин А.Н.

Управление по контролю за оборотом
наркотиков Управления МВД России
по Курганской области

УЖЕСТОЧЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОПАГАНДУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КАК ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Мониторинг современных правоприменительных административно-правовых аспектов противодействия наркопреступности на современном этапе реализации Стратегии антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года свидетельствует о необходимости принятия ряда законодательных мер.

С приходом в последнее десятилетие на «черный рынок» Российской Федерации синтетических видов наркотиков в корне поменялись существующие ранее схемы поставок наркотиков, их сбыта и потребления.

Для продвижения новых видов наркотиков и психоактивных веществ на «черном рынке» Российской Федерации стала использоваться все более агрессивная реклама и пропаганда, в том числе формирующая новую криминальную субкультуру потребителей, так называемой «синтетики».

Это связано с тем, что высокорентабельная преступная деятельность, связанная со сбытом наркотических средств, в современных рыночных условиях так же нуждается в рекламе и пропаганде, как и любая иная коммерческая деятельность.

Изучением причин такого явления установлено, что существующие административные механизмы сдерживания пропаганды наркотиков не стали иметь существенного воздействия на лиц, уличенных в подобных противоправных деяниях.

Так, ст. 6.13 КоАП РФ («Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры») предусмотрено наказание в виде административного штрафа:

для граждан в размере от четырех до пяти тысяч рублей с конфискацией рекламной продукции и оборудования, использованного для ее изготовления;

для должностных лиц – от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей;

для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей с конфискацией рекламной продукции и оборудования, использованного для ее изготовления либо административного приостановления деятельности на срок до девяноста суток с конфискацией рекламной продукции и оборудования, использованного для ее изготовления;

для юридических лиц – от восьмисот тысяч до одного миллиона рублей с конфискацией рекламной продукции и оборудования, использованного для ее изготовления либо административного приостановления деятельности на срок до девяноста суток с конфискацией рекламной продукции и оборудования, использованного для ее изготовления.

Сложные механизмы выявления указанного нарушения, доказывания вины в его совершении, а также сверхприбыль, получаемая от подобной противоправной деятельности, позволяют существовать таким явлениям, как «стенная реклама» наркотических средств на фасадах домов, интернет-реклама в сети Интернет, продажа товаров с логотипами и изображениями символов наркотических средств.

Вместе с тем наступательную позицию законодателей возможно выразить в

конкретных действиях по криминализации указанного явления, что будет являться сдерживающим фактором для граждан и субъектов коммерческой деятельности.

Так, в 2012 году в Государственную Думу Российской Федерации депутат И.А. Яровая внесла проект федерального закона № 108866-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления ответственности за незаконные пропаганду и рекламу наркотических средств и психотропных веществ».

Законопроект предлагает криминализировать незаконные пропаганду и рекламу наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, а также наркосодержащих растений, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей посредством дополнения УК РФ статьей 228.5.

Законопроект предусматривает наказание в виде штрафа до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательных работ на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительных работ на срок до двух лет, либо ограничения свободы на срок до двух лет, либо лишения свободы на тот же срок.

При этом в проекте закона прописано, что под пропагандой незаконных потребления или оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов понимается «распространение информации, направленной на формирование в сознании людей позитивного отношения к немедицинскому потреблению наркотических средств и психотропных веществ».

В 2015 году указанный законопроект был принят Государственной Думой в первом чтении, а в 2016 году по нему назначен ответственный комитет – Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству. В дальнейшем на протяжении 2017 года никаких решений по указанному законопроекту принято не было.

Вместе с тем, например, в 2017 году в Курганской области по административным протоколам полиции два гражданина

и один предприниматель привлечены к административной ответственности по статье 6.13 КоАП РФ.

Физическим лицам из числа жителей Курганской области судом за размещение на остановочных комплексах через трафарет надписей электронных адресов сайтов распространения наркотических средств назначены штрафы в размере четырех тысяч рублей каждому. Лица были задержаны на месте совершения правонарушения с трафаретами и краской. Правонарушители признали свою вину, готовы сразу были оплатить штраф. При этом открыто высказывалось их желание продолжить совершать правонарушения в дальнейшем, так как это приносит им существенный по сравнению со штрафом доход и не влечет длительного задержания.

Предприниматель в г. Шадринске Курганской области за продажу одежды с изображением атрибутики наркотических средств привлечен судом к административному штрафу в размере сорока тысяч рублей. При этом в суд он не являлся, выехал в другой регион к родственникам на период разбирательства, что осложнило суду процесс выяснения его позиции и ознакомления его с постановлением о наложении административного штрафа.

Вместе с тем, например, во Франции и Германии за рекламирование наиболее опасных видов наркотиков предусмотрены уголовные наказания в виде лишения свободы сроком до 5 лет или крупный штраф.

Перевод указанного деяния из правонарушения в преступление в ряде случаев являлся бы эффективной мерой в борьбе с так называемой «стеновой рекламой». В настоящее время лица за распространение надписей на фасадах домов за ночь получают от заказчиков такой рекламы больше, чем сумма предусмотренного штрафа.

Региональная правоприменительная практика положений статьи 6.13 КоАП РФ носит единичный характер. Вместе с тем подобные правонарушения совершаются регулярно. Причина сложившейся ситуации кроется в том, что документирование подобных правонарушений осложняется в большинстве случаев ноч-

ным временем их совершения, скоротечностью деяния (надпись наносится, как правило, через трафарет). Существующая ответственность за подобные деяния не сопоставима с последствиями их совершения и приносимой прибылью заказчикам рекламы.

В последние годы экспертами отмечается значительное омоложение категории наркопотребителей и сбытчиков наркотических средств, что связывается с массовым использованием новых технологий распространения наркотических средств (с использованием сети Интернет, в том числе интернет-магазинов, мессенджеров, социальных сетей).

В связи с этим вопрос о необходимости внесения изменений в законодательство Российской Федерации об усилении ответственности за создание и продвижение информационных ресурсов сети Интернет, через которые идет пропаганда, реклама и распространение наркотиков, становится все более актуальным.

Так, только в 2017 году по инициативе УНК УМВД России по Курганской области совместно с Роскомнадзором закрыт доступ к 191 интернет-ресурсу, в том числе к 175 страницам с объявлениями, к 7 специальным сайтам по продаже наркотиков, к 9 форумам и страницам, содержащим агитацию к употреблению наркотических средств и психотропных веществ.

Поддержка и доработка таких нормативно-правовых актов, как законопроект №108866-6, способствовала бы дальнейшему принятию закона, ужесточающего ответственность за пропаганду наркотиков, а следовательно, в некоторой степени, сдерживанию побуждающих мотивов граждан совершать рассматриваемые правонарушения при выборе источника дополнительного заработка, связанного с пропагандой наркотиков и «стеновой рекламой».

В Курганской области данный вопрос в 2017 году рассмотрен на рабочей группе с представителями Общественной молодежной палаты при Курганской областной Думе и Курганским региональным отделением Всероссийской общественной организации «Молодая гвардия Единой

России». В 2018 году УМВД России по Курганской области доведет проблему до региональных парламентариев, при поддержке которых планируется вернуть за-

конопроект к дальнейшей проработке и рассмотрению в Государственной Думе Российской Федерации.

Жильцов А.В.,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД
России (г. Красноярск)

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ
ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 20.17 КоАП РФ**

Как известно, одним из важнейших условий правильного применения административной ответственности является обеспечение всестороннего анализа исходной ситуации, основанного на сборе информации, необходимой и достаточной для принятия обоснованного решения. Именно этот этап правоприменительной деятельности обеспечивает правильную квалификацию деяния, в том числе установление в действиях лица всех признаков объективной стороны конкретного правонарушения. Однако изучение практики применения судами административной ответственности по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.17 КоАП РФ, показало, что при разрешении дел судьи зачастую заостряют внимание на одних элементах, характеризующих событие правонарушения, не обращая внимание на другие, имеющие не менее важное значение. Думается, что причиной этому, кроме всего прочего, является несовершенство законодательной конструкции диспозиции соответствующей нормы Особенной части КоАП РФ.

С учетом того, что в научной литературе изучению проблем, возникающих в обозначенной сфере, внимания практически не уделяется, а их решение имеет важное теоретическое и практическое значение, рассмотрение этих вопросов является актуальным.

Статья 20.17 КоАП РФ в качестве деяния, за совершение которого наступа-

ет административная ответственность, установила самовольное проникновение на охраняемый объект. При установлении наличия признаков объективной стороны состава административного правонарушения правоприменителю требуется установить соответствие имевшего место события признакам, описанным в законе, однако законодательная конструкция нормы делает это затруднительным.

Во-первых, несмотря на достаточно широкое использование термина «проникновение» (например, в ст. 11.3.1 КоАП РФ речь идет о «проникновении», в ст. 20.27 КоАП РФ – о «несанкционированном проникновении», в ст. 18.13 КоАП РФ – о «незаконном проникновении»), до сегодняшнего дня отсутствует его официальное толкование.

Закрепленное в диспозиции ч. 1 ст. 20.17 КоАП РФ описание объективной стороны правонарушения, на наш взгляд, не позволяет ответить на вопрос, что следует понимать под проникновением: свершившийся акт, когда лицо пересекло границу охраняемого объекта и находится на нем (на его территории, внутри помещения и т.п.), или речь идет о процессе проникновения, и делинквент предпринимает попытку самовольного вхождения (проникновения) на такой объект. Отметим, что лишь однозначное понимание закрепленного в законе термина «проникновение» способно обеспечить правильное решение вопроса о моменте окончания административного правона-

рушения, предусмотренного ст. 20.17 КоАП РФ.

Во-вторых, не до конца ясно, следует ли считать наказуемым проникновением на охраняемый объект ситуацию, когда лицо входит на его территорию, не осознавая, что объект находится под охраной (отсутствует ограждение, контрольно-пропускной пункт и предупреждающие знаки). Думается, что деяние может быть квалифицировано по ст. 20.17 КоАП РФ лишь в случаях, когда лицо осознает противоправность своего поведения, однако практика решения данного вопроса противоречива. Так, в 2017 году имел место факт составления протокола об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.17 КоАП РФ, в отношении гражданина Щ., осуществлявшего длительную стоянку принадлежащего ему автомобиля в охранной зоне магистрального трубопровода (в 0,3 метрах от обваловки трубопровода ОАО «Газпром»). Представитель Камчатского отряда охраны филиала ПАО «Газпром», являющегося ведомственной охраной и осуществляющего охрану магистрального газопровода, указал, что на всей протяженности магистрального трубопровода установлен пропускной режим который, в частности, выражается в запрете стоянки транспортных средств в охранной зоне трубопровода, находящегося под землей. При съезде с центральной дороги имелся знак, предупреждающий о наличии газа, знаков о запрете стоянки в охранной зоне магистрального трубопровода не было, ограждение и контрольно-пропускной пункт в данном месте отсутствовали. Мировым судьей судебного участка № 24 Камчатского края дело об административном правонарушении было прекращено за отсутствием состава административного правонарушения (постановление по делу об административном правонарушении № 5-1052/2016).

Думается, что одной из причин возникновения подобных ситуаций является несовершенство законодательной конструкции ст. 20.17 КоАП РФ.

В-третьих, диспозиция статьи закрепляет характеристику проникновения – его самовольность, тогда как в названии

статьи речь идет о нарушении пропускного режима. Очевидно, что два указанных выше действия не тождественны. В русском языке под самовольным понимается действие (поступок), совершаемое по своему усмотрению, прихоти, произвольно. То есть самовольность является характеристикой отношения лица к совершаемому им проникновению и указывает на умышленную форму его вины. При этом под нарушением установленного правового режима необходимо понимать пренебрежение режимными правилами, которые могут выражаться в проникновении на объект либо в иных деяниях нарушителя, например нарушении правил выхода с объекта, правил вноса (выноса) имущества и т.п. Справедливость данного утверждения подтверждается положениями действующего законодательства. Так, согласно Федеральному закону от 19.04.1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране» под пропускным режимом охраняемого объекта подразумевается порядок, обеспечиваемый совокупностью мероприятий и правил, исключающих возможность бесконтрольного входа (выхода) лиц, въезда (выезда) транспортных средств, вноса (выноса), ввоза (вывоза) имущества на охраняемые объекты и с охраняемых объектов.

Однако анализ практики свидетельствует, что зачастую правоприменители воспринимают указанные выше термины в качестве тождественных. В этом контексте достаточно показательным выглядит решение судьи Свердловского районного суда г. Перми (решение по делу об административном правонарушении от 25 августа 2017 года № 12-875/2017). Гражданин Ю. был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.17 КоАП РФ. В жалобе на постановление гражданин Ю. с выводами суда первой инстанции не согласился, в свое оправдание указал, что прошел через турникет охраняемого объекта в сопровождении судебных приставов. Судья Свердловского районного суда г. Перми данный довод отверг, указав, что из материалов дела об административном правонарушении следует, что Ю., не имея пропуска, то есть самовольно, проник на охраняемую в ус-

тановленном порядке территорию ЗАО «Пермрыба», ссылка в жалобе о том, что Ю. прошел через турникет в сопровождении судебных приставов основанием для отмены обжалуемого постановления не является, поскольку Ю. зашел на территорию предприятия без пропуска в нарушение установленного в ЗАО «Пермрыба» пропускного режима. И это не единственный случай отождествления правоприменителем терминов «самовольное проникновение на объект» и «проникновение на объект с нарушением пропускного режима», данный подход используется в практике довольно часто (напр.: постановления мирового судьи Кылтовского судебного участка г. Емва (Республика Коми) № 5-808/2017, мирового судьи судебного участка № 24 Камчатского края № 5-1052/2016 и т.д.).

Думается, что событие административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.17 КоАП РФ, образуют не все деяния, нарушающие пропускной режим, а лишь те, которые связаны с входом или (въездом) на охраняемый объект, и правоприменителю необходимо выяснить, имели ли место обстоятельства, подтверждающие факт нарушения установленного на объекте пропускного режима. Наличие же у лица умысла на проникновение на охраняемый объект (самовольность проникновения) устанавливается при доказывании субъективной стороны.

В-четвертых, законодательство устанавливает целый ряд административно-правовых режимов охраняемых объектов, различающихся между собой по основаниям (причинам) установления режима, характеру применяемых охранных мероприятий и субъектам, обеспечивающим исполнение режимных правил (охрану объекта, пропускной и внутриобъектовый режим)¹, выделяют объекты, подлежащие обязательной охране, объекты, подлежащие государственной охране, объекты на коммуникациях, охраняемые объекты, важные государственные объекты, особо важные и режимные объекты.

Анализ диспозиции нормы, устанавливающей ответственность за нарушение пропускного режима охраняемого объекта, позволяет сделать вывод, что вид та-

кого объекта имеет значение исключительно для разграничения ч.ч. 1 и 2 ст. 20.17 КоАП РФ. Однако в практике деятельности судов встречаются случаи, когда судьи прекращали производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.17 КоАП РФ, за отсутствием состава административного правонарушения, обосновывая это тем, что объект, на который было совершено самовольное проникновение, не является объектом, подлежащим государственной охране, перечень которых утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 14.08.1992 № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности», и охранялся частной охранной организацией, на нем не действуют правила пропускного режима охраняемого объекта, утвержденные федеральными законами от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране», от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране» и т.п. (напр., постановление мирового судьи судебного участка № 104 судебного района г. Уссурийска и Уссурийского района Приморского края от 22.11.2017 № 5-920/2017).

Одновременно с этим вызывает сомнения обоснованность подхода законодателя, при котором характер и степень ответственности, выражающиеся в виде и размере наказаний, не соответствуют особенностям объекта, на который было совершено самовольное проникновение. Так, вне зависимости от того, проник ли правонарушитель на строительную площадку (например, постановление мирового судьи Кылтовского судебного участка г. Емва (Республика Коми) от 22.12.2017 № 5-808/2017), на территорию производственного предприятия, в тоннель метрополитена, на объект топливно-энергетического комплекса или на военный объект (например, постановления мирового судьи участка № 108 Спасского района (Приморский край) от 06.03.2017 № 5-101/2017, мирового судьи участка № 2 Ленинского района г. Владимира от 10.10.2017 № 5-406/17), правовые последствия для него будут идентичными,

как правило, за совершение таких деяний назначается наказание в виде административного штрафа в размере 3000 рублей.

На наш взгляд, целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений в ст. 20.17 КоАП РФ, дифференцировать административную ответственность за нарушение пропускного режима исходя из вида объекта, на который было совершено проникновение.

Подводя итог сказанному, отметим, что, несмотря на сложившуюся практику применения ответственности, предусмотренной ст. 20.17 КоАП РФ, представляется целесообразной корректировка (конкретизация) ряда положений данной нормы, что обеспечит ее правильное толкование и применение.

Думается, что большинство обозначенных выше вопросов могут быть сняты путем закрепления в КоАП РФ примечания к статье 20.17 следующего содержания: «Под самовольным проникновением в настоящей статье следует понимать умышленное незаконное вторжение, входение (въезд) в охранную зону, на охраняемую территорию или в охраняемое помещение с нарушением установленных правил пропускного режима и нахождение в их пределах вне зависимости от продолжительности такого нахождения».

¹ Подр. см.: Селезнев В.А. Административно-правовой режим охраняемых объектов // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 109-120.

Рыдченко К.Д.,

кандидат юридических наук

Воронежский институт МВД России

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Правовой статус ребенка исторически существенно отличался по объему от совокупности прав и обязанностей «полноценного» гражданина (подданого) государства. Данный факт обусловлен, в первую очередь, эмоционально-волевой и интеллектуальной неполноценностью ребенка. Логичным формально-юридическим закреплением особого статуса несовершеннолетнего выступают его ограниченная деликтоспособность и особый механизм привлечения несовершеннолетнего к юридической ответственности.

Возраст совершеннолетия в различные исторические периоды также изменялся. Так, в доюстиниановскую эпоху существования Римской империи возраст совершеннолетия определялся индивидуально, исходя из физиологических и психических особенностей юноши или девушки. Лишь в 529 году были определены жесткие возрастные рамки совершеннолетия: 14 лет для мужчин и 12 лет для

женщин. Обращаясь к римскому праву, российский юрист Александр Невзоров в 1892 году отмечал: «Как бы там ни было, а все-таки как древние, так и позднейшие римляне различали несовершеннолетних от совершеннолетних, признавая необходимость установления опеки над первыми, потому, что дитя согласно римской норме "nullum in electum habet, non multum furiosodit fert"¹»².

Произошедшие после написания этих строк изменения в жизни общества, связанные во многом с гуманизацией нормативного регулирования и усложнением правоотношений, существенно не повлияли на общую концепцию распространения законодательных норм на несовершеннолетних.

В настоящей работе автор предпримет попытку сравнить взгляды российского и казахстанского законодателя на вопросы административной деликтности несовершеннолетних. Следует понимать,

что, имея в бытность СССР симметричные по структуре и содержанию кодексы (Кодекс КазССР об административных правонарушениях от 22.03.1984 и КоАП РСФСР от 20.06.1984), оба государства более двадцати пяти лет выстраивают суверенную государственную политику по установлению и развитию институтов административной ответственности.

Упрощенно основные позиции КоАП РФ 2001 года и КоАП РК 2014 года³, касающиеся административной ответственности несовершеннолетних, возможно сформулировать следующим образом.

1. Административная ответственность возможна исключительно с шестнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 2.3 КоАП РФ и ч. 1 ст. 65 КоАП РК).

2. Несовершеннолетний может быть освобожден от административной ответственности с применением к нему меры воздействия, предусмотренной федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних (ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ). Следует отметить, что согласно нормам Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним правонарушителям возможно лишь в отношении несовершеннолетнего преступника или лица, совершившего общественно опасное деяние до достижения возраста уголовной ответственности (ст. 90 УК РФ). Таким образом, административная ответственность в России фактически не заменяется, а исключается с применением профилактического учета и надзора, при наличии на то оснований и условий возможно помещение несовершеннолетнего в ЦВСНП.

Интересным представляется опыт казахстанского законодателя по аналогичному вопросу. Во-первых, безусловным достижением следует признать наличие в кодексе главы 9 «Административная ответственность несовершеннолетних». Во-вторых, обращает на себя внимание проработанность вопросов применения к ним мер воспитательного воздействия как в совокупности с административным взы-

сканием (ч. 2 ст. 65 КоАП РК), так и в случае освобождения от административной ответственности (ст. 68 КоАП РК). Сами меры воспитательного воздействия перечислены в ст. 69 КоАП РК: а) разъяснение закона; б) возложение обязанности загладить причиненный вред; в) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего на срок от трех до шести месяцев. Содержание мер воспитательного воздействия раскрывается в ст. 70 КоАП РК.

3. Совершение административного правонарушения несовершеннолетним само по себе выступает обстоятельством, смягчающим административную ответственность (п. 9 ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ и п. 4 ч. 1 ст. 56 КоАП РК).

4. Из всего перечня административных наказаний лишь одно – административный арест (ст. 3.9 КоАП РФ и ст. 50 КоАП РК) – не может быть назначено несовершеннолетнему.

5. Специфика административно-процессуального статуса несовершеннолетнего участника производства по делам об административных правонарушениях заключается в:

– возможности удаления его на время рассмотрения обстоятельств дела, обсуждения которых может оказать отрицательное влияние на указанное лицо (ч. 4 ст. 25.1 КоАП РФ и ч. 5 ст. 744 КоАП РК);

– привлечении законных представителей для защиты прав и законных интересов несовершеннолетних участников производства по делу об административном правонарушении (ч. 1 ст. 25.3, ч. 4 ст. 25.6 КоАП РФ и ч. 4 ст. 24, ст. 746 и 753 КоАП РК);

– незамедлительном уведомлении родителей или иных законных представителей об административном задержании несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 27.3 КоАП РФ и ст. 788 КоАП РК), а также отдельном от взрослых лиц содержании несовершеннолетних задержанных (ч. 3 ст. 27.6);

– рассмотрении дел об административных правонарушениях несовершеннолетних по месту его жительства (ч. 3 ст. 29.5 КоАП РФ и ч. 4 ст. 812 КоАП РК);

– возможности взыскания административного штрафа с родителей или иных

законных представителей несовершеннолетнего правонарушителя. Следует отметить, что ст. 66 КоАП РК ограничивает правоприменителя в объеме налагаемого на несовершеннолетнего административного штрафа, который не должен превышать «десять месячных расчетных показателей независимо от размера штрафа, предусмотренного статьей Особенной части».

Новацией КоАП РК по сравнению с российским кодексом является обязательное участие защитника в производстве по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних (ст. 749 КоАП РК).

6. Положительным опытом следует признать функционирование в Республике Казахстан специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних, чей правовой статус закреплен в ст. 684 КоАП РК.

7. В Особенной части КоАП РФ лишь в одной статье несовершеннолетний выступает специальным субъектом административной ответственности – это ст. 20.22 «Нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ». Санкция статьи предусматривает наложение административного штрафа на родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в размере до двух тысяч рублей. Аналогичная норма содержится в ч. 2 ст. 440 КоАП РК, она предусматривает ответственность в виде штрафа в размере пяти месячных расчетных показателей (2 091 рубль). Таким образом, можно сделать вывод об аналогичности не только диспозиции, но и санкции статей.

Помимо этого КоАП РК демонстрирует оригинальный подход к установлению административной ответственности за совершение административного деликта несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет. Примерами таких составов являются ст. 435 «Хулиганство, совершенное несовершеннолетним», ст. 436

«Стрельба из огнестрельного, газового, пневматического, метательного и электрического оружия, применение пиротехнических изделий в населенных пунктах», ст. 438 «Заведомо ложный вызов специальных служб» и ст. 448 «Вандализм несовершеннолетних». Санкции перечисленных статей предусматривают предупреждение или штраф, налагаемый на родителей или лиц, их заменяющих, в размере от семи до двадцати месячных расчетных показателей с конфискацией имущества.

8. Оригинальные новеллы содержатся в ст. 71 и 72 КоАП РФ. В них закрепляется усеченный срок давности и сокращенный период, в течение которого несовершеннолетний считается подвергнутым административному наказанию. Вместо года в обоих случаях речь идет о шести месяцах. Если второй период представляется оправданным и целесообразным, так как воспитательный потенциал и особенности психики несовершеннолетних позволяет скорректировать аддиктивное поведение в сокращенные сроки, то усечение сроков давности в зависимости от возраста совершившего деяние лица представляется нам спорным. Срок давности должен коррелироваться с объектом и объективной стороной противоправного деяния, а не с элементом субъекта деликта. Иными словами, мелкое хулиганство или нарушение антиалкогольного законодательства не становятся более или менее опасными в зависимости от того, кто их совершает, подобные деяния должны быть самодостаточны в оценке. Более того, сокращенный срок давности провоцирует безнаказанность несовершеннолетнего правонарушителя, стимулируя развитие криминальной субкультуры.

Подводя итог сказанному, следует признать преимущество нормативного правового регулирования административной ответственности несовершеннолетних по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан при значительной нормотворческой инновационности казахстанского кодифицированного акта. Отметим, что, несмотря на проявленную законодательную смелость,

вопрос о возрасте привлечения к административной ответственности не подвергался пересмотру, хотя научная дискуссия по этому вопросу активно ведется в обоих государствах.

¹ Перевод: «Не имеет разума, немногим отличается от безумного».

² Невзоров А. Опекунство над несовершеннолетними. Исторический очерк института и положение его в действующем русском законодательстве. Ревель, 1892. С. 9. URL: <http://www.knigafund.ru>.

³ Кодекс Республики Казахстан Об административных правонарушениях от 05.07.2014 № 235-V ЗРК // СПС «Эдилет». URL: <http://adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 10.01.2018).

Шишкин П.Е.

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ ОБ УСИЛЕНИИ ВНУТРИВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ПОЛИЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ
МЕР ПОБУЖДЕНИЯ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ,
К ПРОХОЖДЕНИЮ ДИАГНОСТИКИ, ЛЕЧЕНИЯ ОТ НАРКОМАНИИ,
МЕДИЦИНСКОЙ И (ИЛИ) СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ**

Прошло около четырех лет с момента вступления в законную силу Федерального закона от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ, который ввел в структуру Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях ч. 2.1 ст. 4.1 и закрепил средство побуждения лиц, совершивших административные правонарушения в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах (далее – наркотиков), к прохождению диагностики, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации. Также данный законодательный акт ввел в структуру КоАП РФ специальную норму, устанавливающую ответственность за уклонение от выполнения данной обязанности, – ст. 6.9.1.

В соответствии со статистическими данными МВД России в 2017 г. на территории Российской Федерации органами внутренних дел были пресечены 131041 административных правонарушений в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах, из них по ст. 6.8 КоАП РФ – 18994, по ст. 6.9 КоАП РФ – 89652, по ст. 6.9.1 КоАП РФ – 20843, по ст. 6.10 КоАП РФ – 15552.¹ Статистические данные по ст. 6.9.1 КоАП РФ свидетельст-

вуют о значительном количестве правонарушений, допущенных лицами, которым судом была назначена обязанность прохождения диагностики, лечения от наркомании, социальной и (или) медицинской реабилитации.

С момента введения в действие вышеуказанных правовых средств государством были приняты меры по модернизации действующего законодательства в рассматриваемой области – был принят Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Статья 26 данного законодательного акта определила понятие «социальная реабилитация» как совокупность мероприятий по восстановлению утраченных социальных связей и функций лицами, находящимися в трудной жизненной ситуации, в том числе потребляющими наркотические средства и психотропные вещества в немедицинских целях. Также закон закрепил средства ее реализации.

В соответствии с Правилами контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабили-

литацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, утвержденных постановлением Правительства РФ от 28 мая 2014 г. № 484, контроль за исполнением лицом обязанности возлагается на органы, должностными лицами которых составляются протоколы об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена ст. 6.9.1 КоАП РФ. До июня 2016 г. полномочия по контролю за исполнением возложенных обязанностей были у ФСКН России, сотрудники которого и определили его основные тенденции. В связи с ликвидацией ФСКН России контрольные функции перешли МВД России.² В соответствии с пп. 10.10 Типового положения о подразделении по контролю за оборотом наркотиков территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне, утвержденного приказом МВД России от 30 апреля 2016 г. № 219, одной из функций подразделений наркоконтроля территориальных органов МВД России является реализация мероприятий в области реабилитации (за исключением медицинской) и ресоциализации лиц, осуществляющих незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ.

На наш взгляд, существует ряд проблемных моментов, касающихся реализации полицией контроля выполнения рассматриваемой обязанности. Во-первых, недостаточно нормативно урегулированы возможности взаимодействия подразделений наркоконтроля с другими подразделениями территориальных органов МВД России, в первую очередь, с подразделениями участковых уполномоченных полиции как одним из основных субъектов индивидуальной профилактики правонарушений. Одним из основных нормативных актов МВД России, регламентирующих деятельность органов внутренних дел по предупреждению преступлений и правонарушений, является приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступле-

ний», который определяет одной из основных задач оперативного штаба МВД России и оперативного штаба территориального органа МВД России на региональном уровне по профилактике правонарушений выработку решений и подготовку организационно-практических мероприятий, направленных на борьбу с наркоманией. Подпункт 10.5 данного подзаконного акта определил одной из обязанностей сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков поддержание взаимодействия с участковыми уполномоченными полиции в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ. Однако данный нормативный акт лишь декларирует, не конкретизирует сущность и формы вышеуказанного взаимодействия.

Рассмотрим нормы Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, утвержденного приказом МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 (далее – Наставление), определяющие профилактические компетенции участкового уполномоченного полиции в отношении больных наркоманией и потребителей наркотиков. В соответствии с пп. 63.2 и 63.6 Наставления участковый уполномоченный полиции проводит индивидуальную профилактическую работу с больными наркоманией, состоящими на учете в медицинской организации и представляющими опасность для окружающих, а также с лицами, которым назначено административное наказание за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также за их потребление без назначения врача. При реализации данных норм возникает ряд проблем. Во-первых, в соответствии с ч.ч. 1 и 3 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 года «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе составляют врачебную тайну, соответственно, медицинские организации такую информацию в орга-

ны внутренних дел не предоставляют. Эту проблему ранее обозначал А.П. Титаренко³. В результате указанных сложностей постановки на профилактический учет в органах внутренних дел лиц, больных наркоманией, количество подучетных данной категории на всей территории России в 2017 г. составило всего 9265 человек.⁴ Во-вторых, Наставление не конкретизирует административные правонарушения в области оборота наркотиков, за совершение которых лицо может быть поставлено на профилактический учет, а также сроки нахождения на учете. В-третьих, в случае применения в отношении лица, совершившего административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.9, ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ, примечания к ст. 6.9 КоАП РФ в части освобождения лица, признанного больным наркоманией, от наказания в случае его согласия на прохождения медицинской и (или) социальной реабилитации, данное лицо не подлежит постановке на профилактический учет по данному основанию, несмотря на наличие соответствующего диагноза медицинской организацией и установленного факта потребления наркотиков.

Территориальные органы МВД России на региональном уровне предпринимают попытки устранения вышеуказанных коллизий, существующих в Наставлении. В частности, в ГУ МВД России по Красноярскому краю была разработана Инструкция по организации профилактической работы с лицами, утвержденная приказом ГУ МВД России по Красноярскому краю от 9 декабря 2013 г. № 486 (далее – Инструкция), состоящими на профилактических учетах в территориальных органах МВД России на районном уровне Красноярского края. В этом нормативном документе конкретизированы основания для постановки на учет, в частности, лиц, больных наркоманией, представляющих опасность для окружающих, – они подлежат постановке на учет на основании документов из медицинской организации. К категории подучетных лиц, которым назначено административное наказание за незаконный оборот наркотических средств, психотроп-

ных веществ или их аналогов, а также за их потребление без назначения врача, Инструкция относит лицо, совершившее административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.8, 6.9, ч. 3 ст. 20.20, 20.22 КоАП РФ, считающееся подвергнутым административному наказанию в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания.

На наш взгляд, в целях совершенствования реализации профилактического воздействия на больных наркоманией и потребителей наркотиков, а также более эффективного контроля выполнения обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию, необходимо:

во-первых, изложить пп. 63.6 Наставления в следующей редакции: «к которым назначено административное наказание за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 6.8, ч. 1 ст. 6.9, ст. 6.9.1, ст. 6.10, ч. 1 ст. 6.13, ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ»;

во-вторых, дополнить п. 63 Наставления пп. 63.7 следующего содержания: «лиц, признанных больными наркоманией, либо потребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, на которых судом возложена обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также лиц, признанных в установленном порядке больными наркоманией, с их согласия направленных на медицинскую и (или) социальную реабилитацию и в связи с этим освобожденных от административной ответственности за совершение правонарушений, связанных с потреблением наркотических средств или психотропных веществ». Данные изменения дают участковым уполномоченным новый правовой инструментарий – возможность применения п. 3.1 ч. 4 ст. 13

Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации», который позволит самостоятельно запрашивать в медицинских учреждениях сведения об обращении и диагнозе в отношении указанной категории лиц;

в-третьих, п. 67 дополнить пп. 67.6: «которым назначено административное наказание за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 6.8, ч. 1 ст. 6.9, ст. 6.9.1, ст. 6.10, ч. 1 ст. 6.13, ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ, – 1 год с момента постановки на профилактический учет», а также пп. 67.7: «в отношении лиц, указанных в пп. 63.7, – в соответствии с п.п. 13-15 Правил контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, утвержденных постановлением Правительства РФ от 28 мая 2014 г. № 484».

Вышеуказанные изменения, на наш взгляд, позволят существенно повысить

эффективность воздействия полиции на лиц, больных наркоманией, и потребителей наркотиков, в отношении которых была применена рассматриваемая обязанность, в целях недопущения и (или) своевременного выявления фактов немедицинского потребления наркотиков, а также в целом профилактики совершения преступлений и правонарушений данной категорией лиц, в первую очередь в сфере потребления и незаконного оборота наркотиков.

¹ Электронный ресурс ведомственной сети МВД России: центр статистической информации ГИАЦ МВД России. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=Books>.

² Димитрова Е.А. Проблемы правового регулирования и организации контроля органами внутренних дел за исполнением возложенной судом обязанности в рамках части 2.1 статьи 4.1 КоАП РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 2.

³ Титаренко А.П. К вопросу об оптимизации деятельности участкового уполномоченного полиции по постановке на профилактический учет лица, склонного к немедицинскому потреблению наркотических средств и психотропных веществ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 15-1. С. 76-78.

⁴ Центр статистической информации ГИАЦ МВД России.

Астахов А.А.

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях определил административное задержание как кратковременное ограничение свободы физического лица, применяемое в исключительных случаях при необходимости обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении (ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ). Структурно административное задержание отнесено к мерам обеспечения производства по делам об адми-

нистративных правонарушениях (глава 27 КоАП РФ).

Однако, несмотря на законодательную дефиницию административного задержания (а во многом именно благодаря этому), вопрос о понятии административного задержания, его сущности, характере, значении, составных элементах, основаниях, условиях и целях производства в юридической науке остается дискуссионным.

Длительное время административное задержание относилось к мерам административного пресечения. Причиной тому

было его нормативное закрепление, где акцент относительно цели административного задержания был сделан именно на пресекательную составляющую. Так, в соответствии со ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» административное задержание подразделялось на следующие виды: а) задержание граждан, совершивших мелкие правонарушения; б) кратковременное задержание (на срок до трех часов) лиц, совершивших административные правонарушения, в целях пресечения правонарушений, а также для установления личности нарушителя и составления протокола о правонарушении; в) задержание военнослужащих, злостно нарушающих общественный порядок; г) содержание в приемниках-распределителях лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество.

Первым законодательным актом, определившим административное задержание как меру обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, стал КоАП РСФСР (ст. 239). Однако законодатель, установив необходимость составления протокола о применении административного задержания, перечень органов, полномочных применять административное задержание, а также его сроки (ст. 240-242), сохранил многоцелевой характер этой принудительной меры, в том числе пресекательный элемент: «...пресечение административных правонарушений, когда исчерпаны другие меры воздействия, установление личности, составление протокола об административном правонарушении при невозможности составления его на месте, если составление протокола является обязательным...» (ст. 239 КоАП РФ).

В юридической литературе обращается внимание на универсальность рассматриваемой меры. Так, В.П. Кудрявцев утверждает, что «административное задержание есть единая мера административного принуждения, которая служит достижению нескольких целей... Данной мере присущ внутренний универсализм: действия правоприменителя, с одной сто-

роны, направлены на прекращение противоправного поведения, с другой стороны, они создают условия для привлечения виновных к ответственности. Таким образом, эти действия отражают единство и неразрывность воздействия материального (пресекательного) и обеспечительного (процессуального)»¹.

Дальнейшее развитие доктрины административного права привело к закреплению административного задержания в числе обеспечительных мер, имеющих целью создание условий для эффективного осуществления административно-юрисдикционного производства.

В соответствии с КоАП РФ административное задержание может применяться в целях: а) обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, и б) исполнения постановления по делу об административном правонарушении (ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ). В данном случае используется расширительная трактовка целей, которая носит обобщающий характер. В иных нормативных источниках эти цели могут быть уточнены, детализированы, но их смысл остается неизменным.

Так, в соответствии с пп. «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) законным признается задержание лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ² административное задержание в качестве принудительной меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении не может применяться, если оно не обусловлено целями, изложенными в пп. «с» п. 1 ст. 5 указанной Конвенции.

Следует согласиться с А.Ю. Соколовым³, что главное назначение обеспечительных мер в целом и административно-

го задержания в частности – создание условий для объективного, полного и всестороннего разбирательства по делу об административном правонарушении, для закрепления, сбора доказательств по делу об административном правонарушении, для обеспечения исполнения назначенных административных наказаний.

Далее, среди ученых отсутствует единодушие относительно содержания (смысла) самого факта задержания – ограничение либо лишение свободы. По мнению одних (Г.Т. Агеенкова, П.П. Сергун, В.Р. Кисин и др.), в случае административного задержания речь идет именно об ограничении свободы лица, другие (Д.Н. Бахрах, А.П. Ключниченко, А.П. Коренев и др.) считают, что суть такого задержания состоит в лишении свободы. Сторонники понимания административного задержания как лишения свободы указывают, что личную свободу характеризует свобода действий, поведения и передвижений, а рассматриваемая мера предусматривает полную подневольность задержанного лица на протяжении всего времени его содержания в специально отведенном для административно-задержанных помещении или учреждении.⁴ В пользу такой позиции свидетельствуют отдельные положения международных правовых актов и разъяснения высших судов Российской Федерации. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П указано, что задержание, арест, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы (абз. 6 п. 3). В преамбуле Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят 9 декабря 1988 г. Резолюцией 43/173 на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) термин «задержанное лицо» понимается как любое лицо, лишенное личной свободы не в результате осуждения за совершение правонарушения.

Несмотря на достаточно серьезную аргументацию представленной точки зрения, по нашему мнению, смысл административного задержания следует пони-

мать именно как ограничение действий, поведения и передвижений лица.

Во-первых, в семантическом понимании «лишение» означает потерю, утрату чего-либо, в то время как «ограничение» – стеснение определенными, обычно узкими, небольшими, пределами, условиями.⁵ Таким образом, сам термин «ограничение» указывает на временный характер применяемой государственной меры.

Во-вторых, законодатель толкует административное задержание как кратковременное ограничение свободы физического лица, устанавливая конкретный (предельный) срок действия это принудительной меры – 3 часа, а в исключительных случаях – 48 часов. По истечении этого предельного срока принудительная мера действовать не может.

И, в-третьих, лишение свободы в российской правовой системе традиционно понимается как вид наказания. Исходя из смысла общеправового принципа презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 1.5 КоАП РФ) наказание может быть применено к лицу только на основании вступившего в законную силу судебного решения, соответственно, понимание административного задержания как лишения свободы (даже кратковременного) противоречит смыслу данного принципа.

С учетом изложенного под административным задержанием предлагается понимать кратковременное ограничение свободы действий, поведения и передвижений физического лица, совершившего административное правонарушение.

¹ Кудрявцев В.П. Административное задержание (правовые и тактические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 10-11.

² По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова : постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 4.

³ Соколов А.Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях : монография. М.: Норма, 2015. С. 256.

⁴ Пивоваров Д.В. Административное задержание как мера обеспечения производства, при-

меняемая сотрудниками полиции // Административное право и процесс. 2016. № 2. С. 77-81.

⁵ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Т. 1. М.: Изд-во «Русский язык», 2001. С.797, 1108.

Цуканов Н.Н.,

доктор юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

**ОПЬЯНЕНИЕ КАК АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ:
МНОЖЕСТВЕННОСТЬ СПОСОБОВ КОНСТАТАЦИИ КАК СЛЕДСТВИЕ МНОГООБРАЗИЯ
СОДЕРЖАНИЯ**

Термин «опьянение» часто встречается в нормативных правовых актах, регламентирующих административные правоотношения. Разнообразие задач, для решения которых этот термин используется, предполагает многообразие способов констатации состояния опьянения и актуализирует вопрос об универсальности вывода о его наличии.

1. Основным способом установления состояния опьянения в настоящий момент служит медицинское освидетельствование, порядок которого регламентирован приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)». Использование в отдельных источниках термина «состояние одурманивания» было связано с формулировками Временной инструкции о порядке медицинского освидетельствования для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения¹; термин означал состояние неалкогольного опьянения.

Однако уже на этом этапе можно говорить о двух разновидностях медицинского освидетельствования: в отношении лица, которое управляет транспортным средством, и в отношении иных субъектов. В частности, для вывода об установлении состояния опьянения лица, управляющего транспортным средством, не требуются клинические признаки опья-

нения, но отбор биологического объекта (моча, кровь) для направления на химико-токсикологические исследования осуществляется вне зависимости от результатов исследований выдыхаемого воздуха на наличие алкоголя. С другой стороны, констатация состояния опьянения иных субъектов возможна при обнаружении в пробе биологического материала аналогов наркотических средств, новых потенциально опасных психоактивных веществ, химических веществ, в том числе лекарственных препаратов для медицинского применения, вызывающих нарушение физических и психических функций, которые могут повлечь неблагоприятные последствия при деятельности, связанной с источником повышенной опасности, или метаболитов указанных средств и веществ.

В связи с этим возникают закономерные вопросы, например: может ли вывод об опьянении водителя служить основанием для признания его находящимся на рабочем месте в состоянии опьянения? Допустимо ли привлечение лица к административной ответственности, предусмотренной ст. 12.8 КоАП РФ, если это лицо, выполняющее должностные обязанности, связанные с управлением транспортным средством, было направлено на медицинское освидетельствование работодателем, в результате чего установлено состояние опьянения, вызванное употреблением не отнесенных к числу подконтрольных лекарственных препаратов?

В практической сфере отрицательное решение таких вопросов часто предопределяется разрывом между совершением анализируемых действий и фактом направления лица на медицинское освидетельствование по смежному поводу. Однако могут быть и исключения, например, если захват лица, подозреваемого в совершении преступления и находящегося в состоянии наркотического опьянения, производился в ходе управления им транспортным средством. Очевидно, что здесь требуется учет как целевого предназначения запрета на нахождение в состоянии опьянения, так и формальных условий констатации факта опьянения. Соответственно, если опьянение водителя установлено при наличии в пробе биологического материала наркотического средства, но при отсутствии клинических признаков опьянения, то этого недостаточно для признания его находящимся в состоянии опьянения на рабочем месте. С другой стороны, не должна создавать перспектив привлечения к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 12.8 КоАП РФ, констатация у работника состояния опьянения, вызванного употреблением соответствующих лекарственных препаратов (не относящихся к числу подконтрольных).

2. При освидетельствовании на состояние алкогольного опьянения (ст. 27.12 КоАП РФ) также не учитывается наличие клинических признаков опьянения. Более того, факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений.² Закономерно, что выявление факта алкогольного опьянения в этом случае может оказаться недостаточным для констатации опьянения, например, военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы (п.п. 8 и 11 ст. 28.7 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»), по крайней мере, в ситуациях низкой концентрации алкоголя в выдыхаемом воздухе. Проведение такого освидетельствования не исключает необходимости и возможности проведения

медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения.

3. Специфическим содержанием должны обладать результаты медицинского освидетельствования, предусмотренного ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Согласно п. 5 указанной статьи порядок медицинского освидетельствования лица устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, Генеральной прокуратурой Российской Федерации и федеральным органом исполнительной власти в области юстиции. До настоящего времени это условие не выполнено, в связи с чем медицинское освидетельствование проводится в общем порядке, что предопределяет следующие особенности.

Во-первых, логическим продолжением применения данного вида медицинского освидетельствования служит решение вопроса о применении административной ответственности за правонарушения, связанные с незаконным потреблением наркотических средств или психотропных веществ. Однако диспозиция соответствующих норм связана не с состоянием лица, а с фактом незаконного потребления им запрещенных веществ. Для правоприменителя не очень важно, будет ли установлено состояние опьянения или нет. Достаточно отражения в акте медицинского освидетельствования факта выявления наркотического средства, психотропного вещества или их метаболитов. И наоборот, констатация факта опьянения, вызванного употреблением аналогов наркотических средств и (или) психотропных веществ, лекарственных препаратов для медицинского применения, вызывающих нарушение физических и психических функций, не может влечь последствий в виде применения ст. 6.9, ч.ч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ.

Во-вторых, общий порядок медицинского освидетельствования сформулиро-

ван с учетом в целом справедливой идеи о том, что доминирующей причиной опьянения служит употребление алкоголя. Однако в итоге установленный алгоритм допускает возможность прекращения медицинского освидетельствования при выявлении факта употребления алкоголя, а также при невыявлении соответствующих психоактивных веществ в результате первого этапа химико-токсикологического исследования (предварительного исследования иммунохимическими методами).

В-третьих, существующий порядок медицинского освидетельствования предполагает возможность констатации состояния опьянения лишь при условии инструментального установления конкретного вида психоактивного вещества, вызвавшего такое состояние. Невозможность решения этой задачи (в том числе по техническим причинам) не позволяет признать лицо находящимся в состоянии опьянения даже при наличии клинических признаков опьянения и признательных показаний самого правонарушителя. Для деятельности полиции это особенно важно, поскольку и КоАП РФ, и УК РФ связывают факт опьянения в том числе с употреблением одурманивающих веществ, перечень которых в настоящий момент остается открытым.

В то же время такие признаки вполне могут быть достаточными для ограничения прав соответствующего лица в рамках надзорной деятельности полиции, например для отстранения его от управления транспортным средством по причине наличия оснований полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения.

4. При определенных условиях состояние опьянения может быть констатировано правоприменителем на основании совокупности собранных доказательств. В частности, весьма распространенным средством такого доказывания служит акт о появлении на работе в состоянии опьянения. В административно-деликтной сфере вопреки требованиям ст. 26.11 КоАП РФ, устанавливающей принцип свободной оценки доказательств, правоприменительная практика видит положительный результат медицинского освидетельствования на состояние опьянения (в

соответствующих случаях — акта освидетельствования на состояние алкогольного опьянения) обязательным доказательством при применении большинства статей, связанных с нахождением лица в состоянии опьянения. Однако даже здесь имеют место ситуации, в которых это правило не действует, главным образом в связи с очевидностью и общеизвестностью признаков алкогольного опьянения, например в случаях применения п. 6 ч. 1 ст. 4.3, ч. 1 ст. 20.20, ст. 20.21 КоАП РФ.

5. В отдельных случаях факт наличия в организме психоактивных веществ может быть установлен при оказании лицу медицинской помощи в стационарных условиях. В целях оценки состояния пациента медицинские работники должны производить отбор биологических объектов (моча, кровь), в том числе путем направления объектов на химико-токсикологические исследования. По итогам такого исследования в необходимых случаях выносится справка (учетная форма № 454/у-06³). Несмотря на то, что полноценное медицинское освидетельствование в этом случае не проводится, такой документ может служить доказательством при решении вопроса о привлечении лица к юридической ответственности. Однако подобное исследование проводится прежде всего в целях оценки состояния здоровья пациента и не направлено на поиск в его организме всего доступного спектра психоактивных веществ. В результате справка, указывающая на обнаружение у лица признаков алкогольного опьянения, вовсе не свидетельствует о том, что это лицо не находилось в этот момент в состоянии наркотического опьянения.

6. Наконец, во многих случаях признаки опьянения устанавливаются правоприменителем самостоятельно. Иногда это делается в интересах самого лица. Например, согласно ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется с момента его вытрезвления (вероятнее всего, речь в данном случае идет о состоянии, при котором лицо обладает возможностью реализовывать свои права и обязанности). В определенном смысле похожие ситуации

имеют место при реализации п. 5 ч. 3 ст. 13 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», п. 14 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

Лишь в некоторых случаях установление признаков опьянения осуществляется на основании формальных критериев (например, ст. 27.12, 27.12.1 КоАП РФ, иные случаи, когда на медицинское освидетельствование направляется лицо, совершившее административное правонарушение). Часто ссылка на опьянение закрепляется косвенно и служит эффективным подтверждением обоснованности применения пресекательных мер к лицам, допускающим нарушение установленных правил поведения, создающим опасность (неудобства) для иных граждан: на объектах транспорта, на охраняемых объектах, в театрах, библиотеках, музеях и т.д. Например, в соответствии с п. 70 Правил перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом (утв. приказом Минтранса России от 19 декабря 2013 г. № 473) пассажир может быть удален из поезда работниками органов внутренних дел, если он при посадке в поезд или в пути следования нарушает правила проезда, общественный порядок и мешает спокойствию других пассажиров.

В целом представляя собой совокупность соответствующих состояний человека, вызванных употреблением им психоактивных веществ, опьянение в адми-

нистративно-правовых отношениях может служить юридическим фактом. Многообразие этих отношений предопределяет различные требования к содержанию данной категории. Таким образом, констатация состояния опьянения не носит универсального характера. Возможность распространения данного вывода на смежные общественные отношения требует учета как целевого предназначения запрета на нахождение в состоянии опьянения, так и формальных условий констатации факта опьянения, предусмотренных для подобных ситуаций.

¹ Утв. Минздравом СССР 01.09.1988 № 06-14/33-14; утратила силу в связи с принятием приказа Минздрава России от 18.12.2015 № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)».

² Правила освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством : утв. постановлением Правительства РФ от 26.06.2008 № 475, п. 8.

³ Утв. приказом Минздравсоцразвития РФ от 27.01.2006 № 40 «Об организации проведения химико-токсикологических исследований при аналитической диагностике наличия в организме человека алкоголя, наркотических средств, психотропных и других токсических веществ».

Будникова А.Б.

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ОПЬЯНЕНИЕ» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СТАТЬЕ 12.8 КОАП РФ

Последние несколько лет Красноярский край занимает лидирующую позицию среди регионов Сибирского федерального округа по числу выявленных преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ. Так, в 2016 году в округе зарегистрированы 18591 преступление, из них

3780 – в Красноярском крае; в 2017 году – 18226 и 3705 преступлений соответственно. Одним из субъектов данного преступления является лицо, подвергнутое административному наказанию, предусмотренному ст. 12.8 КоАП РФ, которой установлена административная ответст-

венность за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения. Однако действующим законодательством не дано легального определения понятия «опьянение».

В научной литературе можно встретить различные определения этого понятия. Так, Большая советская энциклопедия определяет опьянение как «нарушение физиологических функций организма и прежде всего его центральной нервной системы вследствие приёма алкоголя и других наркотиков; проявляется беспричинно радостным, приподнятым настроением, возбуждением (в тяжёлых случаях переходящим в угнетение), утратой реальной оценки обстановки и роли собственной личности, расстройствами памяти, внимания, речи и координации движений»¹. Медицинская энциклопедия даёт такое определение: «опьянение — совокупность психических, вегетативных и неврологических расстройств, возникающих в результате острого отравления нейротропными веществами; обычно характеризуется сменой психического возбуждения торможением с явлениями нарастающего оглушения сознания»². Большой юридический словарь предлагает определить опьянение как «психическое состояние, вызванное употреблением алкогольных напитков, наркотических или других одурманивающих веществ; выражается в снижении способности человека отдавать отчет в своих действиях или руководить ими»³. Можно говорить о том, что опьянение — это особое состояние, возникающее в результате воздействия на организм алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или других одурманивающих веществ и характеризующееся нарушением физиологических функций организма, что может проявляться в виде расстройств внимания, речи, координации движений, памяти и т.д.

Не давая определения понятию «опьянение», законодатель попытался устранить этот пробел в примечании к ст. 12.8 КоАП РФ, согласно которому ответственность за правонарушение наступает в случае установленного факта употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием

абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, или в случае наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека. Таким образом, законодатель связывает наступление алкогольного опьянения с наличием в организме человека этилового спирта в определенной концентрации, а наркотического опьянения — с наличием наркотических средств и психотропных веществ в организме человека, фактически уравнивая тем самым наркотическое опьянение и потребление наркотических средств и психотропных веществ.

Однако такая позиция законодателя вызывает серьезную критику. Во-первых, ответственность за потребление наркотических средств и психотропных веществ уже установлена в ст. 6.9 и 20.20 КоАП РФ. Во-вторых, статья 12.8 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение водителем транспортного средства п. 2.7 Правил дорожного движения РФ и реализует запрет на управление транспортным средством лицом, находящимся под воздействием определенных веществ, при котором нарушаются психомоторные реакции организма человека, что создает значительную угрозу безопасности дорожного движения.

Исследования, проведенные специалистами-наркологами, доказали, что периоды выведения наркотических средств и психотропных веществ из организма человека различны. Так, среднее время выявления морфина в моче составляет от 45 до 80 часов с момента потребления; метамфетамин детектируется в моче вплоть до 23 часов после разовой дозы; при выкуривании одной сигареты марихуаны при потреблении менее двух раз в неделю пробы мочи дают положительный эффект до 6 дней, при хроническом курении (2 и более сигареты в неделю) следовые количества марихуаны могут выявляться спустя несколько месяцев после последнего потребления.⁴ В такой ситуации нельзя однозначно утверждать, что через несколько дней (или недель) после разового потребления наркотиче-

ских средств или психотропных веществ лицо по-прежнему находится в состоянии наркотического опьянения.

Кроме того, в рамках аналогичных исследований установлено, что следы наркотических средств могут обнаруживаться в организме человека, не употреблявшего наркотики. Так, морфин и кодеин могут определяться в моче после употребления в пищу различных продуктов, содержащих маковое семя в качестве приправы, или кондитерских изделий с маком. Период детектирования таких веществ составляет 24-48 часов после еды.⁵

Таким образом, норма закона, прямо связывающая состояние наркотического опьянения с наличием наркотических средств и психотропных веществ в организме человека, может повлечь необоснованное привлечение к административной ответственности как лиц, вообще не употреблявших наркотические средства и психотропные вещества, так и лиц, ранее

употреблявших, но не находящихся в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством. Разрешить данную ситуацию возможно только путем обязательного включения в число критериев, на основании выносятся медицинское заключение «состояние опьянения установлено», нарушений физиологических функций организма в виде расстройств внимания, координации движений, памяти и речи.

¹ Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me>.

² Медицинская энциклопедия. URL: <https://gufo.me>.

³ Большой юридический словарь. URL: <https://gufo.me>.

⁴ Наркотики. Свойства, действие, фармакокинетика, метаболизм : пособие для работников наркологических больниц, наркодиспансеров, химико-токсикологических и судебно-химических лабораторий / Н.В. Веселовская [и др.]. М.: Нарконет, 2002. С. 23, 79, 142.

⁵ Там же. С. 24.

Кохан Р.Ю.

УМВД России по Псковской области

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА МЕДИЦИНСКОГО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НА СОСТОЯНИЕ НАРКОТИЧЕСКОГО ОПЬЯНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вопросы материальной природы медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения на протяжении ряда лет привлекают внимание теоретиков административного права и практических работников. Данная мера является важным элементом в системе противодействия незаконному обороту наркотиков, значительно определяющим эффективность профилактической работы.

Развитие медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения как меры государственного принуждения может быть условно разделено на несколько периодов. Начиная с 1917 г. до середины 1960-х гг. антинаркотическое законодательство РСФСР характеризовалось отсутствием правового запрета на потребление наркотиков и, как

следствие, отсутствием правового механизма медицинского освидетельствования на состояние опьянения. В УК РСФСР 1922 г. предусматривалась ответственность за изготовление и хранение с целью сбыта и сбыт отдельных наркотических средств и иных одурманивающих веществ без разрешения. Запрещалось свободное обращение всех сильнодействующих средств, служащих или могущих служить для различных видов опьянения. Вместе с тем изготовление и хранение наркотиков для собственного потребления, равно как их потребление, не являлось наказуемым.

Следующий период развития антинаркотического законодательства с середины 1960-х гг. до начала 1980-х гг. характеризуется нацеленностью правового

регулирования на лечение наркоманов в исправительно-трудовых учреждениях и лечебно-трудовых профилакториях. В соответствии со ст. 62 УК РСФСР 1960 г. в случае совершения преступления наркоманом суд наряду с наказанием за совершенное преступление мог применить к нему принудительное лечение. Закон РСФСР от 29 июля 1971 г. «О здравоохранении» предусматривал обязательное диспансерное наблюдение и лечение больных наркоманией, а также возможность их принудительного лечения. По решению суда на основании ходатайства трудового коллектива, общественных организаций, органов милиции и при наличии медицинского заключения лицо, уклоняющееся от добровольного лечения, могло быть направлено на принудительное лечение в лечебно-трудовой профилакторий на срок до 2 лет. Усилия врачей-наркологов, сотрудников милиции были направлены на выявление лиц, страдающих наркоманией, постановку их на соответствующий учет и в случае их уклонения от лечения подготовку материалов для решения в судебном порядке вопроса об их помещении в лечебно-трудовые профилактории. Сотрудники милиции имели право доставлять в медицинские учреждения лиц, потребляющих наркотические средства, для определения необходимости их лечения от наркомании.¹ Несмотря на значительные ограничения прав граждан, злоупотребляющих наркотическими средствами, непосредственно потребление наркотических средств не влекло привлечения к ответственности. Такая диспропорция приводила к фактическому отсутствию нормативных актов, регламентирующих порядок направления и порядок проведения освидетельствования на состояние наркотического опьянения.

Вплоть до 1988 г. медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения регламентировалось приказом Минздрава СССР от 22 ноября 1954 г. № 523 «О мерах улучшения экспертизы алкогольного опьянения» с учетом писем и рекомендаций Постоянного комитета по контролю за наркотиками при Минздраве СССР. Отсутствие ответственности за по-

требление наркотических средств и нормативно закреплённого механизма освидетельствования на состояние наркотического опьянения не способствовало выявлению потребителей наркотиков. Регистрируемый уровень заболеваемости на протяжении 1960-1980 гг. практически не изменялся: 10 тысяч человек в 1965 г., 14,8 и 14,5 тысяч человек в 1975 г. и 1985 г. соответственно², однако проблема наркомании продолжала нарастать.

Период с начала 1980-х гг. до 1991 г. характеризуется наличием административной ответственности за единичные факты потребления наркотиков. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1974 г. «Об усилении борьбы с наркоманией» была установлена административная ответственность за потребление наркотиков без назначения врача. В 1984 г. данная норма была сформулирована в ст. 44 КоАП РСФСР. В 1987 г. в Уголовный кодекс РСФСР введена ст. 224.3, которой предусматривалась уголовная ответственность за потребление наркотических средств, совершенное повторно в течение года после наложения административного взыскания. Был издан приказ Министерства здравоохранения СССР от 8 сентября 1988 г. № 694 «О мерах по дальнейшему совершенствованию медицинского освидетельствования для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения», утверждены Временная инструкция о порядке медицинского освидетельствования для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения, и Методические указания «Медицинское освидетельствование для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения». Впервые для подтверждения наркотического опьянения наряду с наличием клинических симптомов опьянения необходимым условием стали результаты химических исследований, подтверждающих потребление лицом конкретного вещества. Сотрудники милиции имели право доставлять в медицинские учреждения лиц для медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения и последующего привлечения к административной ответственности, а также для определения не-

обходимости их лечения от наркомании, а в случае установления фактов повторного в течение года потребления наркотических средств – для привлечения к уголовной ответственности.

Развитие антинаркотического законодательства и регулирование вопросов освидетельствования на состояние наркотического опьянения дали импульс работе по выявлению латентных наркопотребителей, постановке их на учет и проведению медицинской профилактики. В период с 1985 г. по 1991 г. число зарегистрированных наркозависимых выросло в 2 раза, достигнув к началу 1991 г. 28,3 тыс. зарегистрированных больных. При этом число преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков существенным образом не изменилось (в 1985 г. – 15,8 тысяч, в 1990 г. – 19,3 тысяч).

Четвертый период, длящийся с 1991 г. до начала 2000-х гг. характеризуется смягчением антинаркотического законодательства в административно-правовой сфере. Законом РСФСР от 5 декабря 1991 г. № 1982-1 исключены уголовная и административная ответственность за потребление наркотиков. С 21 июля 1993 г. система лечебно-трудовых профилакториев Министерства внутренних дел Российской Федерации упразднена. Компетенция органов внутренних дел в административно-правовой сфере в части, касающейся потребления наркотических средств, в указанный период состояла в установлении состояния наркотического опьянения в качествеотягчающего обстоятельства (ст. 11 Закона РФ от 18.04.1991 № 1026-1 «О милиции»); в выявлении правонарушений, связанных с управлением транспортными средствами в состоянии наркотического опьянения (ст. 245 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, Инструкция о порядке направления граждан на освидетельствование для установления состояния опьянения и проведения освидетельствования, утвержденная приказами МВД СССР № 45, Минздрава СССР № 06-14/14, Минюста СССР № К-8-347 от 29.06.1983).

С принятием Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» органы прокуратуры, дознания, ор-

ганы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, следователи и судьи получили полномочия направлять на медицинское освидетельствование в «специально уполномоченные учреждения здравоохранения» лиц, в отношении которых имелись достаточные основания полагать, что они больны наркоманией, находятся в состоянии наркотического опьянения либо потребили наркотическое средство. Вплоть до 1 июля 2002 г. потребление наркотиков не влекло административной ответственности, и такое медицинское освидетельствование рассматривалось как правовой механизм для постановки на учет лиц для дальнейшего их лечения в учреждениях здравоохранения. Такой порядок направления на медицинское освидетельствование нес в себе антинаркотическую доктрину предыдущих исторических периодов: направление лиц к наркологам для определения необходимости их лечения от наркомании безотносительно к вопросу привлечения к административной ответственности. Этот контекст во многом объясняет отсутствие конкретного перечня признаков, являющихся основанием для направления лица на медицинское освидетельствование, а также непроцессуальный характер данного освидетельствования.³ В период кардинального смягчения антинаркотического законодательства с 1992 г. по 2001 г. заболеваемость наркоманией и распространенность наркомании беспрецедентно выросли: заболеваемость – с 3,5 до 50,7 на 100 тысяч человек; распространенность наркомании – с 28,2 до 237,5 на 100 тысяч человек. В 8,1 раза увеличилось число зарегистрированных наркопреступлений (с 29,8 тысяч до 241,6 тысяч преступлений).

С принятием Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях начался новый этап, характеризующийся введением административной ответственности за потребление наркотиков и активным развитием законодательства по вопросам медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения. Во-первых, совершенствуются правила направления на медицинское освидетельствование лиц, которые управляют транспортными сред-

ствами (декабрь 2002 г., июнь 2008 г.). Во-вторых, Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» подтверждены полномочия сотрудников полиции направлять лиц на медицинское освидетельствование для определения наличия в организме наркотических средств для подтверждения либо опровержения факта совершения преступления или административного правонарушения, для объективного рассмотрения дела об административном правонарушении. Кроме того, в КоАП РФ введена статья 27.12.1, регламентирующая основания и порядок направления на медицинское освидетельствование лиц на состояние опьянения, совершивших административные правонарушения (июль 2014 г.), утверждены правила направления на такое освидетельствование (январь 2015 г.). Приказом Минздрава России от 18 ноября 2015 г. № 933н отменена Временная инструкция о порядке медицинского освидетельствования Минздрава СССР от 8 сентября 1988 г. и утвержден порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, охватывающий случаи применения ст. 27.12 и 27.12.1 КоАП РФ и ст. 13 Федерального закона «О полиции». В-третьих, для выявления фактов потребления наркотиков широко используются полномочия по направлению на медицинское освидетельствование лиц, предоставленные ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах». Должностные лица, осуществляющие производство по делам об административном правонарушении, наделены правом направления на медицинское освидетельствование в порядке ст. 44 данного Федерального закона (декабрь 2013 г.). С принятием значительного числа нормативных актов в развитие ст. 45 и 53.4 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» медицинское освидетельствование на состояние опьянения стало собирательной категорией, охватывающей ряд мер правового принуждения. В рассматриваемый период втрое снизилась заболеваемость наркоманией. Число лиц с диагнозом «наркомания» и

уровень преступности стабилизировались на уровне 240-250 человек на 100 тысяч населения и 210-250 тысяч преступлений.

Ретроспективный анализ свидетельствует, что медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения является базисным элементом антинаркотической работы. В своем развитии основные виды медицинского освидетельствования сохранили заложенную в предшествующих исторических периодах правовую природу. Для медицинского освидетельствования, проводимого в порядке ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», таковой является нацеленность на выявление наркопотребителей для постановки на наркологический учет и проведения с ними профилактической и лечебной работы органами здравоохранения. Данный вид освидетельствования возник в период, когда потребление наркотиков не являлось административно наказуемым. В условиях обширной практики по привлечению наркопотребителей к административной ответственности, непроцессуальный характер такого освидетельствования может являться причиной возникновения правовых коллизий. Требуется детально проанализировать отношения между непроцессуальным характером данного вида освидетельствования и последующей процессуальной природой привлечения лица к административной ответственности.

¹ О дальнейшем совершенствовании правового регулирования деятельности советской милиции ; постановление Совета Министров СССР от 08.06.1973 № 385 // СПС КонсультантПлюс.

² Коршунов В.А. Эпидемиологические закономерности распространения наркопотребления и наркозависимости и направления по оптимизации мер профилактики : дис. ... канд. мед. наук. URL: [http://www.crie.ru/pdf/diss1\(korshunov\).pdf](http://www.crie.ru/pdf/diss1(korshunov).pdf).

³ Цуканов Н.Н. Статья 44 федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и статья 27.12.1 КоАП РФ: к вопросу о соотношении оснований направления на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения. Сборник материалов XX международной научно-практической конференции. Часть 1. Сибирский юридический институт МВД России. Красноярск, 2017. С.81-84

Иванов А.Ю.,

кандидат философских наук, доцент

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

**ДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ДПС ГИБДД МВД РОССИИ ПРИ ОТКАЗЕ ВОДИТЕЛЯ
ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ОТ МЕДИЦИНСКОГО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ
(АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Согласно п. 2.3.2 Правил дорожного движения, утвержденных постановлением Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090, водитель транспортного средства обязан проходить по требованию должностных лиц, которым предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью дорожного движения и эксплуатации транспортного средства, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

Разъяснения в связи с указанной выше проблемой можно обнаружить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», в котором отмечается, что отказ от того или иного вида исследования, определяется как уклонение от медицинского освидетельствования.

Пунктом 19 Порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, утвержденного приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933, перечисляются основания, при наличии которых выносится медицинское заключение с формулировкой «от медицинского освидетельствования отказался». При выявлении одного из указанных оснований медицинское освидетельствование и заполнение акта прекращаются, в соответствующем журнале и в акте делается запись «от медицинского освидетельствования отказался».

Анализируя судебные акты судов общей юрисдикции за 2017 год, можно обнаружить, что рассматриваемые доводы жалоб для отмены постановлений по

делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.26 КоАП РФ, обычно опровергаются представленными доказательствами, признаются судом надуманными и направленными на желание избежать ответственности за совершенное административное правонарушение.

К числу наиболее распространенных доводов жалоб для отмены постановлений по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.26 КоАП РФ, относятся:

1) утверждения водителя транспортного средства, находящегося в состоянии опьянения о том, что он не управлял транспортным средством или управляло им другое лицо, которое являлось пассажиром либо вымышленным участником дорожного движения;

2) плохое самочувствие (например, сильная боль в области живота, головы, повышенная температура тела), срочно требовалась медицинская помощь;

3) не имелась возможность сдать образцы мочи по требованию врача-специалиста и др.

Обстоятельства отказа от прохождения медицинского освидетельствования должны подтверждаться следующими доказательствами:

1) протоколом об административном правонарушении, протоколом о направлении на медицинское освидетельствование, протоколом об отстранении от управления транспортным средством, которые должны содержать все необходимые реквизиты, в том числе полные данные понятых (фамилия, имя, отчество) и адреса их проживания, что является достаточным для признания таких документов допустимыми доказательствами по делу;

2) рапортом сотрудника полиции, в котором отражаются сведения о том, кто именно управлял транспортным средством и иные обстоятельства, имеющие значения для рассмотрения дела;

3) служебные видеозаписи, представленные полицией, подготовленные с помощью средств видеонаблюдений, установленных в автомобилях ДПС ГИБДД МВД РФ. Кроме того, согласно п. 40 Административного регламента МВД РФ для видеозаписи процессуальных действий, проводимых без участия понятых, допускается использование сотрудником цифровой аппаратуры (носимых видеорегистраторов, видеокамер, фотоаппаратов с функцией видеозаписи, прочих устройств, позволяющих осуществлять видеозапись). Полученные при совершении административных действий видеозаписи приобщаются к соответствующему протоколу либо акту освидетельствования на состояние алкогольного опьянения.

В зависимости от доводов жалоб, предъявляемых в судах, в качестве доказательств отказа от медицинского освидетельствования также могут выступать:

1) показания врача-нарколога, инспекторов ДПС в качестве свидетелей с соблюдением процессуальных требований, предусмотренных КоАП РФ;

2) справки, подтверждающие подготовку врача-специалиста для проведения освидетельствований;

3) видеозаписи, предоставленные медицинскими организациями, осуществляющими медицинское освидетельствование;

4) карты вызова скорой медицинской помощи, на основе которых можно сделать вывод о том, что на момент направления на медицинское освидетельствование водитель транспортного средства не имел какого-либо болезненного состояния, препятствующего ему пройти данное освидетельствование (см. решение Ачинского городского суда Красноярского края от 30 июня 2017 г. № 12-232/2017 по делу № 12-232/2017).

Указанные выше доводы жалоб для отмены постановлений по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.26 КоАП РФ, являют-

ся, по нашему мнению, попытками уклонения от медицинского освидетельствования и, как следствие, от административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

При этом следует отметить, что согласие лица на прохождение медицинского освидетельствования после составления протокола о направлении на медицинское освидетельствование и зафиксированного в письменном виде отказа лица пройти в установленном порядке медицинское освидетельствование, а также выражение согласия на прохождение медицинского освидетельствования после составления протокола об административном правонарушении не имеет юридического значения по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 12.26 КоАП РФ. Отказ лица от подписания протокола о направлении на медицинское освидетельствование свидетельствует о нежелании лица оформлять данный документ, а также о нежелании лица проходить в установленном порядке медицинское освидетельствование.

Согласно п. 6 Правил химикотоксикологических исследований, утвержденных приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н, при наличии у свидетелеваемого острых заболеваний, состояний, представляющих угрозу его жизни, или если в течение 30 минут после направления на химико-токсикологические исследования свидетелеваемый заявляет о невозможности сдачи мочи, производится отбор крови из поверхностной вены в объеме 15 мл в две пробирки (флакона) объемами 10 мл и 5 мл.

Отдельные ситуации требуют дополнительного внимания. Так, если лицо выполняет все действия, которые просит произвести врач-специалист, в том числе позу Ромберга и пробу Ташена, сдать анализ мочи не отказывается, пьет воду, но по истечении предоставленного ему времени физиологически не может сдать мочу, врач-специалист должен предложить сдать анализ крови, однако если указанный анализ не предлагается сдать по каким-то причинам, например, в условиях наркологического кабинета забор

крови не производится, так как условия, в том числе и лабораторные, отсутствуют, тогда данные обстоятельства не должны оцениваться как отказ от медицинского освидетельствования (см. решение Усть-Илимского городского суда Иркутской области от 20 июля 2017 г. по делу № 12-175/2017).

Особого внимания заслуживают ситуации, при которых сотрудникам ГИБДД приходится предпринимать дополнительные меры по установлению лица, управляющего транспортным средством, например, в ситуациях, когда после остановки транспортного средства, сотрудник полиции обнаруживает, что в транспортном средстве находятся только пассажиры и все они утверждают, что никто из них не управлял транспортным средством, при этом у всех «пассажиров» обнаруживаются признаки опьянения. Анализируя судебные акты, можно сделать вывод, что для установления конкретного лица, которое управляло транспортным средством, достаточно того, что сотрудник ГИБДД может самостоятельно опознать водителя, кроме того, в его арсенале имеется возможность просмотреть видеозаписи на устройствах, находящихся в служебном автомобиле, что впоследствии подлежит фиксации в рапорте сотрудников полиции. Дальнейший порядок действий сотрудников ГИБДД подробно описывается в Административном регламенте МВД РФ и в зависимости от действий установленного лица указанный алгоритм завершается оформлением протокола об административном правонарушении по соответствующей части ст. 12.8 либо ст. 12.26 КоАП РФ.

Однако в ситуациях, когда сотрудник полиции не обратил внимание, кто именно управлял транспортным средством или когда визуально не представляется возможным опознать, например, плохая видимость, темное время суток, передние стекла заклеены пленкой темного цвета, а в салоне автомобиля находятся несколько

человек, указанный выше алгоритм может не сработать. Кроме того, лицо, управляющее транспортным средством, имеющее признаки опьянения, может договориться с пассажиром (предварительно поменяться местами в салоне автомобиля), который впоследствии и сообщит сотруднику полиции, что именно он управлял транспортным средством.

Разрешение указанной ситуации не является однозначным, а результат зависит во многом от уровня профессионализма конкретного сотрудника ГИБДД. Так, в частности, сотрудник ГИБДД может произвести предварительный опрос всех лиц в салоне служебного автомобиля, где производится запись разговора, в ходе которого может быть установлен водитель, управляющий транспортным средством, а ответы могут быть записаны в дальнейшем на электронный носитель и послужить доказательством административного правонарушения. Кроме того, в целях установления всех обстоятельств административного правонарушения все лица, находящиеся в остановленном транспортном средстве, могут быть доставлены в отдел полиции, а при выявлении признаков преступления по согласованию с дежурной частью ОВД вызывается следственно-оперативная группа. Обычно указанных мер достаточно для разрешения указанной выше ситуации.

В случае отказа от прохождения медицинского освидетельствования со стороны лица, установленного как управлявшее транспортным средством, сотрудникам ГИБДД надлежит составить протокол об административном правонарушении, предусмотренном ст. 12.26 КоАП РФ.

Подводя итоги, необходимо отметить, что правовую основу применения освидетельствования на состояние опьянения участников дорожного движения необходимо совершенствовать с учетом результатов исследований в указанной области.

Кулицкая Л.И.,

кандидат юридических наук,

Владивостокский филиал
Дальневосточного юридического
института МВД России

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НА РЫНКЕ РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ

Криминализация рынка ритуальных услуг — тема сама по себе не новая и в последнее время довольно обсуждаемая. Не секрет, что в области оказания ритуальных услуг существуют четко налаженные криминальные связи, посредством которых «черные» агенты скупают информацию о смерти человека у медицинских работников через оператора «03» (где принимает участие дежурная бригада скорой медицинской помощи, бригады трупоперевозки, работники моргов и трупохранилищ, медицинский персонал больниц в случае смерти лица в больнице). Информация о смерти может поступать и через оператора «02» и сотрудников полиции (дежурная часть, участковый, сотрудники ДПС и др.), через отделы регистрации смерти, через дежурных врачей и других лиц, имеющих доступ к подобной информации.

Председатель совета директоров «Ritual.ru» Олег Шелягов отмечает, что «рынок ритуальных услуг в стране остается до сих пор как в «каменном веке». Коррупция и черные агенты, несовершенство Федерального закона № 8 «О погребении и похоронном деле» усугубляют ситуацию. По оценкам экспертов, теневой оборот рынка ритуальных услуг составляет 250 млрд. рублей в год. Тогда как легальный — всего 50-60 млрд.»¹.

Задача государства — добиться честного и открытого ведения бизнеса в данном секторе экономики, чтобы специализированные похоронные службы и агентства могли продуктивно и рентабельно развиваться без покупки информации о смерти и административного ресурса.

И сдвиги в этой области уже есть, открываются первые многофункциональные центры ритуального обслуживания, внедряется новая модель бизнеса на рын-

ке похоронных услуг.² Однако вопросы уголовной и административной ответственности за подобные правонарушения пока еще остаются открытыми. Одним из административно-правовых средств противодействия преступности на рынке ритуальных услуг могло бы стать введение административной ответственности за незаконные действия по получению или распространению информации о смерти граждан.

Как отмечается в прессе, «на каждого усопшего в Москве приходится 8 похоронных агентств, поэтому, чтобы получить заказ раньше конкурентов, коммерсанты покупают информацию. За данные о «домашней смерти» они платят по 20 тыс. руб., за сообщение о скончавшемся в больнице — 6 тыс. руб.»³. Такая ситуация имеет место потому, что отсутствует уголовная и административная ответственность за указанные правонарушения.

Правовому регулированию именно этого сектора экономики уделяется большое внимание со стороны государства и правительства. Начиная с 2012 г. предпринималось 17 попыток пересмотреть существующий ныне Федеральный закон «О погребении и похоронном деле». Только в 2017 году предлагались к обсуждению три варианта проекта федерального закона «О похоронном деле в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесенных на рассмотрение Правительством Российской Федерации в феврале 2017 г., затем в апреле 2017 г. и в ноябре 2017 г.⁴

Удивительно, что переходные положения последнего представленного для обсуждения законопроекта не содержат норм, предусматривающих административную ответственность за незаконные

действия по получению или распространению информации о смерти граждан либо их персональных данных, в то время как предыдущие версии закона, предлагавшиеся к обсуждению в феврале и в апреле 2017 г., такие положения содержали.

В настоящее время в КоАП РФ предусмотрена административная ответственность в виде наложения административного штрафа на должностных лиц в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей за непредоставление на безвозмездной основе гарантированного перечня услуг по погребению и за невыплату социального пособия на погребение (ст. 5.41 КоАП РФ).

Статьей 15.33 КоАП РФ установлена административная ответственность должностных лиц в виде административного штрафа в размере от трехсот до пятисот рублей за непредставление в соответствии с законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании социального пособия на погребение, стоимости услуг, предоставленных согласно гарантированному перечню услуг по погребению, а равно представление таких сведений в неполном объеме или в искаженном виде.

Законопроект «О похоронном деле в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от февраля 2017 г. и от апреля 2017 содержал норму, предусматривающую внесение дополнений в главу 19 КоАП РФ. Предлагалось главу 19 дополнить статьей 19.38, которая бы называлась «Незаконные действия по получению и (или) распространению информации о смерти граждан (персональных данных)». Санкция данной статьи предусматривала административную ответственность в виде наложения административного штрафа на граждан – от

двадцати до пятидесяти тысяч рублей, а на должностных лиц – от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей. Ответственность юридических лиц за куплю-продажу информации о смерти граждан предлагалось установить в размере от пятидесяти тысяч до двухсот тысяч рублей.

Учитывая существующие на черном рынке расценки за информацию о смерти человека, такие санкции представляются верными и обоснованными. Их введение могло бы служить одним из способов противодействия преступности на рынке ритуальных услуг и развитию цивилизованной предпринимательской деятельности в области погребения и похоронной деятельности. Кроме того, каждый конкретный случай применения мер административного наказания оказывает и общепреventивное воздействие, поскольку через санкции государство показывает, что отклоняющееся от норм поведение не осталось без внимания государства и общества.

Таким образом, следует признать, что проблема законодательного закрепления административной ответственности за незаконные действия по получению и (или) распространению информации о смерти граждан на сегодняшний день так и не решена, несмотря на её очевидную злободневность. Её разрешение возможно путем реализации дополнительных мер государственного реагирования.

¹ Рынок ритуальных услуг может стать цивилизованным. URL: <http://funeralportal.ru/news/1070/> (дата обращения: 14.10.2017).

² Там же.

³ URL: <http://www.aif.ru/infographic/1066187/> (дата обращения: 31.01.2017).

⁴ URL: <http://pohoronotraslsouz.ru/zakonodatelstvo/proekty-zakona-o-pokhoronnom-dele-2012-2015-gg> (дата обращения: 30.01.2017).

Бабин С.В.

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ В ПАРАДИГМЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Происходящие в последние годы изменения в системе МВД России обусловлены не только возросшими требованиями общества и государства к профессионализму сотрудников органов внутренних дел, эффективности и качеству их работы. Реформирование министерства проводится в общем ключе реализуемой в стране административной реформы, принципы и параметры которой определяются в основном «кулуарно» в аппаратах Президента и Правительства Российской Федерации. В различных концепциях, последовательно утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 23.07.2003 № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003-2004 годах» и распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.10.2005 № 1789-р, цели и задачи административной реформы обозначались лишь в общих чертах. Составить объективное представление о том, на каких базовых идеях и принципах осуществляется перестройка государственного аппарата, можно, лишь анализируя конкретные шаги, решения и структурные изменения органов власти.

В основу административной реформы заложен функционально-институциональный подход, направленный на достижение основных заявленных целей: повышение качества и доступности государственных услуг; ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования и повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти всех уровней. Применяя в рамках обозначенного подхода программно-целевой и системный методы управления, государство выработало общую схему, так сказать, «лекало», по которому проводится адми-

нистративная реформа. Определяется актуальная область государственных или общественных интересов, предпринимаются меры по уточнению функциональной системы ее правового регулирования, выявлению субъектов, осуществляющих регулятивную деятельность, после чего производится перенастройка административно-правового механизма посредством наделения тех или иных государственных органов конкретными компетенциями, четкого их разграничения, исключения дублирующих и избыточных функций. Одновременно осуществляется глубокая проработка и (или) изменение нормативно-правового обеспечения соответствующей сферы общественных отношений, а также организационная рационализация всего государственного аппарата или его отдельных структур.

Осуществляемая таким образом трансформация функциональных систем, базирующаяся на соответствующих административно-правовых нормах, приводит к комплексному изменению институциональной составляющей государственной власти. Достижимый эффект при этом значителен, некоторые исследователи говорят о неожиданно широком развитии такой формы правового регулирования, как административно-правовой режим, который из инструмента нормативного воздействия, предназначенного для особых случаев, превратился в многофункциональный метод государственного строительства.¹ В качестве примеров можно привести появление и развитие в течение последних 10 лет государственно-правовых механизмов противодействия коррупции, обеспечения национальной безопасности, а также серьезное изменение подходов в области противодействия незаконному обороту наркотиков.

Именно такой функционально-институциональной перестройке подверглась в

последние годы система МВД России. Глобальные изменения в ее работе, начавшиеся в 2009-2010 годах с разработки, по сути, нового правоохранительного органа — полиции, привели к серьезной трансформации взглядов, ценностных установок и принципов работы всего министерства. Эта изменившаяся парадигма преобразования обусловлена текущими задачами административной реформы, среди которых в первую очередь нужно выделить задачу «упрощения системы».

Формирование этой задачи стало неизбежным следствием многолетней работы над сокращением различных бюрократических процедур и разграничением компетенций государственных органов. Стимулы, приведшие к появлению идеи упрощения структуры и работы органов власти, просты и понятны. Определенный набор однородных по своему содержанию функций государственного управления включается в полном объеме в область компетенции одного государственного органа при ликвидации прочих властных субъектов или их объединении под единым руководством. В результате выстраивается простая система контрольно-распорядительных взаимоотношений, когда устраняется межведомственная конкуренция, выработка и реализация государственной политики в определенной области осуществляется одним субъектом и совершенно ясно, с кого спрашивать за конечные результаты работы.

Возвращаясь к парадигме продолжающегося реформирования Министерства внутренних дел Российской Федерации, следует констатировать, что определяющее место в ней отводится правоохранительной функции. Функционально-институциональный подход определяет современную структуру МВД России, правоохранительная деятельность министерства избавлена от лишнего груза, которым, по мнению архитекторов административной реформы, являлись чрезмерно широкие контрольно-надзорные полномочия, сложный и разветвленный аппарат «силовых» подразделений и наличие подразделений, большая часть работы которых связана с обслуживанием коммерческих договоров по охране имущест-

ва граждан и организаций. В результате были исключены из системы МВД России и переданы в Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации подразделения лицензионно-разрешительной системы, внутренние войска, спецподразделения ОМОН и СОБР, авиационные подразделения и вневедомственная охрана. В то же время в состав МВД России включены аппараты двух бывших федеральных служб (ФМС России и ФСКН России), функции которых однородны с функциями МВД России по причине своей правоохранительной направленности.

Произведенные институциональные изменения вкупе с продолжаемой государством работой по выстраиванию административно-правового механизма обеспечения национальной безопасности страны можно считать элементами формирования административно-правового режима охраны и обеспечения общественного порядка, в котором МВД России выделяется как основной управляющий субъект, и перестройки сразу нескольких важнейших административно-правовых режимов: противодействия терроризму и экстремизму, контроля за оборотом оружия, охраны особо важных и режимных объектов и некоторых других, в которых Росгвардия выступает как новый, автономный, хорошо оснащенный и подготовленный силовой орган.

Вместе с тем кроме очевидных плюсов формирования новых и перестройки уже существующих органов государственной власти по функциональному признаку создается впечатление, что проведенное «очищение» правоохранительной функции МВД России привело к значительному выхолащиванию содержательной стороны оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, а в итоге и к серьезным сбоям в функционировании некоторых уже указанных нами режимов.

Основной проблемой является процесс выстраивания взаимодействия МВД России и Росгвардии. Существующий совместный приказ этих ведомств, определяющий порядок выполнения задач по охране общественного порядка и обеспе-

чению общественной безопасности, во-первых, не лишен недостатков, а во-вторых, затрагивает лишь малую часть их совместной работы.

В настоящее время уже многими экспертами говорится о серьезных недостатках в сфере контроля за оборотом оружия. С одной стороны, лицензионно-разрешительная система, действовавшая в рамках задач, стоящих перед МВД России и полицией, позволяла эффективно решать широкий перечень проблем, связанных с профилактикой и пресечением преступлений и административных правонарушений, но также имела целый комплекс проблем, требующих внимания. С другой стороны, переход данной системы в новый правоохранительный орган этих проблем не решил², но прибавил новые и очень серьезные. До настоящего времени сотрудники ЛРР Росгвардии в основном продолжают осуществлять свою деятельность в помещениях территориальных органов МВД России, используют их комнаты хранения оружия и иную материально-техническую базу, а вопросы организации их эффективного взаимодействия с сотрудниками ОВД не находят должного решения.

Осложнилась работа органов внутренних дел в условиях чрезвычайных ситуаций, связанных с пресечением массовых беспорядков, задержанием вооруженных преступников, освобождением заложников и т.п., когда для эффективного их разрешения требуются действия специальных подразделений и авиаотрядов. Это наглядно показали проведенные ГУ МВД России по Красноярскому краю в январе 2018 года командно-штабные учения, так же как и то, что в условиях реальной боевой обстановки для эффективного взаимодействия двух ведомств вряд ли будет достаточно нормативных положений действующего на настоящий момент приказа МВД России от 24.03.2015 № 363дсп. Согласно ст. 9 Фе-

дерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» в числе полномочий Росгвардии пресечение массовых беспорядков в населенных пунктах. У полиции такого права нет, во всяком случае, не в такой прямой формулировке. И означает ли это, что теперь Росгвардия должна отвечать за организацию и действия соответствующих группировок сил и средств?

К одной из важнейших обязанностей МВД России относится участие в обеспечении защиты потенциальных объектов террористических посягательств и мест массового пребывания граждан, однако в результате трансформации правоохранительной функции ведомства один из серьезных инструментов такой защиты – обязательность участия в проведении экспертной оценки состояния антитеррористической защищенности и безопасности объектов – был последовательно исключен вначале из Федерального закона «О полиции», а затем и из Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации.

Нами приведена лишь малая часть вопросов, возникающих в ходе оценки происходящих с МВД России изменений. Хотим отметить, что в настоящее время, несмотря на то, что преобразование данного ведомства нацелено на повышение его эффективности, проблем от этого стало не меньше, а больше, и их в ближайшее время придется решать.

¹ Долгополов А.А. Теоретические основы режимного административно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел : монография. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. 180 с.

² Шишкин П.Е. О некоторых вопросах административной ответственности в области оборота гражданского пневматического оружия // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 4.

Бучакова М.А.

доктор юридических наук, доцент

Омская академия МВД России

Дизер О.А.,

кандидат юридических наук, доцент

Омская академия МВД России

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БРОДЯЖНИЧЕСТВУ И ПОПРОШАЙНИЧЕСТВУ

Бродяжничество и попрошайничество относятся к разновидностям антисоциального поведения, одновременно они свидетельствуют об уровне социального благосостояния общества. Согласно ст. 7 Конституции РФ Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, однако согласно статистическим данным реальные располагаемые денежные доходы (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен), в октябре 2017 г. снизились на 1,3% по сравнению с соответствующим периодом 2016 г. и по сравнению с 2015 г. – на 5,9%. В целом последние несколько лет наблюдается снижение реальных денежных доходов. Разрыв между богатыми и бедными россиянами значителен, происходит обнищание населения, которое зачастую приводит к попрошайничеству и бродяжничеству. На лиц, ведущих подобный образ жизни, смотрят, как на человека грязного, неполноценного и морально разложившегося. Зачастую общество относится к нему с нетерпимостью и неуважением, брезгливостью и отвращением и, наконец, с явным опасением.

Нередко такие лица становятся жертвами противоправного поведения, а зачастую сами совершают правонарушения, посягающие на общественный порядок.

Серьезная проблема для муниципальных образований заключается в том, что лица без определенного места жительства («бомжи») являются источником распространения в обществе серьезных

инфекционных заболеваний. В среде данных лиц отмечается высокий уровень пораженности туберкулезом, в том числе в открытой форме, педикулезом и другими болезнями. В этой связи возникают вопросы, связанные с охраной здоровья населения. Серьезной проблемой является и попрошайничество, выступающее способом зарабатывания денег для определенной категории лиц. Следует отметить, что эффективным средством в данной сфере могут являться нормы административного и уголовного законодательства, направленные на его защиту. Однако в настоящее время ни административная, ни уголовная ответственность за занятие бродяжничеством и попрошайничеством не установлены. В целях охраны здоровья населения необходим комплекс мер, направленных на улучшение профилактических, противоэпидемических мероприятий, включающих меры правового, воспитательного, социального характера.

Необходимо закрепление в федеральном законодательстве общих и обязательных норм и ограничений, требуется определение понятий «бродяжничество» и «попрошайничество», оснований и порядка применения мер медицинского характера, в том числе принудительных, ресоциализация граждан, ведущих подобный образ жизни.

Результаты проведенного анкетирования свидетельствуют о том, что большинство опрошенных граждан (более 70%) считают репрессивный метод противодействия данному антисоциальному явлению наиболее целесообразным и эффективным. По мнению населения, именно органы МВД России должны быть

главными в решении проблем таких людей. Можно предположить, что данный подход обусловлен тем, что в советский период времени, а также в 90-е годы XX в. именно милиция занималась такой категорией лиц.

Так, Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» предоставлял сотрудникам право задерживать и доставлять в приемники-распределители, центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, а также центры социальной реабилитации лиц в случаях и порядке, предусмотренных законом.¹ Указом Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1815 «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества» на органы внутренних дел возлагались задачи по выявлению лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, задержанию и доставлению их в центры социальной реабилитации, установлению личности задержанных, а также обеспечению общественного порядка и охране указанных учреждений, однако эти учреждения так и не были созданы, что повлекло отмену данного нормативного акта.²

В настоящее время законодательство, регламентирующее деятельность полиции, не предусматривает полномочий в сфере противодействия бродяжничеству и попрошайничеству, а данная проблема отнесена к разряду социальных и медицинских. Определенными полномочиями по противодействию бродяжничеству и попрошайничеству наделяются патрульно-постовая служба полиции, служба участковых уполномоченных полиции, подразделения по делам несовершеннолетних, которые руководствуются приказами МВД России, определяющими, порядок их деятельности и полномочия.

Учреждениями, реализующими государственную политику в сфере социального обслуживания лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, являются организации социального обслуживания, относящиеся к Минтруду России.³ Удаление полиции из сферы

предупреждения бродяжничества и попрошайничества негативно отражается не только на санитарно-эпидемиологической, но также и на криминогенной обстановке. В частности, в 2016 г. на территории Омской области лицами без определенного жительства были совершены порядка 300 преступлений.

На основе изложенного выше полагаем, что необходим комплексный подход по противодействию бродяжничеству и попрошайничеству, реализация данной задачи возможна посредством выстраивания системы государственных и муниципальных органов, полномочных в данной сфере, ее могут образовать Минтруд России, Минздрав России, МВД России, ФСИН России.⁴ При этом ядром этой системы, выполняющим функции координации и контроля за соблюдением законодательства в рассматриваемой сфере, должны стать организации социального обслуживания Минтруда России. Вместе с тем существующее положение вещей в системе предупреждения бродяжничества и попрошайничества, возложение функций в этой сфере лишь на ведомства социального характера не отвечает потребностям оказания необходимой помощи рассматриваемым категориям лиц и явно недостаточно для цивилизованной охраны общественной нравственности и здоровья населения.

¹ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 59.

² О признании утратившим силу Указа Президента РФ от 2 ноября 1993 г. № 1815 «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества»: Указ Президента РФ от 06.02.2004 № 151 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 6. Ст. 412.

³ Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 7007.

⁴ Бучакова М.А., Дизер О.А. О координации деятельности органов публичной власти в области противодействия бродяжничеству и попрошайничеству // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сборник статей / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. Спб., 2017.

Бережкова В.И.,

Управление МВД России
по Ульяновской области

**ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР
В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ФОРМИРОВАНИИ
ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА ПОЛИЦИИ, ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
НАСЕЛЕНИЯ**

С развитием информационных технологий все большее воздействие на человека имеют различные источники информации. Масс-медиа, стремясь повысить свои рейтинги, пытаются привлечь массового зрителя, отдают предпочтение новостям, способным вызвать наибольший общественный резонанс. Особой популярностью пользуются материалы правоохранительной направленности.

Данная информация оказывает существенное влияние на общественное сознание, может способствовать повышению правовой культуры общества, преодолению правового нигилизма, воспитанию у населения активной гражданской позиции по оказанию содействия органам внутренних дел в предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений и правонарушений. С другой стороны, может вызвать криминогенную напряженность, наглядно демонстрируя способы совершения преступлений, сформировать негативный образ сотрудника органов внутренних дел в глазах общественности.

Следует отметить, что общественное доверие к органам правопорядка является одним из важнейших условий в правоохранительной деятельности. Доверие к полиции формируется как качественным и добросовестным исполнением функций, возложенных на органы внутренних дел, так и имиджем в глазах населения, создаваемым масс-медиа. В связи с этим деятельность подразделений информации и общественных связей в системе МВД России (далее подразделения ИиОС), основной функцией которых является информационное сопровождение органов внутренних дел, в настоящее время играет важную роль в профилактике преступлений и правонарушений, пропаганде правовых знаний среди населения.

Необходимо выделить два основных фактора, позволяющих эффективно влиять на формирование объективной оценки деятельности органов внутренних дел в общественном сознании: размещение на постоянной основе объективной, актуальной информации о деятельности полиции, оперативное прогнозирование информационных поводов и угроз правоохранительной направленности и реагирование на них.

В первом случае подразделения ИиОС на постоянной основе доводят до населения различную информацию о деятельности органов внутренних дел. Следует отметить, что данная информация имеет свою градацию как по стилю изложения, так и по задачам, поставленным по воздействию на общественное сознание. Материалы можно подразделить на несколько групп: информационные (о факте совершенного преступления или правонарушения, о предоставляемых государственных услугах, проведении прямых линий, встреч руководства с трудовыми коллективами и т.д.), имиджевые (о героических поступках, совершенных сотрудниками органов внутренних дел, акциях, проводимых МВД России, в том числе благотворительных), профилактические (связанные с профилактикой преступлений и правонарушений). Если одни материалы масс-медиа публикуют практически всегда (в основном информационные), то другие (в основном профилактического плана) остаются без внимания масс-медиа.

Публикация материалов федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в государственных средствах массовой информации регулируется федеральным законом¹, кото-

рый распространяется на освещение деятельности Президента Российской Федерации, Федерального Собрания (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительства Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации.

Выделение материальных средств на учреждение региональных ведомственных СМИ МВД России с широкой аудиторией, позволяющих на постоянной основе проводить профилактику преступлений и правонарушений среди населения, не предусмотрено.

Вопрос освещения наиболее значимых тем, характерных для конкретного региона, в средствах массовой информации, в том числе государственных, в российском законодательстве не урегулирован. В то же время одной из наиболее важных тем на региональном уровне, требующих освещения в СМИ, остается криминогенная ситуация. Какие преступления и правонарушения наиболее характерны для определенного субъекта Российской Федерации, что необходимо делать, чтобы не стать жертвой злоумышленников, и куда необходимо обращаться в экстренном случае — по сути, данные вопросы должны постоянно доноситься до населения органами исполнительной власти на региональном уровне.

Одними из основных задач, стоящих перед подразделениями ИиОС, является прогнозирование информационных поводов и угроз, оперативное реагирование на них. В связи с этим сотрудниками подразделений ежедневно проводится мониторинг на региональном уровне электронных и печатных масс-медиа с целью выявления критических материалов правоохранительной направленности как объективного, так и тенденциозного характера.

Для защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел используются как альтернативные (право на ответ и опровержение), так и судебные способы защиты. В российском законодательстве за распространение информации, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию,

предусмотрена гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность.

В то же время согласно российскому законодательству сотрудники органов внутренних дел не имеют преимуществ в судебной защите своих прав при распространении о них диффамационной информации, несмотря на то, что в связи со спецификой профессии они более подвержены негативному информационному воздействию.

Согласно Обзору практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации² лица, оспаривающие информацию диффамационного характера, размещенную в сети Интернет, до подачи иска в целях фиксации соответствующей интернет-страницы, как правило, обращаются к нотариусу за удостоверением ее содержания на основании статьи 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Стоимость нотариальных услуг может составить внушительную сумму, что является одним из факторов нежелания сотрудников отстаивать свои ущемленные права.

Удостоверение ее содержания возможно путем создания соответствующей комиссии без оплаты нотариальных услуг. Как пример судебной практики — решение Ленинского районного суда г. Ульяновска от 23 июня 2017 года №2-2551/17, где 13 интернет-сайтов были удостоверены комиссией, состоящей из сотрудников ОИОС, ОРЧ (СБ), ЭКЦ УМВД России по Ульяновской области. При подаче искового заявления в суд данное решение было обосновано отсутствием ответчиков (на сайтах отсутствуют контактные данные редакции, масс-медиа не зарегистрировано как СМИ), а следовательно, невозможностью возмещения денежных средств, затраченных на нотариальные услуги.

Подводя итог вышесказанному, необходимо выделить следующие направления, которые позволят эффективно противостоять информационным угрозам, снизить криминогенную напряженность, обеспечить качественную профилактику преступлений и правонарушений:

закрепить в Федеральном законе «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» пункт о постоянном освещении в государственных региональных средствах массовой информации материалов, направленных на профилактику преступлений и правонарушений, характерных для определенного региона, на повышение правовой грамотности населения;

активно использовать альтернативные способы защиты – право на опровержение и ответ, в частности при установлении до назначения соответствующей проверки недостоверности распространяемых сведений;

ввести в объект состава преступления статьи 298.1 УК РФ отношения, защищающие честь и достоинство не только судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего

дознание, судебного пристава, но и любого сотрудника органов внутренних дел, в отношении которого была распространена клевета в связи с исполнением им своих должностных обязанностей;

использовать альтернативные способы фиксации при представлении в судебном порядке доказательств, подтверждающих факт распространения порочащих сведений в сети Интернет.

¹ О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации : Федеральный закон от 13.01.1995 № 7-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

² Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.03.2016. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.vsrfr.ru>.

Дудина Н.А.,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Национальная стратегия противодействия коррупции, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460, рассматривает коррупцию как угрозу безопасности Российской Федерации. В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» коррупция представляет собой злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц

либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Проблема противодействия коррупции в сфере государственной службы, в частности в органах внутренних дел, не теряет актуальности. Об этом свидетельствуют целый ряд существенных изменений в законодательстве о противодействии коррупции, а также численные показатели лиц, привлеченных к юридической ответственности за нарушения в области антикоррупционного законодательства. Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ в I квартале 2017 года выявлены 89,9 тыс. нарушений антикоррупционного законодательства. «Органами прокуратуры выявлено 9,6 тыс. нарушений зако-

нодательства, связанных с неисполнением обязанностей, несоблюдением установленных в целях противодействия коррупции запретов и ограничений, из них 7,6 тыс. нарушений (79%) – при проверках достоверности сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. По результатам рассмотрения актов прокурорского реагирования к дисциплинарной ответственности привлечено 13 тыс. лиц»¹.

При анализе норм действующего законодательства возникает несколько проблемных вопросов, разрешение которых, на наш взгляд, имеет принципиальное значение.

Так, не совсем понятно, что представляют собой коррупционные правонарушения, ответственность за которые предусмотрена Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе) и какова их природа?

Правоприменительная практика и анализ действующего законодательства позволили прийти к следующим выводам.

В соответствии с ч. 1 ст. 49 Закона о службе нарушением служебной дисциплины (дисциплинарным проступком) признается виновное действие (бездействие), выразившееся в нарушении сотрудником органов внутренних дел российского законодательства, Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации, должностного регламента (должностной инструкции), правил внутреннего служебного распорядка МВД России, его территориального органа или подразделения, либо в несоблюдении запретов и ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел, и требований к служебному поведению, либо в неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательств, предусмотренных контрактом, служебных обязанностей, приказов и распоряжений прямых руководителей (начальников) и непосредственного руководителя (начальника) при выполнении основных обязанностей и реализации предоставленных прав.

Часть 2 ст. 49 Закона о службе устанавливает перечень грубых нарушений служебной дисциплины. Стоит заметить, что до 1 января 2015 года (в настоящее время п. 13 ч. 2 утратил силу) в качестве грубого нарушения служебной дисциплины рассматривалось непредставление сотрудником сведений (представление заведомо недостоверных или неполных сведений) о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, в связи с чем сотрудник мог быть уволен в связи с грубым нарушением служебной дисциплины, а также в связи с утратой доверия. Но судебная практика скорректировала отдельные положения законодательства, в результате чего были введены два новых положения – несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции (ст. 50.1) и коррупционные правонарушения (ст. 51.1). Не совсем понятно разграничение данных деяний, поскольку ст. 51.1 Закона о службе отсылает нас к ст. 82.2 указанного Закона, в которой описываются аналогичные деяния, охватываемые в том числе ст. 7.1 по ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции», за исключением лишь одного: за деяния, предусмотренные ст. 50.1, применяются дисциплинарные взыскания в соответствии с ч. 1 ст. 50 Закона о службе, а за коррупционные правонарушения к этому списку добавлено «увольнение в связи с утратой доверия» (ст. 82.1). Более того, не понятны и критерии разграничения тяжести «коррупционных правонарушений» (например, ч. 3 ст. 51.1: «учитываются характер совершенного сотрудником органов внутренних дел коррупционного правонарушения, его тяжесть...»; ч. 4: «Взыскание в виде замечания или выговора может быть наложено на сотрудника органов внутренних дел при *малозначительности* совершенного им коррупционного правонарушения»).

Анализ нормативно-правовой базы в области антикоррупционного законодательства свидетельствует, что лишь в одном источнике мы можем найти понятие коррупционного правонарушения. Согласно ст. 2 Модельного закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике»² под коррупционным правонарушением понимается деяние, обладающее признаками коррупции, за которое нормативным правовым актом установлена гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность. Исходя из этого понятия можно сделать вывод, что понятие «коррупционное правонарушение» – собирательное, подразумевает деяние, за совершение которого предусмотрены различные виды ответственности. Причем в самом понятии «коррупция», как уже было отмечено ранее, содержится перечень деяний, за которые и так отраслевыми законами предусмотрена ответственность (например, дача/получение взятки – уголовно наказуемые деяния). Еще одно упоминание о правонарушениях содержится в Федеральном законе «О противодействии коррупции»; так, непредставление сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представление заведомо недостоверных или неполных сведений в силу ч. 9 ст. 8 и ч. 3 ст. 8.1 является правонарушением.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание – это сроки давности привлечения к ответственности за совершение вышеуказанных деяний. С дисциплинарными взысканиями все ясно и достаточно конкретно. Дисциплинарное взыскание не может быть наложено на сотрудника органов внутренних дел по истечении шести месяцев со дня совершения дисциплинарного проступка. С коррупционными правонарушениями дело обстоит несколько иначе. Законодатель, на наш взгляд, чрезмерно широко наделил правоприменителя дискреционными полномочиями применять взыскания за деяния, предусмотренные ст. 50.1 и 51.1 Закона о службе – не позднее шес-

ти месяцев со дня поступления информации о совершении коррупционного правонарушения. Таким образом, совершенно не важно, когда деяние было совершено, представляет ли оно общественную опасность в данный момент, при каких обстоятельствах оно было совершено и т.д., фактически сроки давности отсутствуют. Такое положение плохо согласуется с общепринятыми нормами о сроках давности в иных отраслях права (уголовное, административное). Следует отметить, что законодателем установлен всего месячный срок, в течение которого лица, обязанные представлять сведения о доходах и расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, имеют право произвести их уточнение, и корректировка таких сведений за пределами указанного срока не предусмотрена действующим законодательством. Получается, сотрудник органов внутренних дел сегодня лишен возможности заявить о фактах, которые ранее не указывал в декларации, поскольку это не может рассматриваться в качестве меры по устранению допущенных нарушений закона, более того, это может повлечь за собой негативные последствия для сотрудника. Здесь бы следовало вспомнить об институте деятельного раскаяния, который уже достаточно долго существует в уголовном праве и имеет несомненные достоинства. Как было отмечено в одном из судебных решений Европейского суда по правам человека, «давность может определяться как право, предоставляемое законом лицу, совершившему противоправное действие, больше не быть преследуемым или судимым после истечения определенного срока с момента совершения деяний»³. Стоит согласиться с мнением о том, что «отсутствие в системе норм, определяющих сроки давности, представляется очевидным пробелом, порождающим коррупционные предпосылки»⁴.

Таким образом, учитывая, что практика в области применения антикоррупционного законодательства еще формируется, сегодня крайне важно на законодательном уровне определить понятие коррупционного правонарушения, категории таких правонарушений, скорректи-

ровать сроки давности и меры юридической ответственности, за такие правонарушения, исключить усмотрение руководителя, применение оценочных норм, поскольку правовая неопределенность и наличие широких дискреционных полномочий, на наш взгляд, могут привести к негативным последствиям в виде нарушения прав и свобод сотрудников органов внутренних дел, даже с учетом положений Конституционного Суда о том, что гражданин добровольно избирает профессиональную деятельность, занятие которой предполагает наличие определенных ограничений в осуществлении им конституционных прав и свобод, что обусловлено исполнением особых публично-правовых обязанностей, возложенных на государственных служащих сообразно соответствующему виду государственной службы.

¹ Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции: сборник методических рекомендаций / под общ. ред. начальника управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры Российской Федерации, государственного советника юстиции 3 класса А.Е. Русецкого. М., 2017. С. 221,222.

² Принят в г. Санкт-Петербурге 15 ноября 2003 г. постановлением 22-15 на 22-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ.

³ Решение по делу *Coeme and others v. Belgium* (ECHR 2000-VII -(22.06.2000) § 146) в решении №М-131/2014 2-191/14 2-191/2014~М-131/2014 2-191/2014 от 12.05.2014. Забайкальского районного суда (Забайкальский край). URL: <http://sudact.ru/regular/doc/2zu0BeEdXrgj/>.

⁴ Туганов Ю.Н. Пресекательные сроки дисциплинарной ответственности судей: проблемы и пути решения // Современное право. 2011. № 3. С. 95-100.

Невирко Д.Д.,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ МЕР В РАМКАХ ПРОЦЕДУР КОНТРОЛЯ НАД РАСХОДАМИ ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ

С момента принятия Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в Российской Федерации проведена огромная работа по правовому регулированию антикоррупционной деятельности. При этом антикоррупционное законодательство как минимум далеко от совершенства. Президент Российской Федерации В.В. Путин на ежегодной пресс-конференции 14 декабря 2017 г. также затронул проблему коррупции в правоохранительных органах, указав: «Иногда даже не знаю, что с этим делать».¹ Выступая 14 марта 2017 г. на заседании коллегии Генеральной прокуратуры России В.В. Путин отметил: «Важнейшее направление – это противодействие коррупции и криминалу в целом... В прошлом году по материалам прокурорских проверок было возбуждено

3,8 тысячи уголовных дел антикоррупционного характера»². Данная проблема неоднократно поднималась Президентом РФ и на расширенных заседаниях коллегии Министерства внутренних дел РФ.³

На заседании Президиума Совета по противодействию коррупции 26 декабря 2017 г. органами прокуратуры отмечен высокий уровень коррупционных правонарушений, обращено внимание на необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правового регулирования в данной отрасли.⁴

Данная работа посвящена только одному сегменту антикоррупционной деятельности государства – предоставлению и проверке сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции»). Мною

уже указывалось на несовершенство и неэффективность указанного института, и за последний год ситуация существенно не изменилась.⁵ Так, количество предъявленных исков об обращении в доход государства имущества государственного служащего принципиально не изменилось (в 2014 г. – 1, 2015 – 11, 2016 – 29, I квартал 2017 – 8).⁶ При этом количество лиц, подающих сведения о доходах и расходах, составляет примерно 1,6 млн. человек.

Разумеется, сам факт возможного обращения в доход государства имущества, полученного преступным путем, должен способствовать снижению количества коррупционных правонарушений, однако практика показывает, что это не совсем так. В указанное время количество зарегистрированных коррупционных преступлений составляет не менее 30000 в год (в 2014 г. – 32060, 2015 г. – 32455, 2016 г. – 32924, первое полугодие 2017 г. – 18383)⁷, а число лиц, подающих сведения о доходах и расходах, исчисляется миллионами. Кроме того, ущерб от коррупционных преступлений постоянно увеличивается (например, в 2016 г. увеличился на 191% по сравнению с 2015 г.) Приведенные статистические данные не оставляют сомнения в том, что рассматриваемый институт нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Кроме того, контроль за предоставлением сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера воспринимается как самостоятельный институт, а не как средство контроля над расходами. Подобное понимание вышеуказанных процедур сотрудниками органов прокуратуры, кадровых подразделений и подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений приводит к колоссальным затратам административных ресурсов, что не может не сказываться на эффективности государственного управления в целом и противодействия коррупции в частности.

Полагаю, что одним из направлений совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере должна стать дифференциация антикоррупционных мер в зависимости от конкретной государственной должности.

С.Н. Братановский и М.Ф. Зеленов, говоря об объективной необходимости подобных мер, отмечают, что «при построении системы такой дифференциации простой, «механический» подход («чем выше должность, тем больше запретов») может дать необходимый результат лишь частично. ... Нам представляется, что дифференциация антикоррупционных механизмов на государственной и муниципальной службе должна базироваться не на группах и категориях должностей, а на анализе коррупциогенности (понимаемой в данном случае как возможность коррупционного поведения) каждой должности»⁸.

Говоря о предоставлении сведений в рамках процедур контроля над расходами, многие авторы отмечают, что сам Указ Президента РФ от 18 мая 2009 г. № 557, устанавливающий перечень должностей федеральной государственной службы, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей содержит идею дифференциации лиц, занимающих государственные должности.⁹ При этом количество лиц, предоставляющих указанные сведения, является очень значительным. Также вызывает озабоченность тот факт, что перечень данных лиц значительно расширяется в подзаконных нормативных правовых актах (прежде всего имеются в виду акты, издаваемые федеральными органами исполнительной власти).

Проведению подобной дифференциации мешает отсутствие методической основы оценки коррупциогенности должностей государственной службы, на что неоднократно указывалось в научной литературе.

Таким образом, учитывая практику применения ст. 8 и 8.1 Федерального закона «О противодействии коррупции», считаю возможным предложить следующие меры:

1) разработать методику оценки государственных должностей на предмет

коррупционных рисков, что позволило бы разделить всех лиц, занимающих государственные должности, на три категории:

– лица, обязанные предоставлять сведения, указанные в ст. 8 и 8.1 Федерального закона «О противодействии коррупции» вне зависимости от каких либо обстоятельств;

– лица, обязанные предоставлять вышеуказанные сведения исключительно в случае совершения сделок по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), совершенной им, его супругой (супругом) и (или) несовершеннолетними детьми в течение календарного года, предшествующего году представления сведений, если общая сумма таких сделок превышает общий доход данного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих отчетному периоду;

– лица, обязанные предоставлять вышеуказанные сведения по обоснованным запросам контролирующих органов;

2) внести изменения в ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции» и подзаконные акты в части допустимости проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера исключительно в рамках контроля над расходами;

3) значительно сократить количество лиц, предоставляющих сведения о доходах и расходах в безусловном порядке.

Принятие подобных предложений позволило бы значительно повысить эффективность рассматриваемых процедур за счет экономии государственных ресурсов.

В заключение стоит отметить, что первые шаги в рамках вышеуказанных предложений уже делаются. Так, приказом МВД России от 20 декабря 2017 г. № 945 в соответствующий перечень должностей, утвержденный приказом МВД России от 16 декабря 2016 г. № 848, внесены изменения, согласно которым из числа лиц, обязанных подавать вышеуказанные сведения, исключены ученые секретари и

должности всех наименований профессорско-преподавательского (преподавательского) состава. Хотелось бы надеяться, что подобная тенденция сохранится.

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56378>.

² Выступление Президента РФ В.В. Путина на заседании коллегии Генеральной прокуратуры России 14.03.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54035>.

³ Выступление Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 09.03.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54014>. Выступление Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 15.03.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515>. Выступление Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 04.03.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47776> (дата обращения: 09.01.2016).

⁴ URL: <http://www.kremlin.ru/events/administration/56506>.

⁵ Невирко Д.Д. К вопросу об эффективности процедур контроля над расходами лиц, занимающих государственные должности в контексте эффективности борьбы с коррупционными правонарушениями // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XX международной научно-практ. конф. (20-21 апреля 2017 г.) : в 2 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017.

⁶ Обзор практики реализации прокурорами полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 29.02.2016 № 86-13-2016/Ип1713-16. URL: <http://www.genproc.gov.ru/anticor/met/inf/>; Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О результатах анализа докладных записок по итогам работы органов прокуратуры в области противодействия коррупции за 2016 год» № 86–13–2017/Ип3633–17 от 11.04.2017. URL: <http://www.genproc.gov.ru/anticor/met/inf/>; Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О результатах прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в I квартале 2017 г.» от 02.06.2017. URL: <http://www.genproc.gov.ru/anticor/met/inf/>.

⁷ Данные указаны в статистических сборниках Генеральной прокуратуры РФ.

⁸ Братановский С.Н., Зеленев М.Ф. Виды и особенности мер по противодействию коррупции на государственной и муниципальной службе // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 2.

⁹ Там же.

Кудашова И.В.,

кандидат философских наук

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ПОЛИЦИЕЙ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ПОМЕЩЕНИИ ДЛЯ ГОЛОСОВАНИЯ

Являясь чрезвычайно важным событием в жизни общества, период предвыборной кампании и сами выборы требуют от правоохранительных органов особого внимания в вопросах организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, согласованных действий не только различных подразделений органов внутренних дел, но и обеспечения взаимодействия с государственными органами, органами местного самоуправления, общественными формированиями. Органы внутренних дел должны действовать с учетом конкретных потребностей и законных целей, а также использовать соразмерные обстоятельствам правоохранительные методы и средства.

Полиция в период проведения выборов и референдумов осуществляет свою деятельность во взаимодействии с избирательными комиссиями в рамках, определенных федеральными законами от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», другими нормативными правовыми актами.

На полицию возлагается комплекс обязанностей в период подготовки к выборам, в том числе по пресечению фактов нарушения порядка агитации, противоправной агитационной деятельности и информирование об этом соответствующей избирательной комиссии.

Обязанности полиции в день голосования состоят в пресечении:

- действий по воспрепятствованию прохода в помещение для голосования;
- несанкционированных публичных акций в день голосования;
- подкупа избирателей, осуществляемого путем подмены избирательного бюллетеня, раздачи подарков, денег или оказания им безвозмездных услуг;

– массового проникновения в помещение для голосования граждан, вбрасывания избирательных бюллетеней;

– беспорядков в помещении для голосования.

Отдельно необходимо остановиться на административно-юрисдикционных полномочиях полиции. За нарушение законодательства о выборах в соответствии с федеральными законами устанавливается уголовная, административная либо иная ответственность.

Роль органов внутренних дел в механизме реализации избирательных прав граждан выражается также в выявлении правонарушений, посягающих на избирательные права граждан и в составлении протоколов об административных правонарушениях обозначенной категории. Должностным лицам органов внутренних дел предоставлено право составлять протоколы об административных правонарушениях всего по 10 составам (из 34 возможных): ст. 5.14, 5.16, 5.22, 5.47, 5.49, 5.69 КоАП РФ, по которым только сотрудники органов внутренних дел вправе составлять протоколы об административных правонарушениях.

Помимо обозначенных составов, существует ряд правонарушений – предусмотренные ст. 5.10, 5.11, 5.12, 5.15 КоАП РФ, протоколы о которых вправе составлять не только сотрудники органов внутренних дел, но и иные органы и должностные лица.

Учитывая, что предметом нашего анализа является деятельность полиции по охране общественного порядка в помещениях для голосования непосредственно в день выборов, остановимся подробнее на особенностях лишь отдельных мер принуждения. Сотрудники органов внутренних дел в день проведения выборов пресекают административное правонарушение, предусмотренное ст. 5.69

КоАП РФ «Вмешательство в осуществление избирательной комиссией, комиссией референдума полномочий, установленных законодательством о выборах и референдумах». Данное правонарушение посягает на установленный законами (федеральные законы от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления», «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации») надлежащий порядок деятельности комиссий и порядок осуществления гражданами своих избирательных прав при осуществлении процедуры голосования.

Объективная сторона данного правонарушения выражается в активном вмешательстве в осуществление избирательной комиссией, комиссией референдума полномочий, которое повлекло последствия: нарушение порядка работы данных комиссий или создание помех участию избирателей (участников референдума) в голосовании. Анализ судебной практики (изучены 26 дел) показывает, что для квалификации состава обязательно наступление данных последствий. Например, в нарушение подп. «ж» п. 6 ст. 27 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» были созданы помехи участию избирателей в голосовании: гражданка А. вела себя агрессивно, громко разговаривала, повышала голос на членов избирательной комиссии и голосующих граждан, своими действиями создавала нервную обстановку, что негативно сказывалось на работе избирательной комиссии; вмешалась в работу членов комиссии, заставляла вносить изменения в реестр и не пустила членов комиссии к избирателям, в результате чего были нарушены избирательные права граждан, проживающих в доме-интернате.¹

Субъектом правонарушения являются физические лица (граждане, иностранные граждане, лица без гражданства) и должностные лица, к которым относятся наблюдатели, представители СМИ и члены избирательных комиссий. Если деяние совершено лицом с использованием своего служебного положения, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, оно квалифицируется по ст. 141 УК РФ. Лицо может неосторожно отнестись к наступившим последствиям (в виде нарушения порядка работы), однако само активное вмешательство может быть только умышленным. Если деяние совершается со специальной целью – повлиять на решение комиссии, то оно квалифицируется по ст. 141 УК РФ.

Удаление наблюдателей и иных лиц за нарушение законодательства о выборах возможно только на основании судебного решения, установившего факт нарушения (п. 12 ст. 64) Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Поэтому сотрудники органов внутренних дел при выявлении правонарушения, предусмотренного ст. 5.69 КоАП РФ, составляет протокол об административном правонарушении и направляет его в мировой суд по месту нахождения участка избирательной комиссии в соответствии с ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ. Избирательная комиссия, комиссия референдума имеет право обратиться в суд с административным иском заявлением в связи с нарушением законодательства о выборах и референдумах в соответствии с ч. 5 ст. 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ). Заявление, поданное в день проведения выборов, рассматривается в суде по месту нахождения избирательной комиссии немедленно (ч. 1 ст. 241 КАС РФ). После получения заверенной копии решения суда по данному административному делу сотрудник полиции обязан удалить гражданина из помещения избирательной комиссии.

Если гражданин при удалении оказывает неповиновение законным требованиям сотрудника полиции, он может быть

привлечен к административной ответственности по ч. ст. 19.3 КоАП РФ.

Необходимо учитывать, что при оказании содействия избирательным комиссиям сотрудник ОВД не вправе:

- вмешиваться в избирательные процедуры;

- участвовать в проведении предвыборной агитации на стороне каких-либо кандидатов или политических партий;

- допускать действия, не совместимые со статусом представителя органа государственной власти, призванного охранять и защищать права и законные интересы граждан.

Полиция также может применять меры принуждения в связи с нарушениями общественного порядка в помещении для голосования. В случае нарушения гражданином общественного порядка в общественном месте (в помещении для голосования) он может быть привлечен к административной ответственности, например за совершение мелкого хулиганства по ст. 20.1 КоАП РФ или появление на избирательном участке в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство (ст. 20.21 КоАП РФ). При пресечении данных правонарушений полиция реализует меры полицейского принуждения. Думается, что для удаления из помещений для голосования таких лиц решение суда не требуется, полиция вправе применить доставление в орган внутренних дел в соответствии со ст. 13 Федерального закона «О полиции» и ст. 27.2 КоАП РФ и задержание (ст. 14 Федерального закона «О полиции» и ст. 27.3 КоАП РФ). В связи с этим есть смысл кратко определить, что понимается под общественным порядком. Общественный порядок в полицейском понимании определяется как совокупность общественных отношений, урегулированных нормами права с целью создания обстановки спокойствия и благоденствия, при которой человек может реализовать без всяких рисков и угроз свои права и выполнить возложенные на него обязанности. В этом смысле следует согласиться с И.И. Веремеенко, который в свое время отмечал, что «общественный порядок как определенная правовая категория представляет собой обусловленную по-

требностями развитую систему общественных отношений, возникающих и развивающихся в общественных местах в процессе общения людей, правовое и иное социальное регулирование которых обеспечивает их личную и общественную безопасность и тем самым обстановку спокойствия, согласованности и ритмичности общественной жизни».² Таким образом, общественный порядок – это состояние общественного спокойствия и безопасности людей, находящихся в общественном месте. Поэтому несколько слов необходимо сказать о понятии общественное место. Заметим, что понятие общественного места в действующем законодательстве отсутствует. Федеральный закон «О полиции» содержит определенный перечень мест, которые относятся именно к общественным. Так, на полицию возлагается обязанность обеспечивать безопасность граждан и общественный порядок на улицах, площадях, стадионах, в скверах, парках, на транспортных магистралях, вокзалах, в аэропортах, морских и речных портах и других общественных местах (п. 5 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции»).

Необходимость взаимодействия органов внутренних дел с избирательными комиссиями в избирательном процессе очевидна и подчеркивается реалиями избирательных кампаний. Важным является законодательное обеспечение полномочий органов внутренних дел с точки зрения определения меры их участия в избирательном процессе.

В заключение следует отметить, что на органы внутренних дел возлагается задача по созданию условий для реализации избирателями своих прав на всех стадиях избирательного процесса, а в необходимых случаях – по защите и восстановлению нарушенных законных интересов граждан.

¹ Решение Верховного суда Республики Карелия от 24.03.2017 № 12-40/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-kareliya-respublika-kareliya-s/act-554820524>.

² Веремеенко И.И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. М., 1981. Ч. 1. С. 18.

Нозиров Н.А.,

кандидат юридических наук

Академия МВД Республики Таджикистан

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОХРАНЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В Таджикистане с обретением государственной независимости охрана прав и свобод человека и гражданина обрела особое значение. При этом соблюдение прав и свобод человека гражданина играет важную роль в уголовном судопроизводстве в целом и в процессе взаимодействия следователя с органами дознания в частности.

Формы взаимодействия следователя и органа дознания могут быть определены как основанные на законе способы сотрудничества, обеспечивающие согласованный характер их деятельности и целесообразное сочетание в уголовном процессе их возможностей в борьбе с преступностью. Взаимодействие между следователем и оперативным работником начинается, как правило, с момента поступления в дежурную часть сообщения о преступлении, подследственном следователю. Дежурная часть призвана по поступлении сообщения о совершении или готовящемся преступлении немедленно на него реагировать, организовывать на этой стадии четкое взаимодействие следователя, оперативных работников, эксперта-криминалиста и других специалистов и их незамедлительный выезд для осмотра места происшествия, раскрытия преступления «по горячим следам» и задержания лица, совершившего преступления.

По поступившему заявлению или сообщению о преступлении в срок не более трех суток со дня его получения, а в исключительных случаях в срок не более десяти суток должно быть принято решение о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела или о передаче по подследственности (подсудности).¹

Если принимается решение о возбуждении уголовного дела, начинается первая стадия досудебного производства и как следствие — первый этап взаимодей-

ствия следователя с органами дознания. При этом возбуждение уголовного дела, являясь первой стадией уголовного процесса, создает необходимые основания для дальнейших следственных действий. Сам факт возбуждения уголовного дела указывает на то, что правоохранительные органы установили признаки преступления в том или ином деянии и начали действия, в которые по мере продвижения вовлекаются множество государственных служб и граждан. С выявлением повода орган дознания или следователь принимают меры для установления оснований возбуждения уголовного дела. Наука уголовного процесса трактует их как фактические данные о наличии в деянии признаков преступления и отсутствии обстоятельств, исключающих производство по делу.

Следовательно, своевременность и обоснованность возбуждения уголовного дела зависят от проверки обстоятельств происшествия, которые предшествуют вынесению постановления о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, установление оснований возбуждения уголовного дела можно назвать предварительной проверкой повода к этому, будь то заявление гражданина или непосредственное обнаружение признаков преступления.²

При этом следует особо отметить, что охрана прав и свобод человека и гражданина, как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на протяжении всего уголовного процесса, провозглашается и закрепляется Конституцией и уголовно-процессуальным законодательством.

Именно поэтому от полного, всестороннего и объективного установления оснований возбуждения уголовного дела зависит исход производства по уголовному делу. В связи с этим одним из важных принято считать взаимодействие органов дознания и следователей на этапе полу-

чения сообщения о совершенном преступлении. В большинстве случаев, особенно по сообщениям о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, согласованные и слаженные действия, сочетающие в себе как процессуальные, так и оперативно-розыскные действия, являются результативными. Общеизвестно, что большинство доказательств по уголовному делу формируется именно на первоначальных этапах, при этом немаловажным является вопрос своевременного выезда следственно-оперативной группы на место происшествия. При соблюдении этого условия в дальнейшем определяющая роль принадлежит тщательному и полному осмотру места происшествия.

Уголовно-процессуальный закон определяет, что единственным следственным действием, проведение которого возможно до возбуждения уголовного дела является осмотр места происшествия (ст. 189 УПК Республики Таджикистан). При этом проведение осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела никоим образом не ущемляет права и свободы человека и гражданина. Более того, одной из предпосылок успешного раскрытия преступления «по горячим следам» по получении сообщения о нем является быстрая и четкая организация выезда следственно-оперативной группы для осмотра места происшествия и принятия всех необходимых мер для задержания лица, совершившего преступление.

Поскольку успех работы на месте совершения преступления во многом зависит от усилий не только самого следователя, но и других лиц, выезжающих на место преступления, а так как основной организационной формой взаимодействия на данном этапе является следственно-оперативная группа, то важным вопросом является проблема комплектования этой группы, налаживание взаимодействия входящих в нее лиц и управления их деятельностью.

Согласно приказу МВД Республики Таджикистан от 28 февраля 2006 г. №

136, регламентирующему взаимодействие следователя с органами дознания в раскрытии и расследовании преступлений, следователь является руководителем следственно-оперативной группы, выезжающей на место происшествия. Он осуществляет руководство в период осмотра, определяет порядок ее работы, обеспечивает согласованную деятельность всех ее членов, дает поручения членам группы, координирует и руководит их действиями. Указания и поручения следователя являются обязательными для всех участников осмотра как в процессе его подготовки, так и при проведении. Перед осмотром, в зависимости от категории совершенного преступления, его особенностей, наступивших последствий и т.п., следователь должен проверить, соответствует ли состав группы объекту и особенностям предстоящей работы, и при необходимости может привлечь к осмотру помимо оперативных работников и экспертов работников других служб и специалистов.

Таким образом, взаимодействие следователя и органа дознания в стадии возбуждения уголовного дела является важным этапом работы по раскрытию преступлений. Центральным элементом этой работы является совместная организованная деятельность дежурного по органу внутренних дел, следователя и следственно-оперативной группы. Итогом взаимодействия следователя и органа дознания в стадии возбуждения уголовного дела является принятие следователем одного из следующих решений: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче заявления или сообщения по подследственности или подсудности.

¹ Невский С.А., Сычев Е.А. Взаимодействие следователей и органов дознания при расследовании преступлений // Российский следователь. 2003. № 9. С. 7.

² Хомич В. Предварительная проверка материалов, послуживших поводом к возбуждению уголовного дела. // Законность. 1995. № 12. С. 23.

Рябинин Н.А.,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

ЗАЩИТА ПРАВА ОТ НАРУШЕНИЙ КАК СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО: ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ

Во Всеобщей декларации прав человека указано: «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом».

Конституция России закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита этих прав и свобод — обязанностью государства. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О полиции» назначение полиции заключается в защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, охране собственности. Защита личности, общества, государства от противоправных посягательств предусмотрена в ст. 2 Федерального закона «О полиции» в качестве основного направления деятельности полиции.

Нормы международного и национального права ставят перед юридической наукой задачу создания эффективной системы действенных правовых средств, способов и процедур защиты прав от противоправных посягательств. Одним из таких юридических средств выступает субъективное право на защиту.

Отечественная правовая доктрина рассматривает субъективное право на защиту как конституционно-правовой, межотраслевой и отраслевой институты российской правовой системы. Право на защиту является самостоятельным и универсальным юридическим инструментом.

Субъективное право на защиту является одной из основных составляющих правового статуса личности, выступает элементом содержания государственно-правовых взаимоотношений государства и личности и имеет конституционный характер.

В юридической литературе имеются различные точки зрения относительно понимания и юридической природы субъективного права на защиту. Некоторые исследователи рассматривают его как одно из правомочий субъекта правоотношения, понимая под ним возможность управомоченного субъекта реализовывать меры охранительного характера к обязанному субъекту (правонарушителю). Субъективное право на защиту выступает здесь в качестве правомочия, входящего в субъективное право.

В то же время в последние годы в научной среде развивается точка зрения о существовании самостоятельного субъективного права на защиту, возникающего в момент нарушения права в рамках охранительного правоотношения. Данное субъективное право как реальная правовая возможность появляется у управомоченного лица (субъекта регулятивного правоотношения) только в момент нарушения или оспаривания субъективного права и реализуется в рамках возникающего при этом охранительного правоотношения.¹

Также можно выделить ещё один аспект понимания права на защиту — это право на защиту в объективном смысле, представляющее собой совокупность материально-правовых и процессуальных норм, регулирующих отношения, связанные с защитой нарушенных прав.

Не отрицая существование объективного аспекта понимания права на защиту (как и любого другого права), полагаем, что право на защиту может выступать как элемент (правомочие) субъективного права в случаях его реализации управомоченным субъектом регулятивного правоотношения самостоятельно, без обращения к государственным органам и без принуждения с их стороны (например, в рамках необходимой обороны или само-

защиты). Возможно и возникновение отдельного субъективного права на защиту, существующего в рамках охранительного правоотношения между управомоченным и обязанным субъектом и специально уполномоченным субъектом государственного принуждения (например, в рамках привлечения к уголовной ответственности или судебного разбирательства по иску).

Мы разделяем позицию ученых о включении в содержание субъективного права на защиту нескольких элементов. К основному элементу относится возможность управомоченного лица прибегать к самозащите без обращения к уполномоченным государственным органам по своему усмотрению и в своем интересе в установленном законом порядке и случаях. Например, защита своих имущественных прав участниками дорожно-транспортного происшествия или защита нематериальных благ посредством опубликования ответа в средствах массовой информации. С этой составляющей тесно связана возможность требования от обязанного лица (правонарушителя) должного поведения, принятия мер по устранению препятствий в осуществлении субъективных прав, ликвидации угроз нормальному пользованию своим правом, пресечения нарушения, восстановления первоначального положения. В таких случаях правонарушитель обязан исполнять требования управомоченного лица, претерпевать его самозащитные действия в установленном законом порядке.

В случае отказа исполнять законные требования управомоченного лица, недостижения цели самозащиты обладатель субъективного права на защиту может прибегнуть к помощи юрисдикционных и иных органов (субъектов) защиты. В случае обращения к помощи иных субъектов защиты обладатель (носитель) нарушенного (нарушаемого) соответствующего регулятивного субъективного права или права, находящегося под угрозой нарушения, может требовать признания права, пресечения (прекращения) противоправных действий, устранения препятствий в нормальном осуществлении своего права, возмещения убытков и привлечения к юридической ответственности.

В свою очередь, правоохранительный орган (должностное лицо) обязан принять все меры для защиты законных прав и интересов управомоченного лица (обладателя нарушенного регулятивного субъективного права) и восстановления первоначального положения в установленном законом порядке, а нарушитель обязан выполнять все требования правозащитного органа (должностного лица), восстановить нарушенные (оспариваемые) права участника субъектно-правовой связи.²

Для полного понимания субъективного права на защиту следует охарактеризовать его особенности.

1. Возникновение субъективного права на защиту обусловлено наличием нарушения (либо угрозой нарушения, оспариванием) предоставленных уполномоченному субъекту прав. При этом законодательство допускает возможность реализации права на защиту как в рамках регулятивных, так и в рамках охранительных правоотношений.

2. Субъективное право (правомочие) на защиту возникает лишь у лица, обладающего регулятивным субъективным правом, в случае его нарушения (угрозы нарушения) либо оспаривания.

3. Право на защиту может быть реализовано как в рамках регулятивных правоотношений (когда субъекты формально равны и не имеют возможности принудительного воздействия друг на друга), так и в рамках охранительных правоотношений (с наличием властных субъектов государственного принуждения).

4. Содержание субъективного права (правомочия) на защиту состоит в совершении управомоченным субъектом по своему усмотрению и в собственных интересах действий, направленных на признание права, предупреждение и пресечение правонарушения и восстановление последствий нарушения. Управомоченный субъект в установленной законом форме с помощью предусмотренных законом правовых средств может использовать не противоречащие закону правовые способы принудительного воздействия на правонарушителя, включая меры самозащиты или государственной (юрисдикционной) защиты.

5. Право на защиту может быть реализовано субъектом самостоятельно либо посредством компетентной деятельности властных субъектов, обладающих возможностью государственного принуждения.

6. Право на защиту заключается в применении к субъекту-нарушителю (в том числе и посягающему на права и законные интересы или ненадлежащим образом исполнившему свою обязанность) предусмотренных правом мер принудительного воздействия. Заметим, что правовое принуждение имеет место и при самозащите субъективных прав. Оказывая физическое противодействие (сопротивление) нападающему в условиях необходимой обороны, защищающийся принуждает правонарушителя прекратить дальнейшее посягательство на жизнь, здоровье и имущество защищаемого, отказаться от дальнейших противоправных намерений, защищает свои имущественные и личные неимущественные права, нематериальные блага.

7. Элементами субъективного права на защиту можно считать содержание самих правоохранительных мер, используемых субъектом защиты, основания применения этих мер и процессуальный порядок их применения.

8. Процессуальная составляющая субъективного права на защиту помогает его обладателю обратиться в установленном законом порядке к соответствующим органам государственной власти, местного самоуправления, к иным уполномоченным субъектам защиты, включая межгосударственные средства правовой защиты, с требованием о принуждении обя-

занного лица к определенному поведению.

Таким образом, субъективное право на защиту прав представляет собой возможность совершения уполномоченным лицом (субъектом защиты) самостоятельных фактических и юридических действий без обращения за помощью к уполномоченным государством органам и должностным лицам в предусмотренных законом порядке и случаях (в форме самозащиты) или путем обращения за помощью к государственным органам и иным уполномоченным субъектам защиты для применения принудительных мер и юридической ответственности к обязанному лицу (участнику субъектной связи) в установленном законом порядке в целях: а) устранения препятствий в осуществлении своих субъективных прав и законных интересов; б) пресечения, предупреждения их нарушения или оспаривания; в) восстановления нарушенных или оспоренных прав, компенсации понесенных потерь; г) поддержания государственного и общественного правопорядка. Субъективное право на защиту обеспечивается правоохранительной деятельностью уполномоченных государством юрисдикционных и иных органов (субъектов) защиты.

¹ См., напр.: Гражданское право : учебник / под ред. А.П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. С. 541; Кархалев Д.Н. Охранительное гражданское правоотношение. М., 2009. С. 30-31.

² Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М., 2010. С. 13.

Казанцева К.Ю.

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

ПРАВОПРЕЕМСТВО ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЯНИЕМ

Рассматривая правовые явления в рамках отдельных отраслей права, мы часто сталкиваемся с категориями, имеющими межотраслевое или общеправовое значение. Одной из таких катего-

рий, на наш взгляд, является категория «правопреемство».

Д.В. Носов в монографии, посвящённой общетеоретическим вопросам правопреемства, приводит мнения различных

ученых в сфере юриспруденции, подтверждающих межотраслевую природу правопреемства. «Так, Л.Б. Ескина пишет, что «институт правопреемства проявляется в различных отраслях права: международном (см. ст. 2 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров); гражданском (ст. 58, 581, 1202 ГК РФ); гражданско-процессуальном (ст. 44 ГПК РФ); административном (п. 1 Указа Президента РФ от 29 января 1992 г. №61 «О Министерстве Российской Федерации по атомной энергии»))».¹

Исследованием категории правопреемства как межотраслевого института занимались многие ученые, и их разработки легли в основу научных исследований института правопреемства в отдельных отраслях российского права.

В то же время следует отметить, что, несмотря на то, что отечественная правовая наука располагает значительными материалами по вопросам правопреемства, все они носят фрагментарный характер, присущий какой-либо конкретной отрасли права, и не разрешают многие основные теоретические и практические вопросы, изучаемой категории.

Так, К. Скловский полагает, что «теория правопреемства только начинает складываться, и пока приходится больше говорить о существующих проблемах, чем об их решении».²

Одной из наиболее актуальных проблем правопреемства является переход права и обязанностей по возмещению имущественного вреда вследствие причинения вреда жизни и здоровью.

В соответствии с п. 6 ст. 44 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего, предусмотренные этой статьей, переходят к родственникам погибшего. Следовательно, данные лица по уголовным делам указанной категории одновременно являются и гражданскими истцами.

Правопреемство в гражданском процессе регламентировано ст. 44 ГПК РФ: «В случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть граждани-

на) суд допускает замену этой стороны ее правопреемником».

В соответствии с вышеприведенными нормами права можно сделать вывод, что законодательство Российской Федерации допускает правопреемство процессуальных прав.

Но следует отметить, что в ст. 220 ГПК РФ, в которой перечислены основания прекращения производства по делу, указано, что после смерти гражданина, являвшегося одной из сторон по делу, спорное правоотношение не допускает правопреемство.

В данном случае при применении судом указанной нормы, запрещающей правопреемство, необходимо определить, возможно ли правопреемство в требованиях, заявленных умершим при жизни.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» правопреемство невозможно по требованиям, связанным возмещением вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, так как в соответствии со ст. 1112 ГК РФ указанные требования не входят в состав наследства.

Законодатель предоставляет наследникам право вступать в процесс на основании процессуального правопреемства (ст. 44 ГПК РФ) только по требованиям о взыскании фактически начисленных потерпевшему в счет возмещения вреда, но не выплаченных ему при жизни сумм.

На наш взгляд, позиция законодателя в значительной мере нарушает права и законные интересы наследников, что влечет за собой невозможность защиты субъективных гражданских прав в полном объеме.

В ст. 1085 ГК РФ определены объем и характер возмещения вреда, на которые может рассчитывать потерпевший в случае причинения вреда его жизни и здоровью. Но, согласно позиции законодателя, наследники не имеют права истребовать указанные в статье дополнительные расходы, вызванные повреждением здоровья наследодателя.

Таким образом, в случае если потерпевший от преступления понес определенные расходы на лечение, но в последующем умер, причинитель вреда освобождается от их возмещения и все указанные издержки ложатся на наследников, которые не имеют отношения к причинению вреда.

В то же время судебная практика иногда идет в противоречие с действующим законодательством.

Например, вынесенное Московским городским судом определение, в котором суд оставил в силе решение о взыскании в пользу наследников расходов, понесенных на лечение; довод о противоречии решения ст. 1112 ГК РФ был отклонен Судебной коллегией.³

Проанализировав зарубежное законодательство, можно сделать вывод, что нормы иностранного права закрепляют за наследниками право на возмещение имущественного вреда вследствие противоправного деяния независимо от того, изъяснил потерпевший перед смертью намерение требовать возмещения или нет.

Так, Г. Вендехорст отмечает, что она не знает ни одной правовой системы, в которой было бы принято иное решение.⁴

Следует выделить еще один спорный вопрос, касающийся возмещения вреда при правопреемстве: освобождаются ли наследники причинителя вреда от возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью, в случае его смерти?

В соответствии с п. 1 ст. 418 ГК РФ обязательство прекращается смертью должника, если исполнение не может быть произведено без личного участия должника либо обязательство иным образом неразрывно связано с личностью должника.

Для разрешения поставленной проблемы необходимо ответить на следующие вопросы: насколько обоснованна позиция законодателя, заключающаяся в том, что возмещение вреда жизни и здоровью неразрывно связано с личностью причинителя вреда? И в чем сущность природы изучаемого обязательства? Направлено ли оно на наказание причинителя вреда или все-таки в первую очередь на восстановление нарушенных прав?

Если проанализировать обязательство из причинения вреда жизни и здоровью, то согласно ст. 1082 ГК РФ суд в соответствии с обстоятельствами дела обязывает лицо, ответственное за причинение вреда, возместить вред в натуре (предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь и т.п.) или возместить причиненные убытки (п. 2 ст. 15).

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что содержание указанных обязательств не имеет тесной связи с личностью правонарушителя и не зависит от личных характеристик.

Полагаем, что обязательство из причинения вреда по своему содержанию является имущественным, но по основаниям возникновения зависит от личности причинителя вреда.

На наш взгляд, исходя из вышеизложенного, нет никаких препятствий для наследников исполнить обязательство в порядке правопреемства.

Отвечая на поставленные вопросы, необходимо определить цель гражданско-правовой ответственности.

В соответствии со ст. 1 ГК РФ целью гражданско-правовой ответственности является восстановление прав, а не наказание правонарушителей.

Полагаем, что если причинитель вреда, обязанный возместить вред в денежной форме, умер, то его обязанность по выплате денежной компенсации за причиненный вред как имущественная обязанность должна переходить к его наследникам. Наследники должны выплатить данную компенсацию в пределах действительной стоимости перешедшего к ним наследственного имущества в целях восстановления имущественных прав потерпевшего.

Также, если проанализировать зарубежное законодательство по изучаемой проблеме, можно сделать вывод, что большинство правовых систем содержат положения о том, что все иски из деликтов должны «переживать» смерть любой из сторон независимо от того, является ли основанием иска причинение материального вреда собственности, или физического вреда личности, или вреда неося-

заемым интересам личности или собственности.

На наш взгляд, позиции отечественного законодателя по выявленным нами проблемам противоречат одному из главных принципов гражданского права — обеспечение восстановления нарушенных прав.

Полагаем, что для разрешения выявленных проблем необходимо внести существенные изменения как в нормы процессуального права, так и в нормы материального права.

Считаем целесообразным внести следующие изменения в ГК РФ: 1) исключить из ст. 1112 ГК РФ запрет правопреемства в отношении возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина; 2) ст. 383 ГК РФ изложить в следующей редакции: «Переход к другому лицу прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности требований об алиментах, за исключением требо-

ваний о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, не допускается».

Также необходимо внести соответствующие пояснения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» о допустимости правопреемства в случаях возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина.

¹ Носов Д.В. Правопреемство в российском праве : монография. Пермь, 2013.

² Скловский К. Правомочие и полномочие в механизме возникновения гражданских прав // Хозяйство и право. № 11. 2004.

³ Ягельницкий А.А. К вопросу о неразрывной связи права с личностью: преемство в праве требовать компенсации морального вреда и вреда, причиненного жизни или здоровью // Вестник гражданского права. 2013. № 2.

⁴ Там же.

Гаврилов Е.В.

Законодательное Собрание
Красноярского края

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ЗАГЛАЖИВАНИЯ ВРЕДА ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В соответствии со ст. 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. Согласно ст. 25 УПК РФ суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

Таким образом, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство предусматривает случаи освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и заглаживанием причиненного ему вреда.

Напомним, что в силу ст. 42 УПК РФ потерпевшим может быть признано юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда не только его имуществу, но и деловой репутации.

Рассмотрим вопрос о способах заглаживания вреда деловой репутации юридического лица, которое является одним из условий применения ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ.

Для начала определимся с понятием «заглаживание вреда».

В соответствии с пунктом 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 19) под заглаживанием вреда для целей ст. 76 УК РФ следует понимать возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего, перечисленные в пункте 2.1 постановления Пленума ВС РФ № 19. Способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим. Таким образом, инициатива в этих вопросах исходит от потерпевшего (в нашем случае потерпевшего – юридического лица, деловой репутации которого причинен вред).

Согласно п. 2.1 постановления Пленума ВС РФ № 19 под заглаживанием вреда понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства. Способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц. Считаем, что «законный характер» означает не «в предусмотренных законом случаях», а «в случаях, не запрещенных законом».

Таким образом, системный анализ пунктов 2.1 и 10 постановления Пленума ВС РФ № 19 показывает, что при широком понимании категория «заглаживание вреда» включает в себя как возмещение ущерба (вреда), так и иные не запрещенные законом меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего.

В отношении вреда деловой репутации юридического лица делается следующая оговорка. В силу абз. 3 п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике при-

менения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» вред, причиненный в результате преступных действий, подрывающих деловую репутацию юридического лица, подлежит компенсации по правилам возмещения вреда деловой репутации гражданина (п. 11 ст. 152 ГК РФ).

В соответствии с п. 11 ст. 152 ГК РФ правила этой статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, применяются к защите деловой репутации юридического лица. Имеются в виду следующие способы защиты:

- 1) опровержение не соответствующих действительности сведений;
- 2) опубликование ответа в СМИ;
- 3) удаление информации, в том числе распространенной в сети Интернет;
- 4) признание распространенных сведений не соответствующими действительности;
- 5) возмещение убытков.

Компенсация морального вреда (ст. 151, п. 9 ст. 152 ГК РФ) как способ заглаживания вреда деловой репутации юридического лица невозможна поскольку, как верно пишет профессор Л.В. Головкин, «физические или нравственные страдания» способен испытывать только человек, а не юридическое лицо.¹

Однако, учитывая двойственную правовую природу деловой репутации юридических лиц, дополнительным способом заглаживания является не запрещенная законом денежная компенсация нематериального вреда деловой репутации, содержание которого отличается от содержания морального вреда, причиняемого гражданам. Этот тезис подтверждается доктриной и практикой.

Профессор В.А. Азаров и его ученики М.Х. Абдрахманов, М.Р. Сафаралеев под вредом деловой репутации юридического лица в уголовном процессе понимают негативные последствия умаления преступным посягательством данного нематериального блага, выразившиеся в ухудшении общественного мнения о коммерческой и иной деятельности соответствующего лица, утрате доверия со стороны населения, потере имиджа доб-

росовестного контрагента и иных потерях неимущественного и имущественного характера.² Профессор О.А. Городов под вредом, причиненным деловой репутации хозяйствующего субъекта, понимает всякое ее умаление. При этом указанное умаление может носить как имущественный, так и неимущественный характер, быть как действительным, так и потенциальным. Имущественный характер вреда, причиненного деловой репутации хозяйствующего субъекта, проявляется в наличии у него убытков, обусловленных конкурентными действиями, повлекшими, например, снижение стоимости деловой репутации как нематериального актива. Неимущественный характер вреда, причиненного деловой репутации, проявляется в утрате хозяйствующим субъектом положительного мнения о его деловых качествах в глазах общественности и, в частности, делового сообщества. Такая утрата может повлечь за собой потерю клиентов, уменьшение количества заказов, нарушение договорных связей, т.е. в конечном счете вызвать потери имущественного характера, что свидетельствует о кумулятивном характере указанной утраты.³

Из определения Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О следует, что отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (п. 2 ст. 150 ГК РФ). Данный вывод основан на положениях ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, в соответствии с которыми каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Согласно определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.11.2016 № 307-ЭС16-8923, а также пункту 21 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017), утвержденного Президиумом

Верховного Суда РФ 16.02.2017, под вредом, причиненным деловой репутации, следует понимать всякое ее умаление, которое проявляется, в частности, в наличии у юридического лица убытков, обусловленных распространением порочащих сведений и иных неблагоприятных последствиях в виде утраты юридическим лицом в глазах общественности и делового сообщества положительного мнения о его деловых качествах, утраты конкурентоспособности, невозможности планирования деятельности и т.д. При наличии доказанности условий деликтной ответственности, существенности нарушения юридическое лицо имеет право не только на возмещение материального вреда деловой репутации (убытков), но и на компенсацию нематериального вреда деловой репутации, под которым понимается умаление деловой репутации и связанные с этим иные неблагоприятные последствия нематериального характера, которые не поддаются точному исчислению, являются отрицательными и существенными для потерпевшего.⁴

Денежная компенсация нематериального вреда деловой репутации или, иными словами, компенсация нематериального (репутационного) вреда является достаточно дискуссионным способом защиты деловой репутации юридических лиц.⁵

На основании изложенного приходим к выводу, что способами заглаживания вреда деловой репутации юридического лица в уголовном процессе являются возмещение убытков и иные способы защиты, указанные в ст. 152 ГК РФ, за исключением компенсации морального вреда; оказание какой-либо помощи потерпевшему – юридическому лицу по восстановлению его деловой репутации; принятие иных не запрещенных законом и не нарушающих прав третьих лиц способов, направленных на восстановление нарушенной в результате преступления деловой репутации юридического лица; денежная компенсация нематериального вреда деловой репутации.

¹ Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. С. 400 (автор гл. 9 Л.В. Головки).

² Азаров В.А., Абдрахманов М.Х., Сафаралеев М.Р. Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика : монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 258.

³ Городов О.А. Понятие и общая характеристика недобросовестной конкуренции // Современная конкуренция. 2009. № 6(18). С. 23.

⁴ Гаврилов Е. Вред деловой репутации: к вопросу о понятиях // Хозяйство и право. 2009. № 1. С. 124.

⁵ Гаврилов Е. Компенсация нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам: история и современное состояние // Приложение к ежемесячному юридическому журналу «Хозяйство и право». 2017. № 2.

Ступина С.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД
России (г. Красноярск)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В ХОДЕ КОНТРТЕРОРИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Обращение к проблеме гражданско-правовой ответственности при совершении террористического акта представляется важным, поскольку позволяет определить отдельные пробелы как законодательного, так и правоприменительного характера, своевременное устранение которых является не только залогом эффективного правового обеспечения национальной безопасности, но и гарантом защиты потерпевших от таких преступлений.

Достаточное время законодательство об ответственности государства при возмещении вреда, причиненного террористическим актом, оставалось ограниченным и несовершенным, что явно препятствовало полноценной охране интересов личности в этой сфере.

При этом одним из актуальных вопросов современной действительности остается вопрос о гражданско-правовой ответственности государства при возмещении вреда, причиненного в ходе контртеррористических операций.

Позитивные изменения были определены Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ, закрепившим в ГК РФ ст. 16.1 «Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления», которая установила, что в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный лич-

ности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации.

Одним из первых решений, которое апеллировало к указанной норме, было решение Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 26.02.2014 по гражданскому делу по исковому заявлению Т.А. к Министерству финансов РФ, Министерству внутренних дел по КЧР о возмещении имущественного ущерба, компенсации морального вреда и взыскании судебных расходов, которое Апелляционным определением Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 24.06.2014 по делу № 33-1067/14 было оставлено без изменения.¹

Уже в первых решениях судов по применению нормы ст. 16.1 ГК РФ прослеживается неоднозначность, которая проявляется в отсутствии критериев ее применения и спорности однозначного толкования ее положений в конкретной ситуации.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» под контртеррористической операцией понимается комплекс специальных, оперативно-боевых,

войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта.

Соответственно, одной из причин сложившейся ситуации является то, что при проведении контртеррористических операций причинение вреда может иметь место в результате и крайней необходимости, и необходимой обороны, и при задержании лица, совершившего преступление, и при действиях в условиях обостренного риска.

В первую очередь возникают вопросы о применении положений ст. 16.1 ГК РФ в случае наличия обстоятельств крайней необходимости, которые, как правило, наиболее часто имеют место при проведении контртеррористических операций, направленных на пресечение террористической акции.

В таком случае согласно положениям ГК РФ применению подлежат ст. 1064 ГК РФ и ст. 1067 ГК РФ, согласно которой вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, должен быть возмещен лицом, причинившим вред.

Однако в п. 2 ст. 1067 ГК РФ определено, что с учетом обстоятельств, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и лицо, причинившее вред.

Именно в случае установления состояния крайней необходимости, обстоятельств и условий ее правомерности, при причинении вреда сотрудниками правоохранительных органов при проведении контртеррористических актов есть все законные основания для возможности освобождения государства от ответственности за правомерное причинение вреда, что противоположно положениям ст. 16.1 ГК РФ.

О практически безусловном применении положений этой нормы при рассмотрении вопросов гражданско-

правовой ответственности за вред, причиненный террористическим актом, актуально говорить, например, в ситуации осуществления действий сотрудниками правоохранительных органов в состоянии обостренного риска, поскольку по этому вопросу в ГК РФ не закреплена специальная норма, устанавливающая правила, характерные для специального деликта.

Актуален вопрос о признании применения оружия сотрудниками правоохранительных органов при проведении контртеррористических операций источником повышенной опасности.

Как следствие – возникают спорные вопросы о конкретизации и самой гражданско-правовой ответственности за причинение вреда при предотвращении террористического акта путем применения оружия и о компенсации морального вреда.²

Современная практика Верховного Суда РФ обоснованно стоит на позиции непризнания указанной деятельности источником повышенной опасности и о неприменении в таком случае положений ст. 1079, 1100 ГК РФ.³

Остается открытым вопрос о возмещении государством вреда при условии несвоевременного предотвращения или непредотвращения вреда от террористических актов.

Отдельного внимания заслуживает и факт установления законности и незаконности действий сотрудников при проведении контртеррористических операций, поскольку от этого зависит применение положений ст. 1069 ГК РФ.

При этом, например, при установлении законности применения сотрудниками полиции оружия необходимо учитывать, прежде всего, положения норм гл. 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

Справедливо отмечено Н.Н. Цукановым, что Федеральный закон «О полиции» и УК РФ, составляющие правовую основу применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, не противоречат и не конкурируют между собой, а дополняют друг друга.⁴

Однозначно в случае незаконности действий сотрудников правоохранитель-

ных органов следует применять положения ст. 1069 и 1070 ГК РФ. А вот в случае правомерности их действий регулирование осуществляется с учетом положений ст. 16.1 ГК РФ.

Актуальны и положения ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму», согласно которым возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством РФ. При этом вред, причиненный при пресечении террористического акта правомерными действиями здоровью и имуществу лица, участвующего в террористическом акте, а также вред, вызванный смертью этого лица, возмещению не подлежат (ч. 3 ст. 18 закона).

Не в полной мере урегулированы вопросы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный в ходе проведения контртеррористических операций, и определения потерпевшего, особенно в случае причинения ущерба юридическому лицу и публично-правовым образованиям.

Говоря о том, что на отношения, подпадающие под регулирование ст. 16.1 ГК РФ, распространяются общие положения о возмещении вреда, предусмотренные ст. 1064 ГК РФ, заметим, что согласно положениям ст. 16.1 ГК РФ подлежит компенсации именно имущественный вред.

Исходя из того, что понятие «вред» по отношению к понятиям «убытки» и «ущерб» является более широким и отраслевым и в целях всесторонней защиты

прав и законных интересов лиц, пострадавших в результате правомерных действий государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, обоснованно внесение в ст. 16.1 ГК РФ изменений.

С юридической точки зрения обоснованно как в ст. 16.1 ГК РФ, так и в ст. 18 ФЗ «О противодействии терроризму», говорить о возмещении не только ущерба, но и вреда в целом.

Таким образом, актуален комплексный подход к совершенствованию вопросов гражданско-правовой ответственности государства при возмещении вреда, причиненного в ходе контртеррористических операций.

¹ Апелляционное определение Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 24.06.2014 по делу № 33-1067/14 (о возмещении ущерба, компенсации морального вреда): URL: <http://www.ourcourt.ru/verhovnyj-sud-karachaevo-cherkesskoj-respubliki/2014/06/24/32257.htm>. (дата обращения: 13.01.2018).

² Ступина С.А., Юсупова О.А. Некоторые вопросы ответственности сотрудников полиции за причинение вреда в результате применения огнестрельного оружия // Вестник Сибирского юридического института МВД России, 2017. № 4(29). С. 45-54.

³ Напр.: определение Верховного Суда РФ от 21.09.2015 № 22-КГ15-4 (о взыскании компенсации морального вреда, причиненного потерей кормильца) // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Цуканов Н.Н. О соотношении норм Закона «О полиции» и УК РФ в регулировании права сотрудника полиции применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие // Административное право и процесс. 2012. № 3. С. 68-71.

Секция КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Прокументов Л.М.,

доктор юридических наук, профессор

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

Уголовно-правовая политика и предупреждение преступности

В соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ одной из задач Уголовного кодекса является предупреждение преступности. То есть, устанавливая или отменяя уголовно-правовой запрет, законодатель должен способствовать достижению данной задачи. Предупреждение преступлений с помощью уголовного права достигается по двум направлениям. Во-первых, уголовный закон является правовой основой деятельности органов уголовной юстиции. Во-вторых, уголовный закон является средством общего предупреждения преступлений, непосредственно влияя на индивидуальное сознание и поведение граждан. Уголовное законодательство является главным способом выражения уголовно-правовой политики государства. Изменения, вносимые в уголовный закон (криминализация и декриминализация деяний), являясь постоянными спутниками уголовного закона, во многом определяют содержание и основные направления уголовно-правовой политики, осуществляемой в стране.

Являясь подсистемой более высокого уровня — уголовной политики в стране, уголовно-правовая политика как через нее, так и непосредственно связана не только с общей политикой государства, но и с ее отдельными сферами: экономической, социальной, демографической, культурной и т.п. В свою очередь, уголовная политика, включающая в себя уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную политику, является составной частью политики в сфере укрепления законности и

правопорядка, под которой понимаются основные направления, проводимые в жизнь государством при разработке и применении норм, институтов, отраслей права, в организации и деятельности государственных органов и учреждений, в формировании и развитии правосознания граждан. Эта политика реализуется в трех основных направлениях деятельности государства: правотворчестве, правоприменении, формировании и развитии правосознания и правовой культуры населения. При этом уголовная политика в традиционном ее понимании представляет собой генеральную линию, определяющую основные направления, цели, средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, регулирование практики его применения. Уголовная политика определяет интеграцию и тактику воздействия на преступность, используя в качестве средств воздействия уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство. Детализация и конкретизация понятия и содержания единой уголовной политики осуществляются на уровне отдельных ее элементов.

Как правильно отмечает А.И. Коробеев: «Все составные части уголовной политики находятся между собой в функциональной зависимости и взаимодействии. Механизм этого взаимодействия таков, что изменения в одном элементе с необходимостью влекут соответствующие изменения в других элементах уголовной политики»¹.

Не принижая значения уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики, отметим, что основным, доминирующим элементом уголовной политики является уголовно-правовая политика. Именно она в виде уголовно-правовых запретов устанавливает направления воздействия на преступность и наказания для преступников. Уголовный закон, устанавливая, какие деяния являются преступлением, предопределяет основные показатели преступности (состояние, структуру) и необходимые меры ее предупреждения. Государство, объявляя конкретное деяние преступлением, берет на себя обязанность воздействовать на лицо, его совершившее, с помощью специальных мер государственного принуждения, тем самым создавая основания для осуществления уголовно-процессуальной политики.

Уголовно-правовая политика представляет собой ориентацию деятельности государства на предупреждение преступности специфическими уголовно-правовыми средствами, в частности:

- определением основных принципов уголовно-правового воздействия на преступность;

- установлением круга общественно опасных деяний, признаваемых преступлениями, и исключением тех или иных деяний из числа преступлений;

- установлением характера наказуемости общественно опасных деяний и условий освобождения от уголовной ответственности и наказания;

- определением альтернативных наказанию мер уголовно-правового воздействия, а также мер, применяемых наряду с наказанием.

Другими словами, об уголовно-правовой политике можно говорить, с одной стороны, как об определении пределов использования, места, роли уголовного закона в предупреждении преступности, с другой стороны, как о выработке содержания и форм деятельности органов уголовной юстиции по созданию и применению норм уголовного права в предупреждении преступности.

Таким образом, можно говорить о том, что осуществляемые государством изменения уголовного законодательства являются одним из средств осуществления уголовно-правовой политики. Вместе с тем можно говорить о взаимовлиянии уголовно-правовой политики и уголовного закона. С одной стороны, изменения уголовно-правовых норм влияют на формирование уголовно-правовой политики, с другой — направления уголовно-правовой политики определяют тенденции, в соответствии с которыми происходят процессы криминализации и декриминализации деяний. Именно эти процессы выполняют ценностно-ориентационную функцию уголовного права, заключающуюся в том, что уголовное право, устанавливая запреты и предусматривая ответственность за их нарушения, дает в специфической негативной форме оценку общественным отношениям, которые ставятся под охрану. Криминализируя деяние, государство тем самым дает крайне негативную оценку этому деянию, причисляет лиц, его совершивших, к разряду преступников. Уголовное право тогда выполняет свои политические задачи, когда, объявляя то или иное общественно опасное деяние преступлением, воспитывает граждан в духе точного и неукоснительного соблюдения законов и тем самым предупреждает совершение преступлений.

Таким образом, можно утверждать, что уголовно-правовая политика определяет место государства в предупреждении преступности, определяет себя как гарант укрепления законности в обществе. От обоснованной и грамотно осуществляемой в стране уголовно-правовой политики зависят эффективность уголовного законодательства в осуществлении стоящих перед ним задач и эффективность реализации норм уголовного законодательства в практической деятельности сотрудников органов уголовной юстиции.

¹ Корбеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Изд-во Краснояр. Ун-та, 1991. С. 7-8.

Шеслер А.В.,

доктор юридических наук, профессор

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

УЧЕНИЕ ПИТИРИМА СОРОКИНА О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Наибольшую научную ценность имеют такие выводы автора о преступлении, как обоснование формального законодательного подхода к определению преступления и выявление тесной взаимосвязи между преступлением и наказанием.

П. Сорокин исходит из того, что общие свойства поступков, которые в различные времена и у различных народов считались преступлениями, существуют.¹ Данную проблему автор затронул потому, что уже в XIX в. зарубежные и русские ученые юристы активно обсуждали вопрос о том, является ли преступление таковым по своей природе. В этой связи уместно вспомнить критику К. Марксом решения Рейнского Ландтага, которым в угоду частным владельцам лесов принят закон о том, что хищение валежника или собирание хвороста подводится под понятие кражи и наказывается как порубка леса. В статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» автор придерживался позиции о том, что преступление должно быть таковым по своей правовой природе.² П.Сорокин критикует обозначенный подход, утверждая, что в основе юридического признания деяний преступлениями лежит шаблон о должном поведении господствующей части общества.³ Свою позицию автор обосновывает тем, что преступление – явление социальной жизни, которое невозможно без психических переживаний в виде отвращения и отталкивания определенного поведения господствующей частью общества. Именно поэтому внешне физически сходные акты поведения могут считаться преступлением и подвигом, например, убийство врага на войне – подвиг, убийство иноземца в мирное время – преступление.⁴ Однако в позиции исследователя нет ответа на вопрос о том, почему в одних случаях нарушение шаблона о должном поведении

господствующей части общества относится к преступлению, а в других случаях к иным правонарушениям. По сути П. Сорокин обосновывает формальное определение преступления. Это означает, что криминализация представляет произвольное изменение круга преступных деяний в соответствии с сиюминутными потребностями правящей элиты. Вместе с тем криминализация деяний основывается на представлении о преступлении как о грехе, как о преступлении (нарушении) общепринятых заповедей, содержащихся еще в Ветхом Завете.⁵

Связь между преступлением и наказанием П. Сорокин усматривает в том, что преступление является причиной, а наказание его следствием.⁶ Анализ текста исследования позволяет утверждать, что автор имеет в виду социальный характер этой связи между ними, так как наказание представляет собой реакцию общества на преступление.⁷ Полагаем, что содержание этой связи образуют изученные социологом возмездность наказания, причинение преступнику страданий и лишений карательным актом, соотношение между тяжестью преступления и тяжестью наказания, влияние наказания на свойство повторяемости преступления, влияние сути преступления на право наказания, общая судьба преступления и наказания. Первые три аспекта связи между преступлением и наказанием, на наш взгляд, характеризуют карательный характер уголовного наказания. Такой вывод вытекает из утверждения социолога о том, что не всякое причинение человеку страданий может быть квалифицировано как карательный акт.⁸ Этот тезис раскрывается в дальнейших суждениях автора о том, что у карательных актов должна быть причина в виде акта преступления, что наказание следует рассматривать как акт справедливого воздаяния и возмез-

дия, являющихся реакцией на преступление, что «страдательность» кар различается в зависимости от «низости» преступления⁹, за каждое из которых предусмотрено карательное вознаграждение¹⁰.

Влияние сути преступления на право наказания вытекает у П. Сорокина из определения преступления как нарушения шаблона должного поведения господствующей части общества.¹¹ Официально закрепленный государством этот шаблон законного поведения влечет за собой защиту привилегированной части общества через наказание.¹² Отметим, что в науке уголовного права в конце XIX — начале XX веков исследовались три аспекта права наказания: право уголовного преследования, право определения наказания, право исполнения наказания.¹³ П. Сорокин затрагивает только один аспект проблемы, связанной с правом законодательного определения наказания. В этой связи отметим, что право наказания у государства вытекает не только из того, что преступлением нарушаются воплощенные в уголовном законе шаблоны позитивного поведения господствующей части общества, но и из того, что основная часть преступлений посягает на позитивные шаблоны поведения, принятые всей законопослушной частью общества в качестве нравственного императива.

Влияние наказания на свойство повторяемости преступления усматривается социологом в том, что повторяемость актов кары влияет на убеждения, лежащие в основе поведения. Отсутствие противодействия преступному поведению ослабляет убеждение в том, что нельзя красть, убивать, брать взятки и т.д. Повторяемость карательных актов укрепляет такое убеждение и способствует устойчивости социально полезного поведения, заставляет воздержаться от преступного поведения.¹⁴ Влияние наказания на повторяемость преступления убедительно показывает, что цель предупреждения преступлений для наказания является вполне достижимой. Причем автор утверждает, что наказание влияет не только на поведение отдельных личностей, но и на поведение целых народов.¹⁵ По сути, речь идет о том, что наказание способно дос-

тигнуть цели как частного предупреждения преступлений со стороны лиц, уже их совершивших, так и со стороны иных лиц, относящихся к законопослушной части общества. Интересным является вывод социолога о том, что наказание достигает цели предупреждения преступлений не только в силу возникновения у лица страха перед карательным актом (эшафотом, острогом, тюрьмой и т.д.), но и в силу давления совести, в силу сформировавшихся у лица моральных убеждений, являющихся результатом навязанного наказанием обществу должных шаблонов поведения.¹⁶ В советский период эта идея получила развитие в виде обоснования способности наказания не только вызывать страх совершать преступление, но и формировать позитивное правосознание личности, лежащее в основе его законопослушного поведения.¹⁷

Общую судьбу преступлений и наказаний автор связывал с их исчезновением.¹⁸ Исследователь обосновывал это тем, что в результате улучшения социальной психики и поведения людей, утверждения позитивного шаблона поведения под воздействием кар отпадет необходимость в наказании.¹⁹ Полагаем, такой вывод обусловлен тем, что П. Сорокин исходил из идеальной модели влияния на поведение человека кар и наград, в соответствии с которой за преступлением следует кара, за подвигом — награда. Однако реальная практика кар и наград в значительной степени не совпадает с этой моделью: подвиг может быть оценен как преступление и совершившее его лицо подвергнуто наказанию; преступление может быть оценено как подвиг и совершившее его лицо награждено. Такая практика не формирует законопослушного поведения. Кроме того, преступление может быть не раскрыто и не влечь за собой наказание, а это стимулирует совершение новых преступлений. Исследователь игнорирует это обстоятельство, приравнивая неизвестность преступления и преступника к небытию.²⁰ Социальные и иные (в частности, биологические) явления, влияющие на преступное поведение, автором вообще игнорируются, а исследователи, изучающие эти явления, под-

вергаются безапелляционной критике.²¹ Укажем также на отсутствие логики в позиции самого автора. Преступление он считал нарушением шаблона должного поведения господствующей части общества, а наказание его защитой. Получается, что причина, порождающая преступления, вытекает из противоречия между этим шаблоном и шаблоном поведения той части общества, которая не является господствующей. Значит, преступления и наказания как реакция на них должны исчезнуть вместе с исчезновением этого противоречия. Однако автор связывает их исчезновение только с позитивным воздействием наказаний на преступления. Очевидно, что в аспекте общей судьбы преступлений и наказаний выводы П. Сорокина являются умозрительными и не опираются на социологические исследования.

В целом по результатам анализа исследования П. Сорокина можно сделать вывод о том, что в российской науке уголовного права к началу XX века сформировалось целостное представление о преступлении как социально-правовом явлении. Такое представление предопределило развитие науки уголовного права и российского уголовного законодательства не только в досоветский, но и в советский, а также постсоветские периоды.

¹ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М., 2006. С. 140.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 122.

³ Сорокин П.А. Указ. соч. С. 120-123, 143, 147, 158-160, 208-212.

⁴ Там же. С. 126-127, 153-160.

⁵ Никонов В.А. Библия и уголовный закон. Тюмень, 1995. С. 20; Христианское учение о преступлении и наказании. М., 2009. С. 27; Шеслер А.В. Понятие преступления в российском уголовном законодательстве // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2 (31). С. 185-186.

⁶ Сорокин П.А. Указ. соч. С. 172, 176, 208-209.

⁷ Там же. С. 126-127.

⁸ Там же. С. 137, 170.

⁹ Там же. С. 172.

¹⁰ Там же. С. 224.

¹¹ Там же. С. 130-147, 208-212.

¹² Там же. С. 147, 211-212.

¹³ См., напр.: Фойницкий И.Я. Учение о наказании. М., 2000. С. 8.

¹⁴ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 229-232, 257-260, 362-363, 482.

¹⁵ Там же. С. 229.

¹⁶ Там же. С. 253.

¹⁷ См., напр.: Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань, 1979. С. 41-44; Ременсон А.Л. Избранные труды. Томск, 2003. С. 40-41.

¹⁸ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 419.

¹⁹ Там же. С. 361-362, 419, 429.

²⁰ Там же. С. 177.

²¹ Там же. С. 142-147, 263.

Ткачев И.О.,

кандидат юридических наук,

Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)

РЕФОРМА СИСТЕМЫ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Современный этап развития отечественного уголовного законодательства характеризуется его активным реформированием. Законодатель находится в непрерывном поиске наиболее оптимальных моделей реализации мер уголовно-правового воздействия.

31 октября 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановил внести в Государственную Думу Российской Федерации проект федерального

закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»¹. Принятие одобренного Пленумом Верховного Суда РФ законопроекта повлечет существенное изменение системы иных мер уголовно-правового характера.

В настоящее время уголовным законом предусмотрена только одна мера

уголовно-правового характера, применяемая при освобождении от уголовной ответственности, — судебный штраф (ст. 104.4 УК РФ). Перечень таких мер предлагается дополнить за счет включения в него также обязательных и исправительных работ. Таким образом, судебный штраф, обязательные работы и исправительные работы наделяются дуалистической правовой природой. С одной стороны, они остаются в УК РФ и системе наказаний (ст. 44 УК РФ), с другой — становятся иными (помимо наказания) мерами уголовно-правового характера.

Не вдаваясь в споры о том, насколько вообще возможен отмеченный выше дуализм правовой природы одной и той же меры уголовно-правового воздействия, отметим, что реализация законопроекта в существующем виде неизбежно приведет к целому комплексу прикладных проблемы, о которых и будет сказано ниже.

1. Реформирование системы иных мер уголовно-правового характера связано с предлагаемыми Пленумом Верховного Суда РФ изменениями оснований освобождения от уголовной ответственности. Законопроект предполагает введение нового императивного основания освобождения от уголовной ответственности в отношении совершеннолетних лиц, впервые совершивших уголовный проступок, под которым предлагается понимать преступление небольшой тяжести, за которое санкцией соответствующей уголовно-правовой нормы не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Такие лица подлежат освобождению от уголовной ответственности с применением к ним в качестве иной меры уголовно-правового характера судебного штрафа, обязательных либо принудительных работ.

Но поскольку уголовный проступок также имеет двуединую правовую природу и одновременно является преступлением небольшой тяжести, он может образовывать совокупность с преступлениями иных категорий, в том числе тяжкими и особо тяжкими преступлениями. В санкциях соответствующих норм может быть предусмотрено только лишение свободы. В том случае суд будет обязан освободить лицо от уголовной ответственности

за уголовный проступок и назначить лицу наказание за совершенное преступление иной категории. При этом, если за совершенное вместе с уголовным проступком преступление иной категории лицу будет назначено наказание в виде лишения свободы, суд будет крайне ограничен в выборе иных мер уголовно-правового характера, применяемых при освобождении от уголовной ответственности за проступок.

Как известно, предусмотренные ст. 44 УК РФ наказания можно подразделить на те наказания, которые при их назначении по совокупности преступлений или совокупности приговоров исполняются самостоятельно, и те, которые подлежат переводу в более строгий вид наказания в соответствии с правилами ч. 1 ст. 71 УК РФ. Обязательные и исправительные работы относятся ко второму виду. Они не назначаются вместе с лишением свободы, поскольку не могут быть исполнены в период нахождения осужденного в исправительном учреждении.

Очевидно, что равным образом обязательные и исправительные работы не могут исполняться наряду с лишением свободы и в том случае, если будут назначены в качестве иных мер уголовно-правового характера. Таким образом, из перечня иных мер уголовно-правового характера, применяемых при освобождении от уголовной ответственности, остается только судебный штраф. Однако его исполнение будет крайне затруднительно, если лицо будет осуждено к реальному лишению свободы. В то же время неуплата судебного штрафа в установленный судом срок является основанием для отмены освобождения от уголовной лица. Поскольку привлечение к уголовной ответственности является следствием виновных действий самого осужденного, нахождение в исправительном учреждении вряд ли может быть отнесено к числу уважительных причин неуплаты судебного штрафа по смыслу положений п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Таким образом, произойдет либо увеличение числа лиц, в отношении которых отменяется ранее назначенная мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, либо увеличение количества лиц, осуждаемых к лишению свободы условно.

Не меньшие проблемы могут возникать и в том случае, если уголовный проступок совершается впервые, но в совокупности с иными преступлениями небольшой или средней тяжести. Санкции соответствующих уголовно-правовых норм, как правило, являются альтернативными и предусматривают несколько видов основного наказания. При этом наиболее распространены именно наказания в виде штрафа, обязательных и исправительных работ, ограничения и лишения свободы. В таких случаях суд будет очевидно ограничен в выборе вида наказания, назначаемого за входящее в совокупность преступление, не являющееся уголовным проступком. Несмотря на то, что прямого запрета уголовный закон не содержит, на наш взгляд, нельзя назначать одну и ту же меру (например, обязательные работы) и в качестве наказания, и в качестве иной меры уголовно-правового характера.

2. Не решен вопрос относительно отмены иных мер уголовно-правового характера. Как следует из законопроекта, в случае злостного уклонения от отбывания назначенной судом меры уголовно-правового характера такая мера отменяется и лицо привлекается к уголовно ответственности.²

Вместе с тем в законопроекте не указывается, что понимать под злостным уклонением. По смыслу предлагаемой редакции ст. 104.8 УК РФ исполнение иных мер уголовно-правового характера осуществляется по правилам, установленным федеральным законодательством для исполнения соответствующих уголовных наказаний. Тем самым законодатель отсылает нас к положениям УИК РФ. В данном случае нужно вести речь об аналогии закона, ведь уголовно-исполнительное законодательство определяет порядок отбывания наказания, а не иных мер уголовно-правового характера, а

также определяет правовой статус осужденных, а не лиц, освобожденных от уголовной ответственности.

Впрочем, и при применении УИК РФ по аналогии его положения не в полной мере могут быть применены к описанной ситуации.

Например, применительно к обязательным работам злостно уклоняющимся может быть признано лицо, скрывшееся в целях уклонения от отбывания наказания (п. «в» ч. 1 ст. 30 УИК РФ). Вместе с тем, если обязательные работы назначены в качестве иной меры уголовно-правового характера, это основание, очевидно, не может быть применено к лицу, освобожденному от уголовной ответственности, ведь от отбывания наказания он не уклоняется.

3. Не до конца определены и правовые последствия злостного уклонения от отбывания обязательных и исправительных работ, назначенных в качестве иных мер уголовно-правового характера.

Согласно законопроекту в таком случае лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности. Однако как быть, если назначенные меры уголовно-правового характера были исполнены в той или иной части?

Согласно положениям ч. 3 ст. 49 УК РФ в случае замены обязательных работ на более строгий вид наказания время, в течение которого осужденный отбывал обязательные работы, учитывается при определении срока принудительных работ или лишения свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за восемь часов обязательных работ. Аналогичным образом, согласно ч. 4 ст. 50 УК РФ, в случае злостного уклонения осужденного от отбывания исправительных работ суд может заменить неотбытое наказание принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за три дня исправительных работ.

Однако в отношении обязательных и исправительных работ, назначаемых в качестве иных мер уголовно-правового характера, соответствующие законоположения отсутствуют. При этом с учетом

прямого запрета на применение уголовного закона по аналогии (ч. 2 ст. 3 УК РФ) нормы ст. 49 и 50 УК РФ не могут быть учтены судом при отмене обозначенных выше мер уголовно-правового характера. Таким образом, получается, что при отмене обязательных работ или исправительных работ и привлечении лица к уголовной ответственности суд не может зачесть в счет наказания частичное исполнение ранее назначенных мер уголовно-правового характера. На наш

взгляд, это нарушает базовые принципы справедливости и равенства граждан перед законом и судом.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017 № 42.

² Очевидно, что если уголовный проступок был совершен в совокупности с иным преступлением, то приговор за такое преступление подлежит отмене, а лицо – привлечению к уголовной ответственности по совокупности преступлений или совокупности приговоров (в зависимости от времени совершения уголовного проступка)

Белецкий И.А.

Омская академия МВД России

СМЕШАННАЯ ФОРМА ВИНЫ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ

Вопрос вины в преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности, является одним из самых сложных в науке уголовного права. Отчасти это связано с тем, что общественно опасные последствия, хотя и вызванные порочным поведением лица, оказываются непредсказуемыми по масштабам и, следовательно, находящимися вне рамок предвидения субъекта посягательства, в связи с чем при вменении таких преступлений ставится под сомнение возможность соблюдения принципа вины.

В современной литературе высказываются мнения о том, что вина в случае совершения таких преступлений обладает определенной спецификой. В частности, следует признать справедливым утверждение Ю.Е. Пудовочкина о том, что в преступлениях, связанных с нарушением специальных правил, которое влечет по неосторожности наступление опасных последствий, вина субъекта образуется сложным сочетанием сознательного нарушения специальных правил и неосторожного отношения к последствиям.¹ Однако отметим, что такое «сочетание» нельзя признать универсальным для преступлений, связанных с нарушением правил безопасности, в том числе при производстве работ или оказании услуг, поскольку

классическая небрежность, характеризующаяся отсутствием не только предвидения возможности наступления последствий, но и отношения к деянию, весьма часто встречается в судебной практике.

Сознательное же нарушение правил безопасности и неосторожное отношение лица к последствиям, по мнению некоторых исследователей, образует «смешанную форму вины». Так, Н.В. Мирошников предлагает закрепить в УК РФ норму, согласно которой, если в результате нарушения лицом специальных правил безопасности причиняются по неосторожности тяжкие последствия, с которыми закон связывает наступление уголовной ответственности, содеянное может быть квалифицировано по соответствующим статьям УК РФ лишь в случае осознания лицом противоправности своего действия или бездействия². О «смешанной» форме вины пишет и М.В. Мухортова: «...в Общей части УК РФ предусмотреть двойственную природу преступлений, связанных с нарушением специальных правил, и скорректировать институт вины в частности. Преступление, связанное с нарушением специальных правил, признается совершенным по неосторожности независимо от умысла или неосторожности в отношении нарушения

предписаний иных отраслей права, если лицо предвидело возможность наступления предусмотренных уголовным законом общественно опасных последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления таких последствий»³.

По нашему мнению, разработка новой формы вины применительно к преступным нарушениям правил безопасности не требуется. Необходимо лишь определиться, в целом к неосторожным или умышленным преступлениям следует относить посягательства, являющиеся предметом настоящего исследования. А для этого нужно понять суть преступных нарушений правил безопасности при производстве работ или оказании услуг, которая, по нашему мнению, заключается именно в неосторожной природе таких нарушений. Сознательное отношение со стороны субъекта преступления к нарушению правил безопасности и неосторожное – к последствиям говорит о его легкомысленном поведении, которое не нуждается в дополнительной законодательной регламентации.

Кроме того, предложение о введении в УК РФ «смешанной» формы вины порождает ряд проблем. Если признать верным утверждение о том, что «субъективная сторона преступлений, связанных с нарушением специальных правил, объединяет в себе умышленную вину в административном (дисциплинарном) проступке и неосторожную вину в преступлении», то возникает вопрос, как доказывать умысел в административном правонарушении при расследовании неосторожного преступления, при том, что абсолютно справедливо отрицание возможности привлечения лица к двум видам публично-правовой ответственности.⁴

Более того, в некоторых случаях умышленное нарушение правил безопасности не образует ни состава административного правонарушения, ни состава дисциплинарного проступка. Указанное замечание справедливо в случаях совершения преступления, предусмотренного

ч. 1 ст. 264 УК РФ, поскольку «нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека» не всегда связано с административной наказуемостью самого деяния – преступные последствия могут стать результатом превышения скорости движения транспортного средства на 19 км/ч, что само по себе не образует состава административного правонарушения. Также может быть совершено и преступление, предусмотренное ст. 216 УК РФ, когда виновный осуществляет строительные работы самостоятельно и для удовлетворения личных потребностей, не соблюдая при этом строительные нормы и правила, но не совершая при этом административного правонарушения.

Необоснованно относить преступления, связанные с нарушением правил безопасности, и к преступлениям с двойной формой вины, как это сделано при конструировании ст. 238 УК РФ. Другими словами, криминализация самого по себе нарушения правил безопасности (административного правонарушения по сути, а в некоторых случаях даже и не правонарушения) недопустима и влечет игнорирование принципов законности и правовой определенности.

Показательным является уголовное дело, возбужденное в отношении врача-гематолога Е.М., которую суд приговорил к двум годам лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ за то, что после проведенной ею операции (трепанобиопсии) скончался пациент.⁵ Изначально следственные органы вменяли ей состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 109 УК РФ. Если следовать логике стороны обвинения, то врач действовала умышленно, то есть сознательно неправильно провела забор костного мозга через прокол. Но в таком случае врач не мог не предвидеть неизбежность наступления общественно опасных последствий, и если и не желал их наступления, то во всяком случае относился

бы к ним безразлично. А тогда необходимо вести речь об умышленном преступлении против личности.

Конструкция же смешанной формы вины (равно как и ст. 238 УК РФ – преступления с двойной формой вины), с одной стороны, предполагает, что профессионал (врач, инженер) осознает общественную опасность нарушения правила безопасности и при этом предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение этих последствий (легкомыслие) либо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть (небрежность).⁶

Следует отметить, что небрежное отношение к последствиям в описанной ситуации при умышленном нарушении правил безопасности вряд ли возможно, поскольку профессионал не может их не предвидеть, а легкомысленное отношение – более реально, но *законодательная конструкция этого вида неосторожности и так подразумевает, что лицо может сознательно нарушать правила, поэтому-то оно и предвидит возможность наступления последствий.*

В исключительных случаях грубое нарушение правил безопасности, в том

числе вождение автомобиля на высокой скорости в черте населенного пункта, может квалифицироваться как преступление против личности, например убийство с косвенным умыслом. Считая такую практику отчасти справедливой, уточним, что для претворения ее в жизнь необходимо провести значительное исследование для обоснования возможности ее применения. Но, на наш взгляд, во введении новых конструкций форм вины нет необходимости.

¹ Пудовочкин Ю.Е. Вина в преступлениях, связанных с нарушением специальных правил, повлекшим по неосторожности наступление вредных последствий // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 4. С. 149.

² Мирошниченко Н.В. Субъективная сторона преступлений, связанных с нарушением специальных правил безопасности // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 2. С. 112.

³ Мухортова М.В. Преступления, связанные с нарушением специальных правил: природа и особенности элементов состава : дис. ...канд. юрид. наук. М., 2016. С. 160.

⁴ Мирошниченко Н.В. О проблеме совмещения различных видов ответственности за нарушение профессиональных функций // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 231.

⁵ Что надо знать о деле врача Елены Мисюриной. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4911080> (дата обращения: 31.01.2018).

⁶ Бавсун М.В., Векленко С.В., Фаткуллина М.Б. Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 4. С. 128.

Беларева О.А.,

кандидат юридических наук, доцент

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СГОВОРА НА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. От группы лиц, действующей без предварительного

сговора, данную форму соучастия отличает наличие между соучастниками предварительной договоренности о совместном совершении преступления. Следует учесть, что такая договоренность предполагает понимание всеми участниками

сговора именно общественно опасного характера деяния, о совместном совершении которого они договариваются, а не его преступности, то есть предусмотренности уголовным законом; этот признак в содержание сговора не входит. Степень согласованности действий соучастников при наличии между ними предварительного сговора может быть различной, однако во всех случаях субъективная связь между ними не является минимальной, то есть не ограничивается знанием каждого участника о присоединяющейся деятельности других лиц. Даже в элементарной форме предварительный сговор предполагает некоторую детализацию совместной преступной деятельности.¹ Способ достижения соглашения в ст. 35 УК РФ не указан, поэтому он может быть любым: словесным (устным или письменным), в виде конклюдентных действий (условные знаки, жесты и пр.) и т.д.

Обязательное условие для установления рассматриваемого вида группы – сговор должен быть предварительным, то есть договоренность должна быть достигнута до момента начала совершения преступления. Время, прошедшее с момента согласования действий соучастников до перехода к выполнению объективной стороны преступления, принципиального значения не имеет. Предварительный сговор может возникать задолго до совершения преступления, непосредственно перед его совершением. В судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое нередки случаи, когда умысел на совершение хищения возникает непосредственно перед началом совершения преступления, когда виновные (или один из них) замечают потерпевшего или предмет хищения и оценивают обстановку как способствующую совершению преступления. Иногда распределяя между собой функции, иногда договариваясь действовать сообща, они сразу переходят к выполнению объективной стороны хищения. Например, Д.А.С., находясь в банно-оздоровительном комплексе «Жемчужина», заметив, что потерпевший хранит банковскую карту совместно с пин-кодом к ней, вступил в предварительный сговор с С.Д.В., с целью тайного хищения денежных средств,

находившихся на банковской карте. Д.А.С. действуя, согласно достигнутой договоренности с С.Д.В., следил за окружающей обстановкой, чтобы в случае появления посторонних предупредить С.Д.В., который в это время тайно похитил из кармана одежды, находящейся на вешалке, банковскую карту ОАО «Банк Москвы» вместе с пин-кодом к карте. После чего Д.А.С. остался в банно-оздоровительном комплексе «Жемчужина» следить за окружающей обстановкой, а С.Д.В. тайно похитил со счета данной карты денежные средства в сумме 138000 рублей, принадлежащие потерпевшему. С похищенными денежными средствами Д.А.С. и С.Д.В. скрылись, распорядились ими по своему усмотрению.²

Совершение некоторых преступлений предполагает предварительную подготовку, требующую определенного времени, либо для начала совершения преступления необходимо наступление определенного события, получения информации и т.д. В таких случаях момент достижения сговора и момент начала совершения преступления могут быть отделены более или менее значительным промежутком времени. Так, К. предложил Р. совершать хищения дизельного топлива из топливных баков тепловозов, на которых они осуществляли свою профессиональную деятельность во время рабочей смены, объяснил ему порядок действий: как сливать топливо, где оставлять канистры, как реализовывать похищенное. Р. согласился. Для совершения преступления им необходимо было дожидаться очередной рабочей смены, одним из условий совершения хищения топлива являлась возможность его экономии при небольшой загруженности работой и простоях тепловозов с выключенными двигателями во время технологических стоянок.³

Общепринятым в теории уголовного права является признание сговора предварительным, если он возникает до начала совершения преступления, то есть до начала выполнения деяния, входящего в его объективную сторону. Если субъективная связь между соучастниками возникает в процессе выполнения деяния, составляющего основу объективной сто-

роны состава преступления, то предварительный сговор отсутствует.

Однако судебной практике известны случаи, когда присоединение одного лица к уже начавшейся преступной деятельности другого лица, входящей в объективную сторону конкретного преступления, вполне обоснованно квалифицируется как преступление, совершенное по предварительному сговору группой лиц. Например, суд правильно квалифицировал действия А. и Н. как совершенные по предварительному сговору, исходя из следующих обстоятельств. Сначала А. для последующей продажи с целью получения выгоды приобрел спиртные напитки разных марок, являющиеся поддельными, без предоставления документов, подтверждающих качество продукции, привез в свой магазин, где у него работала продавцом Н. Хранилась алкогольная продукция в подсобном помещении магазина, на витрины не выставлялась. Затем он поставил Н. в известность о том, что помимо пива и сопутствующей продукции необходимо будет продавать и данные спиртные напитки, на что она согласилась. Лицензию на реализацию алкогольной продукции Антипин не оформлял, сертификатов качества продукции в магазине не было, подсудимые понимали, что нельзя продавать эту алкогольную продукцию.⁴

Кроме того, такая квалификация возможна, когда преступник, встретив значительные затруднения, временно приостанавливает преступную деятельность, которая уже вписывается в юридические границы конкретного состава преступления, и начинает подыскивать себе соучастника для доведения преступления до конца. Возникновение субъективной связи между соучастниками до продолжения временно приостановленной преступной деятельности и образует предварительный сговор на совершение преступления.⁵ Примером может служить дело, рассмотренное Таштагольским городским судом. Первоначально предварительным сговором охватывались действия троих соучастников, которые должны были похитить из автомобиля потерпевшего сумку с крупной денежной суммой. Следуя за автомобилем потерпевшего, соучаст-

ники прибыли к его загородному дому. Дождавшись, когда потерпевший зайдет в дом, двое соучастников вскрыли и осмотрели автомобиль, но сумки там не нашли, а сами были замечены сторожем. Поняв, что сумка с деньгами находится в доме, похитить ее без применения насилия к потерпевшему и сторожу будет невозможно, соучастники созвонились с организатором данного преступления, который прислал им в помощь еще двух лиц. Обсудив на месте план совершения нападения с целью доведения до конца хищения сумки с деньгами, все соучастники совместно, согласованно совершили хищение в особо крупном размере. Действия всех соучастников, и предварительно договаривавшихся о совершении хищения, и присоединившихся в процессе его совершения, были справедливо квалифицированы как совершенные группой лиц по предварительному сговору.⁶

Помимо того, что предварительный сговор должен «предварять» преступление, то есть предшествовать его совершению, предварительность следует воспринимать как неокончателность, возможность изменения, дополнения. Договорившись до начала совершения преступления о тайном хищении чужого имущества, соисполнители, обнаруженные на месте преступления и завершившие хищение уже как открытое, обоснованно должны привлекаться к ответственности за грабеж, совершенный по предварительному сговору группой лиц. Трансформация сговора в части формы хищения в процессе его совершения не отменяет предварительного сговора. При этом соглашение относительно изменения формы хищения может быть выражено путем молчаливого согласия и продолжения совместного участия в хищении с более опасной формой.

В частности, в п. 14.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» рассматриваются случаи, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении тайного хищения чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совер-

шив действия, подлежащие правовой оценке как грабеж или разбой. Основанием квалификации преступления как совершенного группой лиц по предварительному сговору является продолжение участия в преступлении с использованием примененных одним из соисполнителей насилия либо угрозы его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества. Все соисполнители такого хищения, и вышедший за пределы предварительной договоренности, и поддерживавшие его присоединившиеся соисполнители, должны нести уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками.

¹ Шеслер А.В. Соучастие в преступлении : монография. Новокузнецк: ФКОУ ВПО «Кузбасский институт ФСИН России, 2015. С. 62.

² Приговор Беловского городского суда по делу №1-176/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/gZF9c7J6Y5gT>.

³ Приговор Куйбышевского районного суда г. Новокузнецк по делу № 1-45/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Y1Nom7pzkHgm>.

⁴ Приговор Заводского районного суда г. Кемерово по делу № 22-4523/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc>.

⁵ Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1971. С. 231-232; Шеслер А.В. Указ. соч.

⁶ Приговор Таштагольского городского суда по делу № 1-81/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Ws3mbjYROkHt>.

Сипягина М.Н.

Государственный институт экономики,
финансов, права и технологий (г. Гатчина)

ЗНАЧЕНИЕ ФОРМЫ ВИНЫ ПРИ ПОВТОРНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В соответствии с законодательным определением рецидив образуют только преступления, совершенные умышленно (ч. 1 ст. 18 УК РФ), и это лишь один из нескольких обязательных признаков, препятствующих признанию повторных преступлений рецидивными. По этому поводу Т.Г. Понятовская отмечает: «Чем больше формальных ограничений в ле-

праве социального значения повторений преступлений, тем больше расстояние между уголовным правом и криминологией»¹. Разделяя эту позицию, мы считаем необходимым проанализировать значение повторных преступлений с неосторожной формой вины.

Еще П.С. Дагель указывал на недооценку опасности неосторожных преступлений, так как при их повторении приходится сталкиваться с результатом крайней неосмотрительности и беззаботности. Того же мнения придерживались Ю.В. Голик и И.Я. Мирончик, указывая, что повторение неосторожных преступ-

лений не должно оказываться вне правового поля и может именоваться неосторожным рецидивом. Придерживаясь еще более категоричной точки зрения, Т.Г. Черненко предлагает вообще не учитывать форму вины при определении рецидива, признавая его совершением нового преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление. Сторонником аналогичного мнения является А.П. Козлов.

П.Ф. Гришанин, напротив, признавал необходимость учитывать при рецидиве только умышленные преступления, так как сознательное игнорирование виновным состоявшегося ранее осуждения указывает на повышенную устойчивость антиобщественных взглядов. Разделяя эту позицию, И.Н. Самылина называет неосторожные преступления ситуационными, совершаемыми в силу сложившейся обстановки, поэтому не представляющими такой общественной опасности, как умышленные преступления, в силу этого находит обоснованным признание рецидива только умышленных преступлений.

Однако вопрос об отсутствии повышенной опасности лица, повторно совершающего преступления, в том числе неосторожные, является весьма спорным. Так, по приговору Кировского районного суда П., ранее судимый по ч. 1 ст. 109, был осужден по ч. 1 ст. 109 к одному году лишения свободы и ст. 316 УК РФ к одному году лишения свободы, по совокупности к одному году одному месяцу лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. По обстоятельствам дела: П. распивал спиртные напитки совместно с М. и потерпевшей. М. по мотиву внезапно возникшей неприязни сжал шею потерпевшей удушающим захватом, препятствуя доступу воздуха в дыхательные пути, причинив тупую травму шеи с повреждениями, которые по признаку опасности для жизни оцениваются как тяжкий вред здоровью. В результате полученных травм потерпевшая потеряла сознание. М. и П., решив, что она умерла, оттащили ее тело к реке и опустили в воду. По данным судебно-медицинской экспертизы, смерть потерпевшей наступила от механической асфиксии вследствие утопления в воде. Суд квалифицировал содеянное П. как совокупность преступлений: причинение смерти по неосторожности и укрывательство, усмотрев в его деяниях рецидив преступлений. Судебной коллегией по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда апелляционным определением по делу № 22-6653/2014 от 06.10.2014 приговор был изменен: из описательно-мотивировочной части приговора исключено указание на наличие рецидива преступлений. По ч. 1 ст. 109 УК РФ было назначено наказание в виде одного года исправительных работ с удержанием 10% в доход государства из заработной платы осужденного, наказание по ст. 316 УК РФ оставлено без изменений. В результате по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний П. было назначено такое же наказание в виде одного года одного месяца лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Таким образом, отсутствие рецидива преступлений никак не

отразилось на назначении наказания, хотя следует признать, что проблематика назначения наказания в данном случае лежит уже в не уголовно-правовом поле рецидива, а в уголовно-правовом поле совокупности преступлений, так как и в том, и в другом случае, нормы ч. 2 ст. 69 УК РФ применены верно.

На наш взгляд, не менее высокой степенью общественной опасности обладают также преступления, связанные с нарушениями правил дорожного движения. Так, приговором Колпинского районного суда по делу №1-57/11 от 24.01.2011 был осужден Ш. по ч. 3 ст. 264, ст. 125 УК РФ, ранее судимый по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (судимость погашена).

По обстоятельствам дела: Ш., управляя автомобилем и приближаясь к перекрестку, проявил преступное легкомыслие и невнимательность к дорожной обстановке, избрал для движения скорость порядка 80 км/ч, значительно превышающую установленное ограничение. Обнаружив в полосе своего движения неустановленный автомобиль, стал производить его обгон справа, что запрещено, в результате несвоевременно обнаружил в полосе своего движения пешехода Ф., пересекающего проезжую часть, произвел наезд на Ф., после чего скрылся с места дорожно-транспортного происшествия. Ф. от полученных повреждений скончался.

Суд признал в действиях Ш. совокупность двух преступлений, одно из которых отнесено к категории средней тяжести (ч. 3 ст. 264 УК РФ), второе — к преступлениям небольшой тяжести (ст. 125 УК РФ) и назначил наказание по ч. 3 ст. 264 УК РФ в виде 2 лет лишения свободы с лишением права управления транспортными средствами на срок 2 года, по ст. 125 УК РФ в виде лишения свободы сроком на 6 месяцев, а на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем поглощения менее строго наказания более строгим — 2 года лишения свободы с лишением права управления транспортными средствами на срок 2 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Следует, однако, отметить, что при назначении наказания «суд учел, что

подсудимый на момент совершения данного преступления был *юридически не судим*, однако ранее привлекался к уголовной ответственности, поскольку уголовное преследование Ш. по ч. 1 ст. 109 УК РФ было прекращено в связи с примирением с потерпевшей. Ш. также был осужден в 2010 г. к одному году лишения свободы условно за преступление, предусмотренное п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Учитывая склонность Ш. к совершению преступлений, суд принял решение назначить наказание за каждое из преступлений в виде лишения свободы с изоляцией его от общества, а с учетом личности подсудимого – с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Примечательно, что с точки зрения уголовного закона Ш. считается совершившим преступление впервые. Тем не менее формулировка «склонность к совершению преступлений» была применена, на наш взгляд, верно, как характеристика личности подсудимого.

В последнее время преступлениям, связанным с нарушением правил дорожного движения, законодатель уделяет особое внимание. Однако, несмотря на существенное повышение санкций ст. 264 УК РФ, она предусматривает неосторожную форму вины и не влечет правовых последствий рецидива. Также, по мнению С.Ф. Милюкова, преступления, повлекшие по неосторожности тяжкие последствия, необоснованно отнесены законодателем к категориям только небольшой и средней степени тяжести.² Тем не менее «лихачество» на автодорогах свойственно зачастую одним и тем же субъектам правонарушений. И повторность неосторожных преступлений, безусловно, опаснее, чем совершение преступления впервые, особенно если это преступления против личности, поэтому игнорировать ее нельзя, однако нельзя также наделять эту повторность аналогичным рецидиву умышленных преступлений уголовно-правовым значением.

В связи с этим представляется правильным придание уголовно-правового значения термину *вне рецидивная повторность* – как совершение преступле-

ния лицом, имеющим судимость, без признаков уголовно-правового рецидива.³

По сути, такая повторность уже имеет уголовно-правовое значение, но не имеет формального выражения. Это значение регламентировано в ч. 1 ст. 86 УК РФ, в соответствии с которой судимость учитывается не только при рецидиве преступлений, но и при назначении наказания. Это означает, во-первых, что суд учитывает судимость как обстоятельство, характеризующее личность обвиняемого, во-вторых, судимость исключает широко используемое в уголовном законе понятие «впервые» (ч. 1 ст. 56, ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75, ст. 76 и т.д.), влияя тем самым на возможность освобождения от уголовной ответственности, наказания, а также на назначение отдельных его видов.

Однако мы разделяем мнение тех ученых-правоведов, которые находят эти положения недостаточными для отображения общественной опасности повторно совершаемых преступлений. По данным криминологических исследований, только в 12% приговоров при назначении наказания в качестве характеристики личности учитываются судимости, не составляющие рецидив.

В этой связи мы считаем целесообразным изменить редакцию п. «а» ч. 1 ст. 63 следующим образом: *«совершение преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление»*, что позволит охватить как рецидив преступлений, так и вне рецидивную повторность.

¹ Понятовская Т.Г. Проблема рецидива в уголовном праве и криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 96.

² Милюков С.Ф. Отзыв официального оппонента на диссертацию «преступления с двумя формами вины», представленную Никитиной Н.А. на соискание ученой степени кандидата юридических наук (специальность 12.00.08) // Уголовное право. 2012. № 2. С. 134.

³ Сипягина М.Н. Терминология института множественности преступлений и ее уголовно-правовое значение в современном уголовном законодательстве // Новеллы права и политики 2016 : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. (г. Гатчина, 23 ноября 2016 г.). Гатчина: Изд-во ГИ-ЭФПТ, 2016. С. 240.

Каппасов Е.Т.

Костанайская академия МВД Республики
Казахстан имени Ширакбека Кабылбаева

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ ИНСТИТУТА РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рецидив преступной деятельности — это, пожалуй, самое опасное явление, присущее преступности, так как оно не только образует ее «ядро», но и обладает особо негативным свойством ее самовоспроизводства.

Опасность рецидива состоит в том, что он способствует распространению антиобщественных установок, обычаев и традиций, является фактором десоциализации и криминализации не только личности, но и общества в целом. Именно в рецидиве преступлений выражается устойчивое пренебрежение к законам, нормам и правилам поведения, к интересам государства, общества и других людей.

Рецидив тождественных преступлений способствует развитию преступных навыков, повышает уровень криминального профессионализма преступника, что существенно затрудняет противодействие этим преступлениям.

Уровень рецидива в структуре преступности остается относительно стабильным и составляет, как правило, ее треть. И это является очевидным показателем низкой эффективности противодействия этому виду преступности. Саму систему уголовного правосудия в настоящее время рассматривают как один из основных источников прироста и маргинализации населения.

Предупреждение рецидива преступлений относится к фундаментальным проблемам уголовной политики и науки уголовного права.

В современной уголовно-правовой доктрине активно обсуждается вопрос пересмотра традиционных представлений о правопорядке, основанном на строгом государственном контроле и устрашении, об изменении концептуальных положений уголовной политики и либерализации правового реагирования на повторность преступлений.

И в Республике Казахстан, и в Российской Федерации четко прослеживается

тенденция гуманизации уголовной ответственности за рецидив преступлений.

В уголовном законодательстве произошло обновление понятий и определений, относящихся к институту множественности преступлений, изменились правила назначения наказания при рецидиве преступлений, произведена корректировка норм Особенной части закона.

В Российской Федерации серьезные изменения института рецидива преступлений произошли с принятием Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации».¹

Указанный закон существенно расширил перечень случаев, когда в повторности преступлений не признается рецидив. В частности, при признании рецидива преступлений не учитываются:

а) судимости за умышленные преступления небольшой тяжести;

в) судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы.

Еще более серьезные изменения произошли в уголовном законе Республики Казахстан. В Уголовном кодексе РК кардинально пересмотрено законодательное определение рецидива преступлений. Согласно ст. 14 рецидивом преступлений признается совершение лицом тяжкого преступления, если ранее это лицо осуждалось к лишению свободы за совершение тяжкого преступления.²

Вместо 3 видов новый УК РК предусматривает только 2 вида рецидива: рецидив и опасный рецидив. В качестве опасного рецидива законодатель признает случаи рецидива, которые ранее были определены как особо опасный рецидив.³

Таким образом, рецидив преступлений определяется на основании наличия непогашенной судимости за совершение исключительно тяжкого и (или) особо тяжкого преступления. Проступки, преступления небольшой и средней тяжести не образуют рецидива преступлений.

Столь серьезный шаг законодателя является попыткой оптимизации уголовно-правовых норм о рецидиве.

Но, на наш взгляд, интерпретация рецидива преступлений в новом УК является далеко не идеальным вариантом решения проблем законодательной регламентации противодействия рецидиву.

Подобное законодательное определение рецидива не в полной мере соответствует этимологическому содержанию термина «рецидив», происходящего от латинского «recidivus» – возвращающийся, что означает «возобновление, возвращение, повторение чего-либо, обычно негативного, нежелательного; повторное преступление (юрид.)»⁴.

Следовательно, для наличия рецидива преступлений не имеет значения категория совершенного преступления, поскольку необходимым элементом этимологического значения рецидива является именно повторение, возврат. Обоснованным и логичным критерием для признания рецидива в повторности преступлений можно считать умышленную форму вины при их совершении. Все остальные ограничения в отнесении повторных преступлений к рецидиву являются надуманными и несоответствующими значению термина «рецидив».

Логичным последствием изменений законодательного определения рецидива стали изменения в правилах назначения наказания за него.

Российский законодатель в качестве нижнего предела срока наказания при любом виде рецидива установил третью часть максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Казахстанский законодатель и вовсе исключил пределы назначаемого при рецидиве наказания, оставив в качестве ориентира для судей лишь общее правило об учете числа, характера и степени общественной

опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельств, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характера и степени общественной опасности вновь совершенных преступлений.

Нужно признать, что действующие правила назначения наказания создают слишком большой разрыв в уголовной ответственности лиц, возвращающихся к преступной деятельности, в зависимости от признания либо непризнания в их действиях рецидива.

Такая позиция противоречит принципу индивидуализации наказания и не способствует дифференцированному применению уголовного наказания и мер исправительного воздействия к различным категориям осужденных в интересах их эффективного исправления и ресоциализации.

В последнее время на фоне общей тенденции гуманизации уголовной политики все чаще высказываются довольно критические точки зрения. Некоторые ученые отмечают неуместность либерализации репрессивной функции уголовной политики в отношении рецидивистов, что противоречит интересам общественной безопасности.

Как справедливо отмечает В.В. Лунев, «общим трендом этой борьбы является заметное снижение социально-правового контроля преступности в силу социально-правовой беспомощности перед криминалом и непродуманной гуманизации к современным преступникам»⁵.

Конечно, большая часть вопросов предупреждения рецидива преступлений лежит в социальной плоскости – через ресоциализацию лиц, отбывших уголовное наказание.

По нашему мнению, необходимо уточнить признаки простого рецидива преступлений путем исключения из его объема признаков, соответствующих более опасным видам рецидива преступлений. Также целесообразно, на наш взгляд, предусмотреть более строгие правила назначения наказания.

Либерализация уголовной ответственности за такое опасное явление, как

рецидив преступлений, требует глубокого осмысления и исследования как ее сущности, так и ее пределов.

¹ Парламентская газета. 2003. 11 декабря.

² Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V. URL: <http://online.zakon.kz>.

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16.06.1997 № 167-І. URL: <http://online.zakon.kz>.

⁴ Словарь иностранных слов современного русского языка. М., 2014. С. 581.

⁵ Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 10.

Трухин А.М.,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский институт бизнеса, управления
и психологии (г. Красноярск)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАКАЗАНИЯ В ПРЕДЕЛАХ САНКЦИИ

Статья 8 УК РФ устанавливает: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Общая дифференциация уголовной ответственности осуществляется посредством определения в диспозиции статьи Особенной части УК РФ вида преступления, а в санкции – вида и размера наказания. При этом диспозиция определяется как абсолютно определенная, а санкция как относительно определенная.

Относительно определенная санкция сконструирована в Особенной части УК РФ с учетом того, что наряду с видовыми признаками состава преступления, предусмотренными в диспозиции Особенной части УК РФ, могут иметь место еще и смягчающие и отягчающие обстоятельства, предусмотренные в Общей части УК РФ. В законе нет конкретных указаний о том, как эти обстоятельства должны определять конкретную меру наказания, которую должен назначить суд в пределах относительно определенной санкции. Это порождает проблему реализации принципов уголовной ответственности.

Вынесенный судом приговор должен быть законным и справедливым. Это аксиома. Но часто суды назначают за тождественные преступления (по их юридической квалификации) совершенно разные наказания. Не случайно существует поговорка: «Закон что дышло, куда по-

вернул туда и вышло». Полагаем, что общие начала назначения наказания в ст. 60 УК РФ должны быть дополнены следующим положением: «В случае наличия в совершенном преступлении смягчающих обстоятельств и при отсутствии отягчающих обстоятельств наказание не может быть назначено свыше половины санкции, предусмотренной за вид совершенного преступления, а в случае наличия в совершенном преступлении отягчающих обстоятельств и при отсутствии смягчающих обстоятельств наказание не может быть назначено ниже половины санкции».

Законодатель, дифференцируя наказание за преступление, абсолютизирует максимум санкции, забывая о том, что есть еще и минимум санкции, который должен иметь такое же значение в правоприменительной практике, как и ее максимум. Полагаем, что законодатель допустил ошибку, исключив из некоторых санкций указание на их минимум. Возникает вопрос: почему в санкции ст. 105 УК РФ есть указание на минимум наказания, а в санкции ст. 111 УК РФ указания на минимум наказания нет?

Исключив из некоторых санкций указание на минимум наказания, законодатель тем самым породил проблему определения минимального размера наказания, который может назначить суд за совершенное преступление.

Существует мнение, что по всем таким санкциям их минимумы одинаковые,

хотя максимумы различные. Полагают, что определять минимумы таких санкций следует на основе положения, предусмотренного ч. 2 ст. 56 УК РФ. Минимальный срок наказания в виде лишения свободы согласно этому положению – два месяца, а значит, и минимум таких санкций будет два месяца лишения свободы. Полагаем, что данная позиция глубоко ошибочна. Не указанный законодателем минимум санкции следует определять не на основе положения, предусмотренного ч. 2 ст. 56 УК РФ, а на основе положений, предусмотренных ст. 15 УК РФ.

Законность, равенство и справедливость могут иметь место только там, где при назначении меры наказания в пределах относительно определенной санкции учтены только те обстоятельства, которые предусмотрены законом. Только они могут определять квалификацию вида совершенного преступления как основания уголовной ответственности субъекта преступления. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, определяют конкретную тяжесть конкретно совершенного преступления наряду с видовыми признаками состава преступления. В

совокупности они определяют вид и тяжесть совершенного преступления, а также вид и тяжесть назначенного наказания.

Суть справедливости конкретной меры (размера) наказания заключается в том, что эта мера соответствует конкретной тяжести преступления. Юридический состав конкретного преступления определяет конкретную меру наказания.

Может возникнуть вопрос: не слишком ли формализует предложенное нами дополнение общих начал назначения наказания процесс назначения наказания, не сужает ли оно необоснованно пределы судебного усмотрения? Можем со всей убежденностью ответить, что нет.

Судебное усмотрение нельзя отождествлять с субъективизмом. Усматривать – значит познавать, оценивать, устанавливать и только потом применять. Суд устанавливает наличие в совершенном деянии юридически значимых обстоятельств (признаков), юридически квалифицирует установленный состав преступления и назначает за него законное и справедливое наказание в пределах установленной санкции.

Степашин В.М.,

кандидат юридических наук, доцент

Омский государственный университет
имени Ф.М.Достоевского

ПАРАМЕТРЫ СТРОГОСТИ УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ

В перечне ст. 44 УК РФ законодателем недостаточно строго соблюден принцип расположения видов наказаний в зависимости от их строгости. В юридической литературе последних лет на это обстоятельство также неоднократно обращалось внимание. Еще в начале прошлого века Я. Эстрин критиковал систему наказаний за то, что сама «лестница наказаний, их общее расположение... создает представление, будто они сгруппированы в порядке убывающей тяжести, но этот порядок далеко не выдержан»¹. Более того, отмечается бóльшая стро-

гость некоторых уголовно-правовых мер по сравнению с уголовным наказанием.

Все правила применения наказания (назначения наказания, замены наказания более строгим, освобождения от отбывания наказания) исходят из презумпции бесспорной и точной классификации наказаний по их строгости. Действующее уголовное законодательство не признает обязательным учет содержания уголовных наказаний при применении их судами: правоприменитель учитывает лишь место того или иного вида наказания в перечне, предусмотренном ст. 44 УК РФ.

Механическое применение этих правил способно исказить принципы назначения наказания при формальном, отметим, соблюдении закона. Например, применение вместо штрафа обязательных либо исправительных работ, ограничения свободы может повлечь не ужесточение наказания, а существенное его смягчение.

Дифференциация отдельных видов наказания по их свойствам вызывает наибольшие затруднения у судей: в ходе диссертационного исследования М.В. Кирюшкина многие респонденты даже отказались отвечать на вопросы анкеты.² Аналогичны результаты анкетирования, проведенного нами: почти у 7% опрошенных вопрос о соответствии расположения наказаний в перечне ст. 44 УК РФ их сравнительной тяжести вызвал затруднения. В то же время большинство практических работников согласились с тем, что этот принцип соблюден не в полной мере (54, 29%), либо не соблюден вовсе (11, 43%).

Как представляется, разрешить выявленную проблему возможно следующими способами: 1) путем реконструкции системы наказаний; 2) путем конкретизации правил о применении наказания.

Однако первый подход как способ решения рассматриваемой проблемы не может быть реализован в принципе. Построение чётко ранжированного перечня наказаний в зависимости от их репрессивности исключено, поскольку:

1) количественные и качественные показатели репрессивности большинства видов наказания вариативны. Нельзя, например, сопоставить штраф и лишение свободы, не учитывая их, соответственно, размер и срок. Если большая строгость двадцати лет лишения свободы по сравнению со штрафом в размере пяти тысяч рублей очевидна, то сопоставление двух месяцев лишения свободы и полумиллиардного штрафа уже вызовет вопросы. Качественные показатели значительной части видов наказания (лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, ограничение свободы, лишение свободы и др.) существенно разнятся. Очевидно, например, что отбывание ли-

шения свободы в колонии-поселении и в тюрьме, по существу, не просто разные подвиды лишения свободы, а разные виды наказаний;

2) возможность изменения качества и (или) количества репрессии не может быть в полной мере учтена при оценке строгости наказаний (например, замены одного вида наказания на другой при реализации правил назначения наказания, об освобождении от отбывания наказания, замены наказания на более строгое вследствие злостного уклонения от его отбывания и т.д.);

3) необходимо учесть обусловленность применения других мер уголовной ответственности (условного осуждения, отсрочки отбывания наказания) предварительным назначением конкретных видов наказания, что вряд ли достижимо;

4) восприятие наказания осуждённым чрезвычайно индивидуально и не может быть в полной мере учтено при ранжировании наказаний. Как справедливо отмечает Н.В. Щедрин, восприятие карательных обременений зависит от многих индивидуальных качеств субъекта и объекта: возраста, пола, образования, социального статуса³;

5) невозможно в полной мере учесть специфику применения наказания по кругу лиц, в частности, ограничения, препятствующие назначению конкретного вида наказания (например, невозможность назначения обязательных работ беременным женщинам), а также его исполнению (например, обязательное освобождение от отбывания наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части военнослужащего в связи с заболеванием, не являющимся тяжёлым, но препятствующим несению военной службы).

Второй подход предполагает уточнение, детализацию общих начал назначения наказания и правил применения отдельных положений УК РФ о применении наказания. Учёт фактической строгости конкретного наказания применительно к конкретному осуждённому за конкретное преступление возможен исключительно при назначении индивидуализированного наказания, при этом окончательная оценка репрессивности наказания может су-

щественно отличаться от законодательно установленной в ст. 44 УК РФ. Формальный учёт лишь места того или иного вида наказания в «лестнице наказаний» явно недостаточен.

В этой связи представляется необходимым внести изменения и дополнения в ч. 3 ст. 60 УК РФ, изложив её в следующей редакции: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также содержание назначаемого наказания и его влияние на исправление осужденного и на условия жизни его семьи».

Иногда считается весьма сложным соотносить наказания с разным содержанием карательного потенциала, однако в основе любой классификации наказаний находится именно содержание карательных элементов, базисные правоограничения.

Уголовно-правовая репрессия не абстрактна, она характеризуется определённой конкретностью, которая может быть конкретизирована в следующих параметрах, обуславливающих её строгость: качество, интенсивность, количество, универсальность, условность.

Качество репрессии – минимальная совокупность правоограничений, т.е. лишения и ограничений конкретных прав и свобод, присущих общему правовому статусу человека и гражданина, и возлагаемых на виновное лицо конкретных специальных обязанностей. При ранжировании видов наказаний в перечне ст. 44 УК РФ и санкциях норм Особенной части УК РФ используется только этот показатель.

Интенсивность репрессии – степень ограничения или лишения прав, либо/и их вариативность. Различия в интенсивности репрессивного воздействия в действующем уголовном законе обусловлены тем, что одна и та же мера уголовно-правового воздействия может: 1) предусматривать разную степень ограничения одного и того же права либо однородных прав (лишение права занимать определённые должности, лишение свободы); 2) предусматривать лишение (ограничение) разных, хотя и однородных прав (лишение

специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград); 3) предусматривать лишение (ограничение) разных, хотя и однородных комплексов прав (исправительные работы); 4) помимо минимальной совокупности правоограничений, которые определяют качественный показатель репрессии, включать и дополнительные ограничения (лишения) прав, предусмотренные как уголовным, так и уголовно-исполнительным законодательством (условное осуждение, ограничение свободы, лишение свободы). Благодаря различной интенсивности репрессии некоторые меры уголовно-правового воздействия могут делиться на подвиды, существенно отличающиеся по репрессивности.

Количество репрессии – продолжительность и/или размер уголовно-правового репрессивного воздействия. Этот показатель должен в полной мере учитываться при сопоставлении не только мер наказания одного вида, но и определении репрессивности разных мер уголовно-правового воздействия.

Универсальность репрессии характеризуется самой возможностью применения конкретных мер уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим преступления. Для большинства мер ответственности установлены существенные ограничения в их применении, которые выражаются: в запрете их назначения отдельным категориям лица (обязательные, исправительные и принудительные работы), либо в запрете их применения при определённых обстоятельствах (лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград). Как правило, подобные ограничения обусловлены соображениями гуманности и/или спецификой порядка исполнения наказания. Запрет назначения наиболее мягких мер уголовно-правового воздействия должен иметь тщательное обоснование, поскольку из арсенала возможных репрессивных мер исключаются наиболее щадящие, а суд вынужден применять необоснованно строгую меру воздействия. Этот феномен предлагается именовать эффектом мнимой экономии репрессии.

Другой стороной универсальности выступает возможность назначения вида наказания, не предусмотренного санкцией нормы Особенной части УК РФ.

Условность репрессии означает возможность изменения качества, количества и (или) интенсивности репрессии в зависимости от соблюдения осужденным режима отбывания соответствующей меры, включая замену назначенной меры государственного принуждения более строгой.

О строгости репрессии свидетельствует учёт всей совокупности названных параметров. Эти же параметры могут служить критериями сравнительной стро-

гости репрессивных мер как относящихся к одной подсистеме (разных видов наказания), так и к разным (наказания и другой меры ответственности).

¹ Эстрин А.Я. О наказании по Уголовному кодексу и Руководящим началам // Ежегодник советской юстиции. 1922. № 24-25. С. 3-4.

² Кирюшкин М.В. Социальная обусловленность наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 25.

³ Щедрин Н.В. О «теории относительности» уголовного наказания и ее экспериментальной проверке (статья) // Преступление и наказание в современном мире : тезисы участников 14 международной Балтийской конференции (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена. 24-26 июня 2011 г). СПб., 2011. С. 134-139.

Пермиловская Е.А.

Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова
(г. Архангельск)

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Положения российского уголовного и уголовно-исполнительного законодательства об ограничении свободы были введены в действие с 10 января 2010 года Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ¹, коренным образом изменившим юридическое содержание данного уголовного наказания. В современном виде оно совершенно не предполагает изоляцию осужденного от общества и направлено, прежде всего, на установление пределов реализации им своей свободы передвижения и выбора места жительства или пребывания.

В ч. 1 ст. 53 УК РФ закрепляется перечень устанавливаемых судом ограничений и обязанностей, образующих содержание наказания, однако его легальной дефиниции закон не предусматривает. Не сложилась единая трактовка понятия ограничения свободы и в доктрине уголовного права. При этом следует отметить, что сам термин «ограничение свободы» не отражает специфики данного наказания и ставит его юридическое содержание в зависимость от усмотрения законодателя. Так, ограничение свободы,

применяемое в Польше, Украине, Беларуси, Литве, Узбекистане и других странах, отличается от российского варианта по объему и характеру составляющих его запретов и обязанностей осужденных.

Таким образом, выработка единой дефиниции ограничения свободы как вида уголовного наказания очень важна. С ее помощью можно в краткой форме определить все наиболее значимые признаки, отражающие его правовую природу и юридическое содержание, отграничить от иных наказаний и мер уголовно-правового характера.

Попытки сформулировать определение понятия данного наказания неоднократно ранее предпринимались в уголовно-правовой науке. Так, по мнению И.В. Соколова, «ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному запретов и обязанностей, которые должны соблюдаться и исполняться осужденным в течение установленного судом срока под надзором уголовно-исполнительной инспекции и под угрозой наступления указанных в уголовном законе неблагоприятных последствий в

случае несоблюдения запретов или неисполнении обязанностей»². Е.В. Колбасова определяет ограничение свободы как «вид уголовного наказания, не связанный с изоляцией от общества, при котором осужденный претерпевает ограничения в правах при возложении дополнительных обязанностей, с отбыванием по месту жительства осужденного»³. Комплексом «устанавливаемых судом ограничений и обязанностей, исполняемых осужденным без изоляции от общества под надзором специализированного государственного органа — уголовно-исполнительной инспекции»⁴ называет данное наказание Т.В. Непомнящая. С точки зрения А.И. Дроздова и А.В. Орлова, ограничение свободы представляет собой «комплекс устанавливаемых судом обязанностей и запретов, исполняемых осужденным без изоляции от общества под надзором уголовно-исполнительной инспекции по месту жительства осужденного»⁵.

Однако ни одно из приведенных выше определений не отражает в полном объеме специфики именно данного наказания, поскольку основываются они на признаках, присущих уголовным наказаниям вообще (ограничение осужденного в правах) либо альтернативным наказаниям в частности (исполнение без изоляции от общества, отбывание по месту жительства осужденного и т.п.).

При формулировке дефиниции следует учитывать все особенности ограничения свободы, позволяющие индивидуализировать его и, как уже было сказано ранее, отграничить от иных наказаний и мер уголовно-правового характера.

Ограничение свободы относится к так называемым альтернативным наказаниям, расширения сферы применения которых требует гуманизация современной российской уголовной политики в соответствии с признанными международными стандартами. Как отмечает С.А. Борсученко, альтернативными можно называть любые наказания, не связанные с лишением свободы.⁶ Они выступают в качестве «адекватной замены»⁷ последнему и лишены его негативных черт, поскольку позволяют избежать разрыва социально полезных связей осужденного и

отрицательного влияния на него криминальной субкультуры, а также не предполагают его последующую длительную ресоциализацию.

Ограничение свободы не связано с изоляцией осужденного от общества. Ограничивая свободу передвижения виновного лица, данное наказание не препятствует продолжению его трудовой, предпринимательской, творческой, образовательной или иной законной деятельности, не приводит к утрате им профессиональных и иных полезных социальных навыков. При этом сохранение источника доходов осужденного имеет большое значение при наличии у него определенных финансовых обязательств (выплата алиментов, возмещение вреда потерпевшему и т.п.).

Важной особенностью ограничения свободы является его исполнение по месту жительства осужденного. Он продолжает находиться в привычной для него бытовой среде, и в то же время происходит коррекция его поведения посредством установленных судом ограничений и обязанностей, уменьшения либо увеличения их объема.

В отличие от иных наказаний, не изолирующих осужденного от общества и отбываемых по месту его жительства, ограничение свободы направлено на ограничение свободы передвижения виновного лица и выбора им места своего проживания. Оно не предполагает возложения на осужденного дополнительных обязанностей, связанных, например, с необходимостью выполнения определенных общественно полезных работ или воздержания от занятий какой-либо деятельностью. Не претерпевает осужденный к ограничению свободы и финансовых обременений, обусловленных назначенным ему наказанием. Вместе с тем в содержание рассматриваемого наказания входит достаточно большой комплекс правоограничений, позволяющий индивидуализировать его в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств его совершения, а также личностных особенностей виновного.

Учитывая названные особенности ограничения свободы, можно сформулиро-

вать его дефиницию следующим образом: «Ограничение свободы — это вид уголовного наказания, не связанный с изоляцией осужденного от общества, направленный на ограничение свободы его передвижения посредством установления комплекса запретов и обязанностей, отбываемый по месту жительства (пребывания) осужденного под надзором специализированного государственного органа».

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (1 ч.). Ст. 6453.

² Соколов И.В. Ограничение свободы как вид уголовного наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Самара, 2012. С. 8.

³ Колбасова Е.В. Правовое регулирование исполнения наказания в виде ограничения свободы : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2016. С. 44.

⁴ Непомнящая Т.В. Проблемы назначения и исполнения наказания в виде ограничения свободы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 3 (24). С. 175.

⁵ Дроздов А.И., Орлов А.В. Перспективы применения ограничения свободы в качестве дополнительного наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 3. С. 7.

⁶ Борсученко С.А. Альтернативы лишению свободы и наказания без изоляции от общества: понятие и содержание // Вестник РПА. 2016. № 4. С. 52-55.

⁷ Дворянсков И.В. Эффективность альтернативных наказаний (компенсационная модель) : учебно-методическое пособие / под ред. А.М. Никитина. М., 2004. С. 17.

Смирнов А.Н.,

кандидат юридических наук, доцент

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета

ЗАМЕНА НЕ ОТБЫТОЙ ЧАСТИ НАКАЗАНИЯ БОЛЕЕ МЯГКИМ ВИДОМ НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Институт замены уголовного наказания на более мягкое предусмотрен ст. 80 УК РФ. Исходя из её положений, лицу, отбывающему наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части, принудительных работ или лишения свободы, возместившему вред (полностью или частично), причиненный преступлением, суд, с учетом его поведения в течение всего периода отбывания наказания, может заменить оставшуюся не отбытой часть наказания более мягким видом наказания. Иными словами, институт замены наказания на более мягкое предполагает возможность уменьшения объема и смягчения характера уголовной кары с одновременной трансформацией правового статуса осужденного, когда он обуславливается «переходом» от одного режима отбывания наказания к другому. Следовательно, возможность применения института замены наказания на более

мягкое зависит от уменьшения общественной опасности личности осужденного в период отбывания уголовной кары, подлежащей замене.

Представляется, что замену наказания уместно рассматривать в качестве элемента режима испытания, известного отечественной уголовно-правовой доктрине. Как отмечает М.Р. Гета: «Уголовно-правовые средства испытания предусматривают допустимость изменения правового статуса лица, совершившего преступление, в результате оценки динамики его поведения в период испытательного срока...»¹. В связи с этим, по мнению К.А. Волкова, «основанием для замены не отбытой части наказания более мягким видом является существенное уменьшение общественной опасности лица, совершившего преступление, положительное поведение которого во время отбывания наказания в виде принуди-

тельных работ, содержания в дисциплинарной воинской части или лишения свободы свидетельствует, что цели наказания могут быть достигнуты путем замены не отбытой части наказания более мягким наказанием»². Это сближает замену наказания с другими разновидностями уголовно-правового режима испытания, и в частности с условно-досрочным освобождением от наказания (ст. 79 УК РФ). Отличие состоит в том, что при условно-досрочном освобождении правоотношения отбывания наказания заменяются на правоотношения испытательного надзора за осужденным, а при применении ст. 80 УК РФ лишь меняются вид и объем уголовной кары, осужденный остается в правовом поле реализации наказания. Вместе с тем, однако, замена наказания, предусмотренная ст. 80 УК РФ, так же как и условно-досрочное освобождение от наказания, по существу означает «возвращение» осужденному личной свободы. Логическое толкование нормы ст. 80 УК РФ позволяет полагать, что ничем другим, кроме наказаний без изоляции от общества, такие меры, как принудительные работы, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы заменить невозможно.

Основаниями применения положений ст. 80 УК РФ являются такие юридические факты, как: 1) реальное отбывание осужденным части срока наказания в виде принудительных работ, содержания в дисциплинарной воинской части, лишения свободы; 2) правовое состояние, исключающее необходимость дальнейшего отбывания наказания, назначенного по первоначальному приговору суда. В то же время, как замечает М.А. Гончаров, «проблема заключается в том, что в ст. 80 УК РФ нет критериев замены одного вида наказания другим и привязки к ст. 71, 72 УК РФ при исчислении срока наказания. Есть лишь расплывчатая норма, согласно которой лицу, отбывающему лишение свободы, суд, с учетом его поведения в период отбывания наказания, может заменить оставшуюся не отбытой часть наказания более мягким видом наказания»³. Думается, что проблему можно обозначить несколько шире: как от-

сутствие в ст. 80 УК РФ четких критериев оценки общественной опасности личности осужденного, позволяющих применить институт замены наказания более мягким. Иначе говоря, на каком уровне должна находиться общественная опасность личности осужденного, чтобы изменить режим уголовной кары, и какому более мягкому виду наказания эта общественная опасность должна соответствовать? Полагаем также, что следует согласиться с позицией М.А. Гончарова о том, что «законодатель определил, что осужденному, отбывающему наказание, не отбытая часть наказания может быть заменена более мягким видом наказания, но размер наказания не может быть снижен, поскольку ни одно положение закона не подразумевает и не предполагает возможности снижения срока назначенного наказания»⁴.

Следует отметить, что в большинстве случаев в суды поступают ходатайства осужденных о замене наказания в виде лишения свободы. Именно его замена является на сегодняшний день актуальной для правоприменительной практики. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2014 году были рассмотрены ходатайства о замене наказания в отношении 32111 осужденных. Суды удовлетворили ходатайства в отношении 5529 лиц (17,7% от общего числа). В 2013 году были удовлетворены ходатайства 21,9% осужденных. В большинстве случаев (53,8%) в 2014 году суды по различным основаниям отказали в удовлетворении подобных ходатайств. При этом 28,4% случаев было связано с прекращением производства по ходатайству осужденного.⁵ Иногда встречаются ситуации судебных ошибок при расчете наказания – «заменителя». Так, 23 декабря 2013 года федеральный суд Калининского района г. Санкт-Петербурга удовлетворил ходатайство осужденной Г. о замене наказания в виде лишения свободы на срок 1 год 10 месяцев, исправительными работами на срок 5 лет и 5 месяцев с удержанием 5% из заработка осужденной.⁶ В приведенном примере имеет место очевидное нарушение уголовного закона, поскольку верхняя гра-

ница наказания в виде исправительных работ не может превышать двух лет.

Что касается практики применения института замены наказания в последующие годы, то, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, она выглядит следующим образом. В 2015 году суды рассмотрели 32537 ходатайств осужденных о замене наказания, 7817 (24%) из которых были удовлетворены, а 16605 (51%) – отклонены. В 2016 году были рассмотрены 41183 таких ходатайств, удовлетворены 13411 (32,6%), в том числе 2 в отношении несовершеннолетних. Было оказано в удовлетворении 19941 (48,4%) ходатайств осужденных.

Для сравнения, по условно-досрочному освобождению в 2015 году суды рассмотрели 117197 ходатайств осужденных, удовлетворив 46331 (39,5%) из них, включая ходатайства в отношении 80 несовершеннолетних. Отказано было в условно-досрочном освобождении в отношении 55102 осужденных (47%). В 2016 году по статье 79 УК РФ суды рассмотрели 122552 ходатайства, удовлетворив 55217 (45%) из них, включая ходатайства 88 несовершеннолетних, а 52580 (42,9%) осужденным отказано в условно-досрочном освобождении. Нетрудно заметить, что более чем в три раза чаще суды применяют условно-досрочное освобождение по сравнению с заменой наказания на более мягкий вид. В Кемеровской области в 2015 году суды рассмотрели 2299 ходатайств осужденных о применении ст. 79 УК РФ, удовлетворив 1100 (47,8%) таких ходатайств и отказав в предоставлении УДО 934 (40,6%) осужденным. За этот же период суды рассмотрели 736 ходатайств о замене наказания по ст. 80 УК РФ, удовлетворив 346 (47%), 241 (32,7%) осужденному было отказано. В 2016 году в суды были направлены 2081 ходатайство осужденных об условно-досрочном освобождении, удовлетворены 1191 (57,2%), отказано в отношении 693 (39,3%) осужденных. По замене наказания в 2016 году были поданы 1037 ходатайств, удовлетворены 512 (49,4%), отказано в удовлетворении 339 (32,7%) ходатайств. Таким образом, в судебной практике Кемеровской области

замена наказания применяется в среднем в 2 раза реже, чем условно-досрочное освобождение.

Вопрос о совершенствовании механизма и оснований применения такого поощрительного уголовно-правового института, как замена наказания на более мягкий вид, сохраняет актуальность для юридической науки и правоприменительной практики.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что сохраняет свою актуальность проблема четкого установления критериев и оснований применения института замены отбывания наказания с учетом уровня общественной опасности виновного. Кроме того, необходимо разработать и закрепить в ст. 80 УК РФ модель соотношения между наказанием – «заменителем» и наказанием, подлежащим замене. Это, в свою очередь, требует дальнейшего совершенствования механизма замены наказания. Как справедливо отмечает известный отечественный автор В.А. Уткин: «Ядром всех мер уголовно-правового воздействия, определяющих структуру метода уголовного права, является уголовное наказание»⁷. Таким образом, заслуживает внимания проблематика доктринально-методологического анализа и организационно-правового обеспечения замены наказания более мягким.

Решить данный комплекс проблем в рамках одной статьи, конечно же, не представляется возможным. Однако полагаем оправданным, что в УК РФ целесообразно включить самостоятельную норму, определяющую порядок установления размера наказания при замене оставшейся не отбытой части более строго наказания на более мягкий его вид. В качестве одного из вариантов решения этой проблемы, представляется допустимым сконструировать в ст. 80 УК РФ ч. 2.1 следующего содержания: «Не отбытая часть наказания может быть заменена более мягким видом наказания: при отбывании наказания в виде лишения свободы за преступление небольшой или средней тяжести не свыше пяти лет заменяется на наказание в виде исправительных работ на срок до двух лет или обязательных ра-

бот продолжительностью до 480 часов. Не отбытая часть наказания в виде принудительных работ заменяется на наказание в виде исправительных работ сроком до одного года или обязательных работ продолжительностью до 240 часов.

При совершении тяжкого преступления не отбытая часть наказания в виде лишения свободы может быть заменена на принудительные работы сроком до трех лет или на наказание в виде ограничения свободы на срок до двух лет.

При совершении особо тяжкого преступления не отбытая часть наказания в виде лишения свободы может быть заменена на наказание в виде принудительных работ на срок до 5 лет с ограничением свободы на срок до двух лет в качестве дополнительного наказания.

При совершении преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних замена наказания на более мягкое наказание не производится».

Полагаем, что из ст. 80 УК РФ следует исключить упоминание о наказании в виде содержания в дисциплинарной воинской части, поскольку для военнослужащих срочной службы оно и так является наиболее мягким. В принципе, единственное наказание, на которое его можно было бы заменить, это штраф, поскольку исправительные и обязательные работы к военнослужащим не применимы, а аналог

исправительных работ – наказание в виде ограничения по военной службе, на военнослужащих рядового и сержантского состава, проходящих военную службу по призыву, не распространяется. Представляется маловероятным, что данной категории военнослужащих, в качестве замены наказания может быть назначен штраф.

Предлагаемые изменения ст. 80 УК РФ, конечно, небесспорны. Однако положительным представляется то обстоятельство, что в названной статье УК РФ целесообразно установить конкретные виды наказаний, на которые будет допустима замена, сориентировав тем самым судебную практику.

¹ Гета М.Р. Уголовное право: пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России. М., 2016. С. 249.

² Волков К.А. Проблемы судебной практики при замене не отбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право. 2016. № 1. С. 15.

³ Гончаров М.А. Нарушения и недостатки применения положений статьи 80 УК РФ // Законность. 2017. № 1. С. 57.

⁴ Там же.

⁵ Волков К.А. Указ. соч. С. 15.

⁶ Там же. С.16.

⁷ Уткин В.А. Система непенитенциарных санкций и ее социально-криминологические основы // Альтернативы юридической ответственности как способы преодоления правовых конфликтов : сборник трудов региональной научно-практ. конф. с междунар. участием. 13-14 апреля 2006 г. Новокузнецк, 2007. С. 97.

Михайлов А.Н.

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТАНОВКИ И КРИТЕРИЯХ УТРАТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЕЯНИЕМ И (ИЛИ) ЛИЦОМ, ЕГО СОВЕРШИВШИМ

Уголовное законодательство России на протяжении многих десятилетий предусматривает нормы, позволяющие правоприменительным органам освобождать лиц, совершивших преступление, от уголовной ответственности и наказания. Со временем эти нормы образовали самостоятельные правовые институты осво-

бождения от уголовной ответственности и наказания, которые на различных этапах развития отечественного законодательства неоднократно подвергались реформированию.

В 2003 г. указанные правовые институты претерпели значительные изменения. В частности, утратила законную си-

лу норма, регулировавшая освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки (ст. 77 УК РФ).

Одновременно в УК РФ была включена норма, предусматривающая новый вид освобождения от наказания, применение которого, как и прежде, обусловлено изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ). Сохранив основные положения, присутствовавшие в ст. 77 УК РФ, законодатель, формулируя ст. 80.1 УК РФ, по-прежнему оставляет без разрешения ряд уголовно-правовых вопросов, обуславливающих, в свою очередь, проблемы установления оснований освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, снижающие эффективность применения данной нормы.

Согласно ст. 80.1. УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается от наказания судом, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестало быть общественно опасным.

Формулируя таким образом вышеуказанную норму, законодатель тем самым предусмотрел два достаточно самостоятельных основания освобождения от наказания в связи с изменением обстановки:

а) утрата общественной опасности совершенным деянием;

б) утрата общественной опасности лицом, совершившим данное деяние.

Изменение же обстановки можно расценивать как путь, способ устранения общественной опасности деяния либо лица, его совершившего.

Анализ правоприменительной практики исследуемого вида освобождения от наказания свидетельствует о том, что суды по-прежнему испытывают достаточно серьезные затруднения в установлении и доказывании обстоятельств, влекущих освобождение от наказания. Для многих решений, принятых ими, свойственны неполнота установления обстоятельств, свидетельствующих об изменении обстановки и утрате в связи с ней общественной опасности деянием или лицом, его совершившим, а также процессуальное упрощенство доказывания данных обстоятельств.

При этом следует отметить, что основным недостатком правоприменительной практики является принятие решений об освобождении от наказания без указания в описательно-мотивировочной части приговора, в чем конкретно выразилось изменение обстановки и каким образом оно повлияло на утрату общественной опасности деянием или лицом, его совершившего. Более того, мотивировка изученных нами решений свидетельствует о том, что после совершения преступления в жизни данных лиц вообще никаких позитивных изменений не произошло.

Так, судья Артемовского городского суда Свердловской области, рассмотрев уголовное дело по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, решение об освобождении подсудимой от наказания в связи с изменением обстановки мотивировал следующим образом: «Подсудимая впервые совершила преступление небольшой тяжести, характеризуется исключительно положительно, вину признала полностью, в содеянном раскаялась, является пенсионером по возрасту, суд считает, что вследствие изменения обстановки К. утратила общественную опасность, в связи с чем может быть освобождена от наказания по приговору суда на основании ст. 80.1 УК РФ»¹.

В некоторых случаях в судебном заседании потерпевшие заявляют ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон. Тем не менее суд принимает решение о назначении подсудимому наказания и освобождении от его отбывания в связи с изменением обстановки. Подобное решение было принято судьей Октябрьского районного суда г. Белгорода, его обоснование заключалось в следующем: «С учетом небольшой тяжести совершенного преступления, его конкретных обстоятельств, задержания и домашнего ареста сроком два месяца, подлежащих зачету, возмещения К.Р.В. имущественного вреда до судебного заседания и мнения потерпевшего, отказавшегося от иска ввиду полного возмещения ущерба и ходатайствовавшего о прекращении уголовного дела за примирением, суд полагает освободить

К.Р.В. от назначенного наказания ввиду изменения обстановки на основании ст. 80.1 УК РФ»².

Обоснование принятого решения обстоятельствами, относящимся к примирению сторон или к деятельному раскаянию, свидетельствует о неверном понимании судами оснований освобождения от наказания в связи с изменением обстановки.

Существование подобной правоприменительной практики связано с тем, что на протяжении нескольких десятилетий законодатель, к сожалению, не раскрывал и по сей день не раскрывает в уголовном законе содержание вышеуказанных оснований и не определяет их критериев, согласно которым правоприменительные органы могли бы судить, утратило или нет общественную опасность то или иное деяние или лицо, его совершившее. Соответствующих разъяснений мы не нашли и в постановлениях, определениях высших судебных органов.

В ходе исследования вопроса мы пришли к выводу, что под изменением обстановки, влекущим утрату общественной опасности деянием, следует понимать всякое изменение объективных условий или обстоятельств, в которых оно было совершено, приведшее к изменению общественного правосознания, которое в изменившихся условиях не воспринимает в качестве общественно опасного деяние, бывшее таковым в момент его совершения. Утратить общественную опасность может как вид преступления в целом, так и конкретное совершенное деяние.

При этом можно выделить следующие разновидности изменения обстановки:

1) изменение социально-политических, экономических условий жизни общества, произошедшее в масштабе всей страны и обуславливающее отпадение общественной опасности не только конкретно совершенного преступления, но и всей данной категории преступлений (преступлений определенного состава);

2) изменение условий жизни и работы произошедшее в определенной местности, определенном районе и выражаю-

щиеся в отпадении тех особых условий места и времени совершения преступления, лишь при наличии которых деяние признается преступлением;

3) изменение правовых норм, относящихся к другим отраслям законодательства, но непосредственно влияющих на возможность привлечения к уголовной ответственности.

Общественная опасность деяния раскрывается с помощью качественной (характер общественной опасности) и количественной (степень общественной опасности) характеристик. При этом необходимо различать общественную опасность вида преступления и общественную опасность конкретного совершенного деяния.

Исходя из объективных и субъективных признаков преступления, предлагаемых научной и учебной литературой в качестве критериев характера и степени общественной опасности, мы считаем, что свойством изменяться как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения обладают и характер, и степень общественной опасности. В частности, общим критерием утраты характера общественной опасности деянием в связи с изменением обстановки, по нашему мнению, может служить утрата значимости, важности (ценности) общественных отношений (социальных благ) или интересов, охраняемых уголовным законом, на которые совершается посягательство, то есть объекта преступления.

Критериями утраты характера общественной опасности конкретного совершенного деяния является отпадение особых условий места и времени, придающих деянию преступный характер.³

Применительно к степени общественной опасности совершенного деяния критерием ее снижения или утраты может служить размер и характер ущерба, причиненного объекту преступления, или тяжесть наступивших последствий.

Критериями утраты характера и степени общественной опасности лицом, по нашему мнению, являются:

1) утрата возможности совершения в будущем преступления, определяющего характер общественной опасности лица;

2) безупречное поведение лица в течение значительного промежутка времени прошедшего с момента совершения преступления и до момента привлечения его к уголовной ответственности;

3) совершение лицом общественно полезных действий.

Общественная опасность лица, совершившего преступление, существует не бесконечно. Максимальная общественная опасность проявляется в момент совершения преступления, со временем она уменьшается и в конечном счете утрачивается. Но эта утрата не может произойти сразу, это достаточно длительный процесс.⁴ Поэтому, определяя значительный промежуток времени, прошедший с момента совершения преступления и до момента привлечения лица к уголовной ответственности, в качестве одного из критериев утраты общественной опасности, следует отметить, что этот промежуток не должен быть ограничен сроками предварительного расследования и рассмотрения дела в суде.

В связи с этим считаем, что освобождение от наказания в случаях утраты общественной опасности лицом возможно только по неочевидным преступлениям, когда на протяжении значительного периода времени с момента совершения преступления, но до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности лицо, совершившее преступление, является не установленным, а предварительное следствие или дознание по уголовному делу приостановлено. Учитывая, что по делам о преступлениях, относящихся, например, к категории средней тяжести, срок давности истекает через шесть лет после совершения пре-

ступления, то вполне вероятно, что за четыре или пять лет в жизни лица, совершившего преступление, могут произойти значительные перемены, свидетельствующие об утрате им общественной опасности.

Безупречное поведение признается таковым, если лицо воздерживается от совершения не только преступлений, но и административных правонарушений. Поскольку во многих случаях именно административные правонарушения являлись предпосылками совершения преступлений. Кроме того, правоприменительными органами в обязательном порядке должно учитываться поведение лица, совершившего преступление, в быту по месту жительства, по месту работы, учебы и т.д.⁵

Принятие решений об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки, на основе вышеуказанных критериев существенно повлияет на укрепление законности соответствующих судебных решений.

¹ Приговор Артемовского городского суда Свердловской области от 21.12.2011 по делу № 1-241/2011.

² Приговор №1-343/2013 от 25.07.2013 по делу № 1-343/2013. Архив Октябрьского районного суда г. Белгорода.

³ Подр.: Михайлов А.Н. Законность и обоснованность постановления обвинительного приговора без назначения наказания в связи с изменением обстановки : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2008. С. 67-152.

⁴ Михайлов К.В. Уголовно-правовой институт освобождения от наказания. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2008. С. 21.

⁵ Подр.: Михайлов А.Н. Процессуальные вопросы освобождения осужденного от наказания в связи с изменением обстановки : аналитический обзор. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010. С. 6-18.

Курсаев А.В.,

кандидат юридических наук

Договорно-правовой департамент МВД
России (г. Москва)

О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ ПРОТИВ ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ ШВЕЙЦАРИИ

Отдельные проявления преступности в каждом государстве уникальны. В то же время преступность обнаруживает сходные тенденции своего существования в разных странах. В связи с этим вполне возможной является выработка сходных принципов и оснований уголовной ответственности, единых критериев криминализации и декриминализации, системы наказания и иных мер уголовно-правового характера.

В связи с этим представляется актуальным опыт охраны трудовых правоотношений по уголовному законодательству Швейцарии. Правовая система Швейцарии относится к романо-германской правовой семье. Профессор М.В. Талан, характеризуя романо-германскую правовую семью, отмечает в том числе такие ее признаки, как рассмотрение закона в качестве единственного нормативного источника уголовного права и возможное наличие норм уголовного права наряду с кодифицированным уголовным законом (уголовным кодексом) и в иных законах.¹

Названные признаки в полной мере характерны и для уголовного права Швейцарии. Так, источниками уголовного права Швейцарии являются Конституция Швейцарии 1999 г., Уголовный кодекс Швейцарии 1937 г., отдельные уголовные законы Швейцарии (Федеральный закон об уголовном правосудии Швейцарии 1937 г., Военно-уголовный кодекс от 13 июня 1927 г.², Военный уголовно-процессуальный кодекс от 23 марта 1979 г., Федеральный закон об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних), кантональное уголовное законодательство, иностранное уголовное законодательство³.

Таким образом, уголовное законодательство Швейцарии, несмотря на наличие Уголовного кодекса, не является

полностью кодифицированным. Кроме того, с учетом ст. 335 УК Швейцарии, за кантонами сохранено право на законотворчество в области уголовного права, но только в той мере, в которой оно не является предметом федерального законодательства.

Конституция Швейцарии устанавливает общий конституционный статус и основы реализации гражданами страны права на труд. Гарантируются экономическая свобода, которая заключается в свободном выборе профессии, а также свободном доступе к частнохозяйственной приобретательской деятельности и ее свободном осуществлении (ст. 27).

Кроме того, в п. 1 ст. 110 Конституции Швейцарии предусмотрены права Швейцарии в области издания предписаний об охране работниц и работников; об отношениях между работодателями и работниками, в особенности о совместном регулировании производственных и профессиональных дел; о трудовом посредничестве; об объявлении общеобязательными коллективных договоров.

Статьями 111-115 Конституции Швейцарии предусмотрены нормы в области социального обеспечения трудящихся (ст. 111 «Забота о лицах, достигших старости, потерявших кормильца и инвалидов», ст. 112 «Страхование на случай старости, потери кормильца и инвалидности», ст. 113 «Профессиональная взаимопомощь», ст. 114 «Страхование от безработицы» и ст. 115 «Поддержка нуждающихся»).

Ответственность за конкретные преступные деяния предусмотрена УК Швейцарии. При этом схема построения Особенной части УК Швейцарии построена с учетом господствующих на момент его принятия достаточно прогрессивных идей о ранжировании объек-

тов уголовно-правовой охраны. На первое место поставлены интересы личности, далее следуют нормы об охране интересов общества и государства. В то же время последовательность этих преступлений выдержана не столь жестко.

Так, вслед за преступлениями против жизни и здоровья следуют преступные деяния против имущества и лишь впоследствии преступления против чести, свободы, половой неприкосновенности и прочее.

Отдельной главы, посвященной уголовно-правовой охране трудовых правоотношений, в УК Швейцарии не выделено. В связи с этим преступления, затрагивающие право на труд, размещены в разных разделах УК Швейцарии.

Статьей 159 УК Швейцарии предусмотрена ответственность за злоупотребление с удержаниями из заработной платы. Данное общественно опасное деяние размещено во втором разделе «Преступные деяния против имущества». В частности, уголовной ответственности согласно названной правовой норме подлежит работодатель, который нарушает обязанность по обеспечению удержания из заработной платы, связанные с налогами, выплатами, премиями и взносами по страхованию или другим образом нарушает обязанности по производству расчетов с работниками и тем самым наносит ущерб их имуществу. Указанное преступление наказывается тюремным заключением или штрафом.

Конституционной основой данной нормы выступает п. 3 ст. 113 (профессиональная взаимопомощь финансируется взносами застрахованных, причем работодатели и работодатели уплачивают не менее половины взносов своих работниц и работников) и п. 3 ст. 114 (в части страхования на случай безработицы) (страхование финансируется взносами застрахованных, причем работодатели и работодатели уплачивают половину взносов своих работниц и работников) Конституции Швейцарии.

В седьмом разделе «Общепасные преступления и проступки» УК Швейцарии криминализованы отдельные деяния, имеющие целью обеспечение охраны

труда при ведении различного рода работ. Данные нормы носят как общий характер (ст. 222, 223, 225), так и непосредственно посвящены охране труда (ст. 229 и 230).

УК Швейцарии предусмотрена ответственность за неосторожное совершение действий, вызвавших пожар (ст. 222); совершение неосторожных действий, вызвавших взрыв газа, бензина, нефтепродуктов и подобных материалов и тем самым сознательно подвергшее опасность жизнь и здоровье человека или чужую собственность (ст. 223); неосторожное использование взрывчатых веществ или ядовитых газов, что создает опасность жизни или здоровью людей или чужой собственности (ст. 225).

Статьей 229 УК Швейцарии предусмотрена ответственность за создание опасности вследствие нарушения правил ведения строительных работ. Указанная правовая норма состоит из двух частей. По ч. 1 ст. 229 УК ответственность наступает за умышленное при руководстве при проведении строительных работ или при сносе строительного объекта не принятие во внимание установленных правил ведения строительных работ, подвергшее тем самым опасность жизнь и здоровье людей. Частью 2 ст. 229 УК предусмотрена ответственность за непринятие во внимание установленных правил строительных работ по неосторожности. Наказание в обоих случаях одинаково – тюремное заключение или штраф.

Статьей 230 УК Швейцарии криминализовано устранение или неприменение приспособлений по технике безопасности.

Наказание в виде тюремного заключения или штрафа по ч. 1 ст. 230 УК предусмотрена за умышленное повреждение, разрушение, устранение или иным образом неприменение, выведение из строя на фабриках и других предприятиях или в машинах приспособлений, служащих для предотвращения несчастных случаев и умышленное нарушение предписаний по неиспользованию приспособлений, направленных на предотвращение несчастных случаев. Уголовная ответственность по ч. 1 ст. 230 УК наступает только в

случае создания опасности для жизни или здоровья людей.

По ч. 2 ст. 230 УК наказуемы действия, предусмотренные в ч. 1 ст. 230, но совершенные с неосторожной формой вины.

По ст. 239 УК, относящейся к девятому разделу «Преступления и проступки против общественного транспорта», наступает ответственность за нарушение деятельности предприятий, которые служат общественным интересам. Объективную сторону данного преступления образует умышленное препятствование работе предприятий, которые служат интересам общественной связи, а именно железнодорожному, почтовому, телеграфному или телефонному сообщению, нарушает его деятельность или угрожает этому. По ч. 2 ст. 293 УК наступает ответственность за указанные действия, совершенные по неосторожности. Данная норма является основанием для привлечения к уголовной ответственности лиц, участвовавших в незаконно производимой забастовке.

Статья 261bis «Расовая дискриминация» (одиннадцатый раздел «Подделка документов») предусмотрена ответственность в том числе за отказ в предоставляемой услуге, которая предназначена для общественности, лицу или группе лиц из-за из расы, этнической принадлежности или религии, что наказывается тюремным заключением или штрафом. Цитируемая правовая норма имеет целью и исключение различного вида дискриминаций при приеме на работу.

Пятнадцатым разделом «Преступления против государственной власти» установлена ответственность за нарушение запрета на профессию (ст. 294 УК Швейцарии). По данной норме преступно занятие профессией, ремеслом или заключение торговых сделок, осуществление которых запрещено приговором суда. Указанное деяние наказывается путем назначения ареста или наложения штрафа.

Исходя из данного анализа следует, что под охрану в Швейцарии поставлены в первую очередь отношения, связанные с обеспечением работников гарантиями, связанными с оплатой труда, а также с обеспечением безопасности труда при проведении различных работ.

В связи с тем, что Швейцария является достаточно развитой в экономическом отношении страной с прогрессивной системой обеспечения социального благополучия населения, отдельные составы преступлений, специфичные для России или стран Содружества Независимых Государств (например, ст. 145 «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет» и ст. 145¹ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат») в Уголовный кодекс Швейцарии не включены. В данном случае швейцарский законодатель, исходя из специфики сложившейся в стране криминальной ситуации, не нашел достаточных оснований для криминализации подобных деяний. Указанное еще раз подтверждает тезис о том, что криминализация тех или иных деяний зависит от складывающейся в стране ситуации в области борьбы с преступностью.

Учитывая вышеизложенное, изучение уголовного права зарубежных стран является одной из важных методологических основ, на которой возможно дальнейшее развитие уголовного права Российской Федерации, так как дает в руки законодателя возможность выбора между различными вариантами правового регулирования.

¹ Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф.Р. Сундукова, И.А. Тарханова. М. 2009. С. 732.

² Военно-уголовное право / под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. М. 2008. С. 307.

³ Гютлинг Н. Финансово-уголовное право Швейцарии как средство стабилизации финансового рынка // Банковское право. 2013. № 5. С. 53-57.

Винокуров В.Н.,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКЕ ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКУМЕНТА
И КВАЛИФИКАЦИИ ПО СОВОКУПНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТА
ПРИ ХИЩЕНИИ ИМУЩЕСТВА**

В теории официальными предложено считать документы, регламентирующие отношения в сфере управления. Одни авторы к ним относят документы, исходящие из органов государственной власти или управления либо из негосударственных организаций в пределах их компетенции, а также адресованные им.¹ Другие — и документы, исходящие от частных лиц, при условии признания государством их официального статуса (например, нотариально заверенные).² Как обоснованно полагает И.А. Клепицкий, если государство доверяет негосударственным организациям, предоставляя им полномочия удостоверять факты, значимые для возникновения, изменения или прекращения публичных правоотношений, то выданные ими документы могут быть признаны официальными. К ним следует относить трудовую книжку, выданную коммерческой организацией для начисления пенсии органами пенсионного обеспечения; справки банков, выдаваемые ими для вывоза за рубеж приобретенной у них иностранной валюты. В данных случаях указанные организации выступают как субъекты управленческих отношений.³

Соответственно, относится документ к официальным или нет, определяется тем, субъектов каких отношений — частных, где они равнозначны, или публичных, где субъекты не равнозначны, — он наделяет правами и обязанностями. Не относится к официальным документам гражданско-правовой договор, даже заверенный нотариусом, поскольку на основании его возникают гражданско-правовые отношения. Поэтому сложно согласиться с решением Верховного Суда РФ по делу Д., подделавшей в депозитном договоре подпись своей матери, ука-

завшего, что состав преступления, предусмотренный ст. 327 УК РФ, отсутствовал, так как Д. не приобрела для себя никаких прав и обязанностей.⁴ Представляется, что в действиях Д. нет состава преступления не потому, что она изготовила документ, который не предоставлял ей права, а потому, что заключение депозитного договора является основанием для возникновения не административных, а гражданских правоотношений. Так, в определении Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 57500-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Морозовского Владимира Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации» указано, что договор подряда не относится к официальным документам.

В то же время заявление гражданина о признании своего отцовства (заверенное нотариусом) является официальным документом и, соответственно, предметом совершения преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, так как в нем закреплён юридический факт, наделяющий правами или обязанностями в сфере семейных правоотношений, где субъекты не всегда равнозначны. Доказательством того, что документ является официальным, если он регламентирует не гражданские, а административные правоотношения, служат специальные нормы, предусмотренные ст. 198, 233, 238, 303 УК РФ, регулирующие отношения в сфере формирования бюджета, оборота наркотических средств, безопасности товаров и услуг, осуществления правосудия, т.е. не относящиеся к гражданско-правовым.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2014 г.

№ 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» к официальным документам относят листки нетрудоспособности, медицинские и зачетные книжки, справки о заработной плате, протоколы комиссий по осуществлению закупок, свидетельство о регистрации автомобиля, т.е. документы, регламентирующие публичные правоотношения. Это обусловлено тем, что эти документы удостоверяют факты, имеющие юридическое значение, например для приема на работу и допущения к работе и т.д. Не относятся к официальным документам статистические карточки учета выявленных преступлений и лиц, их совершивших, поскольку внесение в них ложных сведений не устанавливает каких-либо юридических фактов и не влечёт правовых последствий.⁵

Рассмотрим вопрос об отнесении к официальным документам справки о заработной плате, являющейся, по мнению А.В. Шнитенкова таковым.⁶ Верховный Суд РФ в определении от 27 октября 2006 г. № 44-оО6-111 признал справку о заработной плате, оформленную для предоставления в банк с целью получения кредита, официальным документом. Представляется, что на основании справки о размере заработной платы могут возникнуть как гражданско-правовые отношения – кредитования, так и отношения, где стороны не равнозначны, например получения социальных выплат, когда эта справка является официальным документом. Предоставление справки о заработной плате следует квалифицировать как использование поддельного документа (ч. 3 ст. 327 УК РФ).

Рассмотрим квалификацию хищения с использованием поддельного документа. В теории уголовного права по этому поводу существуют две позиции. Первая – мошенничество с использованием поддельного документа следует квалифицировать по совокупности преступлений, поскольку виновный причиняет вред двум объектам – имущественным отношениям и в сфере порядка управления. Вторая – использование поддельным или другим лицом при хищении поддельного документа не образует самостоя-

тельного состава. Согласно п. 7 постановления Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием с использованием поддельного *этим лицом* официального документа квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 и ст. 159 УК РФ. Мошенничество с использованием поддельного официального документа, изготовленного *другим лицом*, охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ. Следовательно, необходимо выделять две ситуации. Первая – виновный завладевает имуществом при помощи документа, подделанного другим лицом, когда совокупности нет, поскольку использование поддельного официального документа при мошенничестве выступает формой обмана. Вторая – виновный завладевает имуществом, используя подделанный им самим же официальный документ, и его действия следует квалифицировать по совокупности преступлений, так как противоправные действия, создающие условия для совершения другого преступления, должны получить самостоятельную оценку, если они причиняют вред другому объекту и не являются обязательным признаком или составным элементом этого другого преступления. В этом случае подделка официального документа посягает на отношения в сфере управления, а его использование при хищении – на имущественные.

По совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 и ст. 159 УК РФ, следует квалифицировать подделку официального документа, предназначенного исключительно для получения доступа к имуществу (например, удостоверение сотрудника правоохранительного органа, используемое для производства обыска, в ходе которого виновный похищает его), поскольку он не предоставляет имущественных прав⁷, а также документа, который можно использовать многократно, когда виновный посягает не

только на имущественные отношения, но и на порядок управления. Не образует совокупности преступлений использование при хищении подделанного виновным официального документа для завладения определенным имуществом (например, сертификата на получение материнского капитала, удостоверяющего право лица только на получение этой социальной выплаты), когда обман выступает способом мошенничества⁸.

Таким образом, документ следует признавать официальным независимо от источника его происхождения. Главное, чтобы он регламентировал публичные правоотношения, т.е. правоотношения, где субъекты не равнозначны.

По совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 и ст. 159 УК РФ, следует квалифицировать подделку официального документа, предназначенного исключительно для получения доступа к имуществу, а также если его мож-

но использовать многократно, когда виновный посягает не только на имущественные отношения, но и на порядок управления.

¹ Уголовное право. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. М., 1996. С. 445.

² Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997. С. 693.

³ Клепицкий И.А. Документ как предмет подлога в уголовном праве // Государство и право. 1998. № 5. С. 71-72.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 3. С. 22-23.

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 5. С. 15-16.

⁶ Шнитенков А.В. Поддельная справка о заработной плате как предмет преступления // Российская юстиция. 2008. № 11. С. 26-27.

⁷ Гончаров Д. Квалификация подделки документов // Законность. 2000. № 5. С. 12.

⁸ Митрофанов Т.И. Квалификация мошенничества при получении выплат, сопряженных с подделкой документов // Российский следователь. 2015. № 6. С. 45.

Рогова Е.В.,

доктор юридических наук, доцент

Иркутский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

КРАЖА И НАХОДКА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Присвоение найденного не является хищением и, соответственно, не влечет уголовной ответственности. Следует отметить, что УК РСФСР 1960 г. содержал норму, которая предусматривала уголовную ответственность за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного ценного имущества, заведомо принадлежащего другому собственнику (ст. 148.4 УК РСФСР). Данная норма относилась к преступлениям против собственности. Главным отличием преступления, предусмотренного ст. 148.4 УК РФ, от кражи был предмет преступления. Если предметом кражи являлись вещи, находящиеся в имущественном обладании потерпевшего, т.е. те вещи, которыми он мог владеть, пользоваться и распоряжаться, то предметом преступления, пре-

дусмотренного ст. 148.4 УК РСФСР, были вещи, выбывшие на момент их присвоения виновным из имущественного обладания потерпевшего, вещи, в отношении которых по причинам, не зависящим от виновного, потерпевший был лишен возможности осуществлять правомочия собственника. Данная особенность предмета преступления не позволяла считать такое преступление хищением, т.к. исключала не только возможности изъятия вещи у потерпевшего, но и возможности причинения в результате присвоения данной вещи имущественного ущерба ее собственнику, поскольку такой ущерб уже был ему причинен, но не в результате действий виновного, а в результате случайной утраты данной вещи самим собственником.¹

С принятием УК РФ деяния, связанные с присвоением найденного или случайно оказавшегося у виновного ценного имущества, заведомо принадлежащего другому собственнику, были декриминализованы.

В этой связи при рассмотрении вопроса о разграничении кражи и находки необходимо обратить внимание на несколько достаточно важных моментов:

1) утрата имущества, постоянное или временное выбытие из обладания собственника не является основанием для прекращения права собственности;

2) право собственности, правомерное владение, пользование, распоряжение чужим имуществом у лица, нашедшего утерянную вещь, возникает только в случаях и порядке, предусмотренном ГК РФ (ст. 227 и 228);

3) вместе с тем невыполнение обязанности лицом, обнаружившим находку, не влечет юридической ответственности, в таком случае лицо только утрачивает право на вознаграждение в случае, когда владелец вещи обнаружится и потребует ее возвращения.

При обнаружении утраченного имущества имеет значение установление двух следующих обстоятельств, на которые необходимо обращать внимание для разграничения кражи и находки:

1) в соответствии с примечанием 1 к ст. 158 УК РФ предмет хищения – чужое имущество. Данное обстоятельство должно охватываться умыслом виновного и им осознаваться. В этой связи принципиальное значение имеет оценка обстановки обнаружения утраченного имущества, а именно позволяла ли она относиться к обнаруженному имуществу как к бесхозному или чужому.

Если имущество было изъято не с места его постоянного или временного хранения или виновный не был осведомлен об обстоятельствах выбытия имущества от собственника и ошибочно полагал, что от найденного имущества собственник отказался, его присвоение не образует признаков хищения;

2) если знал и понимал, необходимо установить причинно-следственную связь

между действием по присвоению находки и причинением им ущерба собственнику.

Для этого необходимо установить, был осведомлен ли потерпевший о том, где им было оставлено имущество, имела ли у него возможность вернуться за оставленным имуществом. Если нет, то имущество, ему принадлежащее, было безвозвратно не в результате действий лица, нашедшего вещь, а по причине собственного неосмотрительного, небрежного обращения со своим имуществом.

Так, К. по приговору мирового судьи судебного участка № 2 г. Саяногорска Республики Хакасия осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Постановлением апелляционной инстанции Саяногорского городского суда приговор оставлен без изменения. Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Хакасия постановление апелляционной инстанции в отношении К. оставлено без изменения. К. осужден за совершение кражи сотового телефона, принадлежащего потерпевшей Г. Из материалов дела следует, что К. на асфальте нашел сотовый телефон, который был утерян Г. Из ее показаний следует, что она потеряла сотовый телефон около подъезда своего дома, когда доставала ключи из кармана.

Верховный Суд РФ в постановлении о возбуждении надзорного производства указал, что кражей признается тайное хищение чужого имущества. В этой связи вызывает сомнение правильность вывода суда о том, что установленные обстоятельства свидетельствуют о совершении осужденным незаконного изъятия чужого имущества. Доводы, изложенные в надзорной жалобе, о необоснованности осуждения К. заслуживают внимания и подлежат тщательной проверке.

Президиум Верховного Суда Республики Хакасия, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе, оценив доводы, указанные в ней, пришел к выводу, что вывод судов первой, апелляционной и кассационной инстанций о наличии в действиях К. состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, сделан в результате неправильного применения уголовного закона. В своем решении

Президиум указал, что кражу следует отличать от присвоения найденного, которое в соответствии с УК РФ не влечет уголовной ответственности.²

Позицию относительно признаков разграничения находки и хищения, можно проиллюстрировать еще одним примером. Так, Московский городской суд, оставляя приговор Мещанского районного суда г. Москвы, которым Ч. осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ, без изменения, указал следующее. Присвоение Ч. забытого потерпевшим Л. мобильного телефона образует именно хищение чужого имущества по следующим основаниям. Забытый потерпевшим Л. в помещении спортивного клуба и подключенный к зарядному устройству расположенный на тренажере мобильный телефон находился в известном для потерпевшего месте, он имел возможность за ним вернуться, что и сделал примерно через два часа после тренировки. В свою очередь, Ч., исходя из обстановки, не мог не осознавать, что владелец телефона вернется за забытой вещью, учитывая, что он оставил его подключенным к зарядному устройству в помещении спортивного клуба, посещение которого строго организовано для конкретных лиц.³

Подобное решение принял Верховный Суд РФ, указав в кассационном определении, что «телефон потерпевшего не был им утерян, а был оставлен им совместно с другими вещами в холле поликлиники, т.е. в известном потерпевшему месте, и у него имелась возможность за ним вернуться, что он и сделал через непродолжительный промежуток времени». При этом, исходя из обстоятельств дела, данный факт должен был осознаваться и виновным лицом.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ, учитывая конкретные обстоятельства уголовного дела, место совершения дея-

ния — государственное учреждение (поликлиника), показания потерпевшего о достоверно известном ему месте нахождения принадлежащего ему телефона, его возможности забрать телефон, осознании виновного об этой возможности, т.к. телефон лежал совместно с другими вещами потерпевшего, пришла к выводу о том, что действия виновного правильно квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ как тайное хищение чужого имущества с причинением значительного ущерба гражданину. Доводы адвоката об отсутствии в действиях подзащитной состава преступления, что в данном случае имеет место находка, а не кража чужого имущества, были признаны несостоятельными.⁴

Подводя итог изложенному, отметим, что при разграничении кражи и находки необходимо установить, известно ли потерпевшему место, где было утрачено имущество, имелась ли у него потенциальная возможность вернуться за своей вещью. Кроме того, важное значение для квалификации имеет отношение к этим обстоятельствам лица, обнаружившего вещь, т.е. необходимо установить наличие у данного лица умысла на хищение, а также все обстоятельства, при которых произошло изъятие имущества.

¹ См.: Апелляционное постановление Томского областного суда от 12.05.2016 № 22-823/2016 // Архив Томского областного суда.

² Постановление Президиума Верховного Суда Республики Хакасия от 24.12.2010 № 44-у-270. Архив Верховного Суда Республики Хакасия.

³ Постановление Московского городского суда от 26.01.2015 № 10-220/15 // СПС «Гарант» (дата обращения: 15.05.2017).

⁴ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.04.2017 № 75-УД17-2 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.02.2018).

Мурин Д.А.

Омская академия МВД России

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЗНАКОВ ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Прикосновенность к преступлениям против собственности представляет собой сложную преступную деятельность, раскрытие содержания которой связано с рядом определенных трудностей объективного и субъективного характера. Трудности объективного характера связаны с отсутствием четких характеристик как прикосновенности к преступлениям в целом, так и к преступлениям против собственности. Трудности субъективного характера обусловлены сложившимися традициями в понимании сущности и содержания прикосновенности к преступлениям.

Преодоление этих трудностей возможно лишь при решении нескольких ключевых задач, среди которых центральной является выявление и описание объективных и субъективных признаков прикосновенности к преступлению.

Несмотря на достаточно многочисленные попытки раскрыть содержание признаков прикосновенности к преступлениям, сущностные признаки прикосновенности к преступлению в теории уголовного права остаются нераскрытыми. И прежде всего в связи с тем, что прикосновенность просто противопоставляется соучастию в преступлении, не анализируется с самостоятельных позиций.

По мнению А.Д. Макарова, прикосновенность к преступлению, являясь самостоятельным институтом российского уголовного права, обладает следующими специфическими признаками:

1) прикосновенность к преступлению – это деяния (действие либо бездействие), не являющиеся участием в преступлении;

2) такие деяния заранее не обещаны лицам, совершающим основное преступление;

3) эти деяния не находятся в причинной связи с исходным преступлением; не являются причиной преступного результата и не способствуют его наступлению;

4) объектом прикосновенности к преступлению является общественная безопасность;

5) прикосновенность к преступлению в отличие от соучастия карается не во всех случаях, а лишь в установленных законом;

6) ответственность прикосновенных к преступлению лиц самостоятельна и независима как по отношению к основному виновнику, так и по отношению к другим прикосновенным лицам. Степень общественной опасности прикосновенных к преступлению лиц в ряде случаев в значительной мере определяется степенью общественной опасности основного преступления.¹

Е.В. Пономаренко выделяет следующие признаки прикосновенности к преступлению:

1) объект прикосновенности (в этом качестве выступает правосудие);

2) объективную сторону (характеризуется деянием: действием, бездействием);

3) субъективную сторону (выражается в умысле);

4) признаки, отличающие прикосновенность от соучастия (их суть в том, что деяния прикосновенных лиц не обуславливают совершение основных преступлений);

5) основание для привлечения прикосновенных лиц к уголовной ответственности, совершенные, совершающиеся либо готовящиеся отдельные (некоторые) умышленные преступления;

6) виды прикосновенности заранее не обещанные: укрывательство преступления или преступника; не оказание помощи правосудию по своевременному и качественному уголовно-процессуальному преследованию, вынесению справедливого приговора в части готовящегося, совершающегося либо совершенного преступления;

7) уголовно-правовая природа прикосновенности, выступающая как воспрепятствование решению задач УК РФ».²

Указанные признаки с некоторыми дополнениями можно отнести и к признакам прикосновенности к преступлениям против собственности.

Принимая их во внимание, необходимо выделить следующие признаки прикосновенности к преступлениям против собственности:

1) имеет сложный, многообъектный характер. В качестве объектов рассматриваемых видов прикосновенности выступают как сфера интересов правосудия, так и сфера экономических отношений, однако предметом посягательства при совершении прикосновенной деятельности к преступлениям против собственности, как правило, выступают деньги или имущество, добытые преступным путем;

2) объективная сторона характеризуется чрезвычайно сложной специфической природой, которая заключается в том, что она, в отличие от всех других форм преступной деятельности, возникает исключительно в результате и в связи с преступлением, совершенным другими лицами. Первым признаком объективной стороны прикосновенности к преступлениям против собственности является ее причинная обусловленность основным преступлением против собственности и ее возникновение только при условии преступной деятельности других лиц.

Законодатель, устанавливая уголовную ответственность за прикосновенность, исходит прежде всего именно из той реальной опасности наступления вредного последствия, которая создается деятельностью прикосновенных лиц. Вторым признаком прикосновенности к имущественным преступлениям являются ее общественно-опасные последствия;

3) субъективная сторона характеризуется умышленной деятельностью. Одним из существенных признаков субъективной стороны прикосновенности к преступлениям против собственности является сознание виновным общественной опасности своих действий, предвидение, что в их результате совершенное другими лицами хищение может оказаться нерас-

крытым, причиненный ущерб — невозмещенным, а преступники могут уклониться от ответственности. Особенностью субъективной стороны прикосновенности к преступлениям против является сознание лицом фактических элементов основного преступления — хищения и того, что оно препятствует его раскрытию и пресечению. Важными критериями признания совершенных действий прикосновенными к хищению являются наличие внешней связи поведения виновного с конкретно совершенным преступлением против собственности; полная осведомленность виновного об основных признаках и обстоятельствах состава совершенного преступления против собственности и, наконец, сознание того, что он своими действиями препятствует пресечению именно преступления против собственности и избличению лиц, его совершивших;

4) в отличие от соучастия в преступлении против собственности при прикосновенности к преступлению против собственности действия, совершаемые виновными, по общему правилу происходят после окончания преступления против собственности или после того, как преступление против собственности прервано на стадии приготовления или покушения, когда окончательно приостановлена преступная деятельность и действия преступников должны быть квалифицированы непосредственно по соответствующей статье УК РФ, предусматривающей ответственность за преступление против собственности по соответствующим статьям Особенной части УК РФ как приготовление к преступлению против собственности или покушение на преступление против собственности, прикосновенность к которому наказуема по закону. Действия лиц, прикосновенных к преступлению против собственности, находятся за пределами состава преступления против собственности и соучастия.

Совместное совершение преступлений против собственности, в отличие от прикосновенности к преступлениям против собственности, характеризуется следующими чертами: оно представляет собой определенное психофизическое единство поведения нескольких лиц;

объединение для совершения преступления против собственности нескольких лиц способствует причинению более существенного материального ущерба; оно повышает степень общественной опасности преступления против собственности. Соучастие в преступлении против собственности наказуемо во всех случаях, а прикосновенная деятельность как менее опасная форма преступного проявления наказуема в случаях, специально указанных в Особенной части УК РФ;

5) основанием для привлечения прикосновенных к преступлениям против собственности лиц к уголовной ответственности выступают совершенные, со-

вершающиеся либо готовящиеся отдельные (некоторые) умышленные преступления против собственности.

На наш взгляд, указанная характеристика признаков прикосновенности к преступлениям против собственности позволяет раскрыть ее содержание и в полной мере отразить особенности объективной и субъективной стороны.

¹ Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 88-89.

² Пономаренко Е.В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по уголовному праву Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2007. С. 69-70.

Бархатова Е.Н.,

кандидат юридических наук

Восточно-Сибирский институт
МВД России (г. Иркутск)

ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Высокая степень общественной опасности преступлений, совершаемых в сфере высоких технологий, прежде всего с использованием возможностей информационно-телекоммуникационной сети Интернет, вытекает из транснационального характера таких преступлений. Глобальная сеть позволяет людям со всего мира беспрепятственно контактировать. С каждым днем число пользователей продолжает расти, в результате чего создаются условия и для роста числа киберпреступлений.

В настоящее время в мире действуют положения Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 года. Конвенция предусматривает необходимость обеспечения каждым государством законодательных и иных мер, необходимых для привлечения к уголовной ответственности лиц, осуществляющих неправомерный доступ к компьютерным системам внутри государства в случаях, когда такой доступ является преднамеренным.

Все государства-участники Конвенции тесно сотрудничают друг с другом, применяя соответствующие международные документы о международном сотрудничестве по уголовным делам, связанным с компьютерными системами и данными или со сбором доказательств по уголовному преступлению в электронной форме. Результатом работы в рамках данной Конвенции является оперативное реагирование на несанкционированное вмешательство в информационные системы государств, выявление лиц, совершающих подобные преступления. Российской Федерацией на сегодняшний день данная Конвенция не ратифицирована.

Общественная опасность преступлений, совершаемых в сети Интернет, обусловлена также тем, что преступник, в отличие от других способов совершения преступных деяний, не контактирует с жертвой напрямую, что позволяет ему работать в условиях анонимности. Кроме того, все чаще преступления данного вида совершаются организованными группами.

Среди основных причин киберпреступности в России следует назвать пробелы в законодательстве, регулирующем ответственность за подобные преступления, и разночтения в толковании закона.

Среди самых прибыльных операций, совершаемых хакерами, можно отметить рассылку спама, кражу конфиденциальной информации и Ddos атаки, блокирующие работу сайта.

В сети все более популярными становятся сайты, предлагающие услуги хакеров, что пользуется спросом у преступников. Личные страницы в социальных сетях часто позволяют получать сторонним пользователям значимую информацию о каждом из нас. В связи с этим особое значение приобретает международное сотрудничество, направленное на борьбу с преступлениями в сети Интернет.

Одной из причин, обуславливающих общественную опасность мошенничества в сфере высоких технологий в общем и в сфере компьютерной информации в частности, является недобросовестность работников сферы обслуживания, нарушающих требования информационной безопасности и злоупотребляющих своим служебным положением. Показателен в этом отношении приговор по делу Т.

Т., находясь в должности управляющего офиса обслуживания и продаж, получила доступ к данным клиентов и персональным данным лицевых счетов. Используя доверительные отношения в коллективе, Т. завладела сведениями о конфиденциальных и персональных логинах и паролях других подчиненных ей сотрудников офиса. Обладая доступом к информации о ранее заблокированных сим-картах, Т. под логином и паролем подчиненных ей сотрудников офиса обслуживания и продаж в отсутствие последних на рабочем месте беспрепятственно осуществляла корректировки счетов различных абонентов путем их пополнения за счет средств <...>, а впоследствии переводила денежные средства путем мобильной коммерции на принадлежащие ей банковские карты, абонентские номера знакомых и родственников, а также на банковские счета в счет погашения имеющихся у нее кредитов и пу-

тем переводов на имя Л. в счет оплаты услуг за лечение ее малолетнего сына.¹

Следующим фактором, обуславливающим общественную опасность мошенничества в сфере высоких технологий, является общедоступность последних, что отрицательным образом сказывается на выработке мер предупреждения правонарушений в рассматриваемой сфере.

Также к наиболее общим причинам широкого распространения рассматриваемого вида мошенничества можно отнести слабую осведомленность потерпевших о характере совершаемых ими действий. Так, при «фишинге» мошенник заставляет потерпевшего предоставить конфиденциальную информацию: пароли, информацию о кредитных картах и т.п. Потерпевший, часто не понимая суть совершаемых им же самим действий, выполняет их абсолютно добровольно.

Способы совершения мошенничества в сфере высоких технологий в большинстве случаев характеризуются сложностью и многэтапностью, что не позволяет органам правопорядка выработать действенные меры по предупреждению и пресечению указанных преступлений.

Мошенничество в сфере высоких технологий в ряде случаев совершается с помощью внедрения соответствующего программного обеспечения, о вредоносности которого потерпевший не подозревает, при этом такое программное обеспечение позволяет нарушать системы защиты цифровой информации, оно находится в свободном доступе в сети Интернет или нелегально приобретается мошенниками на соответствующих виртуальных площадках у его разработчиков.

Как верно отмечает Т.М. Лопатина: «Российская информационная среда отличается несовершенством правовых отношений. В силу этого пользователи, с одной стороны, не могут не балансировать «на грани фола», поскольку далеко не всегда имеются четкие юридические ориентиры правомерного поведения участников информационного процесса. Такое положение обуславливает высокую степень криминологической уязвимости информационной сферы для недобросовестных участников информационных отношений»².

Общественная опасность такого рода деяний подтверждается тем фактом, что борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации вошла в число приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов наряду с противодействием терроризму и коррупции.

В настоящее время все больше применяется межбанковская система электронных платежей, которая не может быть абсолютно надежной. Этим пользуются преступные элементы, которые получают несанкционированный доступ к банковским компьютерным сетям для совершения противоправных действий. Можно сказать, что процесс компьютеризации общества приводит к увеличению количества компьютерных преступлений.

Кроме того, как верно отмечает А.А. Несмеянов, сегодня не существует ни релевантной статистики, позволяющей проанализировать данные, отражающие реальную картину состояния киберпреступности, ни надежных методов сбора

таких данных, поэтому нельзя сказать, до какой степени достоверна статистика об экономических потерях в результате совершения преступлений такого рода.³

Изложенные факты указывают на достаточно высокую степень общественной опасности мошенничества в сфере высоких технологий и в некоторой степени определяют основные направления противодействия указанному виду преступлений.

¹ Приговор Конаковского городского суда Тверской области от 24.07.2014 № 1-171/2014 по делу Т. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/HkFGuaetNTUP/> (дата обращения: 21.03.2017).

² Лопатина Т.М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 2.

³ Несмеянов А.А. Основные проблемы борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий / Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 4 (71). С. 43-48.

Фисенко Д.Ю.,

кандидат юридических наук
Омская академия МВД России

ОТГРАНИЧЕНИЕ ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА ОТ ПРИСВОЕНИЯ НАЙДЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Проблема отграничения хищения чужого имущества от присвоения найденного имущества известна отечественной уголовно-правовой науке и правоприменительной практике уже достаточно давно. Так, ни для кого не секрет, что еще в УК РСФСР 1960 г. наряду с уголовной ответственностью за хищение чужого имущества существовала специальная норма – ст. 148.4 УК РСФСР, предусматривающая уголовную ответственность за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного чужого имущества, заведомо принадлежащего другому собственнику. В 1996 г., в связи с принятием УК РФ, данное деяние было декриминализовано. Ныне действующее законодательство предусматривает уголовную ответственность только за хище-

ние чужого имущества, в то время как присвоение найденного имущества регламентируется нормами гражданского законодательства (ст. 225-229 ГК РФ) и в определенных законом случаях может повлечь лишь гражданско-правовую ответственность. Однако вплоть до сегодняшних дней «привычка» считать преступлением присвоение найденного имущества глубоко укоренилась в сознании правоприменителя, в связи с чем, несмотря на наличие значительного числа разъяснений и комментариев уголовного закона, в вопросе разграничения хищения и присвоения найденного имущества до сих пор не поставлена точка.

Кроме того, с недавних пор данная проблема усугубилась в связи с кассационным определением Верховного Суда

РФ от 19 апреля 2017 г. № 75-УД17-2, где высшая судебная инстанция подтвердила, что оставленная без присмотра в общественном месте вещь не является ничьей. Её можно взять только для того, чтобы вернуть хозяину. В противном случае это будет признано хищением и лицо понесет уголовную ответственность.

Следует отметить, что с указанной позицией Верховного Суда РФ некоторые ученые солидарны. Так, С.В. Складов считает, что для правильной оценки действий лица, завладевшего чужим имуществом в отсутствие собственника, как кражи следует установить, что имущество было забыто, а не потеряно собственником, на что, в частности, по мнению ученого указывает конкретное местонахождение имущества, достоверно свидетельствующее о том, что имущество не является бесхозным. Например, имущество лежит на скамейке, подоконнике, на столике, возле банкомата, на прилавке и т.п., но не на полу, не на дороге, не в урне и т.п. Свой довод он подкрепляет положениями ч. 1 ст. 227 ГК РФ, в соответствии с которыми вещь, найденная в помещении или на транспорте, подлежит сдаче лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта, что дает основание считать такое имущество находящимися во владении лиц, которым они принадлежат; соответственно, присвоение такого имущества является кражей.¹ Данную позицию разделяют Ф.Н. Багаутдинов и Л.Ф. Валиуллин.²

В то же время в уголовно-правовой доктрине есть и противники признания случаев присвоения найденного имущества хищением. Например, А.С. Лукинов и К.О. Малявкин утверждают, что не имеет никакого значения, где была утрачена вещь: в помещении, в транспорте, на улице или в ином месте, а равно приняло нашедшее ее лицо какие-либо меры для возвращения ее собственнику (законному владельцу) либо нет, заявило о находке в полицию или в орган местного самоуправления или умолчало об этом. Во всех приведенных случаях речь идет именно о нарушении правил обращения с находкой, регламентированных ст. 227 ГК РФ, в связи с чем содеянное не со-

держит признаков состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ. По мнению указанных авторов, основным критерием для разграничения находки и кражи является элемент, связанный с выбыванием имущества из обладания законного владельца. То есть если лицо не предприняло никаких активных действий для утраты вещи собственником (или иным законным владельцем), а лишь присвоило потерянную (забытую и т.п.) вещь, то такие действия не преступны.³

Аналогичного мнения придерживается и А.В. Бриллиантов, который отмечает, что вопрос о находке лежит в плоскости гражданского законодательства. Другие отрасли права, в том числе и уголовное право, вопрос о находке не регламентируют. Это обстоятельство является одним из подтверждений того, что находка и ее не возврат не могут рассматриваться как кража и не влекут за собой уголовной ответственности. Лицо, нашедшее имущество и не выполнившее требования гражданского закона, должно отвечать за нарушение требований этого законодательства. Аргументируя свою позицию, ученый акцентирует внимание на том, что лицо, нашедшее имущество, непосредственно не изымает его у собственника или иного владельца, ущерб причиняется в результате неосторожных действий самого собственника в результате потери имущества. Не возврат найденного представляет собой не причинение прямого действительного ущерба путем изъятия вещи, а непринятие обязательных по закону мер к ликвидации ущерба. Соответственно, и умысла на причинение прямого действительного ущерба в результате изъятия имущества у лица, которому имущество передано для возврата, не возникает, а значит, такое деяние не может быть признано хищением.⁴

Более того, в ряде постановлений даже сам Верховный Суд РФ проводит четкую грань между присвоением найденного и находкой. Так, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных

устройств» и от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» указано, что присвоение найденного является приобретением, а не хищением соответствующих предметов.

Таким образом, можно констатировать, что ни в юридической науке, ни на уровне высшей судебной инстанции России нет более или менее четко оформленных критериев разграничения хищения чужого имущества и присвоения найденного имущества, в связи с чем отнюдь не удивительно, что в судебной практике можно встретить немало весьма противоречивых судебных решений, когда разных лиц, находящихся в схожих условиях и совершивших, по сути, аналогичные деяния, в одном случае привлекают к уголовной ответственности, а в другом – нет.

Например, апелляционным постановлением Кемеровского областного суда приговор Осинниковского городского суда Кемеровской области в отношении П., осужденного по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, был оставлен без изменений. В апелляционной жалобе адвокат указывает, что действия П. отсутствуют состав преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Действия П. по обнаружению и дальнейшему завладению мобильным телефоном С., забытым ею на заднем сидении автомобиля П., следует признать находкой, поскольку данное имущество было из обладания собственника С. независимо от её воли или воли П. Завладение такой вещью не образует хищения, а неправомерное присвоение найденной или случайно оказавшейся у виновного чужой вещи влечет гражданскую ответственность, предусмотренную ст. 227 УК РФ. Однако суд апелляционной инстанции мотивировал свое решение тем, что подсудимый П., зная, что обнаруженный им в автомобиле сотовый телефон ему не принадлежит, каких-либо мер для его возвращения собственнику не предпринял, а заведомо зная, что имущество чужое, присвоил его, передав для пользования своей гражданской супруге, в связи с чем его действия нельзя признать находкой.⁵

Забайкальский краевой суд в апелляционном постановлении подтвердил, что суд первой инстанции верно пришел к выводу о том, что в действиях К., обнаружившего в салоне своего автомобиля телефон, забытый собственником Ч., и передавшего его в дальнейшем в пользование своим родственникам, отсутствует состав преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Суд апелляционной инстанции пояснил, что мобильный телефон был утрачен собственником Ч., то есть выбыл из его владения без участия К. и помимо его воли, он лишь присвоил утерянную вещь, не будучи осведомленным о его собственнике. К. не предпринимал никаких активных действий по неправомерному завладению (изъятию) имущества, принадлежащего собственнику Ч. По смыслу закона при совершении хищения имущество изымается из обладания собственника или лица, в ведении или под охраной которого оно находится. Если имущество по тем или иным причинам уже выбыло из обладания собственника, то завладение такой вещью не образует хищения, а неправомерное присвоение найденной или случайно оказавшейся у виновного чужой вещи влечет гражданскую ответственность, предусмотренную ст. 227 ГК РФ.⁶

На основании вышеизложенного очевидно, что проблема отграничения хищения чужого имущества от присвоения найденного имущества в современной судебной практике продолжает стоять довольно остро. Так, вопрос о привлечении или непривлечении лица к уголовной ответственности в контексте рассматриваемой проблемы практически целиком и полностью отдан на усмотрение конкретного суда (судьи). Такое положение дел не только размывает пределы уголовной ответственности, но и способствует формированию противоречивой судебной практики. В результате таких противоречий нарушаются основополагающие принципы уголовного права, и прежде всего принцип справедливости.⁷

Представляется, что окончательно прекратить этот весьма затянувшийся спор может лишь законодатель путем модернизации действующего уголовного законодательства. В связи с этим следует

отметить, что в юридической литературе уже достаточно продолжительное время и весьма обоснованно отмечается, что декриминализация присвоения находки в УК РФ 1996 г. не только социально не обоснована, но и существенно снижает эффективность общего направления борьбы с преступлениями против собственности, уменьшает возможности правоохранительных органов противостоять экономической преступности.⁸ Можно предположить, что «восстановление» в действующем уголовном законе уголовной ответственности за присвоение найденного позволило бы не только раз и навсегда поставить точку в вопросе разграничения хищения чужого имущества и присвоения найденного, но и послужило бы важным подспорьем для более эффективного противодействия преступлениям против собственности.

¹ Складов С.В. Кража забытого имущества // Уголовное право. 2017. № 3. С. 71-72.

² Багаутдинов Ф.Н., Валиуллин Л.Ф. Кража или находка — проблемы разграничения // Законность. 2017. № 6. С. 46-47.

³ Лукинов А.С., Малявкин К.О. Кража или находка — трудности и заблуждения // Законность. 2017. № 10. С. 42-43.

⁴ Бриллиантов А.В. Хищение или неосновательное обогащение? // Уголовное право. 2016. № 4. С. 10-11.

⁵ Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 20.05.2016 по делу № 22-2863/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru>.

⁶ Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда от 07.11.2016 по делу № 22-3801/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru>.

⁷ Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2013. С. 304.

⁸ Мальцев В.В. Преступления против собственности: дифференциация ответственности и устранение пробелов в законодательстве // Российская юстиция. 2008. № 10; С. 30-34; Карпова Н.А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности. М., 2011. С. 142.

Пальчик М.В.

Сибирский юридический институт МВД
России (г. Красноярск)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ И УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОГО ДЕЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРИСВОЕНИЯ ИЛИ РАСТРАТЫ)

Юридическим основанием возникновения и реализации уголовной ответственности является квалификация преступлений. Для правильной уголовно-правовой оценки содеянного необходимо при выявлении признаков, свойственных исключительно совершенному деянию, отграничить его от всех остальных, в том числе от правонарушений. Одним из таких проблемных вопросов выступает вопрос разграничения уголовно наказуемых деяний в сфере собственности и гражданских правонарушений.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что:

— основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего признаки состава преступления, а основанием гражданской ответст-

венности — нарушение субъективных гражданских прав¹;

— гражданско-правовая ответственность может наступать только в случаях нарушения чужого субъективного права и не возникает при нарушении публичных интересов².

Как верно отмечено С.В. Супрун, возмещение вреда в натуре в уголовном судопроизводстве может применяться при совершении преступлений, например, в сфере экономики. Гражданско-правовой способ «возмещение убытков» может применяться при совершении преступлений против жизни и здоровья граждан. Если в первом случае преступлением прямо причиняется имущественный вред потерпевшему и речь идет о его возмещении, то во втором — вред причиняется

жизни или здоровью потерпевшего. Его следствием являются материальные убытки, которые возникают в связи с организацией родственниками похорон или восстановлением здоровья потерпевшего.³

Таким образом, полагаем, что с точки зрения отграничения преступлений от гражданских правонарушений актуальным представляется четкое разграничение последствий, в частности вреда и ущерба, поскольку эти понятия не одозначны.

Поэтому обоснованно учитывать, что для преступлений в сфере экономики, в частности против собственности, определяется в качестве последствий реальный ущерб, а в рамках гражданских правонарушений – убытки, которые включают помимо реального ущерба и упущенную выгоду.

Разграничение уголовно наказуемого деяния от действий, регулируемых гражданским законодательством, осуществляется по элементам состава правонарушения, а именно по объекту посягательства, объективной стороне, субъективной стороне и субъекту.

Объект преступлений определяет характер общественной опасности с точки зрения ценности охраняемого интереса.⁴ В настоящее время уголовно-правовая наука конкретизировала объекты, которые взяты под охрану уголовного закона, в данном случае интересы собственности вне зависимости от ее форм. Вместе с тем необходимо отметить, что объект гражданских правонарушений намного шире объекта преступлений. В теории гражданского права право собственности дает возможность своему обладателю – собственнику определять содержание и направления использования принадлежащего ему имущества, осуществляя над ним полное «хозяйственное господство».

Важно отметить, что степень общественной опасности в случаях, когда преступления и правонарушения по характеру нарушенного интереса являются смежными, представляется основным критерием, отличающим преступления от других видов правонарушений.

Следующим критерием разграничения является размер причиненного вреда. Материальный ущерб как оценочная ка-

тегория измеряется в денежном выражении и физическом объеме. Согласно примечаниям к некоторым нормам УК РФ размер ущерба прямо указывается в уголовно-правовой норме, например в примечании к ст. 158 УК РФ. Это позволяет более четко отграничивать правонарушения от преступлений.

На примере ст. 160 УК РФ, предусматривающей ответственность за присвоение или растрату, выделим вышеуказанные элементы и разграничим преступление и гражданское правонарушение.

Во-первых, как известно, объектом хищения являются общественные отношения, которые складываются в сфере распределения и перераспределения материальных благ и относятся к категории «собственность». Обращаясь к диспозиции преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному) можно с легкостью выделить предмет данного преступления – вверенное имущество.

Применительно к гражданскому законодательству в случае, если виновное лицо отказывается возратить полученное имущество (передать вещь, денежные средства и т.п.), не отрицая факта наличия имущества и ссылаясь на невозможность исполнения в данный момент взятого обязательства, то мы имеем дело с гражданско-правовым правонарушением.

Как правило, для признания имущества вверенным виновному необходимо, чтобы было не только документальное подтверждение правомочий в отношении имущества, но и фактическое обладание этим имуществом. Именно поэтому анализ понятия вверенного имущества следует проводить, рассматривая субъекта, а именно наличия у него определенных правомочий и способов их закрепления, что делает его специальным субъектом.

Таким образом, предполагается, что вверение имущества означает передачу имущества собственником или законным владельцем лицу, которое является посторонним к этому имуществу (оно для него чужое), для осуществления распоряжения и управления данным имуществом. Наличие правомочий предполагает,

что его обладатель может с определенной степенью свободы и собственного усмотрения распоряжаться или управлять вещами в интересах того, кто передал ему такого рода полномочия.

Следует также учитывать, что толкование ст. 160 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель узко определил предмет присвоения и растраты — только вверенное имущество. Однако при такой трактовке рассматриваемого понятия под действие статьи не подпадают деяния лиц, которым имущество непосредственно не вверено, а находится в их ведении (руководители организаций, главные бухгалтеры и др.), т.е. вверено подчиненным им лицам (как правило, материально ответственным). В настоящее время в науке уголовного права происходит еще большее расширение понятия вверения имущества за счет отнесения к нему полномочий должностного лица (руководителя), в ведении которого находится имущество.

Общепринято, что субъектом присвоения и растраты является материально ответственное лицо, которому имущество вверяется для осуществления традиционных полномочий — распоряжения и управления, и лицо, которое не является материально ответственным, однако может отдать обязательные указания материально ответственному лицу.

Субъектом же гражданского правонарушения является сторона договорного обязательства. При этом следует учитывать, что не всегда это будет только физическое лицо.

Как правило, объективная сторона, уголовно наказуемого деяния — присвоения или растраты — заключается в завладении чужим имуществом путем его непосредственного израсходования. Присвоение как самостоятельная форма хищения с объективной стороны представляет собой активные действия, выражающиеся в конечном счете в изъятии, обособлении вверенных виновному товарно-материальных ценностей и обращении их в свою пользу либо в пользу других лиц путем установления над ними незаконного владения.

Объективная сторона гражданского правонарушения характеризуется проти-

воправностью поведения причинителя вреда, то есть ненадлежащим исполнением или неисполнением лицом договорных обязанностей, а также наличием причинной связи между противоправным поступком и негативными последствиями и другими условиями.

Субъективная сторона присвоения или растраты характеризуется прямым, как правило, конкретизированным умыслом, при этом нет незаконного фактического обладания чужим имуществом. Растративая или присваивая чужое имущество, виновный осознает противоправный, безвозмездный характер своих действий.

Совершенно верно отмечено, что субъективная сторона правонарушения отражает психическое отношение причинителя вреда к совершению правонарушения, то есть его вину. Вина в соответствии с ГК РФ, как правило, выражается в форме умысла и грубой неосторожности. Лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения договорных обязательств.

В целом можно отметить, что анализ элементов состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, позволяет указать на то, что уголовно-наказуемые присвоение или растрата отличаются от гражданских правонарушений по объективным признакам, а именно: при присвоении или растрате имущество, правомерно вверенное виновному, экономически перемещается из владения собственника в незаконное физическое обладание преступника, который получает фактическую возможность распоряжаться и пользоваться им по своему усмотрению; объективная сторона гражданского правонарушения характеризуется противоправностью поведения причинителя вреда, то есть ненадлежащим исполнением или неисполнением лицом договорных обязанностей, и субъективным признакам состава преступления: субъективная сторона присвоения или растраты характеризуется прямым умыслом, при этом нет незаконного фактического обладания чужим

имуществом, а субъективная сторона правонарушения в соответствии с ГК РФ, как правило, выражается в форме умысла и грубой неосторожности; лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения договорных обязательств. Рассмотренные обстоятельства имеют существенное значение при квалификации деяний.

¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Ответственность за нарушение договорного обязательства. Договорное право. Общие положения. М.: «Статус», 1998. С. 567-570.

² Хохлова Г.В. Понятие гражданско-правовой ответственности // Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей. Вып. 5 / под ред. В.В. Витрянского. М., 2002. С. 85; Мякинина А.В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: «Статут», 2006. С. 281; Пешкова О.А. Соотношение понятий «вред», «убытки», «ущерб» // Мировой судья. 2010. № 7. С. 9-10.

³ Погосова З.М. Компенсация морального вреда, причиненного совершением преступления // Теория и практика. 2014. № 4. С. 165-166.

⁴ Винокуров В.Н. Объект преступления: систематизация и квалификация : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2011. 260 с.

Середа И.М.,

доктор юридических наук, профессор

Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

Середа А.Г.

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

ПРЕДНАМЕРЕННОЕ БАНКРОТСТВО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Современный мир наполнен усиленными интеграционными процессами во многих сферах государственной и общественной жизни, в том числе в правовой сфере. Активно происходит развитие отраслей международного права, наибольшее значение для национальных законодательств приобретают общеправовые принципы, наблюдается сближение различных правовых систем. В последнее время возрастает интерес к изучению и взаимному использованию законодательной деятельности среди стран с различной политической ориентацией, активизируется обмен правовой информацией и научными идеями.

Уголовное право любого государства имеет специфику. Она проявляется в содержании основных уголовно-правовых

институтов (уголовный закон, преступление, наказание), обусловленном историческими, национальными и культурными традициями, особенностями политического устройства общества, его экономикой и многими другими факторами.¹ Вместе с тем уголовное право конкретных стран по ряду критериев и характеристик имеют тенденцию сближения друг с другом, имеют общие историко-правовые корни, в связи с чем в теории права принято говорить о системах права.

Положения о несостоятельности (банкротстве) в уголовном праве многих европейских стран при всем разнообразии подходов и юридической техники описывают в существенных признаках сходные деяния, а также указывают на наличие единых тенденций развития. В

их основе лежит традиционное понимание банкротства.

В традиционном понимании несостоятельность (банкротство) представляет собой наказуемое неисполнение должником своих денежных обязательств по отношению к кредиторам. Должник при банкротстве причиняет ущерб кредиторам посредством либо уменьшения либо сокрытия имущества, находящегося в собственности. В теории и на практике выделяют банкротство злостное (мошенническое, обманное) и простое (неосторожное). Невиновная (несчастная) несостоятельность уголовной ответственности не влечет. Предпосылкой ответственности за банкротство является судебное признание несостоятельности.

При факте злостного банкротства несостоятельность в той или иной мере искажается должником, таким образом принимаются меры, способствующие действиям по сокрытию действительного имущественного положения.

Под понятием неосторожного банкротства понимаются бесхозяйственные или рискованные действия (например, спекуляции на курсе ценных бумаг), совершенные должником в преддверии возможной несостоятельности и повлекшие или увеличившие ее.²

При проведении анализа основных тенденций современного развития уголовно-правовых норм о банкротстве можно назвать стирание грани между злостным и неосторожным банкротством, определение составов банкротства в качестве формальных составов, уменьшение роли гражданского (торгового) судопроизводства в уголовном преследовании банкротства.

Уголовную ответственность за организацию преднамеренного банкротства предусматривают правовые нормы большинства государств. В их число входят страны как ближнего, так и дальнего зарубежья, такие как США, Великобритания, Франция, Германия. Еще начиная с 1970-х гг. на всей территории Западной Европы законодательство о банкротстве существенно изменилось, установив специфику современного видения проблемы уголовной ответственности в этой сфере. Помимо этого в 1990 г. государства — уча-

стники Совета Европы приняли Конвенцию «О некоторых международных аспектах банкротства». Также хотелось бы обратить внимание, что одним из значимых международных нормативных документов является Типовой закон ЮНСИТРАЛ «О трансграничной несостоятельности».³

Вместе с тем в законодательстве отдельных государств (КНР, Республика Корея, Австралия и др.) уголовная ответственность за преступления, связанные с банкротством, не предусматривается вовсе.

В числе наиболее часто встречающихся способов совершения преступлений, связанных с банкротством, по зарубежному законодательству выделяются сокрытие или уменьшение активов должника в период неплатежеспособности, обманное увеличение пассива в результате чрезмерных трат, заведомо убыточных сделок, сокрытия, уничтожения, фальсификации и неведения бухгалтерских документов.

Стоит подчеркнуть, что в уголовном законодательстве зарубежных стран нет указания на последствия как элемент состава криминального банкротства. В отличие от законодательства стран, имеющих богатый опыт борьбы с такими преступлениями, в России состав преднамеренного банкротства сконструирован как материальный: преступление совершено, если причинен «крупный ущерб».

Современное зарубежное законодательство в основной своей массе, признавая субъектом преступлений, связанных с несостоятельностью, должников, специально не оговаривает их «род деятельности и звание». Помимо должников по законодательству ряда стран к субъектам уголовной ответственности также отнесены: лица, действующие от имени должника; официальный или фактический руководитель юридического лица; должностные лица, управляющие, лица, принимающие участие в управлении; доверенные лица, в том числе доверительный собственник, опекун, душеприказчик, администратор наследства, управляющий конкурсной массой или любое лицо, осуществляющее доверительные функции от имени корпорации или иной организации, а также и третьи лица.

В уголовном законодательстве зарубежных государств в отличие от российского имеется четкое разграничение в подходах к понятиям «несостоятельность» и «банкротство». По мнению А.Н. Лемягова, ученые этих стран считают, что несостоятельность исключает какие-либо умышленные действия со стороны должника, а банкротство, напротив, предполагает уголовно-правовую специфику дела.

В заключение следует сказать о том, что в целом уголовное законодательство зарубежных стран, регламентирующее ответственность за преднамеренное банкротство, отличается большей разработанностью и развивается по пути наи-

большего соответствия складывающимся общественным отношениям в сфере банкротства.

Представляется, что законодательный опыт зарубежных стран в сфере регламентации ответственности за преднамеренное банкротство, несомненно, представляет большой интерес для России.

¹ Середа И.М. Налоговые преступления: совершенствование законодательной регламентации и назначения наказания // Сибирский юридический вестник. 2016. № 4. С. 54.

² Подзоров С.А. Банкротство. М., 2001. С. 59.

³ Лемягов А.Н. Ответственность за банкротство в законодательстве зарубежных стран // Российский следователь. 2006. № 6. С. 56-59.

Малолеткина Н.С.,

кандидат юридических наук,

Самарский юридический институт

ФСИН России

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

До недавнего времени российскому обществу было не известно понятие «экстремизм», и общество не совсем понимало, о чем идет речь. Данный институт права нов и еще полностью не изучен. В отдаленных районах нашей страны большинство граждан Российской Федерации не знают о существовании экстремистской деятельности и преступлений экстремистской направленности, в то время как в европейских странах данный вид преступления хорошо исследован и имеет большой резонанс. В европейских странах данный институт называется «преступления ненависти».

В теории экстремизм – это понятие емкое, которое охватывает широкий круг правоотношений, включающий в себя деятельность религиозных объединений либо физических лиц по планированию, подготовке к совершению действий, направленных на осуществление террористической деятельности.

Изучая экстремизм в контексте современного представления о преступности, можно смело заявить, что он в срав-

нении с другими институтами права конкурентоспособен. Для большинства государств экстремизм сегодня является серьезным и опасным, поскольку оказывает негативное влияние на молодежь.

Преступления экстремистской направленностью включают в себя виды и формы. На первый взгляд словосочетания «вид экстремизма» и «форма экстремизма» кажутся синонимичными, даже тождественными по лексическому значению. Так, в тематических научных дискуссиях и публикациях в России часто встречается их спонтанное субъективно-избирательное, немотивированное в плане выбора того или иного термина употребление. Вместе с тем с научных позиций такой подход является не совсем правильным, поскольку между рассматриваемыми понятиями имеются сущностные различия.

Форма экстремизма – это его внешнее выражение, то есть то, из каких деяний он складывается, совокупностью каких действий и процессов характеризуется. Поэтому под формами экстремизма следует понимать способы осуществле-

ния экстремистской деятельности. При этом стоит отметить, что в большей мере экстремистские деяния преследуются в уголовно- и административно-правовом порядке. Например, в России административная ответственность в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» предусмотрена лишь за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения (ст. 20.3 КоАП РФ).¹

В любом случае независимо от формы необходимо понимать, что экстремизм — это система мировоззрения, которая формируется через идеологические методы. Сформировать экстремистскую идеологию в отдельных социальных группах становится возможным, заставив человека совершать деструктивные и преступные действия (террористический акт, громкое политическое убийство и пр.), а это уже уголовная ответственность.

В России существуют две формы экстремизма, которые за последние годы набирают определенный авторитет среди лиц несовершеннолетнего возраста. Первая форма — это правомерная, то есть не влекущая юридическую ответственность, и вторая — противоправная форма. Также в России можно выделить два основных направления экстремистского течения — это националистические и религиозные.

Экстремистская идеология за последние три года поставлена на особый контроль для обсуждения на государственном уровне в связи с существованием «правомерных форм экстремизма», таких как:

1) создание умеренно радикального характера общественно-политической организации;

2) в процессе государственной регистрации ее в Минюсте России.

На самом деле ничем не приметные малозначительные деяния — покупка материально-технической составляющей для чтения лекций, проведение лекций и регулярных съездов для членов данного объединения — влекут за собой довольно таки масштабные последствия для страны и граждан в целом.

Деяния, образующие приготовление к совершению преступлений экстремистской направленности небольшой или средней тяжести, если в них не содержатся признаки иных правонарушений (например, административных), в силу правила, предусмотренного ч. 2 ст. 30 УК РФ, также возможно рассматривать как правомерные формы экстремизма.

В свою очередь, противоправные формы экстремизма представляют собой деяния, совершение которых запрещено действующим законодательством Российской Федерации и влечет наступление соответствующего вида юридической ответственности (в зависимости от отраслевой принадлежности нарушенной правовой нормы). Совокупность всех противоправных форм экстремизма охватывается понятием «экстремистская деятельность». Уголовно-правовые формы экстремизма рассматриваются как «преступления экстремистской направленности».

Практика применения такого вида уголовного наказания, как условное осуждение, такова, что за действия экстремистской направленностью суд назначает именно этот вид наказания, а не вменяет статью УК РФ, где реально правонарушителю необходимо отбывать наказание в местах лишения свободы.

Например, возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды активно карается российскими судами. Количество осужденных по ст. 282 УК РФ постоянно растет. В 2011 г. были вынесены 82 обвинительных приговора по статье, годом позже количество обвинительных вердиктов уже возросло в два раза. В 2014 г. опять произошел скачок до 307 осужденных по данной статье. Тенденция роста сохранилась и в 2016-2017 гг.

Проведя сравнительно-правовой анализ психологического состояния преступника, совершившего преступления с особой тяжестью, и правонарушителя совершившего незначительное правонарушение, не прикладывая к этому особых усилий, можно сделать вывод, что экстремисту всегда присуща психологическая готовность к активным действиям, он может в течение длительного времени (даже всей жизни) не проявлять себя не-

гативным образом в каких-либо общественных делах или поступках, подлежащих юридической оценке.

В таких случаях экстремизм не выходит за рамки внутренних мировоззренческих представлений конкретного лица, поскольку не получает внешнего выражения в виде каких-либо целенаправленных деяний.

В современной России в последние годы наблюдается рост такого молодежного течения, как исламизм, которое планомерно вовлекает молодежь в совершение действий с экстремистской направленностью.

Вербовка и психологические приемы в отношении обычных граждан в нашей стране находятся на высоком профессиональном уровне. За совершенно обычными высказываниями, комментариями и действиями в отношении власти, правящих политических партий, религии, социальных сфер жизнедеятельности человека скрывается глубокий и не всегда однозначный смысл. В силу небольшого жизненного опыта большинство представителей молодежи не понимают истинного смысла, подтекста в листовках, газетах, социальных сетях, которые привлекают и распространяют информацию экстремистского характера.

Распространение различных проявлений экстремизма в местах лишения свободы и изоляции от общества в современном мире стало вполне реальным и уже ощутимым в контексте угрозы для окружающих. В научной литературе все чаще стали говорить о необходимости активизации мер по противодействию распространению экстремизма в пенитенциарной сфере. Соответственно, можно выделить и такую форму проявления экстремизма, как пенитенциарную.

Проблема экстремизма привлекает внимание всех государств и мировую общественность в том числе. От нее надежно не защищены ни экономически процветающие и богатые страны, ни отсталые государства. Международное сообщество находится в состоянии поиска эффективных инструментов противодействия этому злу.

На международном уровне приняты конвенции, соглашения и договоры по противодействию экстремизму. В российском государстве создана обширная правовая база в этой части.

Экстремизм как вид преступления в Российской Федерации свидетельствует о том, что его проявление на практике по своей сути и основным критериям, характеристикам (действиям граждан, организаций с экстремистской направленностью) одинаков в сравнении с европейскими странами. А вот сами формы проявления экстремизма в странах имеют ряд незначительных отличий.

Необходимо также отметить, что эффективность противодействия экстремизму во многом зависит от качества организации взаимодействия государственных и правоохранительных органов с различными институтами гражданского общества, в том числе с общественными и религиозными объединениями.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день достаточно актуален вопрос теории и практики преступлений экстремистской направленности в современной России. Ученые и практические работники выявляют все новые и новые группы экстремистов и более углубленно изучают уже существующие экстремистские формирования. А по большому счету суть проявления и развития экстремистских организаций практически во всех государствах едина, поскольку по факту мы наблюдаем один и тот же итог – это взрывы, поджоги, множественные гибели мирных граждан, крушение самолетов, внедрение в сознание людей недостоверной информации о происходящем в мире, в стране и т.д. Процесс же вовлечения в террористическую деятельность, не важно, каким путем, упорядочен и прописан на разных языках слово в слово, соответственно, и механизм реализации экстремизма идентичен везде во многих странах.

¹ Ипполитова А.Г., Марченко Д.Э., Яворский М.А. Свобода вероисповедания и профилактика религиозного экстремизма в исправительных учреждениях ФСИН России : монография. Самара: СЮИ ФСИН России, 2015. С. 41.

Глухов Е.А.,

кандидат юридических наук

Санкт-Петербургский военный институт
войск национальной гвардии
Российской Федерации

СОВЕРШЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПУТЕМ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ И ВЫСКАЗЫВАНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Противодействие экстремизму не имеет ничего общего с борьбой с инакомыслием. У нас свободная, демократическая страна, и ее граждане вправе иметь свое мнение и высказывать это мнение, вправе быть в оппозиции к власти.

В.В.Путин

(Выступление Президента Российской Федерации на заседании Совета безопасности 20 ноября 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47045>).

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия).¹ В сфере противодействия экстремизму этой определенности как раз и не хватает.

Во-первых, российское законодательство не содержит определения экстремизма, а определяет его через перечисление запрещенных действий (ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»²).

В самом общем виде экстремизм – это совершение каких-либо запрещенных действий по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Сюда можно отнести возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека или нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, совершение преступлений по мотивам социальной, расовой, нацио-

нальной, религиозной или языковой принадлежности человека или отношения к религии.

В последние годы законодатель ввел и ужесточил ответственность за очень многие действия, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Однако при этом законодатель не привел исчерпывающий перечень такого рода действий, не установил грань между свободой слова, свободой выражения своего мнения и экстремистскими деяниями. Проиллюстрируем случай преступного поведения военнослужащего на примере возбуждения им социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

Полковник М. занимал воинскую должность доцента кафедры военного вуза. На семинарских занятиях с офицерами он высказывал свои мысли о том, что власть в стране захватили группа лиц еврейской национальности, что их политика направлена на получение прибыли лишь для себя и обнищание остального населения. Кроме этого он демонстрировал обучаемым видеоролики на указанную тематику и хвалил одну из книг, сходной по смыслу с высказываниями самого М., рассказывал, где ее можно приобрести.

На первый взгляд, почти рядовая ситуация. В российской истории уже много раз во всех бедах винили потомков Иудейского царства. Знаменитая поговорка «Если в кране нет воды, значит, выпили...» как раз и отражает обыденное мнение некоторой части русского общества относительно роли семитов в национальных бедах. Впрочем, указанная тенденция существует не только в России.

Правоохранительные же органы усмотрели в словах М. признаки преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. В дальнейшем по данному факту было возбуждено уголовное дело, проведена судебно-лингвистическая экспертиза, которая выявила в словах М. вражду и ненависть к группе лиц еврейской национальности. В результате М. был осужден. В приговоре было сказано, что полковник М., обладая полномочиями по обучению и воспитанию, являясь сторонником националистических взглядов и желая ознакомить с ними как можно большее количество людей, совершил действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по признаку их принадлежности к социальной группе.

Скорее всего, М. просто не осознавал, что, рассуждая о евреях, выражая к ним негативное отношение и обвиняя в чем-либо в ходе проведения учебного занятия, он тем самым уже совершает преступление. Однако незнание закона не освобождает от ответственности.

Как указал Верховный Суд Российской Федерации, действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе, влекут уголовную ответственность по ч. 1 ст. 282 УК РФ *только в том случае, если* они совершены публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (например, выступления на собраниях, митингах, распространение листовок, плакатов, размещение

соответствующей информации в журналах, брошюрах, книгах, на сайтах, форумах или в блогах, массовая рассылка электронных сообщений и иные подобные действия, в том числе рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц).³

Следовательно, неперенным признаком объективной стороны ст. 282 УК РФ является публичность деяния: массовое распространение неких сведений или призывов, доведение их (хотя бы потенциальное) до многих людей.

В современный век компьютеризации, социальных сетей и форумов, где зачастую манера ведения спора участниками весьма несдержанная и не отличается высокой культурой, найти признаки экстремизма представляется совсем несложным. Более того, в Интернете под уголовные санкции попадают не только имеющие экстремистскую направленность мысли участников, выраженные словами (в текстовой форме), но и аудио-, видеозаписи по данной тематике, фотографии и картинки, а также комментарии к ним.

Преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, совершается только с прямым умыслом *и с целью возбудить* ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 №11). Целевой установкой такого высказывания является пропаганда необходимости враждебного отношения к выделяемой группе людей. Если же такой цели (возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека или социальной группы) у лица нет, то его деяния будут квалифицироваться как административное правонарушение по ст. 20.29 КоАП РФ «Производство и распространение экстремистских материалов».

За подобного рода деяния, выразившиеся в размещении на своей страничке в социальной сети горящей мечети с комментарием, был уволен со службы один из федеральных судей. Рассматривая его жалобу относительно увольнения,

Верховный Суд РФ отметил, что, являясь пользователем и имея страницу в социальной сети «ВКонтакте», гражданин несет ответственность за наполнение страницы и ее содержание. Виновное поведение судьи выразилось в том, что он не принял необходимых и достаточных мер для удаления из социальной сети размещенного изображения и комментария к нему, не убедился, что изображение и комментарий действительно удалены.

Верховный Суд РФ рекомендовал при решении вопроса о направленности действий лица, разместившего какую-либо информацию либо выразившего свое отношение к ней в сети Интернет, на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства человека либо группы лиц исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, контекст, форму и содержание размещенной информации, наличие и содержание комментариев или иного выражения отношения к ней. Действительно, вне контекста любой рассказанный анекдот о русских, чукчах, евреях или блондинках в СМИ или социальной сети можно расценить как противоправное деяние, но в данном случае главная цель рассказчика — юмор, а не разжигание ненависти и розни.

Военнослужащим, как и остальным гражданам нашей страны, гарантируется свобода мысли и слова. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29 Конституции Российской Федерации). Право военнослужащих на свободу слова ограничивается запретом разглашения ими государственной и военной тайны, обсуждения и критики приказов командира (ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О статусе военнослужащих»).

В нашей стране не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Запрет касает-

ся как обычных граждан, так и военнослужащих. Ввиду низкого уровня правовых знаний и правовой культуры многие наши сограждане могут совершать экстремистские деяния, не осознавая, что они противозаконны и влекут привлечение их к ответственности.

По мнению автора, в борьбе с экстремизмом можно выделить два направления:

— первое направление: борьба с внешними проявлениями экстремизма, например, распространением уже признанной экстремистской литературы или ликвидация экстремистских организаций. Сущность этого направления антиэкстремистской борьбы сводится к непосредственному воздействию на участников экстремистских отношений любыми законными способами, в том числе и с помощью правового принуждения, с целью пресечения их противоправной деятельности и восстановления нарушенных интересов общества и государства;

— второе направление: предупреждение экстремизма, формирование и проведение активной политики профилактики экстремизма.

Полагаю, что предупреждение экстремизма должно иметь безусловный приоритет перед иными мерами борьбы с этим явлением (в частности репрессивными); ведь предупредить экстремизм легче, чем искоренить. Профилактическое направление всегда было и навсегда останется в ряду наиболее значимых средств, направленных на борьбу с преступностью.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1503-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision290730.pdf>.

² О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

³ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 03.11.2016) // Российская газета. 2011. 4 июля.

Гордеев Р.Н.,

кандидат юридических наук, доцент

Юридический институт Сибирского
юридического университета
(г. Красноярск)

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СЕКРЕТОНОСИТЕЛЕЙ ПРИ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОМ ВЫЕЗДЕ ЗА ГРАНИЦУ

Диспозиция ст. 322 УК РФ в качестве альтернативного признака объективной стороны предусматривает ответственность за пересечение Государственной границы РФ без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством. Учитывая, что законодательство Российской Федерации предусматривает возможность временного ограничения права на выезд из России лиц, допущенных к секретным сведениям, в практике возник вопрос: образует ли пересечение Государственной границы секретносителями, не получившими в установленном порядке разрешения на выезд, состав преступления, предусмотренный ст. 322 УК РФ?

Анализ юридической литературы позволил прийти к выводу о том, что в теории данный вопрос также является дискуссионным. Достаточно большое количество исследователей при анализе одного из деяний, предусмотренных объективной стороной ст. 322 УК РФ (пересечение государственной границы без надлежащего разрешения), в качестве такового понимают пересечение Государственной границы Российской Федерации лицами, ограниченными на выезд из Российской Федерации в связи с имеющимся допуском к сведениям особой важности или совершенно секретным сведениям, отнесенным к государственной тайне (например, человек не сдал заграничный паспорт при получении уведомления об ограничении выезда или пересек границу по упрощенным таможенным правилам, предъявив внутренний паспорт).

Так, в одном из учебников по уголовному праву (под редакцией А.Э. Жалинского) прямо указано, что пересечение государственной границы лицами, имеющими допуск к сведениям особой важности или совершенно секретным

сведениям, отнесенным к государственной тайне и предупрежденными об ограничении на выезд, образует объективную сторону рассматриваемого преступления.

Данная позиция, по мнению этих авторов, вытекает из юридической конструкции ст. 322 УК РФ. Так, данная уголовно-правовая норма является бланкетной, отсылающей правоприменителя к иным нормативно правовым актам, в частности к Закону РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» и Федеральному закону от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона № 114-ФЗ право гражданина Российской Федерации на выезд из Российской Федерации может быть временно ограничено в случаях, если он при допуске к сведениям особой важности или совершенно секретным сведениям, отнесенным к государственной тайне в соответствии с законом Российской Федерации о государственной тайне, заключил трудовой договор (контракт), предполагающий временное ограничение права на выезд из Российской Федерации, при условии, что срок ограничения не может превышать пять лет со дня последнего ознакомления лица со сведениями особой важности или совершенно секретными сведениями, — до истечения срока ограничения, установленного трудовым договором (контрактом) или в соответствии с этим федеральным законом.

Однако обозначенная выше позиция не является доминирующей в науке уголовного права. Другая часть исследователей не усматривают в данных действиях признаков преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ. Например, в учебнике, подготовленном сотрудниками

кафедры уголовного права Юридического института Сибирского федерального университета (под редакцией И.В. Шишко) указано, что объективная сторона ч. 1 ст. 322 УК РФ состоит из двух альтернативных действий: пересечение Государственной границы Российской Федерации без действительных документов или пересечение Государственной границы Российской Федерации без надлежащего разрешения. При этом под надлежащим разрешением понимается виза либо вид на жительство в Российской Федерации, выдаваемые иностранным гражданам и лицам без гражданства в случаях, предусмотренных законодательством России, а также надлежащее место пересечения границы при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 3 ст. 322 УК РФ. То есть, по мнению авторов, пересечение государственной границы лицами, ограниченными на выезд из Российской Федерации в связи с имеющимся допуском к сведениям особой важности или совершенно секретным сведениям без надлежащего разрешения не образует объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322 УК РФ.

Анализ судебной практики по ч. 1 ст. 322 УК РФ также не позволил найти фактов осуждения лиц, ограниченных на выезд из Российской Федерации в связи с имеющимся допуском к сведениям особой важности или совершенно секретным сведениям.

В настоящий момент суды под деянием в виде пересечения Государственной границы Российской Федерации без надлежащего разрешения признают следующие действия:

1) пересечение границы при отсутствии визы¹;

2. пересечение водной границы судном, не оформленном в пограничном отношении на убытие из Российской Федерации²;

3) пересечение сухопутной границы без удостоверения на разовое пересечение границы в обе стороны³.

Возникает вопрос: почему же правоприменитель и ряд исследователей не считают данные действия разновидностью пересечения государственной границы без надлежащего разрешения?

Для разъяснения необходимо обратиться к положениям Федерального закона № 114-ФЗ, согласно п. 1 ст. 15 которого право гражданина Российской Федерации на выезд из страны может быть ограничено. То есть федеральный закон не напрямую запрещает секретносителям выезд, а говорит лишь о возможности ограничения права на выезд, при этом данное ограничение может быть обжаловано в установленном порядке.

Такое же разъяснение дано и в постановлении Конституционного Суда РФ от 07.06.2012 №14-П, согласно которому ограничение права гражданина Российской Федерации на выезд из Российской Федерации в связи с его осведомленностью о сведениях, составляющих государственную тайну, в силу диспозитивности содержащегося в нем регулирования, не является абсолютным и обязательным (право на выезд «может быть ограничено»), носит временный характер (по общему правилу, «не может превышать пять лет») и, следовательно, не обусловливается наличием одного лишь основания — осведомленности лица о соответствующих сведениях⁴. Аналогичные разъяснения даются и в определении Конституционного Суда РФ от 8 октября 1998 г. №146-О⁵ и от 8 июля 1999 г. №115-О⁶.

То есть Конституционный суд говорит не о запрете на выезд, а об ограничениях, которые не входят в объективную сторону ст. 322 УК РФ.

Кроме того, расположение ст. 322 УК РФ в системе Особенной части УК РФ позволяет утверждать, что законодатель под непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, признает пограничную безопасность государства, под которой понимается состояние защищенности государственной границы от реальных и потенциальных внешних и внутренних угроз. То есть данная норма не охраняет государственную тайну. Гражданин РФ, пересекая государственную границу по надлежащим документам в надлежащем месте, будучи даже ограниченным в таком выезде, не посягает на пограничную безопасность государства, не нарушает данные общественные отношения и не причиняет им вред.

При нарушении секретносителем ограничения на выезд из Российской Фе-

дерации затрагиваются общественные отношения в сфере безопасности государственной тайны. Однако законодатель не считает данный вред общественно опасным и не устанавливает такого уголовно-правового запрета.

На основании изложенного можно заключить, что при надлежащем пересечении гражданином России Государственной границы РФ, ограниченным в выезде в связи с имеющимся допуском к секретным сведениям, отсутствуют признаки преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ.

¹ Напр.: приговор Краснинского районного суда Смоленской области от 18.10.2010. URL: <https://rospravosudie.com/court-krasninskij-rajonnyj-sud-smolenskaya-oblast-s/act-100891855/>; приговор Краснинского районного суда Смоленской области от 21.09.2011. URL: <https://rospravosudie.com/court-krasninskij-rajonnyj-sud-smolenskaya-oblast-s/act-459369886>.

² Приговор Корсаковского городского суда Сахалинской области от 23.05.2011. URL: <https://rospravosudie.com/court-korsakovskij-gorodskoj-sud-saxalinskaya-oblast-s/act-101119954>.

³ Решение по делу 1-55/2016 : постановление мирового судьи судебного участка Кош-Агачского района Республики Алтай от 19.05.2016. URL: <https://rospravosudie.com/court->

[sudebnyj-uchastok-mirovogo-sudi-kosh-agachskogo-raiona-s/act-229702640](https://rospravosudie.com/court-).

⁴ По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и статьи 24 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина А.Н. Ильченко : постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2012 № 14-П // Информационно-правовая база «Legalacts.ru». URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitucionnogo-suda-rf-ot-07062012-n/>

⁵ По жалобе гражданина Донского Игоря Вячеславовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 15 Закона Российской Федерации «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» : определение Конституционного Суда РФ от 08.10.1998 № 146-О // Справочная правовая система «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6069540/#ixzz55eKSX33D>.

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Булатова Павла Аркадьевича на нарушение его конституционных прав подпунктом 2 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» : определение Конституционного Суда РФ от 08.07.1999 № 115-О // Справочная правовая система «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/5027798/#ixzz55eLJDkON>.

Астахова А.О.

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

ОБЪЕКТ УКЛОНЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА

Объект преступления является определяющим при установлении характера общественной опасности деяния. Именно поэтому теория объекта преступления постоянно находится в центре внимания уголовно-правовой доктрины. Интересно отметить, что детальная разработка понятия и сущности объекта преступления характерна именно для российского уголовного права.

Мы являемся сторонниками господствовавшей в советский период (Б.С. Никифоров, В.Н. Кудрявцев, А.А. Пионтковский) и поддерживаемой научной школой Омской академии МВД России

теории объекта преступления как общественных отношений (А.И. Марцев, В.В. Векленко, А.Н. Семиненко, М.В. Бавсун, Н.В. Вишнякова и др.) и традиционной четырехуровневой его классификации.

Статья 314.1 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (далее – уклонение от административного надзора), структурно входит в главу 31 УК РФ «Преступления против правосудия».

Общим объектом рассматриваемого деяния является вся совокупность (система) общественных отношений, охраняемых уголовным законом.

Родовой объект включает в себя группу взаимосвязанных между собой, однородных общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств. Традиционно родовым объектом преступлений против правосудия признаются общественные отношения по осуществлению государственной власти.

Что касается видового объекта, то его четко характеризует наименование главы 31 УК РФ «Преступления против правосудия» — это группа взаимосвязанных, близких по своему характеру, родственных общественных отношений, в которой закреплена его (объекта) обобщенная характеристика.

Несмотря на то, что преступления против правосудия не имеют широкого распространения и существенно не влияют на уровень преступности, в силу повышенной общественной опасности им придается особое значение. Кроме того, статистические показатели последних лет свидетельствуют о количественном росте посягательств на интересы правосудия: в 2011 г. количество лиц, осужденных за деяния, предусмотренные главой 31 УК РФ, составило 0,8% от общего числа осужденных лиц, в 2012 г. — 0,9%, в 2013 г. — 1,0%, в 2014 г. — 1,1%, в 2015 г. — 1,2%, в 2016 г. этот показатель увеличился до 1,4%, а за первое полугодие 2017 г. составил 1,8%.¹

Преступления против правосудия посягают на совокупность общественных отношений, обеспечивающих регламентированную законом деятельность суда по осуществлению стоящих перед ним задач, а также деятельность государственных органов и лиц, которые содействуют осуществлению правосудия. Современная редакция главы 31 УК РФ включает 24 статьи и представляет определенную логическую систему.

Правосудие как видовой объект преступного посягательства характеризует группу общественных отношений, близких между собой, которые требуют правовой защиты и обеспечивают жестко регламентированную законодательством

деятельность суда, осуществляющего судопроизводство (конституционное, уголовное, административное, арбитражное, гражданское), а также иных лиц, в этой деятельности ему содействующих.

В юридической литературе вызывает дискуссию вопрос о том, ставит ли ст. 314.1 УК РФ под охрану общественные отношения, обеспечивающие реализацию конституционных принципов отправления правосудия. Это обусловлено отсутствием однозначного понимания содержания входящих в объект этой нормы отношений и, следовательно, определения места указанного посягательства в системе Особенной части уголовного права.

Правосудие выступает особой функцией государственной власти, которая осуществляется только судом (ст. 118 Конституции РФ). По своей сути правосудие представляет особый вид юридической деятельности, выполняемой судебной властью, которая реализуется от имени и в интересах государства, осуществляется в специальной процессуальной форме при соблюдении ряда конституционных принципов. Статья 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» определяет, что судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей. Никакие другие государственные органы, должностные и частные лица не вправе осуществлять правосудия.

Вместе с тем использование как в теории уголовного права, так и в самом уголовном законе термина «правосудие» не соответствует его буквальному толкованию в указанном, так называемом узком (процессуальном) смысле, однако определяет ту специфическую сферу государственной деятельности, которая включает в себя весь спектр общественных отношений, связанных с реализацией интересов правосудия и требующих самостоятельной уголовно-правовой защиты. Это и обуславливает необходимость понимания правосудия в более широком смысле.

Следует отметить, что такой — расширительный — подход к определению

правосудия имеет и сторонников (Е.Р. Абдрахманова, В.П. Малков, А.Ф. Федоров и др.), и противников (И.Н. Кабашный, И.В. Губко).

Мы поддерживаем точку зрения, согласно которой под правосудием в узком смысле понимается особый вид юридической деятельности, выполняемой судебной властью, которая реализуется от имени и в интересах государства, осуществляется в специальной процессуальной форме при соблюдении ряда конституционных принципов², а под правосудием в широком смысле – деятельность суда по рассмотрению и разрешению определенных федеральным законом категорий дел, а также деятельность специально на то созданных государственных органов и привлекаемых в соответствии с законом лиц, которые содействуют суду в осуществлении правосудия, приводят в исполнение приговоры, решения суда и иные судебные акты.³

Применительно к институту уголовной ответственности за уклонение от административного надзора необходимо отметить, что в данном случае содержанием правосудия является реализация (исполнение) содержащихся в судебном решении (о назначении административного надзора) требований, установленных судом поднадзорному лицу. Исполнение лицом, освобождающимся (освободившимся) из мест лишения свободы, требований, назначенных судом, в полном объеме и в установленной форме доводит процесс правосудия до его завершения. Совокупность различных процессуальных моментов, таких как предварительная работа правоохранительных органов (исполнительных учреждений и органов внутренних дел) по конкретным материалам, судопроизводство с вынесением судебного решения об установлении административного надзора, контроль исполнения поднадзорным назначенных требований и ограничений, в целом и образует правосудие.

Резюмируя сказанное, отметим, что видовым объектом неисполнения требований административного надзора выступают общественные отношения в сфере отправления правосудия в его расширительном значении – как объекта уголовно-правовой охраны. В этом контек-

сте показательное мнение Л.В. Лобановой, считающей, что, «обособив в главе 31 УК РФ ряд преступлений и дав им название «Преступления против правосудия», законодатель сосредоточил общественно опасные деяния, сущностью которых является посягательство на общественные отношения, входящие в систему ценностей, призванных обеспечить (цель правосудия) предпосылки, нормальное осуществление, а также претворение в жизнь результатов охранительной, познавательной-применительной и процессуально упорядоченной деятельности суда и содействующих ему в этом органов и лиц (задачи правосудия)»⁴.

Среди исследователей современного института уголовной ответственности за уклонение административного надзора отсутствует единство и в определении непосредственного объекта посягательства. Так, под объектом уклонения от административного надзора понимают общественные отношения, складывающиеся по поводу административного надзора (Б.В. Коробейников, А.И. Чучаев); общественные отношения, обеспечивающие надлежащее постпенитенциарное поведение лиц, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную и неснятую судимость (П.Е. Кондратов); общественные отношения, обеспечивающие соблюдение лицом требований административного надзора, устанавливаемого по решению суда в целях защиты государственных и общественных интересов (А.В. Бриллиантов, Н.Р. Косевич); общественные отношения, складывающиеся в сфере выполнения отдельными гражданами возложенных на них судебным решением обязанностей (И.В. Губко).

Представляется спорным определение непосредственного объекта нарушения требований административного надзора только лишь как нормальной деятельности органов внутренних дел по обеспечению постпенитенциарной адаптации осужденных, в отношении которых судебным решением установлен административный надзор. При этом в содержание «деятельности» входит порядок управления и режим работы указанных органов.⁵ Прежде всего, это определение не показывает сущности и специфики общественных отношений, которые входят в сферу реали-

зации целей правосудия. Смыслом правосудия не является обеспечение нормально-го порядка управления и режима функционирования органов внутренних дел. Во-вторых, это определение непосредственного объекта не охватывает весь объем отношений, за нарушение которых ст. 314.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность. И, в-третьих, по сути, данное определение раскрывает специфику общественных отношений в сфере государственного управления (порядка управления). Это влечет нарушение принципов построения системы Особенной части уголовного закона по объекту преступления.

По нашему мнению, под непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, следует понимать общественные отношения, обеспечивающие нормальные условия достижения интересов правосудия по реализации судебного решения в рамках исполнения меры правового воздействия (административного надзора).

В качестве дополнительного объекта нарушения требований административного выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов и учреждений, исполняющих судебное решение в виде установления административного надзора.

¹ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России (по годам). URL: <http://www.cdep.ru>.

² Тепляшин П.В. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2002. С. 83.

³ Малков В.П. Преступления против правосудия // Уголовное право России : учебник для вузов: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. проф. А.Н. Игнатова и проф. Ю.А. Красикова. М., 1998. С. 679-680.

⁴ Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. С. 26-27.

⁵ См.: Анисимова И.А. Уклонение от административного надзора (ст. 314.1 УК РФ) // Актуальные проблемы уголовного права : сборник научных статей. Барнаул: Алтайский государственный ун-т, 2012. С. 180.

Крюкова О.Ю.,

кандидат юридических наук

Вологодский институт права и экономики
ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 313 И ЧАСТЬЮ 2 СТАТЬИ 314 УК РФ

Преступления, предусмотренные ст. 313 и ч. 2 ст. 314 УК РФ, представляют значительную опасность для нормального функционирования учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, а также меры пресечения в виде ареста и содержания под стражей, поскольку:

1) совершаются лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы либо находящимися в предварительном заключении;

2) подрывают авторитет правоохранительных органов;

3) создают препятствия для исполнения приговора или мер процессуального принуждения.

В то же время в судебной практике определение признаков субъекта анализируемых преступлений вызывает некоторые сложности, в результате нередко лица, совершившие преступления, посягающие на нормальное функционирование органов и учреждений, реализующих лишение свободы, арест, содержание под стражей, не привлекаются к уголовной ответственности и несут лишь дисциплинарную ответственность. Кроме того, в теории и судебной практике существуют дискуссионные вопросы, связанные с определением признаков специального субъекта анализируемых преступлений и их законодательным закреплением.

Субъектом побега из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи могут быть вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, осужденное к наказанию в виде лишения свободы; лицо, отбывающее наказание в виде ареста, а также лицо, в отношении которого в порядке меры пресечения избрано заключение под стражу.

Изучив диспозицию ч. 2 ст. 314 УК РФ можно сделать вывод о том, что субъектом данного преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, осужденное к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы исправительного учреждения либо предоставлена отсрочка исполнения приговора или отбывания наказания.

Проанализировав определения субъектов преступлений, предусмотренных ст. 313 и ч. 2 ст. 314 УК РФ, можно сделать вывод, что признаки субъектов рассматриваемых преступлений имеют общие черты. Кроме того, в судебной практике при квалификации преступлений по ст. 313 и ч. 2 ст. 314 УК РФ возникает дискуссионный вопрос о том, какую из этих норм следует применить. Одной из часто встречающихся ошибок при квалификации анализируемых преступлений является неправильное соотношение этих норм.

Об этом свидетельствует изученная нами судебная практика. Так, приговором мирового судьи судебного участка № 3 Тагилстроевского района г. Нижнего Тагила от 14.12. 2004 Т. признан виновным в том, что, отбывая наказание в колонии-поселении при учреждении УИК-349/13, имея умысел на совершение побега, проигнорировав требования оперативного дежурного, не вернулся в установленный срок в распоряжение колонии, а самовольно выехал в г. Екатеринбург, где был задержан, и осужден по ч. 1 ст. 313 УК РФ.

В надзорной жалобе осужденный Т. выразил просьбу о переквалификации его действий на ст. 314 УК РФ, ссылаясь на то, что побега из колонии не совершал, а ушел в город по разрешению оперативного дежурного, но затем покинул г. Нижний Тагил и выехал в г. Екатеринбург.

Проверив материалы дела и обсудив доводы надзорной жалобы, Президиум Свердловского областного суда пришел к выводу, что приговор подлежит измене-

нию на основании п. 2 ст. 382 УПК РФ, поскольку под побегом из мест лишения свободы понимается незаконное оставление осужденным места лишения свободы, а Т. соответствующим должностным лицом был разрешен выезд за границы административного района колонии-поселения, но осужденный в предписанное время не вернулся, то есть его действия подлежат переквалификации с ч. 1 ст. 313 на ст. 314 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за совершение уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы.¹

По данным исследования Б.Н. Ботоева, в 3% изученных уголовных дел деяние содержало признаки преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, тогда как применялась ч. 2 ст. 314 УК РФ.²

Следовательно, при квалификации рассматриваемых преступлений уклонение от отбывания лишения свободы необходимо отличать от побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи.

В данном случае необходимо проводить разграничение между анализируемыми преступлениями по субъекту, поскольку ст. 313 УК РФ содержит более широкий перечень признаков субъекта преступления, в отличие от ч. 2 ст. 314 УК РФ. Так, субъектом преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, отбывающее наказание в виде лишения свободы, независимо от вида учреждения, в котором оно находится, либо в виде ареста, а также лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, содержащееся под стражей, а субъектом уклонения от отбывания лишения свободы является лишь лицо, осужденное к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы исправительного учреждения, своевременно не вернувшееся в место лишения свободы без уважительных причин, либо которому предоставлена отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что при определении признаков субъекта уклонения от отбывания лишения свободы необходимо отграничивать их от признаков субъекта

побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи.

Кроме того, при установлении признаков субъекта преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314 УК РФ, необходимо учитывать, что в случае непредвиденных обстоятельств, способных помешать осужденному вовремя возвратиться в место лишения свободы (например, болезнь, стихийные бедствия либо другие уважительные причины), какая-либо ответственность исключается.

Это находит подтверждение в уголовно-исполнительном законодательстве, в соответствии с которым по постановлению начальника органа внутренних дел по месту пребывания осужденного срок возвращения в исправительное учреждение может быть продлен до пяти суток с обязательным срочным уведомлением об этом исправительного учреждения в случае возникновения непредвиденных обстоятельств, затрудняющих обратный выезд осужденного в срок (ч. 9 ст. 97 УИК РФ).

Объективными причинами на практике признаются: опоздание поезда, самолета или автобуса; невозможность приобретения билета; болезнь осужденного, метеоусловия, препятствующие возвращению осужденного в срок, смерть близкого родственника осужденного, в связи с болезнью которого ему разрешен краткосрочный выезд, и др.

Большинство исследователей справедливо указывают, что если осужденный прибыл в исправительное учреждение, нарушив без уважительной причины установленный срок, то такие действия следует рассматривать как дисциплинар-

ный проступок, за совершение которого может последовать ответственность, предусмотренная ст. 115 УИК РФ.³

Таким образом, можно сделать вывод, что несвоевременное возвращение осужденного в исправительное учреждение без объективных причин необходимо рассматривать как дисциплинарный проступок, а невозвращение лица, которому разрешен выезд за пределы мест лишения свободы, с целью уклонения от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы — как совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314 УК РФ.

В результате определения субъектов преступлений, предусмотренных ст. 313 и ч. 2 ст. 314 УК РФ, приходим к выводу, что признаки субъектов рассматриваемых преступлений имеют общие черты. Следовательно, при установлении признаков субъекта преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314 УК РФ, необходимо отграничивать их от признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ.

¹ Постановление Президиума Свердловского областного суда от 17.01.2007, дело № 44-У-45/2007 // Российский юридический журнал. 2008. № 3. С. 155-156.

² Ботоев Б.Н. Уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы: характеристика, ответственность : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. С. 110.

³ См.: Друзин А.И. Вопросы совершенствования закона об ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Тольятти, 2003. Вып. 32. С. 101; Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. М., 2005. С. 316; Чучаев А.И. Преступления против правосудия. Ульяновск, 1997. С. 72.

Федорова Е.А.,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

На фоне активизации борьбы с коррупцией в Российской Федерации уголовное законодательство за последние несколько лет претерпело значимые изменения. Наряду с увеличением количества составов преступлений коррупцион-

ной направленности, существенно изменились и уголовно-правовые характеристики коррупционных преступлений.

Сегодня национальная антикоррупционная политика направлена на дифференциацию уголовной ответственности за

коррупционные преступления, например, как отдельное направление выделено противодействие бытовой коррупции. В целях противодействия коррупции на низовом уровне выделены в отдельные составы преступления: мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество (ст. 291.2, 204.2 УК РФ соответственно), где размер взятки и предмета коммерческого подкупа не превышают десяти тысяч рублей. По мнению сторонников данной законодательной инициативы, это должно способствовать концентрации внимания правоохранительных органов на выявлении и расследовании получения, дачи взятки в крупных размерах (значительном, крупном, особо крупном), представляющих большую общественную опасность. На деле получается так, что в настоящее время составы преступления, предусмотренные ст. 291.2, 204.2 УК РФ, целенаправленно правоохранительными органами не выявляются, а установление фактов мелкого взяточничества и коммерческого подкупа носит случайный характер и значительная их часть остается безнаказанными.

Последние изменения (Федеральный закон от 03.07.2016 №324-ФЗ), внесенные в ст. 290 УК РФ («Получение взятки»), расширили основания уголовной ответственности случаев передачи взятки по указанию должностного лица иному физическому или юридическому лицу, чем привели в ступор и правоприменителя, и научную общественность. По данной новелле в юридической прессе уже выразили мнение ведущие специалисты, однако единого подхода в озвученных мнениях не наблюдается. Следует согласиться с мнением тех ученых¹, которые считают, что новое положение в уголовно-правовой норме перечеркивает разъяснения, данные в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24: «Если за совершение должностным лицом действий (бездействия) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифициро-

вано как получение взятки (например, принятие руководителем государственного или муниципального учреждения спонсорской помощи для обеспечения деятельности данного учреждения за совершение им действий по службе в пользу лиц, оказавших такую помощь)»², и не стоит их увязывать между собой. Теперь данные действия должностного лица не могут быть квалифицированы как злоупотребление либо превышение должностных полномочий, а охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ – получение взятки.

Еще одно новшество, связанное с дифференциацией уголовной ответственности, может привести к снижению эффективности противодействия коррупции, когда законодатель, выделив посредничество во взяточничестве и коммерческом подкупе (ст. 291.1, 204.1 УК РФ) в качестве самостоятельных преступлений, ограничил возможности правоприменителя в противодействии пособничеству во взяточничестве. Во-первых, это связано с наличием конструктивного признака в указанных составах – значительный размер взятки или предмета коммерческого подкупа (не менее 25 000 рублей). Во-вторых, правоприменитель фактически сам отказался использовать институт пособничества во взяточничестве, то есть привлекать к уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве в меньших размерах, в рамках института соучастия по п. 5 ст. 33 ч. 1 ст. 290 или ст. 291.2 УК РФ.

Традиционно актуальным для правоприменительной практики остается вопрос о минимальном размере взятки или предмете коммерческого подкупа, а также о том, как учесть малозначительность деяния при совершении таких преступлений. Это вызывает существенные затруднения в деятельности правоприменителя и чаще всего здесь наблюдается позиция «избегания» или «ухода» от проблемы. В теории уголовного права наиболее обоснованным представляется подход по данному вопросу, когда о малозначительности деяния могут свидетельствовать только непреднамеренные действия должностного лица по получению взятки-благодарности (обычного подарка) в размере, не превышающем 3 тыс. рублей

(ст. 575 ГК РФ «Запрещение дарения»). Все остальные случаи взятки-подкупа до 3 тыс. рублей должны квалифицироваться по ст. 291.2 УК РФ – мелкое взяточничество, а в случаях, если действия должностного лица связаны с вымогательством или совершением незаконных действий, ни о каком минимальном размере взятки или малозначительности деяния не может быть и речи.³

Взаимосвязанным вопросом с определением размера взятки является проблема денежной оценки предметов, ограниченных в обороте, незаконного оказания услуг имущественного характера, выступающих предметом взятки или коммерческого подкупа. К сожалению, в уголовном законодательстве и других нормативно-правовых актах не содержится установлений, определяющих порядок денежной оценки указанных предметов. В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 разъясняется, что «переданное в качестве взятки и предмета коммерческого подкупа имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения эксперта». Однако данное положение не всегда позволяет провести полноценную денежную оценку (в том числе экспертом) стоимости указанных предметов

из-за отсутствия официальной информации об их цене. В отдельных случаях, например, когда взяткой является незаконное оказание услуг, следует исходить из фактической цены услуги, оплаченной взяткодателем.

Таким образом, обозначенные вопросы требуют тщательного изучения еще формирующейся правоприменительной практики по делам о взяточничестве, выяснение наиболее актуальных трудноразрешимых вопросов и последующее изменение и дополнение не столько постановления Пленума Верховного Суда РФ по данной категории дел, сколько корректных уточнений в уголовное законодательства и другие нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы гражданского оборота имущества и имущественных прав, а также вопросы денежной оценки, не включенных в него материальных ценностей и благ.

¹ Яни П.С. Взяточничество: споры о содержании новелл уголовного закона и позиции Верховного Суда / П.С. Яни // Законность, 2017. №1. С. 33-35.

² О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 // СПС КонсультантПлюс.

³ Шарапов Р.Д. Малозначительность взяточничества // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 70-80.

Кузнецова Н.В.

Вологодский институт права и экономики
ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОНТРАБАНДЕ МИГРАНТОВ В ОТДЕЛЬНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Организованные формы незаконной миграции являются одним из направлений деятельности преступных групп. Организация незаконной миграции путем контрабандного перемещения людей через границы занимает третье место по количеству получаемой прибыли, уступая только незаконному обороту наркотиков и оружия. Ежегодный доход оценивается специалистами в 12 млрд. долларов США.¹

Нелегальная миграция обостряет проблемы социальной, культурной, религиозной адаптации. Способствует росту насильственной и корыстной преступности, торговле наркотиками, отмыванию преступных доходов, поддерживает спрос на фальшивые документы. Из-за неконтролируемого объема нелегальной миграции отсутствуют достоверные сведения о количестве мигрантов и масштабах проблемы.

В системе правового обеспечения деятельности по противодействию контрабанде мигрантов особое место занимают положения национального уголовного законодательства.

Анализируя уголовное законодательство отдельных европейских стран, следует отметить разную степень криминализации рассматриваемого деяния. Однако в большинстве государств организация и участие в перемещении мигрантов относится к преступлениям. Например, в таких странах, как Греция и Италия, перевозчики мигрантов получают от 8 (Италия) до 25 лет (Греция) тюремного заключения.²

Согласно бельгийскому Закону об иммиграции преследованию подвергаются лица, занимающиеся контрабандой мигрантов на постоянной основе. Наказание увеличивается за создание организованной группы (от 10 до 15 лет лишения свободы и штраф).³

Борьба с контрабандой мигрантов последовательно осуществляется в Венгрии. Данное государство, как Греция и Македония, ужесточило санкции статьи за контрабанду незаконных мигрантов. Преступлением считается уже подготовка и карается лишением свободы сроком до 2 лет. Такое же наказание предусмотрено за содействие другому лицу в пересечении государственной границы в нарушение соответствующих законодательных положений. Квалифицированный состав имеет место, если контрабанда мигрантов осуществляется с целью получения финансовой или иной материальной выгоды либо сопряжена с перемещением нескольких лиц. Максимальный размер лишения свободы до 8 лет предусмотрен, если контрабанда мигрантов осуществляется в профессиональных масштабах, в преступном сговоре с сообщником. В качестве отягчающих контрабанду обстоятельств в диспозиции статьи также перечислено применение пыток в отношении переправляемого лица, угроза применения и применение оружия (ст. 253 УК Венгрии). На наш взгляд, данные отягчающие обстоятельства ужесточают уголовную ответственность не столько за контрабанду мигрантов (обычно перемещение осуществляется на добровольной

основе), сколько против незаконного перемещения лиц, сопряженного с торговлей людьми. Помимо контрабанды мигрантов, в Венгрии криминализировано содействие незаконному проживанию на территории любой страны – члена ЕС или государства, являющегося стороной Соглашения о Европейском экономическом союзе (ст. 354 УК Венгрии). Санкцией статьи предусмотрено наказание в виде лишения свободы до 2 лет с условием, что эти деяния не привели к совершению более тяжкого уголовного преступления.

В Германии вопросы предотвращения и борьбы с контрабандой мигрантов регулируются Законом о жительстве. Непосредственно контрабанде мигрантов с корыстной целью и в составе организованной группы посвящен раздел 97 Закона. Так, лицо подлежит уголовному наказанию, если оно получит финансовую выгоду или ее обещание, или совершает данное преступление неоднократно, либо на профессиональной основе, в качестве члена банды, которая объединилась для дальнейшего совершения таких действий, с использованием огнестрельного или иного оружия. Если из-за риска быть разоблаченным осуществляет перемещение людей в бесчеловечных, унижающих достоинство условиях, в том числе угрожающих жизни и здоровью. В зависимости от наличия того или иного признака предусматривается наказание в виде лишения свободы сроком от 6 месяцев до 10 лет. К уголовно наказуемым деяниям относится также попытка совершения рассматриваемого преступления. В качестве наказания предусмотрено лишение свободы сроком от 3 месяцев до 5 лет. За подстрекательство либо предоставление помощи налагается штраф. В отдельных случаях возможна конфискация имущества или извлеченной выгоды.⁴

После вхождения в ЕС Польша стала объектом особого интереса со стороны международных преступных групп в качестве транзитного пункта на пути в другие страны Европы, что потребовало ужесточения уголовной ответственности за организацию противозаконного перемещения мигрантов через ее границы. За совершение данного преступления уста-

новлено наказание в виде лишения свободы сроком от 6 месяцев до 8 лет (раньше срок наказания исчислялся в пределах от 3 месяцев до 5 лет). Законодатель дифференцировал наказание исходя из организованного характера контрабандного перемещения лиц, но не включил в квалифицирующие признаки деяния корыстный мотив (§ 3 ст. 264 УК Республики Польша⁵).

Наиболее либеральным является законодательство Дании. У государства нет наземных внешних границ, поэтому значительное число нелегальных мигрантов прибывают через международный аэропорт. За умышленные действия, способствующие незаконному въезду или транзитному перемещению иностранцев, предусмотрена уголовная ответственность в виде лишения свободы сроком до 2 лет.⁶

В ст. 340 Уголовного кодекса Чехии⁷ предусматривается наказание в виде лишения свободы сроком до 2 лет или запрещением деятельности за организацию незаконного пересечения государственной границы другим лицом, содействие или обеспечения такого перемещения.

Квалифицирующими признаками являются совершение преступления в качестве члена организованной группы, с унижением или бесчеловечным воздействием на другое лицо, повторность, совершение деяния за вознаграждение, сокрытие и содействие в совершении другого преступления. При наличии указанных признаков срок лишения свободы увеличивается от 6 месяцев до 5 лет, предусмотрена конфискация имущества или денежный штраф. При наличии особо квалифицирующих признаков, таких как совершение деяния в качестве члена организованной группы, при возникновении риска гибели лица, нанесения тяжких телесных повреждений, получении значительной выгоды, с применением оружия, совершения преступления в условиях чрезвычайного или военного положения, деяние наказывается лишением свободы сроком от 2 до 8 лет или конфискацией имущества. Назначение максимального наказания (до 15 лет с конфискацией имущества) связано с гибелью человека, причинением тяжких телесных повреж-

дений двум и более лицам, получением выгоды для себя или третьих лиц в особо крупном размере, совершением преступления военнослужащим в условиях чрезвычайного или военного положения. Уголовная ответственность наступает и за совершение подготовительных действий.

В соответствии с Законом Швеции об иностранцах умышленное содействие в незаконном въезде в Швецию или пересечении границ стран ЕС, Исландии, Норвегии или Швейцарии квалифицируется как контрабанда мигрантов. Наказание зависит от категории совершенного деяния. Если оно является незначительным, то наказывается штрафом или лишением свободы сроком от 6 месяцев до 2 лет. При наличии обстоятельств, позволяющих квалифицировать контрабанду мигрантов как серьезную, предусмотрено лишение свободы сроком от 6 месяцев до 6 лет. К числу отягчающих обстоятельств законодатель относит совершение контрабанды за вознаграждение, если она имеет опасную форму или является организованной деятельностью с вовлечением большого числа лиц.⁸

Таким образом, анализ уголовного законодательства некоторых зарубежных стран показал, что противодействие контрабанде мигрантов неразрывно связано с проблемами обеспечения безопасности и контроля миграционных процессов, происходящих в европейских государствах. Стратегически важным направлением является недопущение контрабанды мигрантов в организованных формах.

В уголовном законодательстве некоторых европейских государств имеет место широкий разброс оценки законодателем степени общественной опасности контрабанды мигрантов. Максимальное наказание в виде лишения свободы предусмотрены в Греции, Италии (до 25 лет), в Чехии (до 15 лет). В остальных странах не превышает 10 лет лишения свободы. Несмотря на ратификацию Конвенции и Протокола к ней, рассмотренные государства не в полной мере криминализировали деяния, связанные с организацией контрабанды мигрантов и сопутствующих ей обстоятельств. Наиболее последовательной представляется систе-

ма уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за контрабанду мигрантов, в Бельгии, Венгрии, Чехии, Швеции.

¹ Самойлюк Н.В. Уголовно-правовая характеристика организации незаконной миграции // Миграционное право. 2009. № 4. С. 7-11.

² URL: <http://postskriptum.org/2015/10/29/bulgaria/2/> (дата обращения: 16.10.2017).

³ Пособие для специалистов в сфере уголовного правосудия по борьбе с торговлей людьми. URL: http://sartraccc.ru/Traffic/court_pract/0011/module6.pdf (дата обращения: 10.10.2017).

⁴ Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern

im Bundesgebiet (Aufenthaltsgesetz - AufenthG) Inhaltsübersicht. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/aufenthg_2004/_96.htm (дата обращения: 19.10.2017).

⁵ Уголовный кодекс Польской республики. URL: <http://crimpravo.ru/codecs/poland/2.doc> (дата обращения: 16.10.2016).

⁶ Обзор ответов на вопросы по незаконному ввозу людей // Восточное партнерство. Панель по миграции. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 16.10.2017).

⁷ Там же.

⁸ Обзор ответов на вопросы по незаконному ввозу людей // Восточное партнерство. Панель по миграции.

Лобанова Л.В.,

доктор юридических наук, профессор

Волгоградский государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УЧАСТИЕ В НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Никто из современных исследователей не сомневается в наличии самой тесной связи между успехами незаконного наркобизнеса и неблагополучной наркоситуацией в мире вообще и в России в частности. Активизации названного сектора теневой экономики, превращению его в одну из самых прибыльных частей последней корреспондируют ужасающие масштабы наркотизма и наркомании в нашей стране, значительное омоложение потребителей наркотиков, вовлечение в незаконный оборот новых, как правило, более опасных форм и видов наркотических средств. Не вселяют оптимизма даже сведения официальной статистики, поскольку таковая указывает на рост абсолютных величин, характеризующих наркопреступность, а равно доли преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в преступности российского общества. Подобная динамика отмечена и по итогам 2017 г. Так, по данным МВД РФ, в январе-декабре названного года выявлены 208,7 тысяч данного рода преступлений, что на 3,7% больше, чем за предыдущий год. При этом следует заметить, что общее количество зарегистрированных в Российской Федерации

преступлений уменьшилось на 4,7% и составило 2058,5 тысяч. Еще в большей степени возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (прирост составляет 8,5%). Подобные общественно опасные деяния образуют сегодня большинство преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (51,5%).¹

На фоне такого рода цифр, а также величин, определяемых на основе экспертных оценок, указывающих на то, что действительное положение в соответствующей области хуже в несколько раз, становится очевидным, что правовая основа противодействия неконтролируемому государством наркобизнесу, незаконному распространению наркотических средств либо их аналогов, несмотря на ее постоянное реформирование, не соответствует требованиям сегодняшнего дня и правоприменительной практики. Действующее уголовное законодательство, в частности, все еще не позволяет в должной мере обеспечить дифференцированный подход к лицам, участвующим в незаконным обороте наркотических средств, оно не предоставляет надежных

стимулов для активного содействия отдельных соучастников правоохранительным органам в разоблачении главных фигур наркобизнеса. В определенной степени это касается и регламентации в УК РФ специальных оснований освобождения от уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств.

Некоторые критические замечания влекут, например, положения примечания 1 к ст. 228 УК РФ. При реализации указанных положений серьезные затруднения у практических работников вызывает установление признака добровольности сдачи виновным предметов преступления, предусмотренного данной статьей, наличие которого обязательно для констатации закрепленного в примечании основания освобождения от уголовной ответственности. Попытка законодателя облегчить правоприменителю решение соответствующей задачи оказалась неудачной. Дополнение примечания указанием на невозможность признания добровольной сдачи названных в ч. 1 ст. 228 УК РФ предметов их изъятие при задержании лица и при производстве следственных действий по обнаружению и изъятию данных предметов, казалось, имело благую цель. Оно было осуществлено с тем, чтобы провести границу между добровольной сдачей наркотиков в уголовно-правовом смысле данного понятия и выдачей таковых перед началом следственного действия, позволяющей отказаться от применения мер процессуального принуждения. Однако результат оказался другим — в тени оставлен основной критерий добровольности поведения — наличие осознаваемой субъектом реальной возможности поступить иначе (в рассмотренной ситуации возможности распорядиться конкретными предметами иным образом). Ведь практика знает немало примеров, когда, несмотря на задержание виновного или осуществление следственных действий, направленных на обнаружение наркотиков, лицо не теряет шанса сохранить данные предметы для себя и, осознавая наличие такого варианта развития событий, тем не менее такой шанс не использует и выдает наркотические средства, психотропные вещества либо их аналоги органам власти (напри-

мер, в процессе производства обыска в определенном месте лицо признается, что наркотические средства хранятся совершенно в другом помещении, у другого лица и т.п.). Не признавать подобное посткриминальное поведение субъекта добровольной сдачей наркотиков было бы несправедливо. Однако буквальное толкование примечания к ст. 228 УК РФ в его действующей редакции побуждает правоприменителя к принятию именно такого решения.

Формулировка упомянутого дополнения примечания способна породить и заблуждение иного рода. Выдача наркотических средств в процессе осуществления следственных действий поискового характера в том случае, если таковые не направлены на обнаружение этих предметов, может быть квалифицирована как добровольная сдача даже тогда, когда субъект выдал наркотики, понимая, что последние непременно будут обнаружены в ходе соответствующего процессуального мероприятия.

Вполне закономерными в свете сказанного представляются критические высказывания относительно анализируемого примечания, встречающиеся в научной литературе. Формулируемые при этом предложения различны по содержанию: от рекомендаций исключить из примечания к ст. 228 УК РФ указания на какие-либо «обстоятельства, исключающие добровольную сдачу» до предложения допустить возможность применения рассматриваемого вида освобождения и при отсутствии добровольной сдачи, когда таковая невозможна.² Реализация первого из приведенных предложений вряд ли обеспечила бы решение освещаемой проблемы, поскольку последняя существовала и до внесения в примечание к ст. 228 УК РФ охарактеризованных изменений. Что же касается второй рекомендации, то она, на наш взгляд, не учитывает целевого назначения закрепления в уголовном законе анализируемого специального основания освобождения от уголовной ответственности. Принимая во внимание специфику преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, законодатель, судя по всему, стремился посредством такого правотворческого решения не только стимулировать виновных к активному содействию право-

охранительным органам в раскрытии или пресечении подобных преступлений, но и гарантировать изъятие из оборота незаконно находящихся в нем предметов, способных причинить вред здоровью человека, а следовательно, и обеспечить выход лица из преступного состояния, прекращение длящегося преступления. В самом деле, смыслу уголовного закона явно противоречило бы освобождение от уголовной ответственности лица, продолжающего совершать преступление. По этим причинам было опрометчиво вообще отказаться от указания в примечании к ст. 228 УК РФ в качестве условия освобождения лица от уголовной ответственности на сдачу субъектом предметов совершенного им преступления. Вместе с тем требование добровольности данного действия при наличии другого условия освобождения – активного содействия раскрытию или пресечению соответствующего рода преступлений – представляется излишним. При подобных обстоятельствах, свидетельствующих о позитивном посткриминальном поведении виновного, о его определенных заслугах перед правоохранительными органами не столь уж принципиальным является тот факт, что лицо выдало наркотические средства, осознавая невозможность обеспечения их сохранности. Ведь и такого рода выдача (добровольная в процессуальном смысле) играет положительную роль – она экономит время и силы участников процессуальной деятельности, исключает имущественные потери, возможные при производстве поисковых мероприятий.

По приведенным соображениям характеризуемое условие освобождения от уголовной ответственности целесообразно было бы описать в примечании к ст. 228 УК РФ следующим образом: «...добровольно или по предложению органов власти сдавшее...».

Несколько затрудняет правильное восприятие смысла анализируемого примечания также перечисление в законе отдельных форм помощи правоохранительным органам в раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. В конкретной ситуации может и не возникнуть необходимости в изобличении других участников

подобных преступлений, скажем, ввиду их отсутствия, или потребности в содействии обнаружению имущества, полученного преступным путем. Однако не исключено, к сожалению, такое прочтение примечания, при котором отсутствие одной из указанных здесь форм содействия правосудию будет оценено как препятствие для реализации основания освобождения от уголовной ответственности. Ведь сходные ошибки допускаются при толковании п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Так, по одному из уголовных дел Верховный Суд РФ вынужден был обратить внимание на то, что «само по себе активное способствование раскрытию преступления является достаточным для применения положений п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Изобличение других соучастников преступления и помощь в розыске имущества, добытого в результате преступления, – это формы способствования виновным раскрытию преступления»³. Думается, что законодателю при регламентации названного условия освобождения от уголовной ответственности за участие в незаконном обороте наркотических средств следовало бы ограничиться употреблением в примечании данного родового понятия, не прибегая к перечислению отдельных вариантов помощи правоохранительным органам. Необходимость же осуществления этой помощи в той или иной форме должна определяться с учетом конкретных обстоятельств дела.

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987/> (дата обращения: 27.02.2018).

² См., напр.: Любавина М.А. О некоторых направлениях совершенствования законодательства об уголовной ответственности за преступления, связанные с наркотическими средствами и психотропными веществами // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 7. С. 333; Киреева И.Л. Правовые основы борьбы с незаконным оборотом наркотиков (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 10; Суркова О.Г. Добровольная сдача предметов, находящихся в незаконном владении лица, совершившего преступление, и ее уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С.13.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 4. С. 20-21.

Назаров А.Д.,

доктор юридических наук, доцент

Юридический институт Сибирского
федерального университета (г. Красноярск)

Трофимик А.Г.

Юридический институт Сибирского
федерального университета (г. Красноярск)

Абдулкерим Фахил

Юридический институт Сибирского
федерального университета (г. Красноярск)

УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА О НАРКОТИКАХ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВАХ В РОССИИ И ИРАКЕ: ЛЕЧЕНИЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВА НАКАЗАНИЮ

Россия, конституционно позиционирующая себя социальным государством¹, стремится к всестороннему обеспечению минимального стандарта общего блага для своих граждан в различных сферах жизни общества. Это выражается в том числе в либерализации уголовного законодательства, а также в изменении подходов к отдельным видам преступлений с учетом международного опыта.² В частности, на новую тенденцию в области преступлений, связанных с оборотом наркотических и психотропных средств, указывают Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ³, и Федеральный закон от 25.11.2013 № 313-ФЗ, которые ввели ст. 82.1 и ст. 72.1 УК РФ. Лечение, которое предлагает законодатель, выступает одним из социально значимых механизмов предупреждения преступлений лиц, больных наркоманией.⁴

Так, в силу ч. 1 ст. 82.1 УК РФ осужденному, которому впервые назначено наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений ..., признанному больным наркоманией и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации, но не более чем на пять лет.

Не вдаваясь в дискуссию относительно тех составов (ч. 1 ст. 228 УК РФ,

ч. 1 ст. 231 УК РФ и ст. 233 УК РФ), для которых законодатель предусмотрел возможность применения законоположений 82.1 УК РФ, уже можно говорить о том, что практика показала невысокую эффективность новых элементов правового регулирования. В настоящий момент это повсеместно обсуждается в научной литературе.⁵ Многие осужденные делают выбор в пользу наказания, нежели лечения.⁶ Вероятно, причина этого кроется в том, что лечение может затянуться на срок, превышающий максимальную санкцию по названным составам.

В дополнение к сказанному можно привести неутешительную статистику: ремиссия у больных наступает лишь в 10-20% случаев.⁷ Кроме этого в настоящий момент в России отсутствуют унифицированные стандарты реабилитации, а эффективность методов и средств лечения наркозависимых не слишком высока.

Некоторые проблемы правоприменения связаны и со ст. 72.1 УК РФ, в соответствии с которой при назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. В частности, применение законоположений ст. 72.1 УК РФ на

практике, к сожалению, сопряжено с теми случаями, когда назначается наказание в виде лишения свободы⁸, что не позволяет в полной мере реализовать заложенный в статье потенциал социально значимого инструмента предупреждения преступлений лиц, больных наркоманией.

В связи с обозначенными проблемами имеет смысл обратить внимание на опыт иных правовых порядков. Примечателен в этой связи пример правового регулирования Ирака, где законодатель также избрал либеральный путь противодействию преступлениям в сфере оборота наркотиков и психотропных веществ.

Основой правового регулирования является Закон № 50 2017 года «О наркотических средствах и психотропных веществах Ирака»⁹, который, как и его предшественники (Закон о наркотиках № 68 1965 года), в целом не содержит общего запрета на наркотики или наркотические средства. Статья 1 Закона «О наркотических средствах и психотропных веществах Ирака» содержит отсылочную норму, которая определяет, что наркотики (наркотические средства) – это любое натуральное или синтетическое вещество из прилагаемых к настоящему закону списков наркотических веществ (I, II, III и IV), утвержденных Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года и ее поправками¹⁰, абз. 2 ст. 1 расширяет перечень наркотических средств в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций о психотропных веществах 1971 года¹¹.

Употребление любого наркотического средства из приведенных перечней в Ираке криминализовано. В силу ранее действовавшего закона (ст. 14) было предусмотрено суровое наказание в виде лишения свободы на срок не более 15 лет и не менее 3 трех лет тюремного заключения и штрафа в размере не более 1000 динаров и не менее 500 динаров. Более того, если осужденный является членом иракских вооруженных сил или работает с ними или в их интересах, законом предусматривалось лишение свободы (тюремное заключение) на срок не менее 10 лет с наложением штрафа в размере не более 2000 динаров. Квалифицированный состав для членов вооруженных сил предусматривал санкцию в виде смертной казни, если пре-

ступление было совершено во время боевых действий («борьбы с врагом»).

Современный иракский закон содержит множество составов преступлений, связанных с приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением, переработкой и употреблением наркотических средств. При этом наказание за употребление наркотических средств равнозначно «торговле, производству, ввозу и хранению» и составляет «не менее 3 лет с наложением штрафа в размере не менее 5 миллионов и не более 10 миллионов динаров».

Но, как уже отмечалось, наибольший интерес представляют именно особенности правового регулирования, предусматривающие *лечение как альтернативу наказанию*.

Глава IX Закона «О наркотических средствах и психотропных веществах Ирака» содержит комплекс мер по лечению наркозависимых, а также специальные правовые возможности, позволяющие в полной мере использовать медицинские меры и, более того, избавить лицо от уголовной ответственности в целом. Во-первых, суд *вправе* направить лицо, страдающее наркоманией, в одно из медицинских учреждений, созданных для этой цели, до тех пор, пока комитет, занимающийся рассмотрением дела заявителя, не представит отчет об удовлетворительном состоянии этого лица в суд для решения вопроса об его освобождении или продолжении содержания.

Примечательными являются законоположения ст. 40 Закона «О наркотических средствах и психотропных веществах Ирака», не имеющие аналогов в России. В соответствии с названной статьей судам *запрещается по собственной инициативе возбуждать уголовное дело против лиц, употребляющих наркотики или психотропные вещества*, и назначать им наказание и (или) принудительное лечение. Лицо, страдающее наркоманией, может пройти полный курс лечения (вплоть до 180 дней) в медицинском учреждении и получить освобождение от уголовной ответственности и наказания. Исключение составляют лишь те случаи, когда больной не выполняет программу лечения медицинского учреждения. Тогда суд имеет право на возбуждение против него уголовного дела согласно ст. 33 Закона № 50.

Так иракский законодатель создал благоприятные правовые условия для реализации наркозависимыми возможности освобождения от уголовной ответственности и наказания и замены их медицинским воздействием, лечением.

Рассмотренный пример актуален для России. Новый иракский закон применил по существу радикальный в правовом смысле и в то же время лояльный к личности подход к борьбе с феноменом наркомании: закон встал на сторону превенции, тем самым *сделав лечение, реальной альтернативой наказанию*. Такое направление развития правового регулирования должно стать ориентиром в том числе и для Российской Федерации, где проблема уголовных дел о наркотиках и психотропных веществах стоит крайне остро.

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4395.

² Звонов А.В. Влияние зарубежного законодательства на формирование института отсрочки отбывания наказания больным наркоманией в России. URL: <http://www.consultant.ru>; Масленникова И.А. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: формирование уголовной политики в сфере контроля над оборотом наркотиков // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 4. С. 105.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Дробышева В.В. Предупреждение преступлений лиц, больных наркоманией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2012.

⁵ Готчина Л.В. Дискуссионные аспекты назначения наказания больным наркоманией при применении к ним отсрочки отбывания наказания // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 143; Босак Е.Е. О некоторых проблемах отсрочки отбывания наказания лицу, признанному больным наркоманией // Актуальные проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний : сборник материалов международной научно-практ. конф. Псков, 2015. С. 19; Жевлаков Э.Н. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией. URL: <http://www.consultant.ru>; Буркина О.А., Кузнецов А.И. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: проблемы применения. URL: <http://www.consultant.ru>.

⁶ Откидач А.О. О правоприменительной практике по ст. 82.1 УК РФ // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 32-33.

⁷ Смеленко Э.М. Пробелы законодательной регламентации отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ) и пути их преодоления // Российский следователь. 2012. № 21. С. 13-15.

⁸ Готчина Л.В. Указ. соч. С. 143.

⁹ . (Иракский закон о наркотических средствах и психотропных веществах № 50 от 2017 года (на Арабском). URL: <http://ar.parliament.iq>.

¹⁰ The International Drug Control Conventions, schedules of the Single Convention on Narcotic Drugs of 1961 as amended by the 1972 Protocol, as at 22 April 2017. URL: <http://undocs.org/en/ST/CND/1/Add.1/Rev.3>.

¹¹ The International Drug Control Conventions, schedules of the Convention on Psychotropic Substances of 1971, as at 18 October 2017. URL: <http://undocs.org/en/ST/CND/1/Add.2/Rev.3>.

Витовская Е.С.

Кузбасский институт ФСИН России
(г. Новокузнецк)

НОРМЫ С «ДВОЙНОЙ ПРЕВЕНЦИЕЙ» В СИСТЕМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ

Актуальность темы исследования обоснована тем, что преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов занимают значительное место в структуре российской преступности. По данным Министерства внутренних дел

России, в 2013 г. были зарегистрированы 231500 таких преступлений, в 2014 г. — 254700, в 2015 г. — 236900, в 2016 г. — 201200, в 2017 г. (январь-ноябрь) — 194800. И это без учета латентной преступности, которая в сфере нелегального наркооборота чрезвычайно высока. Чис-

ленность осужденных прямо зависит от этих показателей. За последние годы число лиц, отбывающих наказание за наркопреступления, остается стабильным. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2013 г. за совершение преступлений в сфере незаконного наркооборота были осуждены 137913 человек, в 2014 г. – 123597, в 2015 г. – 122694, в 2016 г. – 111 289, в 2017 г. (1 полугодие) – 53298. По-прежнему высоким остается уровень назначенного условного осуждения за наркопреступления. Так, в 2013 г. количество лиц, которым назначено наказание в виде лишения свободы условно, составило 46998 человек, в 2014 г. – 46 300, в 2015 г. – 41 295, в 2016 г. – 37999, в 2017 г. (1 полугодие) – 17666.

Приведенные показатели приводят не только к мысли о повышенной общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, но и о том, что наркопреступления могут представлять угрозу национальной безопасности государства.

Поскольку проблема распространения наркотизма сложна и многоаспектна, ее нельзя решить, не исследовав специфику уголовно-правовых средств предупреждения преступлений наркотической направленности. При этом нельзя обойти вниманием уголовно-правовые нормы с двойной превенцией в системе предупреждения наркопреступности.

Вопросы уголовно-правовых норм с двойной превенцией относятся к числу важнейших направлений научного исследования последних лет. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что в правовой науке не сложилось до сих пор общепризнанного понятия рассматриваемой категории. Есть мнение, что уголовно-правовые нормы с двойной превенцией представляют собой «нормы, устанавливающие уголовную ответственность за общественно опасные деяния, которые обуславливают последующее совершение других преступлений»¹, «нормы уголовно-правового характера, которые предусматривают негативные последствия за совершение уголовно наказуемого дея-

ния, а также способствуют предупреждению иных аналогичных или более тяжких преступлений посредством превентивного воздействия»², главное назначение которых «направлено на предупреждение другого, нередко более опасного преступления, относительно которого описанное в такой норме преступление создает благоприятные условия, является как бы подготовкой его совершения»³. Общим для приведенных позиций является то, что в нормах с двойной превенцией заключен профилактический потенциал, который направлен на выявление и устранение причин, предопределяющих преступную деятельность, а также и замену обстановки, которая ориентирована на правомерное поведение. Спорным моментом дискуссии по вопросу уголовно-правовых норм с двойной превенцией является то обстоятельство, что одни ученые отмечают важность превентивного воздействия на предупреждение как тех преступных деяний, за которые предусмотрена ответственность такими нормами, так и более тяжких преступлений; другие авторы указывают на то, что превентивное воздействие проявляется в предупреждении и менее тяжких преступлений. Не вдаваясь в подробности острой дискуссии по данному вопросу, выскажем свое мнение на этот счет. Превентивное воздействие уголовно-правовых норм с двойной превенцией выражается в предупреждении как тяжких, так и менее тяжких преступлений.

Правовая природа уголовно-правовых норм с двойной превенцией коррелирует с классификационной моделью видов общественной опасности наркопреступлений, основанной на характере и степени общественной опасности. Выделяется общая, прецедентная и специальная (простая и прогрессирующая) общественная опасность. Указанные виды общественной опасности раскрываются также посредством общего и частного предупреждения преступлений. Общая общественная опасность наркопреступлений связана с общим предупреждением преступлений и заключается в самом факте существования группы норм в гл. 25 УК РФ «Преступления против

здоровья населения и общественной нравственности». Общая общественная опасность неотделима от прецедентной опасности, последняя характеризуется нарушениями легального наркооборота, несоблюдением уголовно-правовой нормы и нарушением охраняемых этой нормой общественных отношений, а также формирует негативный пример уголовно-правового поведения в соответствующей сфере. Выделяется специальная опасность, которая бывает простой и прогрессирующей. Простая общественная опасность наркопреступлений направлена на формирование негативной социальной практики и позволяет преступнику получить опыт как преступления как такового, а также совершения конкретного преступления в сфере незаконного наркооборота, направленного на общественные отношения в сфере охраны здоровья населения. Прогрессирующая опасность не ограничивается нарушением правил законного наркооборота, хотя само это нарушение позволяет считать преступление оконченным. Помимо этого нарушение соответствующих правил порождает угрозу причинения вреда ряду других общественных отношений, то есть ее негативный потенциал не исчерпывается одним преступлением, а направлен также на другие общественные отношения, причем зачастую вред может быть более тяжким и опасным. Глубина причинения этого вреда зависит от потенциала опасности и характера исходного наркопреступления.

В ходе анализа вынесенных приговоров за совершение наркопреступлений в Кемеровской области было установлено, что кроме основной квалификации имелась дополнительная. На первое место (50%) поставлены сопутствующие преступления, связанные с наркотиками, на второе (30%) — преступления корыстного характера, на третье (17%) — преступления насильственного характера.

Несомненно, что к антинаркотическим нормам с двойной превенцией относятся все составы наркопреступлений.

Во-первых, привлечение к уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного наркооборота позволяет

предупредить совершение многих преступлений, так как наркопреступления создают криминогенный фон. Значительная доля наркопреступлений совершены лицами, имеющими наркотическую зависимость. Именно вид наркотического средства и продолжительность его потребления влияют на характер противоправных проявлений. Чем опаснее наркотическое средство, тем опаснее наркопреступник. Нарушения закона в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов обуславливают причинение умышленного вреда здоровью, совершение убийств, хищений, вымогательств и других преступлений.

Во-вторых, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов предопределяют совершение других наркопреступлений. Так, преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ («Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества»), обуславливает совершение многих преступлений в сфере незаконного наркооборота, как тяжких, так и небольшой тяжести. Привлечение к уголовной ответственности лиц, употребляющих наркотические средства и совершающих наркопреступления, направленные на получение наркотических средств «для себя», позволяют предотвратить преступления в сфере незаконного наркооборота, связанные со склонением к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов; с организацией либо содержанием притонов для потребления наркотических средств; с незаконным культивированием наркосодержащих растений. Кроме того, наркопотребители заинтересованы в расширении сферы своей противоправной деятельности: за вовлечение в процесс употребления наркотических средств ими предусматривается определенная система поощрения в

виде предоставления дополнительной дозы наркотического средства, что, в свою очередь, способствует расширению деятельности наркосбытчиков.

В заключение хотелось бы отметить, что институт уголовно-правовых норм с двойной превенцией нуждается в глубоком и тщательном изучении как имеющий особую важность в детерминации преступности наркотической направленности. Необходимо прийти к общепринятому определению уголовно-правовых норм с двойной превенцией, закрепленному на законодательном уровне.

¹ Ображиев К.В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией // Проблемы укрепления за-

конности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 170-171.

² Петров А.М., Ямщикова Л.В. Юридический анализ норм с «двойной превенцией» и их значение в предупреждении преступлений террористической направленности // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Международной научно-практической межведомственной конференции 19-20 октября 2016 г., ФКОУ ВО «Воронежский институт ФСИН России. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. С. 473.

³ Цит. по: Чуклина Э. Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией как элемент системного ситуационного предупреждения преступности // Сборник научных трудов Sworld. 2013. Том 32. № 3. С. 39.

Борисова А.Ю.

Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: ИСТОРИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

С каждым годом проблема наркомании и наркобизнеса в России становится все острее, и борьба с ними является одной из первоочередных задач государства. По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, в 2017 году в стране были зарегистрированы более 640 тысяч человек, страдающих наркозависимостью, и более 7 миллионов человек попадали в поле зрения полиции в связи с употреблением наркотических средств. Это только официальные цифры. Фактическое же число потребителей наркотиков, по экспертным оценкам, больше в 5-8 раз.¹

До революции наркомания в России не была распространенным явлением, требующим применения мер уголовно-правового характера. Большое количество наркозависимых впервые появляется в нашей стране в период Первой мировой войны, когда кокаин и морфий медики начинают применять в качестве обезболивающих средств. Указанные обстоятельства дают основания в 1926 году ввести уголовную ответственность за изго-

товление и хранение с целью сбыта и сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения и содержание притонов для сбыта или потребления данных веществ (ст. 104 УК), а в 1934 году – за незаконный посев опийного мака и индийской конопли (ст. 179-а УК).

В 1970-е годы в России отмечается второй всплеск наркомании, когда из-за введения советских войск в Афганистан стали доступными наркотики азиатского происхождения. В 1974 году в УК РСФСР впервые появляется термин «наркотические вещества». Уголовный кодекс теперь наказывает также за хищение и склонение к потреблению наркотических веществ. С 1987 года вводится уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств без цели сбыта (ч. 3 ст. 224 УК) и их незаконный оборот в небольших размерах (ст. 224.3 УК).

После распада СССР, с 1991 года, рост наркомании в России стал устойчивым и постоянным. На первое место по продажам вышли ранее неизвестные, ис-

кусственно созданные синтетические и полусинтетические вещества. В настоящее время уголовная ответственность в данной сфере представлена тринадцатью статьями УК РФ. Предметами преступлений являются не только наркотические средства, но и психотропные вещества (амфетамин, катин, клоназепам и др.), их аналоги и прекурсоры, а также растения, содержащие все указанные вещества, сильнодействующие (хлороформ, хлорэтил и др.), ядовитые (змеиный и пчелиный яды, метиловый спирт, синильная кислота и др.) и новые потенциально опасные психоактивные вещества (так называемые «спайсы» и «соли»).

На фоне растущей наркотизации населения страны за последние два года отмечается значительное снижение выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом указанных веществ. Так, в 2016 году всего зарегистрированы 201165 преступлений данной категории, что по сравнению с 2014 годом меньше на 21,4%. Из них по ст. 228.1 УК РФ (незаконный сбыт) – 99052 преступления, или на 21,5% меньше, чем в 2014 году. На 12% снизилось количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности по делам данной категории.² Огромное количество наркотиков приобретаются и сбываются потребителям в условиях латентности.

Кроме снижения общего числа выявленных преступлений, в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков имеется ряд и иных проблем. Рассмотрим лишь некоторые из них.

1. Неконкретизированность некоторых теоретических положений уголовного законодательства (например, понятия незаконной перевозки наркотических средств). Это создает значительные трудности их применения в практической деятельности. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ 15 июня 2006 г. №14 вопрос об отграничении незаконной перевозки наркотического средства от незаконного его хранения во время поездки «должен решаться судом в каждом конкретном случае с учетом направленности умысла, фактических обстоятельств перевозки, количества, раз-

мера, объема наркотических средств ... места их нахождения, а также других обстоятельств дела». Отсутствие четких критериев оценки на практике приводит к появлению «местной квалификации».

Данная ситуация может быть устранена путем внесения изменений в ст. 228, 228.1 УК РФ и подробными четкими разъяснениями спорной терминологии. Незаконное хранение наркотиков следовало бы расценивать как незаконное владение ими, в том числе для личного потребления – содержание при себе, в помещении, тайнике и других объектах, а также по время поездки на любом виде транспорта или ином перевозочном средстве непосредственно при себе (в руке, одежде, обуви, ручной клади). Ответственность за незаконную перевозку целесообразно включить в диспозицию ст. 228.1 УК РФ без указания цели ее совершения и вне зависимости от размера перевозимого вещества, определив, что под незаконной перевозкой наркотических средств следует понимать их перемещение на любом виде транспорта или ином перевозочном средстве с их сокрытием, но не непосредственно при обвиняемом.

2. Неоднозначная оценка судами совершенных деяний. Так, Видновским городским судом Московской области 6 июня 2013 г. Ч. был осужден по ч. 1 ст. 228 УК РФ. При рассмотрении кассационной жалобы его адвоката Президиум Московского областного суда отменил данный приговор, мотивируя свое решение тем, что, хранящуюся в его доме марихуану Ч. добровольно выдал перед обыском, проводимым по факту убийства, в связи с чем целью данного обыска не являлись поиск и обнаружение наркотиков, а поэтому у Ч. имелась реальная возможность распорядиться марихуаной иным способом. С подобным мнением суда невозможно согласиться, поскольку целью любого обыска является обнаружение и изъятие не только орудий преступления и иных предметов, имеющих отношения к расследуемому уголовному делу, но и в соответствии с ч. 9 ст. 182 УПК РФ – любых предметов, изъятых из оборота, к которым в первую очередь от-

носятся наркотические средства. Также в действиях Ч. отсутствовало второе обязательное условие освобождения от ответственности – активное способствование раскрытию и пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в связи с чем решение о прекращении производства по делу в соответствии с примечанием 1 к ст. 228 УК РФ представляется незаконным и необоснованным.

3. Неурегулированность некоторых теоретических вопросов и невозможность применения на практике положений ст. 234.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконные производство, изготовление, переработку, хранение, перевозку, пересылку, приобретение, ввоз на территорию Российской Федерации и вывоз с территории Российской Федерации в целях сбыта, а равно незаконный сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен. Во-первых, ни уголовное, ни административное законодательство не предусматривает ответственности за совершение указанных действий без цели сбыта, то есть приобретение, хранение и т.д. данных веществ для себя, для собственного употребления. Наказуем лишь сам факт их потребления (ст. 6.9 КоАП РФ). Налицо очевидный пробел в законодательстве. Во-вторых, не разработана подзаконная нормативная база, необходимая для правильного применения положений этой статьи. Говоря о незаконном обороте новых потенциально опасных психоактивных веществ, мы до сих пор не знаем, о чем же конкретно идет речь. В обиходе такие вещества называют «спайсы» или «соли». Согласно ст. 2.2 Федерального закона от 8 января 1998 года №3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» к новым потенциально опасным психоактивным веществам относятся вещества, включенные в соответствующий Реестр. Вопрос о включении конкретного вещества в данный Реестр поручено решать МВД РФ при получении сведений о его потреблении, подтвержденных результатами медицинского освидетельствования непосредственного

потребителя. Ситуация осложняется тем, что лицо, доставленное в медицинское учреждение на освидетельствование, имеет право отказаться от его проведения. В частности, медосвидетельствование предполагает определение у лица наличия и уровня психоактивных веществ в моче и крови, а предоставить данные биологические материалы человек может только добровольно. Законов, предусматривающих принудительное медицинское освидетельствование, в Российской Федерации нет. Данное обстоятельство будет существенно препятствовать выявлению, исследованию и включению в Реестр новых потенциально опасных веществ. Кроме того, проект приказа МВД России «О порядке формирования и содержания Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен», подготовленный 22 марта 2017 года, до настоящего времени не подписан, а значит, работа по формированию Реестра откладывается на неопределенный срок, и ст. 234.1 УК РФ будет оставаться нерабочей все это время. В-третьих, недостаточно продумана формулировка диспозиции ст. 234.1 УК РФ – «незаконные производство, ... веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен». Слова «незаконные» и «запрещен» практически дублируют друг друга. Если оборот запрещен для всех субъектов, то слово «незаконные» является лишним, так как законный оборот по смыслу статьи в России отсутствует. Хотя для ряда государственных органов (Следственного комитета, МВД России, ФСБ России, ФСИН России и т.д.) законный оборот вопреки законодательному запрету все-таки существует, то есть не является незаконным. Так, в рамках законного оборота осуществляется экспертная деятельность того же МВД России с целью исследования указанных веществ для последующего включения их в Реестр или оперативно-разыскная деятельность с целью проведения конкретных оперативно-розыскных по выявлению каналов их поставок и изъятия.

Таким образом, для устранения пробелов действующего уголовного законо-

дательства, ликвидации разночтений уголовно-правовых терминов и оптимизации борьбы с незаконным оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ, необходимо:

1) конкретизировать понятие незаконной перевозки наркотических средств, четко отграничив ее от понятия незаконного хранения наркотиков во время поездки, как было указано выше;

2) приступить к фактическому формированию Реестра новых потенциально опасных веществ;

3) изменить формулировку диспозиции ст. 234.1 УК РФ. С целью устранения плеоназма исключить слова «оборот которых в Российской Федерации запрещен».

¹ МВД РФ, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017.

² Преступность и правонарушения (2012-2016). Статистический сборник. ФКУ ГИАЦ МВД России. Москва. 2017.

Быкова Е.Г.,

кандидат юридических наук

Второй факультет повышения квалификации
Института повышения квалификации Москов-
ской академии Следственного комитета
(г. Екатеринбург)

Яшков С.А.,

кандидат юридических наук, доцент

Второй факультет повышения квалификации
Института повышения квалификации Москов-
ской академии Следственного комитета
(г. Екатеринбург)

К ВОПРОСУ ОБ ОШИБОЧНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ ПЕРЕВОЗКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В России установлен законодательный запрет на потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ.¹ В связи с этим в главе VI Федерального закона от 8 января 1998 г. №3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» предусмотрен комплекс мер, направленных на противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Согласно официальным статистическим данным о состоянии преступности² в 2017 году выявлены более 194 тысяч преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Для успешного их рас-

следования правоприменителям необходимо учитывать различные сложности, которые возникают в процессе правовой оценки содеянного. К примеру, не во всех случаях при квалификации деяния по соответствующей части ст. 228 УК РФ, наряду с незаконным приобретением и хранением наркотического средства или психотропного вещества, обоснованно вменяется их перевозка.

Высшая судебная инстанция разъяснила, что под незаконной перевозкой понимаются умышленные действия лица, которое перемещает без цели сбыта наркотические средства, психотропные вещества из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, совершенные с использованием

любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в виде перевозочного средства, а также в нарушение общего порядка перевозки указанных средств и веществ, установленного ст. 21 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Особое внимание обращается на то, что вопрос о наличии в действиях лица состава преступления – незаконной перевозки без цели сбыта и об отграничении указанного состава преступления от незаконного хранения без цели сбыта наркотического средства, психотропного вещества во время поездки должен решаться в каждом конкретном случае с учетом направленности умысла, фактических обстоятельств перевозки, количества, размера, объема наркотических средств, психотропных веществ, места их нахождения, а также других обстоятельств дела.³

Несмотря на это, в правоприменительной практике допускаются ошибки в квалификации содеянного как перевозки наркотических средств или психотропных веществ.

Так, П. признан виновным и осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, то есть незаконные приобретение, перевозку и хранение без цели сбыта наркотических средств в крупном размере. Приговором установлено, что П. собрал для личного потребления наркотическое средство каннабис (марихуану) массой 19,88 грамма, привез его в город и спрятал. Через несколько дней он забрал спрятанный наркотик для личного потребления. Однако в тот же день указанный наркотик был у него изъят в ходе личного досмотра.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ исключила осуждение П. за незаконную перевозку наркотического средства, указав следующее. Поскольку П. приобрел наркотическое средство путем сбора для личного потребления, то его проезд с наркотическим средством в город по смыслу закона охватывается составом преступления незаконного хранения без цели сбыта наркотического средства в крупном размере.⁴

В другом случае приговором Калининского районного суда г. Чебоксары

Чувашской Республики от 25 июля 2014 года Б. осужден по ч. 1 ст. 228 УК РФ. Он признан виновным в незаконном хранении, перевозке и изготовлении без цели сбыта наркотического средства – смеси, содержащей дезоморфин, 6-дезоксикодейн, кодеин, кофеин и другие компоненты массой 0,1181 грамма, что является значительным размером.

В апелляционном представлении государственный обвинитель, не оспаривая выводы суда о виновности Б., просил приговор изменить, исключив из него признак незаконной перевозки без цели сбыта наркотического средства. Ссылаясь на соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, судебная коллегия приговор изменила, исключив квалифицирующий признак «перевозка наркотического средства», указав следующее. Согласно установленным судом фактическим обстоятельствам дела Б. незаконно изготовил наркотическое средство для личного потребления. Затем он во время поездки в общественном транспорте перемещал его для личного потребления с одной улицы на другую по месту хранения. Следовательно, умысел осужденного был направлен на незаконное хранение наркотического средства для личного потребления при себе во время поездки к месту его хранения. Действия Б. по перемещению наркотического средства во время поездки к месту его хранения полностью охватывались составом преступления – незаконного хранения наркотического средства без цели сбыта в значительном размере.⁵

В приведенных примерах наркотическое средство перевозилось непосредственно к месту его хранения и потребления, которое являлось конечным пунктом. В дальнейшем предмет преступления не перемещался в иное место для последующего хранения.

Как видится, для вменения такого признака, как незаконная перевозка без цели сбыта, наряду с незаконным хранением следует, во-первых, установить, что место, в которое наркотическое средство или психотропное вещество были доставлены, является промежуточным пунктом, и в дальнейшем планировалось их перемещение в иное место с целью после-

дующего хранения, во-вторых, нужно соотносить количество предмета преступления с возможностью его одновременного потребления. Если наркотическое средство или психотропное вещество были помещены во временный тайник и их количество явно свидетельствовало о невозможности потребления сразу после изъятия оттуда, то в содеянном содержатся не только признаки незаконного хранения, но и незаконного перемещения.

¹ О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ, ст. 40 // Российская газета. 1998. 15 января.

² Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2017 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/11830347/> (дата обращения: 24.01.2018).

³ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ 15.06.2006 № 14, п. 8 // Российская газета. 2006. 28 июня.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 03.09.2008 (по делу №30-ДП08-17) // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Чувашской Республики № 22-2450 // СПС «Гарант».

Радушкина Т.О.

Главное следственное управление
Главного управления МВД России
по Красноярскому краю

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОЗДАНИЕ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНОВ ПО ПРОДАЖЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В настоящее время основная доля незаконного сбыта наркотических средств и их аналогов осуществляется с использованием ресурсов информационно-телекоммуникационной сети Интернет бесконтактным способом, то есть путем помещения наркотических средств и их аналогов в тайники («закладки»). Информация об ассортименте, а также стоимости наркотических средств и их аналогов размещается на интернет-сайтах так называемых интернет-магазинов.

Дизайну сайтов интернет-магазинов участники преступных организаций уделяют особое внимание. В целях популяризации употребления наркотических средств на сайтах магазинов размещаются красочные рекламные баннеры с информацией об акциях, новых поступлениях, местах расположения наркотических средств. Цветовое сочетание рекламных баннеров (красно-сине-желтые) рассчитано на побуждение «гостя» интернет-магазина принять решение о приобретении наркотического средства, что также свидетельствует о наличии цели у

преступных лиц сбыть максимальное количество наркотических средств.

Нередко на сайтах размещаются отзывы покупателей, содержащие информацию об ощущениях, полученных при употреблении наркотических средств, а также качестве продукта и добросовестности продавца.

Кроме того, используя различные приложения для обмена электронными сообщениями, такие как «Viber», «Telegram» и др., наркосбытчики распространяют информацию о возможности приобретения наркотических средств и их аналогов широкому кругу лиц, разного возраста и социального статуса, тем самым способствуют росту числа потребителей наркотических средств.

Все вышеперечисленное относится к пропаганде и незаконной рекламе наркотических средств и психотропных веществ.

Согласно ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», пропаганда наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных

психоактивных веществ, культивирования наркосодержащих растений, осуществляемая юридическими или физическими лицами и направленная на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, а также производство и распространение книжной продукции, продукции средств массовой информации, распространение указанных сведений посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей или совершение иных действий в этих целях запрещаются.

Следователями при установлении в ходе расследования уголовного дела адреса страницы интернет-магазина в адрес Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций направляется информация с указанием адреса интернет-страницы, с целью последующей блокировки доступа к ней.

Однако не во всех случаях принимаемые следователями меры ведут к прекращению функционирования интернет-магазина. Так, в большинстве случаев преступники приобретают доменные имена, а также оплачивают услуги хостинга, находящегося за пределами Российской Федерации, предпочтительно выбирают страны, не имеющие никакого международного соглашения о сотрудничестве с Россией, в связи с чем доступ к интернет-

магазину заблокировать не представляется возможным, а при использовании различных программ, изменяющих точку интернет-доступа (IP-адрес), ознакомиться с информацией, размещенной на сайте по продаже наркотических средств, не составляет большого труда.

Даже в случае установления и привлечения к ответственности всех виновных лиц, прекращения деятельности организованной преступной группы сайт продолжает существовать до тех пор, пока не закончится срок договора по оплате хостинга и доменного имени, в связи с чем неограниченное количество лиц, осведомленных о наличии интернет-магазина, получают доступ к информации, размещенной на сайте, и у широкого круга лиц может возникнуть желание приобрести наркотическое средство. Лицо, ознакомившись с информацией, может продолжить поиск продавца и в конечном итоге приобретет статус потребителя.

Таким образом, в настоящее время существует проблема незаконной рекламы наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет. Одним из серьезных пробелов действующего уголовного законодательства можно назвать то, что в УК РФ в настоящее время отсутствует уголовно-правовая норма, предусматривающая уголовную ответственность за создание интернет-магазина, а также за распространение рекламы наркотических средств в сети Интернет. Выходом из сложившейся ситуации может стать введение в УК РФ нормы, предусматривающей ответственность за данные деяния.

Шеслер В.А.

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ НАРКОТИКОВ, И ДРУГИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Борьба с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств по настоящее время является актуальной. Несмотря на принимаемые правоохранительными органами меры по предупреждению, пресечению и выявлению преступлений данной категории, происходит ежегодный прирост наркопреступности. В результате сбыта наркотических средств образуются колоссальные теневые доходы, которые впоследствии легализуются через целую индустрию по обналичиванию и транзитированию денежных средств.¹

Нестабильная экономическая ситуация в России, упразднение в 2016 г. Управления по контролю за оборотом наркотических средств, появление новых видов наркотических средств и психотропных веществ, вводимых в оборот преимущественно посредством сбыта, требуют улучшения механизма уголовно-правовой борьбы с наркопреступностью в данной сфере путем научной и методологической разработки.

Предметом преступления в ст. 228.1 УК РФ выступают наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (далее — наркотические средства и психотропные вещества). Особенностью данных предметов является то, что они представляют собой повышенную опасность для общества, в связи с чем полностью изъяты из оборота либо ограничены в нем.

По мнению Н.А. Мирошниченко, А.А. Музыки, квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, тесно связана с правильным определением не только родового и непосредственного объекта, но и предмета,

которым являются наркотические средства и наркотикосодержащие растения.²

Уголовно-правовой характер преступности предполагает определение уголовным законом круга деяний, являющихся преступными, борьбу с которыми необходимо вести уголовно-правовыми средствами, что позволяет отграничить их от других видов социально отклоняющегося поведения, административных правонарушений, дисциплинарных проступков.³ В основе разграничения сбыта наркотических средств и психотропных веществ и мошенничества и мелкого хищения лежит именно предмет.

Под незаконным сбытом наркотических средств или психотропных веществ понимается незаконная деятельность лица, направленная на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т.д.) другому лицу. Лица, осуществляющие сбыт указанных предметов, подлежат привлечению к уголовной ответственности независимо от размера вещества, средства либо препарата, размер влияет на квалификацию по соответствующей части статьи и влечет более суровое наказание.

В настоящее время все большее распространение получает дистанционный сбыт, в процессе которого электронные или информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет) могут быть использованы для: 1) их рекламы и предложения сбыта; 2) получения информации об оплате за их приобретение; 3) указания места (тайника), где они находятся, с которого приобретатель может их забрать.⁴

Действия лица, сбывающего с корыстной целью под видом наркотических средств или психотропных веществ в какие-либо иные средства или вещества, следует рассматривать как мошенничес-

во.⁵ Лицо, осуществляющее сбыт под видом наркотического средства иного вещества, которое не является запрещенным, в зависимости от полученной суммы подлежит ответственности за хищение чужого имущества путем обмана по соответствующей части ст. 159 УК РФ, либо, если полученная от сбыта сумма составляет менее 2500 руб., привлекается за мелкое хищение по ст. 7.27.2 КоАП РФ, менее 1 000 руб. – по ст. 7.27.1 КоАП РФ либо по ст. 158.1 УК РФ (если лицо уже было подвергнуто наказанию по ст. 7.27 КоАП РФ).

Сбыта под видом наркотического вещества, таковым не являющегося, лицом с использованием служебного положения, группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой (при наличии квалифицирующих признаков), вне зависимости от размера ущерба подпадает под ст. 159 УК РФ.

В тех случаях, когда наркотическое средство или психотропное вещество, включенное в список II и список III (за исключением средств, веществ, выделенных сноской), находится в смеси с каким-либо нейтральным веществом (наполнителем), определение размера наркотического средства или психотропного вещества производится без учета количества нейтрального вещества (наполнителя), содержащегося в смеси.

В рассматриваемых случаях покупатели могут нести ответственность за покушение на незаконное приобретение наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что действия лиц, сбывающих вместо наркотических веществ, таковыми не являющиеся, квалифицируются как мошенничество. К примеру, приговором Калининского районного суда г. Уфы от 6 июня 2017 г. С.М.А., который продал под видом наркотического вещества имеющуюся у него поваренную соль, осужден по ч. 1 ст. 159 УК РФ.

Принцип ответственности при наличии вины (субъективное вменение) тесно связан с вопросом об ошибках лица, совершающего деяние.⁶ Однако при рассмотрении и квалификации дел данной категории суды делают акцент на факкультативном признаке преступного посягательства – предмете преступления. Данные обстоятельства не указывают на объективное вменение, так как субъективное вменение не ограничивается отношением лица к совершенному преступлению, значение имеет также восприятие других признаков деяния.

При рассмотрении в порядке апелляции осужденный по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ С.С.А. пояснил, что не имел умысла на сбыт наркотического вещества, а хотел продать просто травяной сбор, и считает себя виновным в мошенничестве. Согласно заключению экспертизы С.С.А. сбыл наркотическое вещество. Апелляционным определением суда Республики Татарстан от 27 февраля 2015 г. приговор в отношении С.С.А. оставлен без изменения.

На наш взгляд, сложившаяся судебная практика идет по правильному пути, так как принятие за основу квалификации других признаков состава преступления, к примеру, умысла, даст возможность необоснованного ухода виновных от ответственности, повлечет затруднения в процессе применения уголовного права и, как следствие, снижение качества борьбы с наркопреступностью.

¹ Поляков Н.В. К вопросу о необходимости совершенствования современного российского законодательства для борьбы с незаконной банковской деятельностью // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 99.

² Мирошниченко Н.А., Музыка А.А. Уголовно-правовая борьба с наркоманией : монография. Киев, Одесса: Вища шк., 1988. С. 43.

³ Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть : учебное пособие. Красноярск, 1997. С. 42.

⁴ Мальков С.М., Винокуров В.Н. Квалификация сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Уголовное право. 2014. № 4. С. 52.

⁵ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами,

психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 30.06.2015).

⁶ Черненко Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. С. 102.

Сурихин П.Л.,

кандидат юридических наук, доцент

Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ПРИЗНАКОВ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В БОРЬБЕ С НАРКОПРЕСТУПНОСТЬЮ

Очередная редакция постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков дает хороший повод задуматься над логикой судебного толкования признаков составов преступлений данной группы – толкование отдельных признаков от решения к решению изменяется до противоположного. Вызывает обеспокоенность в связи с этим и эффективность уголовно-правового воздействия на наркопреступность.

Всего в период действия УК РФ по интересующей теме были приняты два постановления Пленума Верховного Суда РФ – в 1998 г. и 2006 г. Ныне действующее решение претерпело четыре редакции рекомендаций. Сопоставление данных текстов позволяет обнаружить определенные тенденции.

1. Прежде всего стоит отметить общий замысел постановлений. В 1998 г. Пленум Верховного Суда РФ отмечает «активное распространение наркомании». В последующих же решениях и их редакциях акцент делается на «высокий уровень незаконного распространения наркотиков».

2. На протяжении всего периода меняется толкование критериев размера наркотиков. Изначально предлагается судам в каждом случае самостоятельно определять размер. Далее рекомендуется определять размер весом смеси, в которой содержится наркотик. В настоящее время из этого правила исключены жид-

кости и растворы – оценивается только масса сухого остатка.

3. Смещается во времени момент окончания незаконного изготовления и незаконной переработки наркотиков. В 1998 г. он связывался с «началом совершения действий, направленных на получение» наркотиков. В последующем моментом окончания признается «получение в крупном (значительном) размере готовых к использованию и употреблению этих средств».

4. Особый интерес вызывает трансформация толкования понятия «незаконный сбыт наркотиков». Простое определение сбыта как «любые способы их возмездной или безвозмездной передачи другим лицам» теперь представлено весьма сложно с оттенком торгово-экономических отношений как «незаконная деятельность лица, направленная на их возмездную либо безвозмездную реализацию... При этом сама передача лицом реализуемых средств, веществ, растений приобретателю может быть осуществлена любыми способами, в том числе непосредственно, путем сообщения о месте их хранения приобретателю, проведения закладки в обусловленном с ним месте».

Исключение из определения «незаконный сбыт наркотиков» в виде «введения одним лицом другому лицу инъекций...», если указанное средство или вещество принадлежит самому потребителю» расширяется до нескольких случаев:

«введение одним лицом другому лицу инъекций наркотического средства или психотропного вещества, если указанное средство или вещество принадлежит самому потребителю и инъекция вводится по его просьбе либо совместно приобретено потребителем и лицом, производящим инъекцию, для совместного потребления, либо наркотическое средство или психотропное вещество вводится в соответствии с медицинскими показаниями».

5. Факт передачи наркотика «посредником» изначально без каких-либо осложнений квалифицировался судами как незаконный сбыт. С 2010 г. начинает действовать указание: «действия посредника в сбыте или приобретении ... следует квалифицировать как соучастие в сбыте или в приобретении ... в зависимости от того, в чьих интересах (сбытчика или приобретателя) действует посредник». Более того, Президиум Верховного Суда РФ в обзоре по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотиков рекомендовал толковать его действия как пособника.

В последующем толкование действий «посредника» принципиально изменяется: «В случае, когда лицо передает [наркотики] приобретателю ... по просьбе (поручению) другого лица, которому они принадлежат, его действия следует квалифицировать как соисполнительство в незаконном сбыте». Действия «посредника в приобретении» как бы остались без разъяснений, если не считать оговорки при толковании самого «незаконного сбыта»: «не может квалифицироваться как незаконный сбыт», о которых мы уже говорили.

6. С принятием УК РФ не было трудностей в квалификации «незаконного сбыта» при проверочной закупке как оконченного преступления.

Проблема «появилась» в 2010 г., когда Пленум Верховного Суда РФ истолковал незаконный сбыт при проверочной закупке наркотика как покушение на незаконный сбыт, «поскольку в этих случаях происходит изъятие наркотического средства ... из незаконного оборота». При этом даже собственное толкование

сбыта как передачи другому лицу не было учтено.

В настоящее время действия сбытчика при подобных обстоятельствах вновь стали признаваться оконченным преступлением.

7. В части специального основания освобождения от уголовной ответственности прослеживается последовательность изменений толкования признака «добровольности» – ее нет там, где безысходность: «При задержании лица, а также при проведении следственных действий по обнаружению и изъятию наркотических средств ... выдача ... по предложению должностного лица, осуществляющего указанные действия, не может являться основанием для применения прим. 1 к ст. 228 УК РФ». «Добровольность» до 2010 г. в подобных ситуациях толковалась расширительно.

8. Организация, содержание притона изначально понимались как «предоставление любого жилого или нежилого помещения ... для потребления ...». В последующем и в настоящее время толкование действий «организация» и «содержание» разделено и их обязательным признаком стало «обустройство помещения различными приспособлениями ... в целях ... использования указанного помещения для потребления ...» и, соответственно, содержание такого обустроенного помещения.

Такое узкое понимание притона повлекло даже вынужденное дополнение текста диспозиции ст. 232 УК РФ альтернативным действием – «систематическое предоставление помещений для потребления ...».

9. Интересна как факт тенденция рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ в части профилактической деятельности нижестоящих судов по рассматриваемой категории уголовных дел. Акцент в этом вопросе переносится с требований по «выявлению организаторов преступных группировок, источников приобретения [наркотиков] ... и каналов их сбыта», т.е. усиления борьбы с незаконным сбытом наркотиков на условно благополучном фоне борьбы с незаконным приобретением, хранением и т.п., на реаги-

рование в связи с «нарушением прав и свобод граждан, других нарушений закона, допущенных при производстве дознания или предварительного следствия, а также при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом».

Таким образом, толкование сосредотачивается на борьбе со сбытом, осуществляемым исключительно с целью получения прибыли; несколько упрощаются ранее существовавшие сложности квалификации сбыта при условии изъятия наркотика.

Токманцев Д.В.,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ДОБРОВОЛЬНОСТЬ СДАЧИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В соответствии с примечанием 1 к ст. 228 УК РФ не может признаваться добровольной сдачей наркотических средств их изъятие при задержании лица и при производстве следственных действий по обнаружению и изъятию таких средств.

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет данное положение следующим образом: «при задержании лица, а также при проведении следственных действий по обнаружению и изъятию наркотических средств ... выдача таких средств ... по предложению должностного лица, осуществляющего указанные действия, не может являться основанием для применения примечания 1 к ст. 228 УК РФ».

Таким образом, задержание и следственные действия по обнаружению и изъятию наркотических средств являются обстоятельствами, исключающими добровольность сдачи наркотических средств.

Отличительным и в то же время общим признаком действий, выделенных законодателем в качестве обстоятельств, исключающих добровольность выдачи наркотических средств, является уголовно-процессуальный режим их осуществления (правовую основу составляет УПК РФ).

Соответственно, выдача наркотических средств по предложению сотрудников правоохранительных органов при производстве не следственных действий, например при проведении оперативно-розыскных мероприятий (обследования

помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и т.п.), не должно исключать признание такой выдачи добровольной.

В правоприменительной практике встречаются примеры, когда суды не признают сдачу наркотических средств добровольной, ссылаясь на то, что она состоялась при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В таких случаях, полагаем, происходит подмена следственных действий оперативно-розыскными мероприятиями.¹ Как следствие, закрепленное в примечании 1 к ст. 228 УК РФ ограничение на признание сдачи наркотических средств добровольной применяется по аналогии — к ситуации, схожей с изъятием наркотических средств при производстве следственных действий, но специально уголовным законом не предусмотренной.

Конституционный Суд РФ обращает внимание на недопустимость подмены следственных действий оперативно-розыскными мероприятиями, разъясняет, что они (следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия) совершаются в различных правовых режимах и имеют самостоятельные правовые основы — соответственно Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и УПК РФ (определения Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. №18-О и от 9 июня 2005 г. №327-О.).

Таким образом, примечание 1 к ст. 228 УК РФ не содержит ограничений на признание добровольной сдачи наркотических средств их выдачу по предложению сотрудников правоохранительных органов при проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на обнаружение и изъятие таких средств.² В таких случаях единственным условием признания выдачи наркотических средств добровольной должно быть наличие у лица реальной возможности распорядиться ими иным способом.

При проведении оперативно-розыскного мероприятия наблюдение О. сообщил, что имеет наркотическое средство и хранит его в своей квартире, дал согласие на осмотр жилища. При осмотре квартиры О. указал на ящик письменного стола, откуда было изъято наркотическое средство. Признавая выдачу наркотических средств добровольной, Пермский краевой суд отметил, что проведенное оперативно-розыскное мероприятие не являлось следственным действием и задержанием лица. В такой ситуации у О. имелась реальная возможность распорядиться имевшимся у него наркотическим средством иным способом.

Правовой режим задержания, исключающего добровольность сдачи наркотических средств, в примечании 1 к ст. 228 УК РФ прямо не определен.

В правоприменительной практике и в науке уголовного права одни специалисты полагают, что добровольность выдачи наркотических средств исключает только уголовно-процессуальное задержание (ст. 91, 92 УПК РФ)³, другие считают, что не только уголовно-процессуальное задержание, но и административное задержание (ст. 27.3-27.7 КоАП РФ) исключает добровольность выдачи наркотических средств.⁴

Заметим, что существуют и другие правовые режимы (виды) задержания. Например, задержание должностными лицами государственной охраны лиц, совершивших или совершающих правонарушения в местах постоянного или временного пребывания объектов государственной охраны (Федеральный закон от 27 мая 1996 г. №57-ФЗ «О государственной

охране»); работниками частных охранных организаций – лиц, совершивших противоправное посягательство на охраняемое имущество (Закон РФ от 11 марта 1992 г. №2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»); пограничными нарядами – лиц, в отношении которых имеются основания подозревать их в нарушении режима Государственной границы (Закон РФ от 1 апреля 1993 г. №4730-1 «О государственной границе Российской Федерации»). При данных видах задержания лицо также может выдать наркотические средства. Исключается ли добровольность выдачи наркотических средств в таких случаях?

Полагаем, что только один правовой режим (вид) задержания – уголовно-процессуальный – исключает добровольность выдачи наркотических средств. Иные правовые режимы (виды) задержания (административно-правовой и др.), по нашему мнению, не исключают добровольность выдачи наркотических средств. Подтверждение можно найти в судебной практике.

П., задержанный в административном порядке (за появление в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения), перед личным досмотром выдал сотрудникам полиции хранившуюся при нем марихуану. Суд признал выдачу наркотического средства добровольной, отметив, что П. был задержан в рамках КоАП РФ и Федерального закона «О полиции», правоохранительные органы не располагали сведениями о том, что он незаконно хранит наркотические средства, и П. имел реальную возможность продолжить хранение наркотических средств, а также распорядиться ими иным способом.

Такой подход к пониманию правового режима задержания и применению примечания 1 к ст. 228 УК РФ вызывает возражение со стороны отдельных специалистов. Высказывается мнение о том, что, признавая добровольной выдачей наркотических средств сдачу таких средств лицом, задержанным в административном порядке, суды вольно трактуют рассматриваемое примечание, так как в таких случаях лицо не имеет реальной

возможности распорядиться находящимися при нем наркотическими средствами иным способом, кроме как выдать сотрудникам полиции.

Заметим, что лицо, задержанное в административном порядке, как правило, не имеет реальной возможности распорядиться наркотическим средством иным образом. Вряд ли можно утверждать, что такое лицо всегда лишено такой возможности.

Для ответа на вопрос о правовом режиме (виде) задержания, исключающего добровольность выдачи наркотических средств, предлагаем обратить внимание на некоторые особенности рассматриваемого примечания.

Во-первых, в примечании 1 к ст. 228 УК РФ говорится о лице, совершившем *преступление*: «Лицо, совершившее предусмотренное настоящей статьей преступление ...». Задержание лица, совершившего преступление, осуществляется исключительно в уголовно-процессуальном порядке.

Во-вторых, к обстоятельствам, исключающим добровольность выдачи наркотических средств, наряду с задержанием законодатель отнес следственные действия, направленные на обнаружение и изъятие наркотических средств (действия, которые явно имеют уголовно-процессуальный характер).

Именно уголовно-процессуальный режим осуществления задержания и следственных действий «превращает» их в обстоятельства, исключающие добровольность выдачи наркотических средств. Поэтому как личный досмотр (администра-

тивное действие) в отличие от личного обыска (следственное действие), так и административное задержание в отличие от уголовно-процессуального задержания сами по себе не исключают добровольности выдачи наркотических средств.

Таким образом, в каждом конкретном случае выдачи задержанным лицом наркотических средств необходимо учитывать правовой режим (вид) задержания:

если задержание являлось уголовно-процессуальным, то оно должно рассматриваться как обстоятельство, исключающее добровольность выдачи наркотических средств и соответственно исключающее освобождение лица от уголовной ответственности;

если задержание осуществлялось в ином правовом режиме (административно-правовом и т.д.), то выдача наркотических средств может быть признана добровольной при условии, что, исходя из фактических обстоятельств (обстановки) задержания, виновный имел реальную возможность распорядиться наркотическим средством иным образом.

¹ Зенкин А. Подмена уголовно-процессуальных действий оперативно-розыскными мероприятиями // Законность. 2017. № 1. С. 62.

² Любавина М.А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ : учебное пособие. СПб., 2016. С. 76.

³ Ткаченко В.В., Ткаченко С.В. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков : монография. Барнаул, 2011. С. 150.

⁴ Гарманов В.М., Григорьев О.Г., Кривошеков Н.В. Выдача наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты) : научно-практическое пособие. Тюмень, 2011.

Муксинова А.Ф.

Казанский юридический институт
МВД России

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СТРАН СНГ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ДОХОДОВ, ПРИОБРЕТЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Наркомания и, как следствие, преступность, связанная с незаконным оборотом наркотиков, не имеет границ. Международно-правовой характер наркопреступно-

сти определяет необходимость тесного взаимодействия всего мирового сообщества, а для Российской Федерации особое значение имеет также и взаимодействие

со странами Содружества Независимых Государств.

В настоящее время одним из основных и актуальных направлений всей наркопреступности является легализация (отмывание) доходов, приобретенных в результате незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Контент-анализ уголовного законодательства стран СНГ позволил нам прийти к выводу о том, что все страны приняли во внимание требования международного законодательства и во всех уголовных кодексах имеются нормы, криминализирующие легализацию (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем.

Уголовное законодательство стран-участниц СНГ имеет много общего. Это определяется принятием Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. Модельного Уголовного кодекса для государств СНГ.¹ Модельный кодекс являлся рекомендательным законодательным актом для СНГ, своего рода образцом для разработки уголовного законодательства в каждой стране Содружества.

В самом Модельном Уголовном кодексе норма об ответственности за легализацию доходов, полученных противозаконным путем, закреплена в ст. 258, которая так и называется. Данное преступление относится к категории преступлений средней тяжести. В качестве квалифицирующего признака называется то же деяние, совершенное организованной группой – ч. 2 ст. 258 – тяжкое преступление.

Стоит заметить, что, несмотря на обусловленную близость уголовного законодательства стран СНГ, учитывая их общую правовую основу, все они имеют особенности, индивидуальное развитие, основанное на собственных национальных взглядах, в том числе и применительно к нормам об ответственности за легализацию (отмывание) доходов, приобретенных в результате незаконного оборота наркотиков.

Конвенция ООН (Венская конвенция) «О борьбе против незаконного оборота

наркотических средств и психотропных веществ»² в ст. 3 устанавливает требование о закреплении в национальных законодательствах уголовной ответственности за конверсию или перевод имущества, полученного в результате любого правонарушения, связанного с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Как мы отмечали ранее, во всех уголовных кодексах стран СНГ имеются нормы, устанавливающие ответственность за легализацию (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем. В сферу действия данных статей подпадают различные предикатные преступления: участие в организованной преступной группе, терроризм, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, незаконная торговля оружием, коррупция, мошенничество, контрабанда и другие.

Особый интерес представляет уголовное законодательство Азербайджанской Республики³ и Украины⁴, поскольку в их кодексах содержатся специальные нормы, посвященные легализации доходов, приобретенных от незаконного оборота наркотиков.

Так, в ст. 241 гл. 26 УК Азербайджана «Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ» предусмотрена ответственность за осуществление финансовых операций или других контрактов с использованием денежных средств или другого имущества, приобретенных от незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ, а также использование этих средств или другого имущества с целью осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности. Санкция за данные деяния предусмотрена в виде штрафа в размере от двух до пяти тысяч условных финансовых единиц, либо исправительных работ на срок до двух лет, либо лишения свободы на срок до четырех лет.

Также в данной статье предусмотрены квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки преступления, среди них: совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, неоднократно, лицом с использованием своего слу-

жебного положения, организованной группой, в крупном размере.

В УК Украины преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров закреплены в разделе XIII, ст. 306 «Использование средств, полученных от незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров, ядовитых или сильнодействующих веществ или ядовитых или сильнодействующих лекарственных средств». Диспозиция данной статьи выглядит следующим образом: «Размещение средств, полученных от незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров, ядовитых или сильнодействующих веществ, или ядовитых, или сильнодействующих лекарственных средств, в банках, на предприятиях, в учреждениях, организациях и их подразделениях, или использование таких средств для приобретения объектов, имущества, подлежащих приватизации, либо оборудования для производственных либо других нужд, или использование таких доходов (средств и имущества) с целью продолжения незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров». Санкция за данное деяние предусмотрена в виде лишения свободы на срок от семи до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет с конфискацией имущества.

Квалифицированным составом данного преступления являются вышеуказанные действия, совершенные повторно, или по предварительному сговору группой лиц, или в крупных размерах.

Следует также отметить, что среди стран СНГ только в УК Украины в названии статьи используется термин не «легализация (отмывание)», а «использование средств», что делает сферу применения данной статьи намного шире и охватывает даже такие действия, которые не связаны с легализацией доходов, полученных преступным путем.

В уголовных кодексах остальных стран СНГ используются термины «легализация (отмывание)», как в УК РФ, либо

только «легализация» (УК Азербайджана, Армении⁵, Туркменистана⁶ и Узбекистана⁷), либо только «отмывание» (УК Молдовы⁸).

Следующим важным моментом, на который мы хотели бы обратить внимание, является закрепление понятия «доходы». В ст. 1 Венской конвенции сказано, что «доходы» (Proceeds) – это любое имущество, полученное или приобретенное прямо или косвенно в результате совершения наркопреступления. В свою очередь, «имущество» (Property) – это активы любого рода, материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, осязаемые или неосязаемые, а также юридические документы или акты, удостоверяющие право на такие активы или участие в них. По нашему мнению, термин «доходы» является самым емким, охватывающим собой движимое и недвижимое имущество, денежные средства, ценные бумаги, имущественные, авторские и другие права, а также удачным с позиции законодательной техники. Термин «доходы» используется в уголовных кодексах Армении, Киргизии⁹, Таджикистана¹⁰, Узбекистана. В УК Белоруссии¹¹ и Украины используется термин «средства», в УК Молдовы – «деньги», в остальных странах (Азербайджан, Казахстан¹², Туркменистан), так же как и в России, используется формулировка «денежные средства и иное имущество».

Уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за легализацию (отмывание) доходов, полученных от преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, в ряде стран – участников СНГ отличается от российского уголовного законодательства в лучшую сторону. Мы считаем, что положительный опыт этих стран может и должен использоваться в Российской Федерации.

⁵ Консорциум «Кодекс». Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 18.01.2018).

⁶ О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: Конвенция Организации Объединенных Наций: принята в Вене 20 декабря 1988 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVIL. М., 1994. С. 133-157.

³ Официальный сайт Государственной миграционной службы Азербайджанской Республики. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ. URL: <https://migration.gov.az/cat.php?scatid=055&lang=ru> (дата обращения: 18.01.2018).

⁴ Официальный сайт Верховной рады Украины. Уголовный кодекс Украины от 5.04.2001 № 2341-III. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2341-14?lang=ru> (дата обращения: 18.01.2018).

⁵ Официальный сайт Национального собрания Республики Армения. Уголовный кодекс Республики Армения от 18.04.2003 № ЗР-528. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> (дата обращения: 18.01.2018).

⁶ Официальный сайт правительства Туркменистана – Туркменистан. Золотой век. Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 № 222-1. URL: <http://www.turkmenistan.gov.tm/Crub=12> (дата обращения: 18.01.2018).

⁷ Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-

XII. URL: http://lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=111457 (дата обращения: 18.01.2018).

⁸ Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985. URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=331268> (дата обращения: 18.01.2018).

⁹ Информационно-правовой портал ТОКТОМ. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2.02.2017 № 19. URL: <https://online.toktom.kg/> (дата обращения: 18.01.2018).

¹⁰ Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574. URL: http://base.mmk.tj/view_sanadhoview.php?showdetail=&sanadID=23 (дата обращения: 18.01.2018).

¹¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9.07.1999 № 275-3. URL: <http://уголовный-кодекс.бел/> (дата обращения: 18.01.2018).

¹² Юрист – комплекс правовой информации (законодательство) Республики Казахстан. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3.07.2014 № 226-V. URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 18.01.2018).

Калашников О.Д.,

кандидат юридических наук, доцент
Нижегородская академия МВД России

Меркулов М.А.,

кандидат юридических наук, доцент,
Нижегородская академия МВД России

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЭФФЕКТИВНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В 2017 г. на территории России продолжилась тенденция к снижению количества зарегистрированных преступлений. Такая же тенденция характерна для преступности несовершеннолетних.

В 2017 г. несовершеннолетними или при их соучастии совершены 45288 преступлений (-15,7% по отношению к аналогичному показателю прошлого года).¹

Несмотря на тенденцию к снижению количества зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними, необходимо учитывать высокий уро-

вень латентности преступности данного вида. Далеко не все преступления, совершаемые несовершеннолетними, попадают в материалы официальной статистики.

Наиболее остро данная проблема стоит в следующих субъектах Российской Федерации, где удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, в структуре всех зарегистрированных преступлений в 2017 г. достигает 7-9%: Магаданская область – 7,1%; Забайкальский край – 7,5%; Республика Карелия – 9,2%.

Все это говорит о том, что предупреждение преступности несовершеннолетних выступает одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел.

Знание особенностей структуры личности несовершеннолетнего преступника позволит более эффективно планировать деятельность по предупреждению преступности несовершеннолетних.

Прежде чем перейти к характеристике особенностей личности несовершеннолетнего преступника, необходимо сформулировать определение термина «несовершеннолетние».

Термин «несовершеннолетние» можно встретить в двух действующих нормативных документах Российской Федерации.

Прежде всего, применительно к уголовной ответственности несовершеннолетних, это Уголовный кодекс Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 87 УК РФ несовершеннолетние — это лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14 лет, но не исполнилось 18 лет. Исходя из данного определения, несовершеннолетние — весьма узкая возрастная группа, от 14 до 18 лет.

Анализируя данное определение, можно сделать вывод, что профилактическую работу с несовершеннолетними нужно начинать в 14 лет и заканчивать в 18 лет.

Делая акцент на профилактической работе, с данным определением мы согласиться не можем. Бывают случаи, когда несовершеннолетние совершают преступления в возрасте 14 лет и даже гораздо раньше. Поэтому зачастую бывает поздно начинать заниматься профилактической работой, когда несовершеннолетний достиг возраста 14 лет.

По нашему мнению, более полным определением является то, которое сформулировано законодателем в ст. 1 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». К несовершеннолетним законодатель отнес лиц, не достигших 18 лет.

Исходя из содержания данного определения, профилактическую и воспита-

тельную работу с несовершеннолетними нужно начинать проводить как можно раньше, с момента их рождения, в связи с чем основным субъектом данной деятельности должна выступать семья (родители).

Под личностью несовершеннолетнего преступника понимается совокупность сформировавшихся в человеке негативных свойств и качеств, которые во взаимодействии с внешними условиями (ситуацией) обусловили преступное поведение.

Ключевое значение в изучении личности несовершеннолетнего преступника отводится анализу социально-демографических признаков.

В структуре несовершеннолетних преступников преобладают лица мужского пола.

Несмотря на небольшой удельный вес лиц женского пола в структуре лиц, совершивших преступления, в настоящее время они активно совершают преступления, которые ранее для них характерными не были: убийства, тяжкие телесные повреждения, разбои, грабежи. Достаточно часто женщины входят в составы групп, состоящих исключительно из лиц женского пола, совершающих преступления.

Для совершивших преступления лиц женского пола характерна истеричность, завышенный уровень самооценки, завышенные запросы.

Для преступности несовершеннолетних характерна тенденция омоложения. Вместе с тем в ней преобладают лица старшей возрастной группы — от 16-17 лет.²

По социальному положению чаще всего совершают преступления лица без постоянного источника дохода и не учащиеся подростки, затем работающие и обучающиеся в техникумах. Реже всех совершают преступления учащиеся школ и высших учебных заведений. То есть существует прямая зависимость между уровнем интеллектуального развития несовершеннолетних и вероятностью совершения преступления.

Несовершеннолетние, совершившие преступления, как правило, проживали в семьях, а также находились в детских домах, интернатах, у родственников-опекунов. Однако зачастую эти семьи являлись неблагополучными.

Миграция несовершеннолетних, в первую очередь для получения образования, снижает возможности контроля за их поведением со стороны родителей, повышает риск противоправного поведения с их стороны. Эта особенность особо характерна для подростков, которые проживали в сельской местности, а также в небольших городах.

Для нравственно-психологической характеристики несовершеннолетнего преступника характерен низкий уровень интеллектуального развития, что является следствием низкой успеваемости, отсутствием интереса к учебе.

Для значительной части учащихся правонарушителей характерны прогулы.

У несовершеннолетних преступников наблюдается деформация правосознания. Они полагают допустимым нарушение норм действующего уголовного и административного законодательства, оправдывая его различными объективными обстоятельствами.

Деформации в ценностно-мотивационной сфере отражают чрезмерное влечение к отдыху, обладанию модной одеждой и т.д.

Проведение досуга несовершеннолетними правонарушителями связано в подавляющем большинстве случаев с бесцельным времяпрепровождением в

кругу сверстников, с употреблением алкогольных напитков, наркотических средств.

У несовершеннолетних правонарушителей значительно деформирована *эмоциональная сфера*, наблюдается агрессивность, конфликтность, жестокость, отмечается эмоциональная неуравновешенность, неадекватное реагирование на внешние раздражители.

Среди несовершеннолетних преступников в последнее время наблюдается наличие психических отклонений, не исключающих вменяемости, которые чаще всего являются не врожденными, а приобретенными.

Также следует отметить, что для несовершеннолетних преступников характерно пренебрежение к нормам общепринятого поведения, умышленное создание конфликтных ситуаций, пропаганда вражды к иным группам несовершеннолетних, которые отличающихся положительным поведением, привычка к присвоению всего, что плохо лежит.

¹ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации // <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения: 01.02.2018).

² Калашников О.Д., Меркулов М.А. Криминология в схемах и определениях. Нижний Новгород, 2016. С. 113.

Писаревская Е.А.,

кандидат юридических наук, доцент,

Новокузнецкий институт (филиал)
Кемеровского государственного университета

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Длительное время вопрос о необходимости принятия единого закона о профилактике правонарушений оставался дискуссионным. Вероятно, специалисты долгое время были не готовы создать документ, который стал бы реальной правовой базой для профилактики преступности. Однако нельзя не учитывать того, что существовали и объективные про-

блемы разграничения положений этого закона и весьма значительной массы конкретных профилактических норм, содержащихся в различных отраслях законодательства. Полагаем, что для правоприменительной практики изначально был необходим стандарт предупредительного реагирования. Это способствовало бы единообразию законодательной и право-

применительной практики профилактического регулирования, но этого было возможно достичь лишь при условии первоначального принятия Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – закон 1999 г.) и последующего принятия федеральных законов по отдельным направлениям профилактической деятельности, соответствующих по своему содержанию рамочному федеральному закону и развивающих и углубляющих его отдельные положения.

К сожалению, практика законодательного регламентирования пошла по другому пути. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹ (далее – закон 2016 г.) был принят 23 июня 2016 г., в то время как Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»² был принят еще в 1999 г. Такое своего рода «обратное» законотворчество не способствовало, на наш взгляд, согласованной законодательной регламентации и добавило определенные вопросы к уже имевшимся в теории и правоприменительной практике.

В настоящее время перечень органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних определен в ст. 4 закона 2016 г. Согласно ч. 1 данной статьи в систему входят следующие основные субъекты профилактики: 1) комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; 2) органы управления социальной защиты населения; 3) федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования; 4) органы опеки и попечительства; 5) органы по делам молодежи; 6) органы управления здравоохранением; 7) органы службы занятости; 8) органы внутренних дел; 9) учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции).

Согласно ст. 5 закона 1999 г. «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» субъектами профилактики правонарушений являются: 1) федеральные органы исполнительной власти; 2) органы прокуратуры Российской Федерации; 3) следственные органы Следственного комитета Российской Федерации; 4) органы государственной власти субъектов Российской Федерации; 5) органы местного самоуправления.

Очевидно, что между текстами анализируемых федеральных законов имеется некоторая несогласованность.

1. Так, в текстах вышеназванных федеральных законов определение «субъект профилактики» дается исключительно путем перечисления органов и учреждений. Однако в законе 1999 г., строго говоря, содержится перечень органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, закон вообще не использует термин «субъект профилактики». В связи с этим во избежание разночтений представляется необходимым определение «субъекты профилактики» включить в статьи, раскрывающие основные понятия, используемые в рассматриваемых федеральных законах, обратив особое внимание на их содержание.

2. Закон 2016 г. относит к субъектам профилактики исключительно государственно-властные структуры, дополнительно вводит понятие «лиц, участвующих в профилактике», не известное закону 1999 г., который в ч. 3 ст. 4 говорит об участии в деятельности по профилактике уполномоченных по правам ребенка, других органов, учреждений и организаций, но не использует данный термин.

3. К «лицам, участвующим в профилактике правонарушений» закон 2016 г. относит «граждан, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений в рамках реализации своих прав в сфере профилактики правонарушений». Закон 1999 г. в ч. 3 ст. 4, говоря об участии в деятельности по профилактике, граждан не упоминает вовсе.

4. Вопросы возникают и при прочтении в текстах анализируемых законов перечня субъектов профилактики. Согласно

ст. 11 закона 1999 г. во главе всей системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних стоят Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – Комиссии). Регламентация деятельности Комиссий в 2012-2013 гг. подверглась значительной корректировке. В настоящее время в тексте закона 1999 г. четко обозначено, что Комиссии создаются «в целях координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по предупреждению безнадзорности, беспризорности и антиобщественных действий несовершеннолетних...».

Закон 2016 г. содержит неконкретизированный перечень субъектов профилактики, используя такие «широкие» по трактовке категории при раскрытии понятия «субъект профилактики», как «федеральные органы исполнительной власти», «органы государственной власти субъектов Российской Федерации», «органы местного самоуправления».

При этом Комиссии являются коллегиальными органами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, создаются высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Членами Комиссии могут быть руководители (их заместители) органов и учреждений системы профилактики, представители иных государственных (муниципальных) органов и учреждений, представители общественных объединений, религиозных конфессий, граждане, имеющие опыт работы с несовершеннолетними, депутаты соответствующих представительных органов, а также другие заинтересованные лица.³ Таким образом, очевидно, что Комиссии, призванные выполнять важнейшую координирующую роль в профилактике преступности несовершеннолетних, по своей сути продолжают оставаться государственно-общественным органом. Соответственно, при прямой трактовке положений ст. 5 закона 2016 г. возникают сомнения в обоснованности отнесения Комиссией к субъектам профилактики. Кроме того, это возвращает нас к давно

обсуждаемому в теории и практике вопросу о необходимости более тщательной регламентации статуса Комиссий. Полагаем, что в настоящее время в целях единообразия правоприменительной практики и повышения эффективности деятельности Комиссий необходимо принять федеральный закон о них.

5. В перечне указанных субъектов в тексте закона 1999 г. вообще не обозначена прокуратура. Несомненно, наличие широкого понимания субъектов профилактики согласно ч. 3 ст. 4 закона 1999 г. позволяет нам отнести прокуратуру к данным субъектам. Однако это не снимает вопроса относительно обоснованности формирования перечня, включенного в ч. 1 названной статьи. Почему законодатель называет среди субъектов органы внутренних дел, но не упоминает прокуратуру? При этом согласно ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»⁴ «Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов». Кроме того, ст. 5 закона 2016 г. обоснованно называет органы прокуратуры в числе субъектов профилактики. Полагаем, что «координатор» борьбы с преступностью заслуживает отдельного упоминания в ч. 1 ст. 4 закона 1999 г. и раскрытия основных направлений его деятельности применительно к профилактике в главе 2 указанного закона.

6. В перечень субъектов профилактики в текстах рассматриваемых законов не включены суды. Согласимся с тем, что «в конце XX века в связи с реализацией Концепции судебно-правовой реформы в стране фактически произошел отказ от системной работы по профилактике правонарушений. Во многом деятельность судов в данном направлении осуществляется не комплексно, лишь применительно к конкретным видам преступлений. Тем не менее на практике судебная власть решает вопросы профилактики преступлений с помощью присущих судам раз-

нообразных средств и методов»⁵. Данный вопрос приобретает особую актуальность на современном этапе в контексте применения судами так называемых ювенальных технологий и технологий восстановительного правосудия.

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

² Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 07.06.2017) // СПС КонсультантПлюс.

³ Примерное положение о Комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав : утв. постановлением Правительства РФ от 06.11.2013 (ред. от 06.12.2017) // СПС КонсультантПлюс.

⁴ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2201-1 (ред. от 29.07.2017) // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Патов Д.А. Должны ли мировые судьи заниматься профилактикой подростковой преступности? // Мировой судья. 2015. № 5. С. 20.

Зиненко Ю.В.,

кандидат медицинских наук, доцент,

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

**АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ
ПРИ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН ПО МАТЕРИАЛАМ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО БЮРО СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ Г. КРАСНОЯРСКА
ЗА 2015-2017 ГОДЫ**

По данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел России» (URL: <http://мвд.рф>) в 2017 г. зарегистрированы 2058476 преступлений, что на 4,7% меньше, чем в 2016 г. Несмотря на то, что в последние годы отмечается некоторая положительная тенденция снижения общего количества преступлений и преступлений, составляющих структуру насильственной преступности, удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений сохраняется. Так, в 2017 г. зарегистрированы 9738 убийств,

24552 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью. По-прежнему сохраняется негативная динамика совершения преступлений в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Учитывая актуальность рассматриваемого вопроса, мной был проведен анализ судебно-медицинских экспертиз за 2015-2017 гг. по г. Красноярску по архивным материалам отдела потерпевших, обвиняемых и других лиц и отдела экспертизы трупов Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы (табл. 1).

Таблица 1

ПОКАЗАТЕЛИ КАТЕГОРИИ СМЕРТИ И СОСТОЯНИЯ АЛКОГОЛЬНОЙ ИНТОКСИКАЦИИ
ПО Г. КРАСНОЯРСКУ ЗА 2015-2017 ГГ.

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Всего экспертиз и исследований	7418	7500	7238
Насильственная смерть	1097	1139	995
% в алкогольном опьянении	49,5	23,3	18,3
Ненасильственная смерть	6111	6089	5971
% в алкогольном опьянении	11,8	9,8	7,8
Причина смерти не установлена	210	272	272

В 2015 г. в Красноярском краевом бюро судебно-медицинской экспертизы

были проведены 7418 экспертиз и исследований трупов, в 2016 г. – 7500, а в

2017 г. – 7238. Из таблицы 1 следует, что в г. Красноярске в 2015 г. 49,5% лиц, умерших вследствие различных причин насильственной смерти, находились в состоянии алкогольного опьянения. В 2016 г. эта цифра составила 23,3%, а в 2017 г. – 18,3%. Кроме этого в 2015 году 11,8% лиц, умерших вследствие различных причин ненасильственной смерти, находились в состоянии алкогольного опьянения, в 2016 г. – 9,8%, а в 2017 г. – 7,8% соответственно. Следовательно, за 2015-2017 годы отмечается снижение об-

наруженного алкоголя в крови в случае наступления как насильственной, так и ненасильственной смерти.

В структуре причин насильственной смерти от механических факторов первое место занимают травмы, причиненные тупыми твердыми предметами, – около 32,6%, затем следуют падения с высоты – около 20%, автомобильные травмы – около 19,6%, травмы от колюще-режущих орудий – около 16%. С большим отрывом огнестрельные травмы – 3%. Прочие травмы составили 7,8% (рис.).

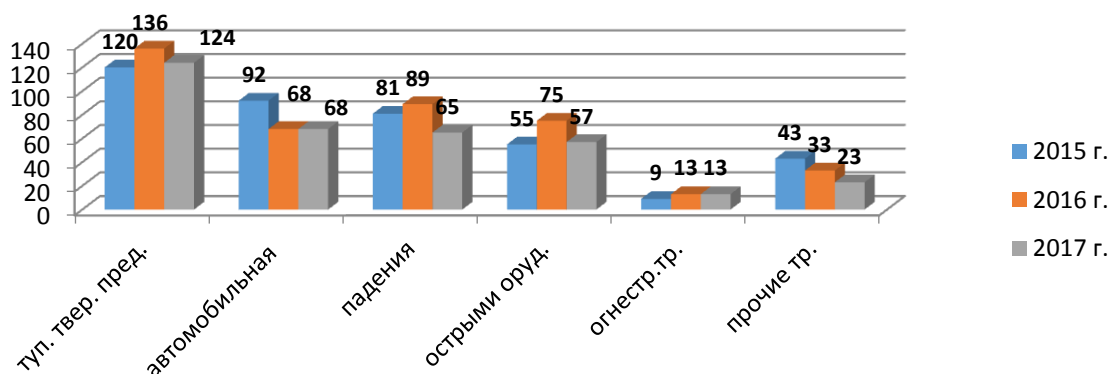

Рис. Распределение механической травмы по механизму образования травм по г. Красноярску за 2015-2017 гг.
по архивным материалам отдела экспертизы трупов КГБУЗ ККБСМЭ

При анализе случаев от механической травмы, в частности травмы тупыми твердыми предметами, орудиями, обладающими колюще-режущими свойствами, огнестрельным оружием, мной учитывались возрастные, половые аспекты, сезонность наступления смерти.

При анализе огнестрельной травмы, травмы тупыми твердыми предметами и колюще-режущими орудиями установлено, что из общего количества экспертиз (1164)

мужчины составили 896 (77%), женщины 268 (23%). В возрастной структуре максимальное число случаев приходится на лиц трудоспособного возраста – 20-60 лет (от 78% до 87%), а на возраст до 20 лет – от 3,3% до 8%, со значительным преобладанием лиц мужского пола. В сезонном распределении наступления смерти мной не отмечено значительного преобладания какого-либо периода времени года.

Таблица 2
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕННЫХ ЭКСПЕРТИЗ И ОБСЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛА ПОТЕРПЕВШИХ, ОБВИНЯЕМЫХ И ДРУГИХ ЛИЦ ПО ТЯЖЕСТИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ КГБУЗ ККБСМЭ ЗА 2015-2017 ГГ.

Определение тяжести вреда здоровью	2015г.	2016г.	2017г.
Всего:	13948	13180	12870
Тяжкий вред здоровью	994	872	863
Вред здоровью средней тяжести	917	891	852
Легкий вред здоровью	1219	1088	1069
Без оценки вреда здоровью	9850	9012	7483
Повреждений не обнаружено	968	1317	2603

Из данных таблицы 2 следует, что экспертизы по причинению тяжкого, средней тяжести вреда здоровью, легкого вреда здоровью в 2015 г. составили соответственно 7,1%, 6,6% и 8,7%, в 2016 г. – 6,6%, 6,7%, 8,2%, в 2017 г. – 6,7%, 6,6%, 8,3% соответственно.

Данные, представленные в таблице 3 свидетельствуют, что за анализируемый период чаще всего повреждения наносились тупыми твердыми предметами (75%), второе место занимают автомобильные травмы (21,3%), далее следуют

повреждения, причиненные колюще-режущими, режущими и рубящими орудиями (2,7%) и меньше всего повреждений получено от огнестрельного оружия (0,3%), травмы от прочих транспортных средств (0,3), при падении (0,2%). Раздел «прочие» включает ожоги, укусы собаками и составил 0,2% от общего количества проведенных экспертиз. Эти данные отражают стабильно высокий уровень механической травмы в г. Красноярске.

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕННЫХ ЭКСПЕРТИЗ ОТДЕЛА ПОТЕРПЕВШИХ, ОБВИНЯЕМЫХ И ДРУГИХ ЛИЦ КГБУЗ ККБСМЭ ЗА 2015-2017 ГГ. ПО МЕХАНИЗМУ ОБРАЗОВАНИЯ ТРАВМ

Механизм образования травм	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Травма тупыми твердыми предметами	9464	8801	7827
Колюще-режущими, режущими и рубящими орудиями	353	329	282
Огнестрельные травмы	49	46	17
Автомобильные травмы	2898	2452	2007
Прочие транспортные травмы	1	10	41
Падение	7	15	6
Прочие	208	210	86
Происхождение телесных повреждений	12980	11863	10266

Анализ судебно-медицинских экспертиз по материалам Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы по г. Красноярску за 2015-2017 гг. свидетельствует, что:

– травма от воздействия тупых твердых предметов стоит на первом месте при оценке тяжести вреда здоровью как у потерпевших и других лиц (75%), так и в случаях наступления смерти от механической травмы (32,6%);

– тяжкий вред здоровью у потерпевших и других лиц устанавливается в 6,6%- 7,1%, стабильно высокий уровень механической травмы (36,5%) по отношению к насильственной смерти;

– в 78%-87% огнестрельной травмы, травмы от тупых твердых предметов, падений с высоты, от орудий, обладающих колюще-режущими свойствами, погибают лица активного трудоспособного возраста 20-60 лет, преимущественно мужского пола;

– в анализируемом периоде времени отмечается снижение обнаруженного алкоголя в крови в случае наступления как насильственной, так и ненасильственной смерти. В 2017 г. в случаях механической травмы со смертельным исходом отмечено значимое уменьшение обнаруженного алкоголя в крови по сравнению с 2015 г.

Кудрявцев А.В.

Санкт-Петербургский университет
МВД России

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АЛГОРИТМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ КРИМИНАЛЬНОЙ ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Необходимость совершенствования механизма противодействия криминализации теневой финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций обусловлена факторами и условиями, диктуемыми необходимостью борьбы с экономическими преступлениями и обеспечения национальной безопасности.

Борьба с экономическими преступлениями, совершаемыми руководством коммерческих организаций в финансово-хозяйственной сфере, является приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов на современном этапе.

Среди основных направлений совершенствования алгоритма противодействия осуществлению криминальной финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций можно выделить следующие.

1. Совершенствование отечественного законодательства, регламентирующего экономические взаимоотношения между хозяйствующими субъектами, куда входят защита права собственности, защита устойчивости экономического развития, принятие законов в области рационального использования ресурсов. В данном ключе хотелось бы обратить внимание законодателей на необходимость ужесточения уголовного наказания за уход от уплаты налогов, перевести преступления, совершаемые в области налогового законодательства, в категорию тяжких с одновременной альтернативой применяемого судом наказания. Политика «свободного предпринимательства», проводимая в России, имеет плюсы, связанные с привлечением инвестиций и денежных потоков в страну из-за рубежа, предоставлением данному виду бизнеса определенной квоты льгот, связанной в том числе с небольшими по западным меркам последствиями за совершение преступлений экономического характера. Однако недобросовестная часть

предпринимательства, прикрываясь данным принципом, разрушает экономическую структуру страны, втягивая ее в криминализированный экономический поток, который осложняет работу национального экономического механизма.

2. Совершенствование работы государственных институтов, являющихся одним из связующих звеньев алгоритма противодействия экономической преступности. Стоит отметить, что государственные институты не только обеспечивают безопасность на различных уровнях хозяйствования, но и обеспечивают устойчивость, положительный динамизм экономического развития в целом. Однако в России при наличии всех необходимых для противодействия криминализации экономических отношений между субъектами хозяйствования и обеспечения экономической безопасности в целом государственных структур, в том числе и правоохранительных органов, они не увязаны между собой. Кроме того, у ряда правоохранительных органов и государственных институтов многие функции дублируют друг друга, что приводит к излишнему бюрократизму и не способствует оперативности принимаемых решений.

3. Обеспечение макроуровневого баланса закрепленных в законодательных актах и реальных интересов в сфере обеспечения экономической безопасности. Согласно Концепции национальной безопасности Российской Федерации интересы страны в экономической сфере являются ключевыми по отношению к ее интересам во всех иных сферах деятельности. Однако на практике экономические интересы нашей страны приносятся в жертву другим ее интересам, в частности политическим. Об этом свидетельствуют отношения России со странами СНГ, а также Евросоюза и США. Решение данной проблемы позволит совершенствовать механизм обеспечения экономиче-

ской безопасности России и повысить эффективность выполняемых им функций.

4. Минимизация ущерба и противодействие негативным последствиям от вступления России в ВТО. В данную организацию наша страна вступила 22 августа 2012 года. При всех имеющихся плюсах вступление в ВТО оказывает влияние на механизм противодействия криминализации финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций, поскольку последствия данного экономического шага значительно повлияли на экономическое развитие страны, ее регионов, а положение отечественных предпринимателей, занятых в сфере производства, требует разработки новых мер по их защите и противодействию криминализации в связи с возникшей конкуренцией и необходимостью сохранения прибыли. Следует иметь в виду, что позитивные или нейтральные последствия вступления России в ВТО могут значительно варьироваться как в положительную, так и в отрицательную сторону. Ключевым параметром являются структуры издержек хозяйствующих субъектов на уровне региона с учетом величины транспортных и торговых расходов. Снижение экспортных пошлин открыло дорогу импортным товарам на отечественный рынок сбыта, что не может не наложить отпечаток на отечественное производство. В частности, в России после вступления в ВТО применяется единая система преференций для развивающихся и наименее развитых стран в соответствии с правилами ВТО, согласно которым товары развивающихся стран облагаются ввозной пошлиной в размере 75% от общей ставки пошлин, а товары наименее развитых стран облагаются нулевой пошлиной.

5. В настоящее время существует необходимость реформирования системы статистического учета, применяемого в нашей стране. Улучшения требует необходимость отражения содержания угроз экономической безопасности, при этом возможно воспользоваться положительным опытом формирования системы индикаторов, накопленным в странах с развитой экономикой, таких как США, Западная Европа, Япония, Южная Корея, что позволит выявлять наиболее актуальные угрозы экономической безопасности

по различным сферам и перевести механизм противодействия на качественно новый уровень развития, соответствующий современным международным реалиям.

6. Необходимость осуществления регулярного взаимодействия государственных и негосударственных органов в форме смешанных консультативных советов (комитетов, комиссий), создаваемых при соответствующих федеральных и региональных министерствах и ведомствах с привлечением активной части населения. Подобное сотрудничество позволит активизировать с большим эффектом работу по противодействию криминализации финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций, а участие в данной работе гражданских активистов позволит выявлять очаги криминализации наиболее быстро и эффективно и принимать к ним неотложные меры, пресекая распространение криминальных явлений в экономике. Данные комитеты и комиссии, на наш взгляд, должны включать не только органы МВД России и Общественные советы при них, но и другие органы, призванные противодействовать криминализации экономических отношений, такие как налоговая служба, Федеральная служба безопасности, Следственный комитет РФ, таможенные органы и органы прокуратуры, а также необходимо привлекать к данной работе представителей министерств, осуществляющих административные и контрольные функции управления. Совместная работа позволит не только более эффективно противодействовать угрозам криминализации экономических отношений, но и выявлять новые очаги криминализации до их вступления в активную фазу. Сотрудничество правоохранителей с вышеперечисленными ведомствами и государственными управленцами позволит оперативно совершенствовать систему критериев и индикаторов обеспечения экономической безопасности страны.

7. Внесение изменений в штатное расписание ЭБиПК территориальных органов МВД России. Данное направление требует тщательной проработки на уровне Правительства РФ. С каждым днем растет количество экономических преступлений, совершаемых в сфере финансово-хозяйственной деятельности. В на-

стоящее время механизм противодействия криминализации носит «догоняющий» характер, когда меры реагирования на явления криминализации применяются с опозданием. На практике в работе подразделений экономической безопасности органов внутренних дел ни о каком предупреждении экономической преступности речи не идет. Работа в территориальных подразделениях осуществляется по принципу латания дыр, оставленных криминальной экономикой. В связи с этим необходимо увеличить число сотрудников ОЭБиПК путем расширения их штатной численности. К примеру, в г. Твери, занимающей площадь 152 квадратных километра, с численностью населения, по официальным данным, 416442 человека, а по неофициальным – около 500000 человек, с числом коммерческих организаций 20604, число сотрудников ОЭБиПК составляет 18 человек, 6 из которых занимают руководящие должности и не участвуют в раскрытии преступлений экономической направленности. Безусловно, 12 человек на 500000 человек населения и 20604 коммерческих организаций представляется явно недостаточным количеством сотрудников, способных оказывать должное противодействие криминализации экономических отношений хозяйствующих субъектов, не говоря уже об осуществлении упреждающей функции в механизме противодействия криминализации финансово-хозяйственной деятельности.

8. Оптимизация работы органов внутренних дел при выявлении экономических преступлений и расследовании уголовных дел в сфере экономики. Существующая в настоящее время система регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях, в том числе экономической направленности, требует существенной доработки и нововведений, позволяющих оптимизировать работу органов внутренних дел и достигнуть максимального эффекта при осуществлении служебной деятельности.

Что касается оптимизации деятельности органов внутренних дел при расследовании уголовных дел в сфере совершения преступлений коммерческими организациями в сфере финансово-хозяйственной деятельности коммерче-

ских организаций, то здесь мы выступаем с инициативой следующего плана: при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 187 УК РФ, связанных с обналичиванием денежных средств и выводением финансовых активов в неконтролируемый оффшорный оборот, органы предварительного следствие применяют следующую методику расследования: исследуется финансово-хозяйственная документация фирмы-однодневки, через которую происходила «перекачка» денег, после чего отрабатываются контрагенты, на расчетные счета которых денежные средства пошли дальше до снятия наличными. При этом тот факт, что указанная фирма-однодневка является всего лишь звеном в цепи обналичивания, не учитывается, хотя звено может быть и предпоследнее, в результате чего на сам «очаг», спровоцировавший обналичивание денежных средств через фирму-однодневку, действие механизма противодействия криминализации вообще не распространяется, поскольку анализ «прибывших» на расчетный счет фирмы-однодневки денежных средств не ведется, материал проверки в отношении первоисточников обналичивания из уголовного дела в орган дознания не направляется. Между тем, на наш взгляд, это существенное упущение в функциональной работе механизма противодействия криминализации, поскольку с учетом проводимого расследования по данной категории преступлений, напрямую связанной с криминализацией финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций, механизм работает в качестве «латателя дыр», образовавшихся от действий преступников, при этом никакого упреждающего воздействия к первоисточнику не применяется. На наш взгляд, при расследовании данной категории уголовных дел необходимо отслеживать всю цепочку поступления на расчетный счет фирмы-однодневки денежных средств, после чего, при установлении фиктивности совершенных сделок, применять к ним законные меры, в результате чего механизм противодействия криминализации начнет функционировать с гораздо большим коэффициентом полезного действия. Однако для организации работы таким образом необходимо рас-

ширение штата сотрудников, поскольку малыми силами невозможно отработать всю «обнальную» цепочку. Для борьбы с данным криминальным явлением органам внутренних дел, и в частности, подразделениям экономической безопасности, необходимо наладить тесный контакт с кредитными организациями и налоговой службой, для более скорого получения банковских выписок по расчетным счетам и проведения их анализа с целью борьбы с явлением криминализации финансово-хозяйственной деятельности.

Таким образом, механизм противодействия криминализации финансово-

хозяйственной деятельности коммерческих организаций необходимо постоянно совершенствовать, опережая развитие «преступной мысли» в данном направлении деятельности. Механизм должен функционировать динамично и реагировать на любые изменения и уловки желающих преступить черту закона предпринимателей. Только постоянное динамическое развитие механизма противодействия криминализации финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций позволит обеспечить на должном уровне экономическую безопасность Российской Федерации.

Мальков С.М.,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

ПОНЯТИЕ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В переводе с латинского языка «коррупция» («*corruptio*») означает порчу, подкуп, упадок, совращение и свидетельствует о прямом использовании должностными лицами прав, связанных с должностью, в целях личного обогащения, подкуп должностных лиц, политических деятелей. Этимологическое толкование понятия «коррупции» указывает на «моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами»¹.

В справочной литературе выделяются два элемента, составляющие понятие «коррупция», во-первых, как разложение экономической и политической систем в государстве, выражающееся в продажности должностных лиц и общественных деятелей, и, во-вторых, как преступление, выражающееся в использовании должностным лицом прав, предоставляемых ему по должности, в целях личного обогащения.²

Понятие «коррупция» для решения проблем профилактики коррупционной преступности является основополагающим и имеет важное методологическое значение. В криминологической и уголов-

но-правовой науке обозначились три подхода к рассмотрению данной категории.

Первый – легальный (официальный), в соответствие с которым понятие коррупция получило законодательное закрепление в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции». Этот подход рассматривает коррупцию в широком смысле.

Второй подход – традиционно-исторический. В юридической литературе коррупция отождествляется с такими понятиями, как «подкуп и продажность».³ В данном подходе коррупции придается более узкое понимание, поскольку она полностью отождествлялась с такими преступлениями, как дача и получение взятки (взяточничество), а также подкуп служащих коммерческих предприятий.⁴

Третий подход – авторский – рассматривает коррупцию в качестве самостоятельной категории социального явления с различными элементами содержания.

Комментируя ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» профессор Н.В. Щедрин полагает, что коррупционными поступками следует признавать

только незаконное использование своего служебного положения, а извлечение выгод из своего должностного статуса в рамках закона, но в нарушение этических и корпоративных норм, не будет являться проявлением коррупции.⁵

Кроме того, в юридической литературе высказано мнение о двуединой социально-правовой сущности коррупции: с одной стороны, как продажность должностных лиц и использование своего официального статуса в целях получения незаконных преимуществ, с другой – предоставление этими лицами преимуществ заинтересованным субъектам.⁶

Таким образом, вполне обоснованно в литературе обозначились три проблемы относительно содержания коррупции.

Первая проблема касается широкого и узкого определения круга субъектов коррупции. Диапазон позиций относительно субъектов очень широк: от лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, до служащих частных коммерческих структур и некоммерческих организаций.

Вторая дискуссионная проблема – толкование «личной выгоды». Одни связывают коррупцию только с корыстной целью и материальным обогащением, другие трактуют это понятие более широко – использование служебного положения в личных и групповых интересах, получение неимущественных привилегий и др.

Третья проблема, по которой существуют разногласия, – круг деликтов, относящихся к коррупционным. Одни исследователи сводят коррупцию исключительно уголовно наказуемому взяточничеству. Другие полагают, что коррупцию составляют все правонарушения, связанные с корыстным использованием должностного положения, и, наконец, третья группа исследователей относит к проявлениям коррупции не только все правонарушения, но и аморальные поступки, связанные с извлечением личной выгоды вопреки интересам службы.⁷

Следует отметить, что максимально широкое расхождение в оценке признаков и содержания понятия коррупции может быть объяснено тем, что оно дается с позиции разных отраслей науки. С

точки зрения уголовного законодательства к коррупционным фактам относятся практически все преступления, предусмотренные главой 30 УК РФ, а также большинство иных преступлений, совершаемых должностными лицами, не входящими в главу 30 УК РФ.

В Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» определено содержание основных терминов «коррупция» и «противодействие коррупции», закреплены основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения.

В ст. 1 указанного закона под коррупцией понимается:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в п. «а», от имени или в интересах юридического лица.

Особенностью этого законодательного определения коррупции является ее раскрытие через конкретные формы коррупционных правонарушений. Правонарушения, указанные в п. «а» ст. 1 этого закона отражены в УК РФ в виде таких преступлений, как злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере кредитования, совершенные лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3

ст. 159.1 УК РФ) и других коррупционных преступлений, предусмотренных в перечне №23 Указания Генпрокуратуры России №387-11, МВД России № 2 от 11 сентября 2013 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

В этом указании к числу критериев преступлений коррупционной направленности отнесены следующие признаки:

- наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, а также лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации и указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ;

- связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;

- обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);

- совершение преступления только с прямым умыслом.

Значительное внимание противодействию коррупции уделяет международное сообщество, которое, стремясь выработать эффективные меры по предупреждению и искоренению коррупции, приняло следующие документы: конвенция об уголовной ответственности за коррупцию; конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок; конвенция против транснациональной организованной преступности; конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции.

В Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию содержание коррупции включает в себя активный или пассивный подкуп публичных должностных лиц, подкуп в частном секторе, использование служебного положения в корыстных целях, предоставления ненадлежащих выгод или их обещания, отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией, а также правонарушения в сфере бухгалтерского учета.

Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок обязывает каждую из сторон криминализировать подкуп иностранных должностных лиц, а также признать в качестве уголовно наказуемого деяния подстрекательство, содействие и пособничество, равно как и санкционирование действий по подкупу иностранного должностного лица.

Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции призывает Государств-участников признать в качестве уголовно наказуемых следующие деяния, когда они совершаются умышленно: подкуп национальных и иностранных публичных должностных лиц, а также вымогательство или принятие публичным должностным лицом незаконного вознаграждения; хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом; злоупотребление влиянием в корыстных целях; злоупотребление служебным положением; незаконное обогащение; подкуп в частном секторе; хищение имущества в частном секторе; отмывание доходов от преступлений; сокрытие или непрерывное удержание имущества, воспрепятствование осуществлению правосудия в связи с коррупционными правонарушениями.

Таким образом, можно дать следующее авторское понятие коррупционной преступности — это международное, социально-правовое и относительно массовое явление, включающее совокупность преступлений, совершенных государственными и муниципальными служащими с использованием служебного положения и должностных полномочий, вопреки законным интересам граждан, общества и государства, в личных, корпоративных или иных целях.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 298.

² Политология: Словарь-справочник. М., 2001. С. 124.

³ Астанин В.В. Коррупция и борьба с ней в России второй половины XVI-XX вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 10.

⁴ Павловская Н.В. Коррупция в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: криминологические и уголовно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С.21.

⁵ Щедрин Н.В. Определение коррупции в федеральном законе // Криминологический журнал

Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 3. С. 31.

⁶ Максимов С.В. Предупреждение коррупции. М., 1994. С. 7.

⁷ Мальков С.М., Токманцев Д.В. Проблемы профилактики коррупционной преступности в органах наркоконтроля. Красноярск, 2016. С. 11.

Погодина Т.Г.,

доктор медицинских наук

Нижегородская академия МВД России

Берзинь О.А.,

доктор юридических наук

Нижегородской академии МВД России

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Борьба с коррупцией была и остается первоочередной задачей государства, так как сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений рассматривается в числе главных стратегических рисков и угроз национальной безопасности России в экономической сфере.¹ В соответствии с положениями статьи 41 Конституции РФ медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения у нас оказывается бесплатно (за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов и других поступлений). Тем не менее порой получить квалифицированную качественную помощь безвозмездно затруднительно. Сфера здравоохранения на протяжении последних десятилетий считается одной из самых коррумпированных. Данная закономерность актуальна не только для России, но и для многих других стран, на что указывают специалисты международного Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл» (ТИ). При этом выявляется типичность коррупционных действий, на основе которой возможно формирование закономерностей преступной деятельности коррупционной направленности в сфере здравоохранения.

В основе данных закономерностей лежит целый ряд обстоятельств, которые выступают в качестве предпосылок преступной деятельности. Одной из первых можно выделить диспропорцию получаемой информации в связи с тем, что медицинские работники изначально имеют большую осведомленность о состоянии здоровья пациента, о его заболевании, особенностях течения и подходах к лечению в силу профессионального образования. Течение заболевания порой трудно прогнозируемо, и у каждого больного существуют индивидуальные особенности, которые могут влиять на длительность процесса. Существенной предпосылкой является низкий уровень заработных плат в среде медицинских работников. И, наконец, в самой сфере здравоохранения на разных этапах оздоровления задействовано много разнообразных участников лечебного процесса, способных предоставлять разные по содержанию услуги: младший и средний медицинский персонал, врачи – специалисты разного профиля, организаторы здравоохранения, поставщики медикаментов и оборудования, фармацевты и прочие. Все эти юридические и физические лица формируют коррупционную среду.

Расхищение средств, выделяемых на здравоохранение, может происходить как на государственном, муниципальном уровнях, так и на уровне отдельных организаций и учреждений. Расхитителями могут быть и физические лица, использующие закупленное оборудование, лекарственные средства для личных целей или в частной практике.

Среди видов преступлений коррупционной направленности в сфере здравоохранения эксперты выделяют: коррупцию в учреждениях, оказывающих медицинскую помощь, растрату и расхищение средств, выделенных на здравоохранение, коррупцию в сфере государственных закупок и в системе поставок лекарственных препаратов. Среди преступлений особое значение имеют взяточничество и мошенничество.

В государственных учреждениях здравоохранения возможно вымогательство и согласие на получение взяток за те услуги, которые предоставляются бесплатно, за создание комфортных условий, нарушение очередности, кажущиеся привилегии, «особое отношение». Вымогательство возможно при лицензировании учреждений, аккредитации, обучении персонала. Особого внимания требует сфера государственных закупок, где возможны «откаты» при приобретении дорогостоящего оборудования, производстве ремонтных работ. В результате возникают переплаты, не соответствующие качеству приобретенного товара или услуги.

Сущность «отката» заключается в предоставлении подрядчиком должностному лицу, являющемуся заказчиком, незаконного вознаграждения в размере части цены государственного контракта.

Незаконное вознаграждение может быть получено за содействие в заключении контракта, завышении стоимости товара или услуг, поставляемых на основании контракта. По данным, полученным некоторыми исследователями, размеры «откатов» колеблются от 5% до 20%, а в отдельных сферах (в том числе, в осуществлении государственных закупок) могут составлять свыше 50% затрат, понесенных предпринимателями.²

Особого внимания требует проблема подделки медицинских документов, среди которых чаще других выписываются фиктивные справки, выдаются листки нетрудоспособности, рецепты. Данные виды преступлений квалифицируются по совокупности – получение взятки (ст. 290 УК РФ) и подделка документов (ст. 292 «Служебный подлог»).

Возможно выставление незаконных счетов или их подделка с выпиской квитанций, расходных документов страховым компаниям, учреждениям, пациентам с указанием максимального количества услуг для увеличения размера оплаты.

Вопиющими являются случаи неоправданного медицинского вмешательства, когда выполняются действия, процедуры, не соответствующие состоянию здоровья пациента для увеличения счета за лечение. В таких случаях речь может идти и о причинении вреда здоровью, доказать который можно прибегнув к производству судебно-медицинской экспертизы.

Преступления коррупционной направленности могут быть в системе поставок медикаментов. На сегодняшний день производство и распространение фальсифицированных лекарств отнесено к разряду экономических преступлений, угрожающих жизни и здоровью людей. В Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрена ответственность за незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235.1 УК РФ), оборот фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238.1 УК РФ), а также за подделку документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств или медицинских изделий (ст. 327.1 УК РФ). Оборот фальсифицированных лекарственных средств обязательно подразумевает распространение, то есть организацию хранения, перевозки и сбыта. Когда фальсификат выходит на рынок, часть его поступает в аптеки, связанные с организованной преступной группой, где фармацевты умышленно реализуют его, в других случаях реализация про-

исходит неумышленно из-за доверия поддельным документам. Известно, что большая часть сбывается через интернет-аптеки. Но при рассмотрении преступлений коррупционной направленности речь идет не только о разрешении на торговлю фальсификатами, но и о «предпочтении» определенных лекарственных средств. При этом предусмотрена материальная заинтересованность врачей и организаторов здравоохранения в продвижении лекарств определенных производителей.

Таким образом, наиболее типичные виды коррупции в здравоохранении характерны для многих стран мирового со-

общества, в том числе и для России. Данные виды преступлений имеют свои предпосылки, и каждое направление на практике наполняется множеством отдельных коррупционных проявлений, трудно поддающихся какому-либо учету.

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.10.2017) // СПС КонсультантПлюс.

² Зенкин А.Н. «Откат» с государственного или муниципального заказа и его уголовно-правовая квалификация // Уголовное право. 2012. № 1. С. 29-31.

Мартыненко С.В.

Центр по противодействию экстремизму
Главного управления МВД России
по Красноярскому краю

ПРИЧИНЫ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В МИРОВОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА

Экстремизм является одной из наиболее сложных проблем современного российского общества, что связано в первую очередь с многообразием его проявлений, стремительной изменчивостью восприятия веры и религии среди молодежи, а также зачастую с незнанием истории своего общества и государства.

Информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций, которые используются ими для привлечения в свои ряды новых членов и адептов, а также распространения экстремистской идеологии посредством размещения фото-, видео- и иных информационных материалов радикальной направленности. Как указано в ст. 21 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года лидеры экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются преимущественно на молодежь, при этом повышенное внимание проявляют к отличающимся высокой степенью организованно-

сти неформальным объединениям националистов, организациям футбольных болельщиков, активно вовлекая их членов в свои ряды, провоцируя на совершение преступлений экстремистской направленности, в том числе в ходе проведения спортивных и культурных мероприятий.

С появлением сети Интернет молодежь все больше свободного времени проводит, знакомясь в ней с различной информацией, в том числе содержащей материалы экстремистского характера.

Представители молодежи пытаются проявить себя через экстремистские действия в сети Интернет, что определено:

- особым психологическим состоянием, свойственным молодости (лабильность сознания, склонность к риску);
- транзитивным положением молодежи, промежуточностью ее социального статуса, неопределенностью социальных идентификаций;
- невысоким материальным положением, отсутствием перспектив его кардинального улучшения;

— особыми, нестабильными, противоречивыми условиями жизнедеятельности общества, при которых молодежь не в полной мере может реализовать себя;

— недоверием к власти, политическому строю либо идеологии.

В итоге указанные противоречия способствуют формированию экстремальных типов сознания и поведения молодежи, ее социально-групповых характеристик, то есть происходит нарушение границ экстремальности и перерастание ее в экстремизм.

Необходимо отметить, что сеть Интернет является общедоступным источником практически любой информации. Ее пользователи зачастую сами не понимают, что зомбированы информацией, направленной на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности Российской Федерации либо возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию. К сожалению, в настоящее время пользователей сети Интернет, размещающих такие материалы, немало. Впоследствии их действия расцениваются как уголовно наказуемые, а лица, разместившие материалы, подлежат уголовному преследованию.

Чтобы не допустить рост преступности, совершаемой молодежью в сети Интернет, и минимизировать ее последствия, субъектам противодействия экстремизму необходимо в комплексе проводить профилактическую работу.

Во-первых, важным социальным институтом, имеющим возможность всецело реализовать государственную политику по работе с молодежью, является школа, которая выступает в качестве важного инструмента в процессе государственного воспитания молодежи. Вслед за школой социализаторские функции выполняют вузы, а также технические и профессиональные учебные заведения. Но значимость обучения и воспитания в школе гораздо важнее всех остальных стадий социализации ввиду того, что сознание личности в большей мере развивается в период школьного обучения и именно в этот период у общества имеется возможность положительным образом

повлиять на формировании личности индивида. В сложившихся современных условиях лишь с помощью программно-целевого подхода возможна результативная профилактика экстремизма.

Во-вторых, сегодня в условиях невозможности полного предотвращения распространения экстремизма силовыми средствами необходимо использовать меры информационно-пропагандистского, политического и социально-экономического характера.

В-третьих, через родительское воспитание прививать молодежи чувство патриотизма и уважительного отношения ко всем этносам и религиям, при этом наталкивать на выбор авторитетов среди деятелей культуры, науки, спорта, а также других направлений деятельности, где немаловажным фактором является соблюдение моральных норм и принципов современного общества.

В-четвертых, заполнить пустоты в свободном времени молодежи, привлекая их к участию в различных творческих и спортивных мероприятиях, где каждый может реализовать свои духовные и физические потребности.

Не менее важным направлением противодействия молодежному экстремизму выступают практика назначения и отбывания уголовного наказания (карательная практика) лицами, участвующими, склоняющими, организующими экстремистские сообщества и организации, совершенствование нормы о сроках давности привлечения их к уголовной ответственности и наказания. В связи с этим представляется обоснованным обратить внимание на необходимость корректировки уголовного законодательства с целью усиления ответственности данных лиц.

Отсутствие в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации деления осужденных на группы в зависимости от мотивов, степени тяжести и рецидива преступлений, а также облегченный режим отбывания наказания, особенно в исправительных колониях общего и строгого режимов, позволяют активно продолжать преступную деятельность, в том числе как осуществлять руководство совершением преступлений за пределами исправительного учрежде-

ния, так и вовлекать в преступную деятельность значительную часть лиц, отбывающих наказание.

Таким образом, лицо отбывающее наказание за организацию экстремистского сообщества, может склонять к ее деятельности сокамерников. Также в местах лишения свободы возможна вербовка в экстремистские и террористические организации, запрещенные на территории России: «Исламское государство», «Правый сектор» и др.

Несмотря на проведение постоянных профилактических мероприятий, меро-

приятий по выявлению и предупреждению преступлений экстремистской направленности субъектами антиэкстремистской деятельности, органами государственной власти и местного самоуправления, а также сотрудниками оперативных подразделений МВД России, на фоне прогрессирующих современных технологий необходимо уделять особое внимание материалам, распространяемым в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети Интернет.

Тепляшин И.В.,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский федеральный университет
(г. Красноярск)

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Сегодня следует обратить внимание на социально-правовую активность граждан в части взаимодействия с государственным аппаратом, общественное присутствие при решении ключевых вопросов борьбы с преступностью и противодействия коррупции. Представляется, что изучение и сущностное понимание правовых средств, находящихся в арсенале институтов гражданского общества, способно предотвратить возможные антикоррупционные проявления сегодня, а также гармонизировать соответствующую совместную деятельность государства и общества в дальнейшем. Надо заметить, что и в советский период формировалось антикоррупционное законодательство, предусматривающее участие общественности. В такой модели общественность обладала определенными организационно-управленческими возможностями: вспомним товарищеские суды, участие граждан в охране общественного порядка, институт наставничества, наказания избирателей и возможность обсуждать законопроекты, институт профсоюзных делегатов и народных судебных заседа-

телей и пр. Но подобная деятельность носила вспомогательный характер и представлялась преимущественно как совокупность превентивных мер и воспитательных средств, усиливающих правоохранительную деятельность государства в том числе в борьбе с коррупцией.

В современное время основой эффективной модели противодействия коррупции являются социально-правовые условия и правовые средства, обеспечивающие участие граждан в управлении делами государства. В свою очередь, правовые средства – это совокупность юридических приемов, инструментов, а также деятельность правового характера, направленная на достижение юридически значимых задач и социально полезных стремлений. Правовые средства зависят от нормативных правовых предписаний (установлений) и опосредованы юридической практикой.

Можно назвать следующие правовые средства (формы деятельности), обеспечивающие участие общественности в механизме противодействия коррупции.

1. Формы непосредственной демократии. Это демократические выборы, референдум, обращения граждан, публичные мероприятия (собрания, митинги и демонстрации, шествия, пикетирования), формирование и деятельность общественных объединений (политических партий, общественных движений и др.). Можно назвать и местное самоуправление, которое включает собственные формы ее осуществления. Указанные правовые средства в определенной мере являются формами демократии, которые выступают основополагающими не только в функционировании государственного механизма, но и в вопросах укрепления законности и государственного строя. Они способствуют вытеснению из государственного аппарата неблагонадежных элементов и находящихся в контакте с преступным сообществом политических групп. Кроме этого состояние действующей демократической системы основывается на принципах прозрачности, гласности и внешнего контроля, которые важно не только укреплять, но и развивать.

2. Институт общественного контроля. При этом контроль (фр. *conlrole* – проверка) предполагает управление объектами и процессами с целью проверки деятельности органов власти, постоянное наблюдение за их деятельностью. Российское законодательство определяет, что общественный контроль – это деятельность соответствующих субъектов, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной и муниципальной власти, иных органов и организаций в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений. Граждане участвуют в осуществлении общественного контроля в качестве общественных инспекторов и общественных экспертов, с возможностью формирования таких групп, как общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля, иные организационные структуры общественного контроля. При этом можно назвать несколько достаточно активных общественных организаций, реализующих свою деятельность в дан-

ной сфере. Например, национальный антикоррупционный комитет, Центр противодействия коррупции в органах государственной власти, Общественная комиссия по борьбе с коррупцией, Общероссийский Народный Фронт и др.

3. Обращения граждан в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Эти средства способствуют усилению внимания и внешних надзорных возможностей за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, устранению нарушений законности и прав человека. Обращения, как правовое средство, позволяет гражданам направлять внимание компетентных органов на возможные факты коррупционного характера. Такой режим, предполагающий совместную работу государственных и негосударственных структур, как правило, осуществляется в сокращенные сроки при рассмотрении данных обращений, с использованием оперативной информации правоохранительных органов и обязательным участием независимых экспертов.

4. Комиссии и советы с участием представителей общественности (независимых экспертов, активистов антикоррупционных организаций, специалистов в конкретных сферах). Это конкурсные комиссии при поступлении на государственную службу, комиссии по урегулированию конфликтов интересов в органах государственной власти, деятельность общественных наблюдательных комиссий, осуществляющих общественный контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, избирательные комиссии, а также советы, формируемые при органах государственной власти и органах местного самоуправления. К этой группе в известной мере можно отнести экспертов. Ярким примером может служить правовой статус Общественной палаты Российской Федерации. В некоторых случаях на уровне субъектов Российской Федерации можно наблюдать процессы вовлечения в эту деятельность молодежных организаций. Так, формируются и действуют Молодежные экспертные советы, Молодежные правительства дублеров, Молодежные избирательные

комиссии отдельных субъектов РФ. Хотя эффективность и качество подобной деятельности еще только формируется, но все же она является перспективной и идеологически востребованной.

5. Участие граждан в доведении и рассмотрении информации о фактах коррупции в СМИ. Сегодня активно реализуются механизмы горячих линий для сообщений о фактах коррупции, например, горячая линия «Стоп коррупция» Общественной палаты РФ. Используются печатные издания. Данная информация также озвучивается на информационных площадках: в ходе диспутов, дискуссий, общественных форумах, конференциях, общественных слушаниях, иных форматах публичных обсуждений соответствующей информации. Наряду с этим, научное сообщество проводит анализ тенденций информатизации общества и развития информационного права. Это научное направление, несомненно, окажет положительное влияние на противодействие коррупции.

6. Независимая антикоррупционная экспертиза. Здесь можно говорить об альтернативных государственным экспертным объединениям, агентствах, отдельных специалистах, предметом исследования которых являются законопроекты и уже вступившие в силу законы, устанавливающие порядок и результаты деятельности государственных органов и органов местного самоуправления через призму реализации ими общественных потребностей, гарантирования прав и законных интересов граждан. Вместе с тем особое место занимают антикоррупционные экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, проводимые институтами гражданского общества и гражданами.

7. Запрос и поиск информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Данное правовое средство в механизме

противодействия коррупции может принадлежать не только органам власти, но и гражданам и их объединениям, что допускает российское законодательство. При этом доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления ограничивается в случаях, если указанная информация отнесена в установленном федеральным законом порядке к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну. Законодатель закрепляет способы обеспечения доступа к подобной информации: обнародование (опубликование) компетентными органами информации о своей деятельности в СМИ, размещение информации о своей деятельности в сети Интернет, размещение информации о своей деятельности в помещениях, занимаемых органами; ознакомление граждан с данной информацией в помещениях, занимаемых органами, а также через библиотечные и архивные фонды и др. Надо отметить, что со стороны граждан и общественных объединений может осуществляться также доступ к информации о деятельности судов в Российской Федерации.

Данные правовые средства сегодня реализуются достаточно активно и в определенной мере способствуют повышению качества реализации антикоррупционного законодательства с участием российской общественности. И все же важно создать гармоничную и соответствующую социальным интересам общества нормативно-правовую конструкцию системного взаимодействия личности и государства направленную на эффективное противодействие коррупции. При этом человек, его интересы и социальные потребности, учет законной позиции российской общественности должны стать узловыми элементами данного правового механизма.

Качурова Е.С.,

кандидат юридических наук

Иркутский институт (филиал)

Всероссийского государственного уни-

верситета юстиции

(РПА Минюста России)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ИНТЕРАЦИОННО ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Несмотря на общее снижение уровня зарегистрированной преступности в Российской Федерации в последние годы и, как следствие, уменьшение количества осужденных к лишению свободы (по состоянию на 1 января 2018 г. в тюрьмах, исправительных колониях и следственных изоляторах содержались порядка 630 тысяч человек), что также коррелирует с процессом либерализации уголовно-исполнительной политики и гуманизацией применения наказания, контингент в исправительных колониях (далее ИК) продолжает ухудшаться, в основном из-за увеличения числа интерационно осужденных, отбывающих наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления не первый раз. Уровень рецидивной преступности среди ранее осужденных лиц продолжает расти. На сегодняшний день около 45% всех обвинительных приговоров выносятся в отношении ранее судимых лиц. Среди находящихся в местах лишения свободы осужденных доля ранее отбывавших наказание лиц к 2016-2017 гг. достигла 63-64%, хотя до 2012 г. не превышала 50-53%. Усложняет положение и тот факт, что число лиц, отбывающих наказание два и более срока, увеличивается (около 37% от общего числа осужденных).¹

В 2010 г. была принята Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г., одной из основных целей которой ставилось «сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы, проведение в местах лишения свободы мероприятий в целях адаптации в об-

ществе освободившихся осужденных, в том числе с участием гражданского общества»².

Процесс ресоциализации можно рассматривать как комплекс государственно-правовых, организационно-практических мер по восстановлению утраченных или ослабленных в результате изоляции социальных связей, усвоению осужденными стандартов поведения и ценностных ориентации, подчинению правовым нормам поведения, оказание содействия в их трудовом и бытовом устройстве в период подготовки к освобождению и после отбывания уголовного наказания.³

Для подготовки интерационно осужденных к позитивным изменениям, связанных с освобождением, необходимо осуществлять комплекс мер, направленных на исправление в процессе отбывания наказания. В первую очередь, сами осужденные должны осознавать реальную возможность жизни вне исправительного учреждения (далее – ИУ), что достаточно проблематично для лиц, отбывающих второй и третий срок, утративших или даже не успевших приобрести социальные связи вне колонии, имеющих стойкую криминальную деформацию. Такая система должна быть направлена на устранение причин, условий и факторов, которые вызывают отклонения в развитии личности осужденных.

Применительно к рассматриваемой проблеме следует подчеркнуть значение обеспечения неукоснительного соблюдения режима, что не только несет карательный эффект, но и является обязательным условием для достижения эффекта исправительного. Незаконные действия и требования администрации и сотрудников учреждения, исполняющего

наказание, повышают и без того высокий уровень конфликтности в ИК, вводят осужденных в состояние стресса, вызванного постоянной угрозой за свою жизнь и здоровье. Основную опасность представляют конфликты среди осужденных. Разумеется, такие ситуации являются питательной средой для противоправной деятельности, в целом делают процесс исполнения наказания не продуктивным. Исправительному воздействию подлежат любые проявления девиантного поведения, отклоняющегося от норм, в том числе требований режима. В отличие от предупреждения как цели наказания объектом коррекции должно быть любое правонарушение, акт неповиновения и даже нестандартного поведения, поскольку они представляют собой обстоятельства, непосредственно продуцирующие криминальную активность осужденных.

Одним из необходимых условий процесса исправления является системность, включающая регламентированный правовой подход к ресоциализации как особой области социального управления, а также комплексность мероприятий при непосредственном взаимодействии субъектов исправления, достигаемые путем программирования исправительной деятельности, а также правовых и организационных мер по ее координации.

Субъектами исправительной работы в местах лишения свободы, являются администрация ИК, воспитательные аппараты, психологические службы, общественные организации (например, в лице представителей духовенства или комиссии по правам человека), родные и близкие осужденных. При подготовке успешной ресоциализации важно взаимодействие субъектов для дальнейшей адаптации на всех уровнях социальной среды, включая само общество, трудовой коллектив, семью, круг общения освободившихся. В связи с чем важно повлиять на отношение социума к ранее судимым лицам, законодательно урегулировать и повысить уровень ответственности государства за судьбы тех, к кому применялось наказание в виде лишения свободы. Любое наказание имеет срок, как минимум негуманно считать, что лица, неодно-

кратно судимые, не могут рассчитывать на достойный уровень жизни и стать полноценными законопослушными членами общества. Напротив, общество обязано контролировать процесс ресоциализации, быть его полноправным участником. В противном случае «социальные изгои», не найдя себе место в реальной жизни, непременно найдут способ вернуться в привычную «тюремную матрицу», и способ возвращения станет не просто новым преступлением, а расплатой за невнимание и брезгливость всем законопослушным гражданам, толерантно относящимся к давно известным реалиям страшного и жестокого тюремного мира.

Для успешного исправления рецидивистов в местах лишения свободы необходим целеустремленный, планомерный и перспективный подход. Важно не только внешнее формальное соответствие условий отбывания наказаний, но и внутреннее, скрытое от проверок смысловое значение изоляции высоким целям государственного принуждения.

Однако предоставлять осужденным особые «тепличные» условия в ИК, создавая дополнительные бонусы отбывания наказания в виде спортивных залов, студий и секций вовсе не обязательно. Финансирование ИК последние годы заметно увеличивается, что важно для создания нормальных условий жизни осужденных, но никак не связано с процессом их исправления. Гораздо важнее финансировать программы подготовки ресоциализации, направленные на обучение элементарным навыкам социального взаимодействия, повышение личностного роста и умение правильно реагировать на любые ситуации. Для этого важно поменять не форму, а содержание самого процесса отбывания наказания, в первую очередь повысить престиж сотрудников УИС и изменить нормативно-правовую базу, регламентирующую процесс отбывания наказания в виде лишения свободы, который в настоящий момент не достигает своих целей.

К слову, ресоциализация интеракционно осужденных возможна лишь в условиях правового государства, где законодательство предусматривает ответствен-

ность органов исполнительной власти перед гражданами, включая опеку и контроль над бывшими осужденными. Однако создать такое гражданское общество невозможно, если в нем до сих пор существуют места, где действуют криминальные законы выживания и постоянно существует угроза жизни и здоровью людей, пусть и нарушивших закон, но имеющие шанс на исправление, которого они зачастую лишаются вместе со свободой с момента своего первого срока пребывания в колонии.

¹ Практика рассмотрения ходатайств о досрочном освобождении осужденных в российских судах : аналитический отчет (версия для контролирующих органов) / под ред. О.М. Киюциной ; ИПСО. СПб., 2016. 102 с.

² О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р (в ред. от 31.05.2012) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

³ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3851.

Шерстяных А.С.,

кандидат технических наук, доцент

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В последнее время все чаще в новостях появляются сюжеты о событиях, связанных с проявлением расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды. Для России, являющейся многонациональной и многоконфессиональной страной, проявление таких настроений способствует увеличению социальной и внутригосударственной напряженности и поэтому представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности государства.

Несмотря на то, что количество преступлений террористического характера и экстремистской направленности сравнительно невелико (по сравнению с общим количеством зарегистрированных преступлений), проблема от этого не становится менее важной. Так, в 2017 г. зарегистрированы 2058476 преступлений, из них террористического характера – 1871 и экстремистской направленности – 1521¹, что составляет 0,09% и 0,073% соответственно от общего количества преступлений. В 2016 г. эти показатели составили 1450 преступлений экстремистской направленности и 2227 – террористического характера. По сравнению с

прошлым годом количество зарегистрированных преступлений в 2017 г. террористического характера уменьшилось на 16,0%, экстремистской направленности – увеличилось на 4,9%.

Анализ публикаций позволяет сделать вывод, что увеличение выявлений преступлений экстремистской направленности связано с переориентированием экстремистских организаций для работы в Интернете², представляющем собой весьма удобную площадку для пропагандистской деятельности и привлечения сторонников с помощью социальных сетей.

Для разработки мер профилактики преступлений террористического характера и экстремистской направленности необходимо иметь представление о состоянии соответствующей преступности через определенный промежуток времени.

Преступность, как любое социальное явление, носит стохастический характер. Количество зарегистрированных преступлений является, по сути, случайным числом, складывающимся из совокупности разнообразных общественно опасных посягательств, совершаемых различными

людьми, находящимися в различных жизненных ситуациях, эмоциональном состоянии и других условиях. Причем в каждом конкретном случае не исключена возможность того, что, сложись обстоятельства по-другому, преступление не произошло бы вовсе.

Поэтому выявленные закономерности являются статистическими, то есть они проявляются только при анализе большого количества событий (согласно закону больших чисел).

Прогнозирование преступности – выявление возможных (вероятностных) закономерностей изменения рассматриваемого процесса в будущем, а также определения на этой основе мер стабилизации этого процесса в нужном для общества и государства направлении.

В литературе чаще всего встречаются следующие методы прогнозирования: экспертных оценок, экстраполяции (выявление тенденции) и моделирования.

Поскольку преступность является стохастическим процессом, добиться абсолютно точного прогноза крайне сложно. Для таких процессов характерно прогнозирование лишь приблизительных значений. Поэтому основной задачей статистического анализа ставится выявление тенденции развития процесса во времени.

Экспертные оценки – предположения эксперта, специалиста в конкретной области, о том, как будет развиваться процесс в будущем. Также эксперты могут дать заключения или рекомендации относительно предпочтительных вариантов управленческих решений, которые позволят в той или иной мере повлиять на динамику исследуемого явления. При этом необходимо подчеркнуть, что специалист-эксперт несет ответственность за свое экспертное заключение. Поэтому его предположения и/или рекомендации должны быть свободны от внешнего влияния или собственной выгоды. Как правило, при использовании этого метода приглашаются не менее двух взаимодействующих между собой или независимых друг от друга экспертов.

Метод экстраполяции – выявление на основе имеющихся значений за предыдущие периоды тенденций изменения

изучаемых показателей и продление их в будущее. Как правило, используется линейная функция (так называемая линия тренда), коэффициенты которой подбираются по методу наименьших квадратов. Этот метод является самым простым способом оценить тенденции развития процесса во времени. В основе метода лежит предположение о том, что закономерности развития процесса в будущем будут такие же, как в прошлом и настоящем. Достоверность получаемых таким способом прогнозов зависит от периода прогнозирования: краткосрочные прогнозы более надежны, чем долгосрочные.

При анализе показателей преступности кроме выявления основной тенденции развития явления не менее важной представляется задача определения взаимосвязи признаков изучаемого общественного процесса.

Наиболее простым методом выявления зависимости между факторами, носящими случайный характер, является метод корреляционного анализа. Он позволяет выявить взаимосвязи между двумя стохастическими процессами (когда средняя величина одного из них меняется в зависимости от значения другой). Поэтому говорят, что корреляционная зависимость проявляется не в единичном (конкретном) случае, а в массе. Например, проведение профилактических мероприятий среди населения приводит, как правило, к уменьшению количества зарегистрированных преступлений, но совсем не обязательно проявится в каждом конкретном случае, поскольку является следствием множества других неизвестных факторов.

При проведении корреляционного анализа не только решается задача установления факта наличия связи между двумя признаками, но и осуществляется количественная оценка взаимосвязи изучаемых признаков. Для моделирования отбираются только те признаки, которые оказывают наибольшее влияние на показатели преступности.

При этом следует учитывать, что число факторов, так или иначе влияющих на динамику преступлений террористического характера и экстремистской на-

правленности, достаточно велико и их воздействие до конца не изучено. Анализ публикаций показал, что чаще всего в литературе в качестве таких факторов указываются следующие:

- расслоение общества по уровню дохода;
- увеличение безработицы;
- детская и подростковая беспризорность;
- духовно-нравственная трансформация общества;
- миграционные процессы;
- преступления, связанные с наркотиками и незаконным оборотом оружия.

Моделирование – прогнозирование показателей преступности, опирающееся на изучение взаимодействия различных социально-экономических процессов, происходящих в обществе и существенно влияющих на нее.

Поэтому первым этапом построения модели прогноза преступности является выявление факторов, влияющих на количество преступлений террористического характера и экстремистской направленности в наибольшей степени.

Затем с помощью методов регрессионного анализа строится математическая модель, по которой возможно осуществить прогноз количества преступление в будущем. Процесс подбора соответ-

ствующей модели распадается на две части: сначала выбирается вид формулы, затем с помощью специальных математических методов подбираются соответствующие коэффициенты, для которых приближение выбранного вида функции к исходным статистическим данным оказывается наилучшим.

Знание причинно-следственных зависимостей между показателями, характеризующими динамику преступлений террористического характера и экстремистской направленности, тенденции ее развития во времени, социально-экономическое состояние рассматриваемой территории, результаты деятельности правоохранительных и других структур, является важным условием противодействия указанным преступлениям и во многом определяет выбор конкретных форм и методов деятельности соответствующих органов.

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2017 г. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1241295> (дата обращения: 30.01.2018).

² Ступина С.А. Современное состояние экстремизма, терроризма и насильственной преступности в Сибирском федеральном округе // Криминологические реалии и перспективы XXI века : материалы Байкальского юридического форума. Иркутск, 2017. С. 86-94.

Комлев Ю.Ю.,

доктор социологических наук, профессор

Казанский юридический институт
МВД России

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В HIGH-TECH ЭПОХУ

Технологии меняют жизнь человечества не впервые. В XX веке прогресс информационных технологий привел к «информационному взрыву». Наглядным примером являются данные главы Alphabeth Эрика Шмидта, в соответствии с которыми от начала цивилизации и до 2003 г. было создано около 5 экзбайт (5000000000 Гб) информации. Сегодня

же человечество продуцирует такой объем данных всего за 2 дня.¹

Технологическая революция, информатизация, кибернетизация, интернетизация социума эпохи постмодерна спровоцировали процесс его дальнейшей дегенерации. Инновации, увы, создают не только прогрессивные социальные изменения, порождая новый тип общества, культуры и уровень благосостояния, но и

продуцируют технологически детерминированные формы девиантности и преступности.

Обзор литературы на основе изучения широкого круга зарубежных англоязычных источников и исследований отечественных авторов показал, что к числу совершенно новых исследований нужно отнести работу полицейского аналитика Марка Гудмана (*Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It*, 2015) и труд отечественных исследователей Е.С. Лариной и В.С. Овчинского², а также публикации российских девиантологов Я.И. Гилянского, Я. Костюковского, Ю.Ю. Комлева и других авторов на заданную тему.³

В данных тезисах на основе типологизации выделены и структурированы известные и новые виды кибердевиантности.

Основные результаты анализа состоят в следующих обобщениях.

1. Криминализация ряда деяний в России, связанных с правонарушениями в компьютерной сфере, произошла с принятием УК РФ (гл. 28). В 1997 г. были зарегистрированы 33 преступления, а в 2005 г. – 10214, то есть их количество выросло в 310 раз.⁴

2. Понятие «киберпреступность» как разновидность девиантности включает различные формы преступной активности не только в связи с использованием компьютеров или в компьютерной сфере, но и деликты, совершаемые в киберпространстве.

3. Киберпреступность принимает много форм. Она включает: хищение идентификационных данных, интернет-мошенничество, нарушение законов об авторском праве, «взламывание» компьютерных систем, создание и распространение полиморфных вирусов и DDoS-атаки, распространение спама и другие.

4. Современные зарубежные исследователи киберпреступности в рамках интегративного междисциплинарного подхода все больше концентрируются на изучении ряда новых проблем:

– использование инновационных технологий хранения данных в киберпро-

странстве (например, при хищении криптовалюты);

– влияние распространения социальных сетей на киберпреступность;

– использование сетевого фактора в кибертерроризме;

– изучение поведения жертв и преступников в киберпространстве;

– разработка политики и инструментов по обеспечению кибербезопасности;

– защита инфраструктуры от киберпреступности.⁵

5. Незаконный доход среднего киберпреступника в современном Нью-Йорке, по данным полиции, в семь раз превышает добычу обычного преступника. Раскрываемость традиционных преступлений в этом мегаполисе составляет в разные годы от 40 до 60%, а киберпреступлений – 4%. Иными словами, киберпреступность – это высокодоходная и малорискованная криминальная деятельность.⁶ Закономерно, что в последние годы при существенном сокращении общего количества преступлений в России криминальная активность постепенно сместилась в виртуальную сферу интернет-пространства.

6. Велик и постоянно растет ущерб от киберпреступлений. В 2018 г. на Всемирном экономическом форуме было признано, что киберпреступность является одним из наиболее критических глобальных рисков.

7. Для защиты глобального киберпространства в Давосе было заявлено о создании Глобального центра кибербезопасности, целью которого является учреждение первой международной платформы для правительств, компаний, специалистов и правоохранительных органов, предназначенной для сотрудничества по преодолению проблем кибербезопасности.

Типологизация киберпреступлений. Анализ зарубежных и отечественных источников позволяет сделать ряд констатаций и обобщений, характеризующих многообразные проявления современной киберпреступности:

1) криминальная активность в интернет-торговле. Проявление данного феномена – явное следствие незаконного дос-

тупа преступников к конфиденциальной информации фармацевтических компаний;

2) киберворовство как похищение программных продуктов. Как свидетельствует отчет компании Software Publishing Association (SPA), глобальные потери от компьютерного пиратства в уже в 1996 г. составили 11,2 млрд. долларов, поскольку на мировом рынке программных продуктов почти каждая вторая разработка является пиратской копией. Некоторые развивающиеся страны имеют особенно высокий уровень незаконного использования программных продуктов. Например, из всех компьютерных программ, используемых во Вьетнаме, 99% скопированы незаконно⁷;

3) киберворовство как похищение конфиденциальной информации. Современные киберпреступники могут обнулить банковские счета, стереть содержание компьютерных серверов. До настоящего времени нет компьютерной системы, которую невозможно было бы взломать;

4) киберхулиганство. Уничтожение или изменение частных или конфиденциальных корпоративных данных с целью компьютерного хулиганства. Создание и распространение разрушительных компьютерных программ-вирусов («червей», макро- или полиморфных вирусов) получило массовое распространение;

5) киберсталкеры. В отечественной литературе, кроме работ Я.И. Гилинского, практически нет упоминаний о новых девиантах киберсталкерах (stalkers — упорные преследователи, «охотники»), в отличие от публикаций зарубежных психиатров и криминологов. Речь идет о девиантах, преследующих кого-либо с использованием различных, в том числе современных технологических средств, прежде всего Интернет и сотовой связи. Арсенал современного сталкера включает интернет-ресурсы, телефонные звонки, SMS-сообщения, звонки и сообщения с помощью Skype, обычные и электронные письма, граффити, сообщения в печатных и электронных СМИ. Преследование нарушает частную жизнь жертвы и вызывает у нее непреодолимый страх перед насилием. По данным зарубежных исследователей, жертвами стал-

керов являются от 1 до 2% женщин. Физическое насилие происходит приблизительно в каждом третьем случае;

6) новой разновидностью киберсталкерства стал кибербуллинг, обращенный, как правило, к детям и незащищенным социальным группам. Он осуществляется в форме травли, оскорблений или угроз, распространяемых путем рассылки сообщений в социальных сетях, по e-mail или СМС. В детской среде кибербуллинг проявляется в отправке жертве сообщений с угрозами публикации унижающих достоинство жертвы фотографий и видео в социальных сетях или даже в создании поддельных веб-сайтов, нацеленных на унижение и оскорбление жертвы. Информационные технологии позволяют сохранить анонимность кибербуллеру и вытекающую из этого безнаказанность;

7) киберпреступления на транспорте. Специальные программы хакеров могут способствовать краже или поломке автомобиля, поскольку современная машина во многом работает под управлением бортового компьютера;

8) телефонный фрикинг как форма незаконного доступа к сотовому телефону практикуется не один десяток лет. С развитием сотовой связи этот вид девиации получил массовое распространение, включая кражу или нелегальное использование сим-карт сотовых телефонов вызываемых абонентов и кодов доступа с целью обогащения за чужой счет;

9) фрикер-воровство и мошенничество стало острой проблемой в современной России в связи с массовым распространением смартфонов на платформе Андроид;

10) кибермошенничество в банковской сфере. Преступники пользуются тремя основными приемами хищений при использовании интернет-банкинга. Первый способ осуществляется с помощью СМС-банкинга. Второй способ — использование кибермошенниками фишинговых сайтов. В третьем случае фризеры используют Google Play. Поддельное окно появляется каждый раз, когда держатель мобильного телефона заходит в это популярное приложение и там же он указывает данные своей карты в случае интер-

нет-покупки приглянувшейся программы. Практически во всех указанных случаях киберворы и мошенники остаются безнаказанными.

Таким образом, в эпоху постмодерна, в мире high-tech технологий, носители криминального поведения изощренно используют в своих целях все новые технологические возможности. Современные преступники широко применяют не только огнестрельное оружие, телефон, лекарственные препараты, транспорт, но и компьютеры, сотовую связь, Интернет. Кибердевианты и их незаконная деятельность на основе современных технологий столь же разнообразны, как и сами технологии. Представляется необходимым продолжить девиантологическую дискуссию в заявленном предметном поле и развить исследовательские подходы к изучению новых проявлений киберворовства, киберстокерства и, особенно, ки-

бербуллинга, чреватого серьезными последствиями для здоровья и жизни детей.

¹ Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2017. С. 20.

² Там же.

³ Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. Казань: КЮИ МВД России, 2016; Панфилова Е.И., Попов А.Н. Компьютерные преступления. СПб., 1998; Девиантность в обществе потребления : коллективная монография / под ред. Я.И. Гилинского, Т.В. Шипуновой. СПб.: Алеф-Пресс, 2012.

⁴ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 376.

⁵ Cybercrime: interdisciplinary approaches to cutting crime and victimisation in cyber space. URL: <http://www.newworldencyclopedia.org/entry>.

⁶ Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. Doubleday, 2015.

⁷ Schmalleger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999.

Минисламов М.Н.

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: ПРОГНОЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В настоящее время Указом Президента Российской Федерации в качестве одного из главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности объявлено «совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), коррупции, терроризма и экстремизма, распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями» (п. 44 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹).

Новые возможности, которые предоставляют информационные технологии, их широкая распространенность и доступность делают эту область чрезвычайно привлекательной для представителей криминальных структур, а динамичное развитие IT-технологий, создание многочисленных информационных ресурсов и баз данных, разработка более

совершенных устройств создают условия, облегчающие совершение в этой сфере преступлений, число которых в России с каждым годом увеличивается.

Российское уголовное право оказалось недостаточно готовым к стремительному развитию компьютерной техники и информационных технологий. Всемирная сеть Интернет – весьма удобная площадка для подготовки и осуществления информационно-террористических и информационно-криминальных действий. Так в интернет-пространстве лицами, занимающимися сбытом наркотических средств, могут распространяться реклама магазинов, занимающихся сбытом наркотических средств, рецепты изготовления наркотических и психотропных веществ, информация о трудоустройстве в преступные группы, о местах закладок наркотических средств и способах их оплаты

и т.п. Вся эта информация легко маскируется. Отсутствие географических границ, трудно определяемая национальная принадлежность объектов сети, возможность анонимного доступа к ее ресурсам — все это делает уязвимыми системы общественной и личной безопасности.

Результаты социологических опросов, проводимых в России, позволяют охарактеризовать активность общества в виртуальном пространстве как рискогенное, сопряженное с наличием ряда опасностей и угроз. Следует отметить, что интернет-среда продуцирует опасные для психического здоровья, репутации и материального благосостояния общества негативные явления. Среди опрошенных присутствует доля тех, кто имеет некоторое представление об опасности попадания под чужое влияние в социальных сетях, а также часть респондентов полагают, что некоторые информационные ресурсы формируют нужное владельцам этого ресурса общественное мнение, поведенческие установки, мировоззрение. Это относится, по мнению опрошенных, к Facebook (43,2% респондентов), Yandex (34,3%), Google (31,4%), Telegram (28,4%). Как известно, опасность превращается в реальную угрозу, если человек и общество не могут противостоять ей.²

За последние пять лет число преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет и телекоммуникационных устройств, увеличилось с 11 до 66 тысяч. В 2017 г. наблюдался значительный рост киберпреступлений: их число достигло 40 тысяч. В список основных источников кибератак в России по-прежнему входят собственные сотрудники (77%), криминальные синдикаты (54%), а также хакеры-одиночки (37%). По данным отчета Group-IB «Hi-techcrimetrends» за 2016 г., мнение российских респондентов относительно источников кибератак коррелирует с мнением респондентов по всему миру.

В России две трети преступлений экстремистской направленности и каждое девятое преступление террористического характера совершены с использованием сети Интернет, а также значительное число киберпреступлений связаны с оборотом наркотических средств. Генеральный прокурор Российской Федерации

Юрий Чайка отметил, что в России на одном из первых мест среди совершаемых преступлений стоит незаконный оборот наркотических средств, представляющий повышенную опасность для общества. Распространители наркотиков все чаще переходят на бесконтактный способ их сбыта, следовательно, киберпреступность в экономической и социальной сфере будет расти.

С января по сентябрь 2017 г. зарегистрированы 1551,6 тыс. преступлений, из которых 158,5 тыс. связаны с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,3% выше показателей аналогичного периода прошлого года. При этом на 6,8% возросло число преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также увеличился их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 48,8% в январе — сентябре 2016 г. до 50,4% за аналогичный период 2017 г.³

На пленарной сессии «Киберпреступность — одна из ключевых угроз роста мировой экономики. Готова ли Россия к новым вызовам?» в г. Сочи были озвучены следующие прогнозы: количество киберпреступлений в России в 2018 г. может вырасти примерно в четыре раза, а общие потери страны от них могут превысить 2 триллиона рублей. По словам модератора сессии зампреда Сбербанка Станислава Кузнецова, в России сейчас бум диджитализации, и, как следствие, Россия находится в числе главных целей киберпреступников.⁴ Чтобы защититься от хакеров, в экономически развитых странах резко увеличиваются затраты на кибербезопасность, а в настоящее время в России даже нет ответственности за фишинг и спам, а максимальное наказание, которое предусмотрено действующим законодательством, не превышает семи лет лишения свободы и штраф в 500 тысяч рублей. В США, например, за эти правонарушения можно получить до 25 лет лишения свободы.

В ходе дискуссий и обсуждений представителями власти и силовых структур были предложены меры, которые, по их мнению, необходимо предпринять для изменения ситуации. В первую очередь,

необходимо определить, кто станет координировать такую работу со стороны федеральных структур и кредитных организаций. Следует также усилить законодательную базу, организовать подготовку специалистов в данной области, на телевидении и других СМИ рассказывать гражданам о существующей опасности (то есть развивать «киберкультуру»), усилить государственное регулирование в этой области для организаций, которые занимаются финансовыми операциями.

Динамика диджитализации и технологической цифровой революции такова, что темпы совершенствования законодательства должны быть принципиально иными. В законодательной базе должна быть предусмотрена ответственность за преступления в сфере информационных технологий, уточнены полномочия органов власти, для того чтобы каждый гражданин понимал, куда обращаться и как наиболее эффективно добиться расследования киберпреступлений и преследования злоумышленников. Если не решать эти вопросы, последствия нашей цифровизации негативно скажутся на экономике России. По данным IXX международного исследования в области информационной безопасности за 2016-2017 годы «Путь к киберустойчивости: прогноз, защита, реагирование», было принято решение о необходимости вести соответствующую работу, и в ближайшее время должен появиться целый ряд законодательных инициатив, которые позволят усилить борьбу с киберпреступностью.⁵

Современное развитие IT-технологий характеризуется непрерывным ростом преступлений и других общественно опасных деяний посредством Всемирной сети, что подтверждено официальной статистикой и научными исследованиями как в России, так и за рубежом. Учитывая эту негативную тенденцию в области правовой борьбы с преступностью в сети Интернет, необходимы решительные меры по противодействию и профилактике данного вида преступлений криминологического и уголовно-правового характера.

Как верно заметил Н.В. Поляков: «При возбуждении уголовных дел неза-

конном сбыте наркотических средств следователь должен тщательно изучить и проанализировать все материалы доследственной проверки с целью определения механизма совершения преступления, а также последующего планирования следственных действий с привлечением сотрудников оперативных подразделений».⁶

Активное совершенствование алгоритмов поиска информации в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, тесное взаимодействие с интернет-провайдерами, использование возможностей информационных ресурсов и различных баз данных позволит виновных привлечь к ответственности.⁷

Таким образом, проблема преступности в глобальной сети Интернет является одной из главных составляющих информационной безопасности Российской Федерации, относится к актуальным, своевременным, имеющим теоретическое и практическое значение.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 (ред. от 31.12.2015).

² Кибакин М.В., Разов П.В. Студенческая молодежь в виртуальном пространстве: опасности и риски // Дайджест научной жизни Финуниверситета. 2017. № 3. С. 27-29.

³ Данные официального сайта МВД России. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 01.11.2017).

⁴ Гайфутдинов Р.Р. К вопросу о типологии личности компьютерных преступников с учетом характера и мотивации их криминальной деятельности // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 4А. С. 245-256.

⁵ Интернет-портал Минкомсвязь России. URL: <http://www.minsvyaz.ru> (дата доступа: 30.10.2017).

⁶ Поляков Н.В. О необходимости разработки методики расследования незаконной банковской деятельности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XX международной научно-практической конференции. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. Ч. 2. С. 262-264.

⁷ Минисламов М.Н. К вопросу об участии специалиста при производстве обыска при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XX международной научно-практической конференции. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. Ч. 2. С. 252-254.

Павловская Н.В.,

кандидат юридических наук

Научно-исследовательский институт
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации (г. Москва)

СОСТОЯНИЕ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Эффективное решение поставленной в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. задачи противодействия незаконной миграции невозможно без разработки и реализации комплекса мер по снижению уровня коррупции в данной сфере.

Результаты исследования, проведенного в Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2016 г., показали, что, по мнению 31% опрошенных экспертов из числа прокурорских работников, коррупция значительно затрудняет борьбу с незаконной миграцией. Кроме того, 14% экспертов указали, что наличие коррупционных явлений в деятельности органов, наделенных контрольными полномочиями в миграционной сфере, в наибольшей степени способствует распространности правонарушений, связанных с массовой регистрацией иностранных граждан в «резиновых квартирах».

Согласно имеющимся статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации¹, за последние годы число иностранных граждан и лиц без гражданства, осужденных за дачу взятки, существенно увеличилось. Так, если в 2012 г. были осуждены менее 500 иностранцев-взяткодателей, то в 2015 г. — уже более 1500. Исключением является только 2016 г., когда за преступления, предусмотренные ст. 291 УК РФ, были осуждены чуть более 1000 иностранных граждан и лиц без гражданства, что на 35% меньше, чем годом ранее.

Одновременно возрастала и доля в общем числе осужденных за дачу взятки взяткодателей, не являющихся гражданами Российской Федерации. Так, если в 2012 г. она составляла 20,0%, то в 2013 г.

— 26,4%, в 2014 г. — 29,6%, в 2015 г. — 31,8%, и лишь в 2016 г. незначительно снизилась до 30,1%.

Следует обратить внимание на то, что среди осужденных за дачу взятки иностранцев и лиц без гражданства ежегодно большую часть (свыше 70%) составляют граждане государств — членов СНГ. Иностранные граждане иных государств осуждаются в России за дачу взятки гораздо реже — ежегодно их доля составляет чуть более 20%. Доля взяткодателей — лиц без гражданства является незначительной и на протяжении 2012–2016 гг. не превышала 1,5%.

Анализ материалов судебной практики показывает, что большая часть иностранцев и лиц без гражданства, совершивших преступление коррупционной направленности на территории Российской Федерации, являлись незаконными мигрантами. В ходе проведения исследования были изучены 96 приговоров по делам о коррупционных преступлениях, связанных с незаконной миграцией, в отношении 105 лиц. Большую часть изученного массива составили приговоры в отношении взяткодателей (58 приговоров в отношении 62 лиц); по 38 приговорам осуждены 43 взяткополучателя.

Результаты исследования показывают, что коррупционные преступления, связанные с незаконной миграцией, достаточно многообразны.

Часто дача и получение взятки в данной сфере обусловливаются стремлением избежать административной ответственности за правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации (гл. 18 КоАП РФ).

По материалам изученной судебной практики лица, предлагавшие (давшие) взятку лично за себя или за своего родственника или знакомого, пытались уклониться от административной ответственности за нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации (ст. 18.8 КоАП РФ), а также за незаконное осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации (ст. 18.10 КоАП РФ).

В то же время лица, предлагавшие (давшие) взятку от имени и в интересах юридического лица (а также индивидуальные предприниматели), желали при помощи взятки избежать административной ответственности за нарушение правил пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 18.9 КоАП РФ), а также за незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства (ст. 18.15 КоАП РФ).

Исследование показало, что представители юридического лица чаще всего давали взятку за систематическое бездействие должностного лица, а также за общее покровительство деятельности юридического лица, использующего труд нелегальных мигрантов.

Распространены случаи дачи и получения взятки за непроведение доследственной проверки или невозбуждение уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ (организация незаконной миграции), ст. 327 УК РФ (подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков) и других, связанных с незаконной миграцией.

Гораздо реже в материалах изученной судебной практики встречались коррупционные преступления, связанные со стремлением оформить временное пребывание в Российской Федерации, проживание, разрешение или патент на работу, получить российское гражданство. Имеются и отдельные случаи дачи и получения взятки за невыдворение с территории Российской Федерации.

Кроме того, в научной литературе выделяются такие проявления коррупции в миграционной сфере как помощь мигрантам в сборе и оформлении необходимых документов, сдача комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации, а также коррупция на более высоком уровне – связанная с системой аккредитации и лицензирования учебных заведений, коммерческих организаций на право проводить комплексный экзамен и предоставлять иные образовательные услуги мигрантам.²

Как показали результаты проведенного исследования, размер незаконного вознаграждения в рассматриваемой сфере может существенно отличаться в зависимости от того, кто передает взятку. В случаях, когда взятка передавалась от имени или в интересах иностранного гражданина, незаконно находящегося (работающего) на территории Российской Федерации, сумма незаконного вознаграждения, как правило, была совсем небольшой (одна или несколько тысяч рублей). Если же взятка передавалась от имени или в интересах юридического лица (индивидуального предпринимателя), то ее размер может составлять уже десятки тысяч рублей.

Чаще всего субъектами получения взятки по изученным приговорам выступали должностные лица территориальных органов ФМС России (72,1% осужденных по изученным приговорам о преступлениях, предусмотренных ст. 290 УК РФ, и 48,4% – ст. 291 УК РФ). Также достаточно часто взятка предназначалась должностным лицам органов внутренних дел (18,6% осужденных по изученным приговорам о преступлениях, предусмотренных ст. 290 УК РФ, и 37,1% – по 291 УК РФ). Результаты исследования свидетельствуют о том, что случаи вовлеченности в коррупцию, связанную с незаконной миграцией, должностных лиц иных органов не имеют большого распространения.

По данным, полученным в ходе проведения исследования, субъектами дачи взятки чаще всего являлись ранее не судимые мужчины, граждане государств – участников СНГ (Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан и др.), Китая. Следует

отметить, что, по данным ФМС России, большинство приезжих в России являются выходцами именно из стран Средней Азии, причем из 11,2 млн. мигрантов, пребывающих в стране, 23% составляют граждане Узбекистана, 10% — граждане Таджикистана.³

Изучение материалов судебной практики по делам о коррупционных преступлениях, связанных с незаконной миграцией, показало, что, несмотря на то, что большинство взяточдателей в данной сфере не являются гражданами Российской Федерации и не имеют на ее территории постоянного места жительства, а также стабильного (и законного) источника дохода, судами в качестве наказания за совершенное преступление в основном назначается штраф, а не лишение свободы (74% и 26% осужденных по изученным приговорам в отношении взяточдателей соответственно).

В практике назначения наказания за преступления, предусмотренные ст. 290 УК РФ, и штраф, и лишение свободы применяются судами в примерно равном числе случаев (49% и 51% осужденных по изученным приговорам в отношении взяточполучателей соответственно). Практически всегда в дополнение к основному наказанию в виде штрафа или лишения свободы осужденным за получение взятки в данной сфере назначается лишение права занимать определенные

должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Таким образом, можно сделать вывод, что коррупционные проявления в деятельности государственных органов, осуществляющих противодействие незаконной миграции, в значительной мере снижают эффективность проводимой в России миграционной политики, нанося ущерб не только законным правам и интересам самих мигрантов, но и всего российского общества и государства. Для снижения коррупции, связанной с незаконной миграцией, необходима разработка комплекса научно обоснованных мер организационного, правового, а также просветительского характера.

¹ Данные формы 11 Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления» за 2012-2016 гг.

² См.: Джабарова А.Р., Носенкова М.Ю., Шанин С.А. Проблемы регулирования международной трудовой миграции в РФ // Государственное регулирование миграционных процессов и межнациональная политика как факторы обеспечения стабильности в современном мире: российский и зарубежный опыт : сборник тезисов докладов и статей международной научно-практической конференции 22 апреля 2015 года / отв. ред. Р.А. Абрамов. М.: ООО «ИД Третьяковъ», 2015. 211 с.

³ См.: Мухатаев А. Сколько в России мигрантов // Коммерсант. Ру. 2013. 23 сент. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2284497> (дата обращения: 10.09.2014).

Передерий В.А.

Научно-исследовательский институт
криминалистики Московской академии
Следственного комитета России

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ СРЕДИ МИГРАНТОВ

Проблема борьбы с преступлениями, совершаемыми иностранными гражданами (мигрантами) приобретает в последние годы существенное значение. Надо признать, что мигранты так и не смогли в полной мере адаптироваться к жизни в современном российском обществе.

Видный ученый-криминолог профессор А.И. Долгова отмечает, что специфи-

ка таких преступлений определяется особенностями самих групп мигрантов и их положением в обществе. При этом многие аспекты миграции, носящие в прошлом позитивный характер, могут приобретать негативные оттенки.¹

Анализ официальных статистических данных (представлены Главным информационно-аналитическим центром МВД

России) по преступлениям, совершенным с участием указанной категории лиц, за 2016 год показывает, что иностранными гражданами на территории России совершается почти в 3 раза больше преступлений, чем совершено в отношении них. Это крайне тревожный показатель и свидетельствует о том, что мигранты далеко не законопослушные лица.

В связи с этим необходима выработка и принятие комплексных мер, направленных на борьбу с преступностью среди мигрантов, раскрытие и расследование уже совершенных преступлений с их участием, а также предупреждение преступных проявлений в их среде.

Хотелось бы рассмотреть и проанализировать ряд преступлений, совершаемых мигрантами, высказать некоторые предложения по борьбе с преступностью в данной сфере на примере деятельности следственных подразделений Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России).

Так, к основной категории сообщений о преступлениях, подследственных СК России, совершаемых мигрантами из стран СНГ, следует отнести преступления, предусмотренные ст. 291 и ст. 291.2 УК РФ, – по фактам дачи взяток должностным лицам, прежде всего органов внутренних дел, в связи с неосуществлением установленных законом процедур по привлечению к административной ответственности за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации.

По уголовным делам, где преступления совершены мигрантами, имели место факты незаконного пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации на момент совершения преступления (в ряде случаев по указанным фактам иностранные граждане привлекались к административной ответственности).

В связи с этим в ходе проведения следственных проверок и расследования уголовных дел с участием иностранных граждан в обязательном порядке необходимо выяснять законность их пребывания и осуществления трудовой деятельности на территории Российской Федерации. Обо всех случаях нарушения

миграционного законодательства, ответственность за которые предусмотрена ст. 18.8-18.12, 18.14-18.20, 19.27 КоАП РФ следовательно необходимо направлять информацию в компетентные органы внутренних дел и в случае необходимости – в органы ФСБ России.

Считаем, что по каждому уголовному делу о преступлениях, совершенных нелегальными мигрантами, следователь должен принять меры к установлению каналов незаконного въезда их на территорию Российской Федерации, мест нелегального проживания и работы, направив соответствующие запросы (информацию) в компетентные органы.

Необходимо помнить, что Федеральным законом от 21.12.2013 №376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» введена уголовная ответственность за фиктивную регистрацию иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации, а также фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации (ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ).

Таким образом, в случае выявления в ходе предварительного следствия фактов, указывающих на признаки организации незаконной миграции, следовательно необходимо составлять рапорт об обнаружении признаков преступлений, предусмотренных ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ, после чего направлять материалы для принятия процессуальных решений по подследственности (территориальности).

Считаем, что необходимо осуществлять постоянное взаимодействие с правоохранительными и контролирующими органами с целью выявления организаций и должностных лиц, занимающихся противоправной деятельностью по оказанию помощи в оформлении нелегальным мигрантам паспортов граждан Российской Федерации, получении разрешений на работу, постановке на миграционный учет по месту пребывания (жительства), а также на выявление и пресечение преступлений и правонарушений, связанных

с незаконной посреднической деятельностью по вопросам миграционного учета и оформления разрешений на трудовую деятельность.

Практика показывает, что по указанной категории уголовных дел необходимо планировать проведение следственных действий с учетом национальных и религиозных особенностей участников предварительного следствия. В случае если лицо не владеет русским языком, обеспечивать в обязательном порядке участие переводчиков, обращая особое внимание на диалекты и наречия, на которых разговаривает участник уголовного судопроизводства. Необходимо выяснять уровень знаний переводчика, приобщать к материалам уголовного дела документы, подтверждающие его квалификацию и образование.

Полагаем, что следователям надлежит принимать меры к незамедлительному установлению полных и достоверных анкетных данных мигрантов — участников уголовного судопроизводства (подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших). К материалам уголовного дела следует приобщать заверенные надлежащим образом копии документов, удостоверяющих их личность, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, а также в случае необходимости иных документов (справок, характеристик, патентов на работу, лицензий).

Как свидетельствует практика, зачастую указанные лица не имеют официальных документов, органы государственной власти также не располагают о них какими-либо сведениями. При этом у правоохранительных органов отсутствует единая база данных о лицах, въезжающих на территорию Российской Федерации, и их перемещениях, что осложняет раскрытие совершенных ими преступлений, снижает результаты оперативно-розыскных мероприятий и является причиной высокой латентности преступлений в данной криминогенной среде. Нарушение указанных требований приводит к направлению прокурором в порядке ст. 221 УПК РФ уголовного дела для дополнительного расследования, а также возвращению уголовного дела прокурору судом в порядке ст. 237 УПК РФ.²

Необходимо отметить, что при расследовании указанной категории преступлений зачастую выявляются факты использования мигрантами SIM-карт сотовых операторов, которые зарегистрированы на других лиц или подставные фирмы. За указанные правонарушения предусмотрена административная ответственность в отношении лиц (фирм), сбывших данные SIM-карты.

В связи с этим следователю необходимо принимать меры к направлению информации о совершении административных правонарушениях, предусмотренных ст. 13.29 и ст. 13.30 КоАП РФ, в органы, осуществляющие функции по контролю и надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, которым предоставлено право привлечения за указанные правонарушения к административной ответственности.

В ходе расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных иностранными гражданами, в первую очередь нелегальными мигрантами, наряду с основными обстоятельствами, подлежащими доказыванию, необходимо выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступлений, должностных лиц, допустивших нарушения миграционного законодательства, решать вопросы о привлечении их к установленной законом ответственности. Как показывает практика, основными обстоятельствами, способствующими совершению мигрантами преступлений, по-прежнему является низкий уровень их жизни и социальная незащищенность, а также их правовой нигилизм (например, иностранные граждане часто до конца не осознают, что, давая взятку должностному лицу, совершают преступление).

По выявленным в ходе расследования обстоятельствам, которые способствовали совершению преступления, в целях их устранения следователю необходимо направлять представления в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Данные представления должны, прежде всего, преследовать цель предупреждения совершения преступлений.

Так, по результатам рассмотрения представлений следователей СК России в качестве профилактики коррупционных

преступлений со стороны иностранных граждан в аэропортах и железнодорожных вокзалах (местах их скопления) размещались информационные стенды с разъяснениями о недопустимости совершения противоправных действий, рекомендациями по поведению в случаях, которые могут привести к коррупционным проявлениям, а также проводилась разъяснительная работа с сотрудниками компетентных органов по недопущению создания ситуаций, сопряженных с возможностью совершения преступлений коррупционной направленности иностранными гражданами.³

Повышение межведомственного взаимодействия среди правоохранитель-

ных и контролирующих органов на данном направлении деятельности, принятие дополнительных профилактических мер будут, несомненно, способствовать снижению преступности среди мигрантов.

¹ Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. С. 819-820.

² Деятельность следователя по расследованию преступлений, совершенных с участием иностранных граждан : методические рекомендации / авт. сост. В.А.Передерий ; под ред. А.М. Багмета. М: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 7.

³ Передерий В.А. Криминологические и уголовно-правовые аспекты преступлений, совершаемых с участием иностранных граждан // Право: история и современность. 2017. № 1. С. 86.

Жукова Ю.В.

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ ОБ ОБУСЛОВЛЕННОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО
СТАТЬЕЙ 264.1 УК РФ «НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ЛИЦОМ,
ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ», С ИНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Одним из приоритетных направлений государственной политики и важным фактором обеспечения устойчивого социально-экономического и демографического развития страны является повышение безопасности дорожного движения, направленное на сохранение жизни, здоровья и имущества граждан Российской Федерации. Дорожно-транспортные происшествия наносят экономике России и обществу в целом колоссальный социальный, материальный и демографический ущерб.

Закономерно появление в нашей стране и утверждение распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 г. №1-р «Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы», в которой обозначена концептуальная модель, базирующаяся на балансе целей, задач и интересов государства и общества, а также на эффективном использова-

нии финансово-экономических, материальных и людских ресурсов в целях реализации государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения.

В стране складывается крайне неблагоприятная ситуация, характеризующаяся высоким ростом в 2016-2017 гг. преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» (в 2017 г., по данным МВД РФ, в России зарегистрированы 69342 преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, удельный вес от количества преступлений данного вида составил 85,4%. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sostoyanie_prestupnosti_yanvar_dekabry_17.pdf). Статистическая картина свидетельствует о серьезных масштабах правового нигилизма водителей транспортных средств, что представ-

ляет большую опасность для безопасности дорожного движения.

В целях формирования эффективной государственной стратегии (модели) по улучшению обеспечения безопасности дорожного движения важно ответить на вопрос: какие причины и условия способствуют совершению преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ?

Анализируя и изучая статистические данные и судебную практику в России, автор обратила внимание на ряд общественно опасных деяний, которые совершает виновное лицо перед тем, как совершить преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию». Назовем

их условно общественно опасные деяние, сопутствующие ст. 264.1 УК РФ.

Из трехсот обвинительных приговоров (URL: <https://rospravosudie.com>), вынесенных в Российской Федерации судами Алтайского, Забайкальского, Красноярского, Хабаровского краев, Архангельской, Брянской, Кемеровской, Московской, Новгородской, Новосибирской, Нижегородской, Ульяновской, Оренбургской, Самарской, Челябинской областей по ст. 264.1 УК РФ, 30 судебных решений были вынесены только по ст. 264.1 УК РФ, в 270 приговорах указано на то, что перед совершением общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, виновное лицо совершило другие преступления (табл.).

Статья и вид преступления, совершаемый перед ст. 264.1 УК РФ	Количество приговоров	Удельный вес
Ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»	4	1,33%
Ст. 158 УК РФ «Кража»	20	6,66%
Ст. 161 УК РФ «Грабеж»	12	4%
Ст. 162 УК РФ «Разбой»	21	7%
Ст. 166 УК РФ «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения»	87	29%
Ст. 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества»	120	40%
Ст. 228.1 УК РФ «Незаконные производство, сбыт, или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества»	3	1%
Ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств»	1	0,3%
Ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти»	2	0,6%
Общее количество приговоров, из них:	300	100%
Ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию»;	30	10%
Ст. 264.1 УК РФ совместно с другими статьями УК РФ	270	90%

Представленные количественные и качественные показатели позволяют сделать вывод о том, что наибольшее количество преступлений, предшествующих

(сопутствующих) деянию, предусмотренному ст. 264.1 УК РФ, предусмотрены ст. 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление,

переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» и ст. 166 УК РФ «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения».

Можно ли увидеть обусловленную взаимосвязь между нарушениями правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, и преступлениями, предусмотренными ст. 166, 228 УК РФ?

В отношении неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, совершенного совместно со ст. 264.1 УК РФ, однозначно, выскажем сомнения. Лица, привлекаемые к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ, с целью избежать административной ответственности в виде административного штрафа очень часто заявляют, что в отношении их совершено преступление, предусмотренное ст. 166 УК РФ. Это происходит в случаях, когда данных лиц пытаются привлечь к административной ответственности за передачу управления транспортным средством лицу:

1) не имеющему при себе документов на право управления транспортным средством (ч. 3 ст. 12.3 КоАП РФ);

2) заведомо не имеющему права управления транспортным средством или лишенному права управления (ч. 3 ст. 12.7 КоАП РФ);

3) находящемуся в состоянии опьянения (ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ).

Таким образом, считаем, что между ст. 166 УК РФ и ст. 264.1 УК РФ нет обусловленной взаимосвязи.

Есть ли такая связь между незаконным приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением, переработкой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконным приобретением, хранением, перевозкой растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотиче-

ские средства или психотропные вещества и ст. 264.1 УК РФ?

Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо вспомнить, что есть причина, а что – условие. В современной науке разнообразны представления учений о причинах и условиях преступности.

Причина – философская категория, обозначающая связь явлений, из которых одно порождает другое.¹ Мы не говорим о причинах, влекущих нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, речь идет о предпосылках, которые обуславливают развитие причин, способствующих совершению преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ.

Под условием (предпосылкой) понимается такое явление, которое не порождает другие явления, но оказывает влияние на развитие причины и тем самым способствует возникновению либо развитию следствия. Отношения между двумя взаимосвязанными явлениями принято называть отношениями обуславливания.² Без условия не может быть причины.³

Следовательно, можно предположить, что предпосылками к созданию единого причинного комплекса, способствующего совершению преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, являются не только деяния тех лиц, которые совершают административные правонарушения, предусмотренные ст. 12.8 КоАП РФ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения» и ст. 12.25 КоАП РФ «Невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения», но и общественно опасные деяния лиц, совершающих преступления, предусмотренные ч.ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ и ст. 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества».

Возможно, в дальнейшем мы придем к выводу о том, что комплексный подход в профилактике преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ, приведет к снижению роста преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ.

Но для твердого убеждения в данной позиции автору необходимо продолжить дальнейшее исследование.

¹ Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М., Политиздат, 1968. 289 с.

² Косарев В.Н. Современная криминология о причинах и условиях преступности. Научная сеть «Современное право». URL: <https://www.sovremennoe-pravo.ru>.

³ - Криминология / под ред. М.Ю. Антоняна. М., 2016. 253 с.

Новокишинов Д.В.,

кандидат юридических наук

Санкт-Петербургский военный институт
войск национальной гвардии

Евстратова Ю.А.,

кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский военный институт
войск национальной гвардии

К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ И ПРОФИЛАКТИКЕ НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРИ ОТСУТСТВИИ МЕЖДУ НИМИ ОТНОШЕНИЙ ПОДЧИНЕННОСТИ В ПОДРАЗДЕЛЕНИИ (СТАТЬЯ 335 УК РФ)

Предупреждение преступности составляет основную задачу криминологии, уголовного и уголовно-исполнительного права. Еще французский философ и юрист Монтескье отмечал: «Хороший законодатель не столько заботится о наказаниях за преступления, сколько о предупреждении преступлений: он постарается не столько карать, сколько улучшить нравы».

Система мер борьбы с преступностью в сфере межличностных взаимоотношений военнослужащих, как и при рассмотрении преступности в целом, состоит из двух основных групп, одна из которых — общие меры предупреждения данных видов преступности, другая — специальные меры предупреждения. Предупреждение преступлений предполагает соответствующее воздействие на причины и условия, вызывающие преступность.¹

На формирование антиобщественной установки оказывают влияние различные факторы: социально-экономического, политического, идеологического, правового

характера, социальная структура общества, а также уровень материальной обеспеченности граждан. Резкое расслоение нашего общества, снижение жизненного уровня подавляющего большинства граждан является питательной средой для формирования антиобщественной установки для совершения преступлений. Не следует полагать, что социальное различие приводит к тому, что одни группы населения совершают правонарушения, а другие избавлены от них. Такой взгляд был бы наивным и неверным. Влияние социальных различий на поведение людей состоит в том, что эти различия сказываются на формировании потребностей, интересов, мотивов и целей поведения. Поэтому антиобщественные взгляды, наклонности, привычки начинают действовать тогда, когда имеются криминальные ситуации, которые, как правило, являются мотивирующими и носят провоцирующий характер. Их нейтрализация путем проведения профилактических мероприятий снизит правонаруше-

ния в воинских коллективах, предупредит совершение тяжких преступлений. В криминологической теории предупреждения преступности употребляются термины «превенция», «профилактика», «предотвращение», «предупреждение» для обозначения сложной системно-структурной деятельности по противодействию преступности, которые совпадают по смысловому содержанию и применяются большинством специалистов как взаимозаменяющие.

Здесь уместно отметить, что применение методов индивидуального предупреждения преступного поведения предполагает длительное и систематическое воздействие. Как утверждает А.И. Долгова, можно выделить следующие методы индивидуального воздействия: убеждение, оказание помощи, принуждение.

С учетом выработанной в военной криминологии системы разрушающего воздействия на преступность² к ключевым принципам предупреждения преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений следует отнести принципы системности, достаточного обеспечения и активного участия всех возможных субъектов данной деятельности. Ключевыми требованиями к рассматриваемой предупредительной деятельности являются: реалистичность, результативность, эффективность, своевременность и законность реализуемых мер предупреждения. Выполнение этих требований и соблюдение указанных принципов – важнейшие условия достижения целей деструктивного воздействия на преступность в сфере преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений.

Представляется, что достижение указанных целей предполагает постановку и решение следующих задач:

1) пересмотреть действующую систему профилактики и предупреждения преступности в войсках с учетом современных научных разработок, адаптировать ее к специфике анализируемых преступлений и реализовать полученные результаты в практике борьбы с неуставными отношениями;

2) обеспечить материальное и моральное стимулирование субъектов пре-

дупредительного воздействия и субъектов правопослушного поведения;

3) разработать и внедрить в практическую деятельность органов военного управления сбалансированный комплекс прав и обязанностей воинских должностных лиц по осуществлению своей дисциплинарной власти;

4) совершенствовать правовую базу борьбы с рассматриваемыми преступлениями с тем, чтобы обеспечить разумную жесткость и неотвратимость наказания правонарушителей, а также исключение фактов сокрытия преступлений, совершенных на почве неуставных отношений;

5) повысить эффективность работы военной полиции путем совершенствования системы статистической отчетности, стимулирования активности работников, обеспечения их полной независимости от военного командования, разработки и внедрения в следственную практику эффективных методик выявления, пресечения и расследования преступлений, совершенных на почве неуставных отношений.

Указанные цели и задачи деструктивного воздействия на преступность военнослужащих в сфере уставных правил взаимоотношений определяют и конкретизируют содержание мер предупреждения этих преступлений. Предупреждение правонарушений в Вооруженных Силах – совокупность общих и специальных взаимосвязанных мероприятий социально-экономического, организационного и правового характера, проводимых органами власти и управления, командованием и воспитательными структурами, органами военной юстиции, общественными организациями и отдельными военнослужащими в целях предотвращения правонарушений и устранения причин, порождающих преступное поведение военнослужащих.³

Исходя из изложенного, целесообразно выделить следующие направления предупреждения преступлений среди военнослужащих:

– на микроуровне антикриминального воздействия (сфера деятельности отдельных военнослужащих и их микрогрупп, сержантского, младшего и среднего офицерского состава, отдельных граждан и общественных организаций):

1) внедрение в повседневную жизнедеятельность военнослужащих и последующее совершенствование мер виктимологической профилактики преступлений. Активное использование всеми военнослужащими виктимологических рекомендаций;

2) активизация и стимулирование деятельности воинской общественности на уровне отделения – рота по отрицанию неуставных отношений как элемента службы и быта военнослужащих по призыву. Формирование вокруг морально «здоровых» сил подразделения актива военнослужащих, отрицающих неуставные отношения;

3) последовательное проведение работы младшим офицерским составом по искоренению из жизни подразделения признаков неформальной системы воинских отношений и замене ее на формальную, установленную законодательством, отвечающую реальным требованиям, подразделения;

4) проведение индивидуальной и групповой воспитательной работы, направленной на недопущение неуставных проявлений в подразделении. Привлечение к этой работе представителей органов военной полиции и военной прокуратуры, общественных организаций, родителей и родственников военнослужащих подразделения;

5) обеспечение со стороны младших офицеров реальной защиты прав и законных интересов подчиненных им военнослужащих. Немедленное и жесткое реагирование на каждый выявленный факт неуставных проявлений;

– на миниуровне антикриминального воздействия (сфера деятельности должностных лиц от командования воинской части до высшего военного командования, государственных органов субъектов Российской Федерации, общественных организаций федерального масштаба):

1) проведение целенаправленной, спланированной по месту и времени профилактической работы, направленной на отрицание неуставных отношений в воинских коллективах;

2) приведение актов органов военного управления, затрагивающих вопросы

обеспечения военнослужащих по призыву, в соответствии с федеральной нормативно-правовой базой;

3) всемерное (моральное и материальное) поощрение деятельности командиров по предупреждению и борьбе с неуставными отношениями в подчиненных подразделениях;

4) совершенствование системы воспитания военнослужащих в духе законности, личной ответственности каждого за состояние правопорядка в коллективе, соблюдения социальной справедливости в служебно-бытовых отношениях, неотвратимости ответственности за совершенное правонарушение, соблюдения позитивных воинских традиций и личной примерности;

5) активное привлечение к деятельности по предупреждению неуставных отношений широкого круга государственных и общественных организаций, средств массовой информации. Конструктивное сотрудничество с правозащитными организациями (например, с комитетами солдатских матерей) в целях своевременного выявления неуставных отношений и реагирования на них в рамках действующего законодательства;

6) совершенствование системы оказания психологической и юридической помощи военнослужащим в целях нейтрализации агрессивных состояний и формирования навыков разрешения конфликтов законными способами, а также совершенствование системы кадрового обеспечения войск национальной гвардии. Ужесточение профессиональных и морально-этических требований к командирам всех степеней, что предполагает более качественное и всестороннее их обучение перед назначением на первичные должности и последующую аттестацию при назначении на вышестоящие должности.

Одними из самых доступных и в то же время достаточно действенных мер в рамках удовлетворительной системы предупреждения рассматриваемых преступлений являются меры виктимологической профилактики, позволяющие предотвратить ситуации, в которых поводом для противоправных действий послужили

личные качества или поведение потерпевшего. Для их реализации требуются в основном только желание, инициатива и энтузиазм воинских должностных лиц и самих военнослужащих по призыву.

¹ Новокшенов Д.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против порядка подчиненности и воинских устав-

ных взаимоотношений : монография: Белгород, 2017. С. 123.

² Иншаков С.М. Военная криминология : учебник : в 2 ч. / под общ.ред. В.В. Лунеева. М., 2001. Ч. 1. С. 313.

³ Мальков С.М. Квалификация преступлений против военной службы, связанных с нарушением установленных правил взаимоотношений между военнослужащими при соучастии и вооруженном насилии // Современное право. 2017. № 1. С. 12.

Тепляшин П.В.,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАРУБЕЖНОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ОПЫТА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Реализация зарубежного опыта традиционно признается одним из факторов развития уголовно-правовой политики. Так, в свое время А.Е. Наташев отмечал, что советская исправительно-трудовая политика развивается под воздействием широкой совокупности объективных и субъективных факторов, одним из которых выступает учет зарубежного опыта.¹

Суть проблемы учета европейского пенитенциарного опыта в формировании современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации заключается в узкоспециализированном несистемном подходе исследователей к изучению, интерпретации и формулированию соответствующих предложений законодателю и практическим работникам. Такой подход ориентирован преимущественно на локальное изучение пенитенциарного опыта отдельных стран Европы либо, наоборот, предполагает крайне обобщенный взгляд на европейскую пенитенциарную действительность, что не позволяет создать единую, целостную и гармоничную картину соответствующих рекомендаций, а лишь приводит к их выстраиванию в противоречивую «мозаику». В результате проводимые реформы либо попытки внедрения отдельных моделей обращения с осужденными приводят к незапланированным, ошибочным и

порой негативным результатам. Выясняется, что разработчики соответствующих изменений и дополнений в уголовно-исполнительное законодательство, инициаторы и активные сторонники трансформаций в практике исполнения уголовных наказаний не учли системного видения зарубежного пенитенциарного опыта, не воспользовались достижениями таксономического анализа европейской пенитенциарной карты, что препятствовало или даже исключало возможность оптимизации уголовно-исполнительной политики.

Полноценный системный анализ зарубежного пенитенциарного опыта, во-первых, обеспечит значительный вклад в формирование дальновидной, востребованной и оптимальной уголовно-исполнительной политики, учитывающей исторические закономерности развития права и международные стандарты в области обращения с осужденными, имеющиеся социально-экономические возможности государства и предопределяющей оптимальный вектор развития уголовно-исполнительной системы, во-вторых, позволит гармоничнее соотносить цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства с механизмом правового регулирования общественных отношений в области исполнения уголовных наказа-

ний и применения иных мер уголовно-правового характера, в-третьих, создаст условия для четких и понятных ориентиров по соблюдению обязанностей и реализации прав, свобод, законных интересов как осужденными, так и сотрудниками учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Думается, что указанным аспектам корреспондирует понимание уголовно-исполнительной политики как основы, на которой «формируется и развивается уголовно-исполнительное законодательство, а равно осуществляется практическая деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера»².

Учету европейского пенитенциарного опыта в формировании отечественной уголовно-исполнительной политики предшествует оценка такого опыта, при осуществлении которой следует иметь в виду, что вследствие многоаспектности, содержательности и изменчивости социальных процессов, в том числе охватывающих исполнение уголовных наказаний, принятие большинства решений в сфере уголовно-исполнительной политики и законодательства сопровождается действием как внутренних — в первую очередь социально-экономических, так и внешних — в основном геополитических и культурологических факторов. Безусловно, что научная оценка зарубежного пенитенциарного опыта обуславливает потребность познания сущности соответствующих социально-правовых явлений и процессов. Посредством этого решается онтологическая задача познания квинтэссенции политико-правовых модальностей исполнения уголовных наказаний. В свою очередь, такое познание позволяет решить гносеологическую задачу, связанную с всесторонним уяснением содержательных аспектов функционирования европейских пенитенциарных систем. Выявление закономерностей их функционирования обеспечивает решение эвристической задачи, определение перспективных и оптимальных направлений, а также вероятных проблем заимствования зарубежного пенитенциарного опыта — прогностической. Задача методологического характера сопряжена с разработкой науч-

ных концепций и теорий, направленных на разработку концептуальных основ исполнения уголовных наказаний с учетом зарубежного пенитенциарного опыта. Также можно выделить управленческую задачу, заключающуюся в проверке эффективности межгосударственного взаимодействия в части организационного сопровождения апробирования и внедрения европейского пенитенциарного опыта, соответствующей оптимизации функционирования органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания. Практическая задача состоит в разработке рекомендаций, направленных на оптимизацию механизма исполнения наказаний, а также его нормативно-правового обеспечения.

Важнейшими условиями использования рассматриваемого опыта выступает создание организационно-технических возможностей для этого (включая кадровую подготовку, техническое оснащение, медико-реабилитационную работу и др.), должное правовое сопровождение, достаточная степень развитости демократических институтов и государственно-частного партнерства в сфере культивирования и защиты прав человека, культурно-ментальная и нравственная приемлемость, отсутствие противоречий с исторически сложившимися традициями и закономерностями развития отечественного законодательства, криминологические особенности преступности, а также надлежащее финансирование соответствующих мероприятий (достаточность экономических ресурсов). Указанные условия необходимо воспринимать с поправкой на экономико-географический уровень жизни населения, региональные и климатические особенности размещения исправительных учреждений, природоресурсные возможности территорий. Их конъюнктура образует систему требований к успешному внедрению зарубежного пенитенциарного опыта.

Формами учета европейского пенитенциарного опыта в формировании современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации являются: правовой эксперимент, внесение изменений и дополнений в правовые нормы, изменение правоприменительной практики,

реорганизация деятельности исправительных учреждений.

К отмеченным формам должны предъявляться требования, связанные, в частности, с плановостью, последовательностью, репрезентативностью проведения соответствующих мероприятий. Именно данные формы должны обеспечивать верификацию принимаемых решений, выступая в некотором роде мерилем их обоснованности. При этом европейский пенитенциарный опыт может оказывать воздействие на разные этапы уголовно-исполнительной политики, поэтому следует выяснять весь механизм такого влияния – начиная от формирования такой политики и заканчивая ее реализацией.

В качестве оснований учета опыта функционирования европейских пенитенциарных систем в формировании отечественной уголовно-исполнительной политики следует понимать наличие потребностей в оптимизации исполнения уголовных наказаний, которые могут иметь правовой, социальный, экономический, международный, идеологический, морально-этический и иной характер. В методологическом смысле может быть как множество таких оснований, так и одно. Возможность некоторого множества оснований повышает степень уверенности и необходимости использования соответствующего опыта.

Таковыми основаниями выступает наличие следующих потребностей:

- научно обоснованные рекомендации, связанные с непосредственным исследованием опыта функционирования европейских пенитенциарных систем;

- состояние и динамика преступности, а также особенности и степень криминальной активности лиц, отбывающих уголовные наказания, обуславливающие приемлемость реализации соответствующих пенитенциарных практик;

- общественное одобрение целесообразности заимствования зарубежного опыта;

- экономическая рентабельность внедрения;

- историческая апробированность соответствующей идеи;

- межгосударственное сотрудничество, позволяющее всесторонне изучить практическую ценность определенных моделей обращения с осужденными;

- конъюнктурное стремление соответствовать конкретным европейским стандартам в области обращения с осужденными.

Генеральным основанием выступает общая привлекательность применения соответствующего пенитенциарного опыта с позиций достижения наилучшего результата с наименьшими затратами.

Важно заметить, что все из вышеперечисленных оснований должны иметь соответствующую научную проработанность. Однако именно рекомендации, связанные с непосредственным исследованием опыта европейского пенитенциарного опыта, строятся на комплексном анализе с использованием методов классификации и типологизации европейских пенитенциарных систем, выявлении их эффективности посредством применения многофакторного подхода, который позволяет выявить системные связи в развитии конкретного типа пенитенциарной системы, решить вопрос о принципиальной возможности установления важнейших детерминант их становления, степени устойчивости и дальнейшей трансформации, определить существующие между ними взаимосвязи.

Таким образом, отмеченные потребности выступают взаимодействующими явлениями, которые являются движущей силой, детерминирующей социальную направленность, основное содержание и перспективы дальнейшего развития уголовно-исполнительного законодательства и практики, а также всей системы учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

¹ См.: Управление органами, исполняющими наказания: методические разработки и материалы к курсу / под ред. Г.А. Туманова. М.: Академия МВД СССР, 1980. С. 31-32.

² Грушин Ф.В. Влияние системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации : монография / под науч. ред. В.И. Селиверстова. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 5.

Урусов А.А.,

кандидат юридических наук, доцент

Омская академия МВД России

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА

По уголовному законодательству Российской Федерации штраф является самым мягким видом наказания. Размер штрафа в определенной мере находится в зависимости от социально-экономических условий жизни людей и их платежеспособности, а также от характера совершенного преступления, то есть сумма штрафа должно быть такой, чтобы была возможность реально исполнить наказание, иначе смысл уголовного преследования теряет свое значение.

Потенциальные возможности штрафа как вида уголовного наказания достаточно велики, что заставляет искать пути повышения его эффективности в борьбе с преступностью.

Штраф, как и другие виды уголовного наказания, является одним из действенных способов предотвращения и борьбы с преступными проявлениями, а его содержательность определяется через возможность достижения таких целей, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Юридическое содержание штрафа состоит не в лишении, а в ограничении материальных и имущественных прав виновного посредством уменьшения его имущества.¹ Предупредительное значение уголовного наказания в виде штрафа заключается в том, что преступнику должно быть экономически невыгодно совершать преступление, то есть размер штрафа должен быть соизмерим с причиненным преступным деянием вредом. В большинстве случаев уголовный закон определяет санкцию в виде штрафа за общественно опасные посягательства, имеющие корыстную мотивацию, где преступник стремился к получению личной материальной выгоды противозаконным способом. Следовательно, наказание (штраф) должно преследовать цель ис-

правления правонарушителя путем устранения или ослабления криминальной корыстной мотивации его поведения.

Нельзя забывать и тот факт, что без реального исполнения уголовного наказания невозможно достижение целей, стоящих перед наказанием.

В настоящее время существует ряд серьезных проблем, связанных с исполнением уголовного наказания в виде штрафа.

Одной из них является низкий удельный вес взыскания штрафов, что превращает приговор суда в фикцию. Так, удельный вес удержания многомиллионных штрафов за преступления коррупционной направленности не превышает 10%.²

Законодатель определяет в ст. 32 УИК РФ и в ст. 46 УК РФ, что в данном случае осужденный злостно уклоняется от уплаты штрафа и данный вид наказания заменяется более строгим наказанием. Но являются ли эти наказания более строгими по отношению к штрафу?

Например, если лицо осуждено по ч. 1 ст. 159 УК РФ (мошенничество) к штрафу и «злостно уклоняется» от его уплаты, то штраф может быть заменен обязательными работами или исправительными работами. Статья 44 УК РФ устанавливает, что обязательные работы и исправительные работы – более строгие виды наказания, чем штраф, но на практике данная аксиома может быть подвергнута сомнению. Так, по ч. 1 ст. 159 УК РФ суд может назначить наказание в виде штрафа до 120 тыс. рублей, обязательные работы до 360 часов либо исправительные работы до одного года. В этом случае, если осужденному назначен максимальный размер штрафа, замена может быть произведена соответственно на максимальные сроки обязательных или исправительных работ.

Выразим труд осужденного в период обязательных работ в рублях. Исходя из

установленного законом минимального размера оплаты труда на 1 января 2018 г. (9489 рублей, по данным Росстата) и 40-часовой продолжительности рабочей недели, следует, что в месяц гражданин России работает примерно 160 рабочих часов. При оплате по самому минимуму один час работы стоит 60 рублей. Таким образом, труд осужденного, отработавшего 360 часов обязательных работ, оценивается в 21600 рублей, что в 5,5 раз меньше размера штрафа.

При замене штрафа на исправительные работы с удержанием из заработной платы 20% ежемесячно (при средней зарплате в России в 2017 г. 35845 рублей) в доход государству поступит 86028 рублей, что также намного меньше назначенного штрафа. Если произвести сравнительные расчеты размера штрафа и указанных наказаний за преступления корыстной направленности, то разница будет значительно больше.

В свете вышесказанного представляются весьма призрачными надежды законодателя на то, что обязательные работы и исправительные работы в качестве средства замены штрафа способны играть серьезную стимулирующую роль.

Если произвести сравнение штрафа и лишения свободы, то говорить об какой-то экономической прибыли совсем нельзя. В настоящее время осужденные к лишению свободы являются «обузой» для бюджета страны, как правило, не более 30% из них привлекаются к общественно полезному труду с низкой заработной платой и все затраты на их содержание ложатся на законопослушных граждан.

Сравнивать штраф и лишение свободы очень трудно, так как если наказание в виде штрафа предусматривает ограничение в имущественной сфере, то лишение свободы устанавливает ограничения более важных прав человека – личной свободы.

Рассмотрим яркий пример замены штрафа на лишение свободы. Гражданин Н.Д.Н. осужден Ленинградским окружным военным судом 13 февраля 2012 г. за совершение 49 преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 290 УК РФ, 3 преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК

РФ, и одного преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, к штрафу в размере 3 миллионов рублей с лишением на основании ст. 48 УК РФ воинского звания. Неисполненное наказание в виде штрафа постановлением Ленинградского окружного военного суда от 22 июня 2015 г. заменено лишением свободы на 3 года 6 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Н.Д.Н. взят под стражу в зале суда. За три года исполнения уголовного наказания в виде штрафа с Н.Д.Н. взыскано 107 тыс. рублей.³ За каждый месяц лишения свободы Н.Д.Н. сэкономил 690 тыс. рублей для семейного бюджета, указанная сумма в 19 раз больше средней заработной платы в России. Можно ли говорить об исправительном воздействии на осужденного принятого решения? И какой предупредительный характер оно имеет? Рассматриваемые примеры приводят к выводу, что осужденным выгоднее не исполнять наказание в виде штрафа.

Необходимо отметить, что уклонение от уплаты штрафа несет высокую общественную опасность, которая заключается в том, что осужденный ставит под угрозу реальность исполнения судебного решения, затрудняет применение к нему карательного характера наказания в виде штрафа, который заключается в обязанности осужденного претерпевать возмездные государственно-принудительные ограничения его прав и свобод, предусмотренные законодателем, и как следствие – подрывает авторитет государства, его судебную и правоохранительную систему. Если суд определил, что осужденный обязан понести имущественные затраты за совершенное преступление, то правоохранительные органы должны принять все меры для исполнения данного решения.

В целях эффективного исполнения штрафа необходимо определить новый вид уголовного наказания – «штрафные работы», которые бы назначались осужденным, злостно уклоняющимся от уплаты штрафа. Суть уголовного наказания в виде «штрафных работ» заключается в том, что осужденный привлекается к труду в местах, определяемых органом,

исполняющим наказания. Из заработной платы осужденного производится удержание в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от 20 до 40%. Осужденный привлекается к «штрафным работам» до полного удержания всей суммы назначенного штрафа.

Указанные коррективы, по нашему мнению, позволят создать благоприятные условия для добровольного исполнения штрафа.

¹ См.: Уткина С. С. Уголовное наказание в виде штрафа : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004.

² Подробнее об этом см.: Минская В. С., Шарафетдинов Г. А. Штраф в современном уголовном законодательстве. М.: Академия Ген. прокуратуры Российской Федерации, 2014. С. 121.

³ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 03.09.2015 № 202-АПУ15-2 // СПС КонсультантПлюс.

Рахматулин З.Р.

Ачинский филиал Красноярского
государственного аграрного университета

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ НЕПЕНИТЕНЦИАРНОГО РЕЖИМА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье 8 УИК РФ закреплены принципы уголовно-исполнительного законодательства: законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием.

В рамках данной статьи более пристальное внимание уделим принципу законности и, принимая за основу его положения, предпримем попытки оптимизации содержания непенитенциарного режима уголовного наказания в виде ограничения свободы.

В уголовно-исполнительном законодательстве содержание данного принципа не раскрывается, поэтому обратимся к мнениям отдельных ученых по данному вопросу. Так, В.А. Уткин, указывает, что законность предполагает законность самих законов в области исполнения наказаний, верховенство законов среди источников уголовно-исполнительного права, соответствие закону правоприменительных (индивидуальных правовых) актов, соответствие закону фактической деятельности субъектов уголовно-

исполнительных правоотношений, а также законность средств обеспечения законности.¹

Следовательно, необходимо, чтобы статья 53 УК РФ, а также процесс исполнения и отбывания ограничения свободы строго соответствовали принципу законности, более того, аналогичным требованиям должна быть подчинена деятельность судов и уголовно-исполнительных инспекций.

Кроме этого непенитенциарный режим уголовного наказания в виде ограничения должен содержать больше мер, которые были бы способны исправлять виновных и предупреждать с их стороны совершение новых преступлений. Данные вопросы уже обсуждались в юридической литературе.² В настоящее время говорить об этом не приходится, поскольку статистические данные, полученные в 2011-2017 гг., указывают на то, что суды Красноярского края, Кемеровской, Томской, Новосибирской областей в 73,8% назначают только обязательные ограничения, 21,4% имеет место одно дополнительное, а всего в 4,8% фигурируют два и более ограничений. Отметим, что в качестве факультативных судами применяются меры по запрету посещать определенные места и покидать место постоянного

проживания (пребывания) в определенное время суток. Таким образом, судьи зачастую ограничиваются установлением лишь обязательных ограничений, социально-криминологические основы функционирования ограничения свободы, личностные характеристики осужденных в момент вынесения приговора не учитываются.

Следовательно, перечень ограничений и обязанностей, входящих в содержание ограничения свободы необходимо расширить. Анкетирование 97 судей, прокурорских работников и сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в Красноярском крае, проведенное в 2016-2017 гг., показало, что 76% из них считают необходимым дополнить ст. 53 УК РФ комплексом иных ограничений и обязанностей, однако предусмотреть возможность установления и других, которые в законе прямо не прописаны, но могут влиять на исправление лица. Около 20% указали, что ограничение свободы следует дополнить запретами, которые будут исчерпывающим образом изложены в норме. Актуально по данному вопросу и мнение В.А. Уткина, который критически оценивает «открытый» перечень ограничений и обязанностей, которые можно применять к осужденным. «В случае закрепления примерного перечня воспитательных (исправительных) обязанностей... будет фактически узаконена... не всегда правильная и обоснованная практика, многие обязанности окажутся неподконтрольными и фактически даже не всегда исполнимыми... Это снизит авторитет суда, усложнит и даже сделает невозможным прокурорский надзор за применением таких мер, увеличит трудности в их реализации...». Это мнение полностью соответствует нормам действующего национального и международного законодательства. Так, в ч. 2 ст. 10 УИК РФ закреплено, что при исполнении наказания каждому осужденному гарантируются права и свободы

гражданина Российской Федерации с изъятиями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством, а не приговором. Также в ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948, прописано, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены в законе.

Исходя из вышеизложенного отметим, что ч. 1 ст. 53 УК РФ необходимо дополнить исчерпывающим перечнем иных ограничений, таких как: обратиться к врачу и при необходимости впервые или повторно пройти курс лечения от алкоголизма, токсикомании, психического заболевания, не увольняться с места работы без уважительных причин, не отчисляться из учебного заведения, не нарушать требования трудовой или учебной дисциплины, загладить (устранить причиненный вред), поступить на учебу (учиться), устроиться на работу с заключением трудового договора, не употреблять спиртные и иные одурманивающие вещества.

Таким образом, предложенные новеллы позволят более эффективно применять требования непенитенциарного режима уголовного наказания в виде ограничения свободы и, как следствие, повысят его исправительный специально-предупредительный потенциал. В предлагаемой норме с учетом принципа законности будет исчерпывающим образом закреплён расширенный перечень ограничений и обязанностей, которые следует применять к осужденным.

¹ Российский курс уголовно-исполнительного права. Т. 1. С. 81-84.

² Тепляшин П.В. Методологические основы гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России в условиях интеграции правовых систем : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010. С. 135.

Кузьменкова С.В.

Академия МВД Республики Беларусь
(г. Минск)

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ К АРЕСТУ

В настоящее время реформирование пенитенциарной системы способствует нравственному возрождению человека. В процессе отбывания наказания в виде ареста проведение полноценной воспитательной работы, хотя бы в том виде, как она должна быть организована в исправительных учреждениях, предназначенных для отбывания лишения свободы, ограничено, причем не только непродолжительным сроком пребывания осужденного в арестном доме, но и системой строгости изоляции.

О.В. Филимонов полагает, что «персонал вправе проводить с осужденными отдельные воспитательные мероприятия с учетом специфики данного вида наказания и индивидуальных особенностей осужденных»¹.

Одной из основных проблем всегда остается взаимоотношение воспитателя (сотрудника арестного дома) и осужденного, отбывающего арест. Так, знание особенностей психологии несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде ареста, является необходимой предпосылкой развития взаимоотношений с ними для достижения целей перевоспитания. Исправление осужденных означает замену у них искаженных ценностных ориентаций, предопределяющих преступное поведение, на позитивные социальные установки.

Вместе с тем изучение несовершеннолетних, осужденных к наказанию в виде ареста, на современном этапе нельзя признать ни глубоким, ни всесторонним, в основном превалируют социально-демографические описания. Попытки исследования внутренних, сущностных характеристик осужденных очень редки, недостаточны знания об их поведении в арестных домах.

По нашему мнению, воспитательное воздействие на осужденных, отбывающих наказание в виде ареста, должно быть направлено на коррекцию нравственных

дефектов, именно это позволит личности задуматься о совершенном преступлении, о вреде, который был причинен другой личности, собственности и обществу в целом.

Полагается, что коррекционная работа с осужденными к наказанию в виде ареста должна проводиться, но только как составляющая всего воспитательного процесса. Достичь правопослушного поведения лица можно путем его стимулирования к добровольному исправлению. Адаптация к условиям отбывания наказания и одновременно корректировка своего поведения с изменением его к лучшему — все это в совокупности должно влиять на осужденного таким образом, чтобы в дальнейшем предотвратить преступное поведение. Ценность данного подхода заключается в том, что он помогает воспринять назначенное наказание как адекватное и справедливое. Полагается, что знания индивидуальных особенностей каждого осужденного не только облегчают вхождение его в новую среду, но и позволяют сотрудникам арестного дома правильно сориентироваться в выборе средств воспитательного воздействия.

Для достижения цели исправления при исполнении наказания в виде ареста в Германии активно используются методы психотерапевтического воздействия на несовершеннолетних, осужденных к аресту. Совместно с психологами социальные работники с помощью методов психологической и социально-психологической диагностики изучают личность поступающих в арестные дома осужденных и применяют методы социальной терапии. Наряду с психоаналитическими подходами активно используются методы разговорной психотерапии, поведенческой терапии, методы группового консультирования и другие. Социальный работник не принуждает осужденного участвовать в групповой работе, строго соблюдается принцип добровольности. Для

стимулирования участия существуют определенные льготы, например применение предусмотренных мер поощрения.²

Представляется, что проведение групповой работы с осужденными основывается на том, что индивиды думают, чувствуют и реагируют по-другому, когда они объединены в группу, способную оказывать влияние. Главное – создать группы, которые могут положительно влиять на осужденных и содействовать их исправлению. Одной из форм групповой психотерапии является коллективная беседа, для проведения которой осужденные объединяются в группы до десяти человек, которые однородны по интеллектуальному уровню развития. Ежедневно в каждой группе проходит диспут на тему, интересующую несовершеннолетних, осужденных к аресту. Руководитель группы (служащий, обладающий достаточными знаниями по психологии, психиатрии и социологии) должен стимулировать активность участников дискуссии, не высказывать категорических суждений, так как это может помешать осужденным свободно обмениваться мнениями. В связи с тем, что осужденные к аресту отбывают наказание в камерах арестного дома, для проведения групповой терапии будут представлены осужденные, отбывающие арест в одной камере. Следует отметить, что главная цель групповых бесед – помочь осужденным приспособиться к условиям арестного дома, повысить у них чувство ответственности, развить рассудительность, сделать более восприимчивыми к другим методам воздействия, применяемым в учреждении.

Учитывая опыт западных стран, для администрации арестных домов необходимо выделить следующие особенности работы с осужденными к аресту: необходимо оказывать интенсивно-воспитательное воздействие, которое в дальнейшем будет способствовать их законопослушному образу жизни посредством осознания своей ответственности перед обществом; при организации работы с осужденными, отбывающими наказание в виде ареста, особое внимание необходимо уделять дисциплине, социально полез-

ным видам деятельности, а также групповой терапии, то есть беседам с группами осужденных по тем или иным актуальным для них вопросам, которые проводят лица, имеющие специальную подготовку.

Результаты социологического опроса показали, что 46% осужденных к аресту считают, что с ними проводится достаточное количество мероприятий воспитательного характера. Вместе с тем 73% (более половины респондентов) утверждают о необходимости еженедельно проводить воспитательные мероприятия, около 67% сотрудников арестных домов считают, что проведение групповых бесед с осужденными к аресту весьма целесообразным мероприятием

Факт строгости изоляции отбывания ареста оказывает давление на осужденных, в результате которого они испытывают необходимость в общении (коммуникации, в том числе с сотрудниками арестного дома). Полагается, что вся работа с осужденными к аресту, должна строиться на принципах так называемой групповой терапии, которые будут способствовать осознанию вины и повышению чувства ответственности за свои поступки. Из изложенного следует вывод о необходимости законодательного регламентирования именно систематической воспитательной работы с осужденными к аресту, что будет противостоять процессу обмена криминальным опытом среди осужденных.

Для повышения эффективности исправительного процесса необходимо дополнить ч. 7 ст. 59 УИК РФ положением, предусматривающим обязанность проведения администрацией арестного дома воспитательной работы не реже одного раза в неделю, а с несовершеннолетними – не реже двух раз в неделю в форме групповых или индивидуальных мониторинговых бесед. Данные беседы следует проводить на основе факта заполнения опросного листа по прибытии осужденного в арестный дом, в котором выясняются жизненно важные установки исправительного характера, соответствующие уровню осознания осужденным необходимости не совершать более деяний, за

которые может последовать соответствующее наказание.

Следует отметить, что именно первоначальная беседа несет в себе большой смысл, и поэтому зафиксированные в опросном листе факты личной жизни осужденного в последующем могут быть рационально использованы администрацией арестного дома для оказания исправительного воздействия на осужденного. Тем более, что при попадании впервые в условия строгой изоляции с осужденным происходят разного рода психогенные изменения, вызывающие не только стресс, но и душевные переживания. Осужденные, несмотря на краткосрочность изоляции в замкнутом пространстве, вынуждены постоянно контактировать с ограниченным кругом лиц, что приводит их к состоянию раздраженности, злости и агрессии. В результате этого между осужденными возникает напряженность во взаимоотношениях, конфликтность, враждебность, вызывающая деление осужденных на микрогруппы, которые заняты борьбой над отстаиванием своих интересов, но не над осознанием противоправного деяния, совершенного каждым из них.

Администрация арестного дома, используя сведения, отраженные в опрос-

ном листе, должна проводить систематическую воспитательную работу таким образом, чтобы осужденные не выясняли отношения друг с другом, а стремились вести себя правопослушно, при этом не только в условиях изоляции, но и на свободе. В целях упорядочения работы в данном направлении необходимо разработать бланк опросного листа осужденных к аресту.

Благодаря проведению подобных бесед можно прогнозировать улучшение климата в арестном доме, а также сглаживание конфликтов между администрацией и осужденными к аресту. Иными словами, исполнение ареста должно происходить в форме воспитания и должно помочь осужденным преодолеть сложности, которые привели к совершению преступления. В данном случае речь идет о сочетании мер устрашения, наказания и воспитания.

¹ Уголовно-исполнительное право России / В. В. Дедюхин [и др.] ; под ред. О.В. Филимонова. М. : Ин-т актуал. образования «ЮрИнфоР-МГУ», 2004. С. 130.

² Бахвалова Л.А. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних в уголовном праве России и Германии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2012. С. 155.

Андреева Ю.В.,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

Принципы осуществления общественного контроля в местах принудительного содержания граждан

При осуществлении общественного контроля в местах принудительного содержания граждан (далее – МПС) целесообразно понимать принципы, исходя из которых он должен реализовываться.

Принципы общественного контроля условно можно разделить на три группы: законодательные, морально-нравственные и организационные.

Рассмотрим каждую из указанных групп в отдельности.

В ст. 4 Федерального закона от 10 июня 2008 г. №76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее – ФЗ №76) регламентировано шесть законодательных принципов осуществления общественного контроля: 1) приоритета прав человека; 2) добровольности; 3) равноправия; 4) объективности; 5) за-

конности; 6) недопустимости вмешательства в оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную деятельность и в производство по делам об административных правонарушениях.

К сожалению, законодатель не раскрывает содержание этих принципов, а правоприменитель не дает практических рекомендаций по их применению.

На наш взгляд, принцип приоритета прав человека выражается в том, что члены общественных наблюдательных комиссии (далее – ОНК) независимо от расовой и национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных и философских убеждений, состава преступления, поведения лица, находящегося в МПС, состояния его здоровья, сексуальной ориентации должны осуществлять свои общественные полномочия, исходя из ст. 2 Конституции РФ, где регламентировано, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. При этом должны знать, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – это обязанность государства. В связи с этим понимать, что имеются органы, которые государством наделены полномочиями по организации уголовного преследования и надзора и, соответственно, не осуществлять не свойственные члену ОНК полномочия.

В большинстве случаев члены ОНК ряда регионов проводят свои собственные «общественные расследования», не считая нужным ставить в известность региональные правоохранительные органы о состоянии правопорядка в МПС. Также есть такая категория членов ОНК, которая вообще не понимает объем своих полномочий и психологически не готова принимать определенные решения при обнаружении нарушений прав человека в МПС.

Однако на практике могут возникнуть ситуации, когда лицо, находящееся в МПС, само не хочет впоследствии дальнейшего восстановления его нарушенных прав, как правило, после проведения определенных действий со стороны членов ОНК по выяснению причин и условий, способствующих несоблюдению действующего законодательства в отношении него.

Принцип добровольности заключается в том, что потенциальные члены ОНК подают свои документы на рассмотрение их в Общественной палате РФ на основании собственного принятого решения, исходя из того, что деятельность по осуществлению общественного контроля в МПС происходит на безвозмездной основе и в связи с этим денежные расходы, связанные с реализацией своих общественных полномочий, им придется нести самим.

Принцип равноправия заключается в том, что члены ОНК имеют равные права друг перед другом, даже если это председатель, его заместитель (-и) или секретарь, которые выбираются на первом заседании вновь сформированной региональной ОНК, как правило, на три года.

Однако в ряде регионов лица, которые были выбраны председателями не понимают самого главного, что данная должность подразумевает под собой большую ответственность, в первую очередь, перед государством и не является основанием для самоутверждения и принятия единоличных решений.

Исходя из того, что ОНК является общественной организацией встречи с представителями территориальных органов МПС должны проходить с участием всех членов ОНК. Главным аргументом в данном случае выступает исключение возможности восприятия административно-управленческих решений, принимаемых представителями ведомств, одним человеком и формирование в дальнейшем определенного имиджа сотрудника конкретного правоохранительного органа в глазах других членов ОНК.

Принцип объективности заключается в том, что в документах, выводах и рекомендациях ОНК отражается то, что член увидел лично, либо установил путем изучения соответствующих документов. В случае возникновения «конфликтной ситуации» между ОНК и ведомствами каждый член ОНК должен убедиться в том, что его не используют в своих интересах конкретные лица.

Согласимся с мнением некоторых правозащитников, что для полноценного соблюдения принципа объективности по

итогах общественного контроля нужно указывать и положительные тенденции, которые стали формироваться в конкретном учреждении по итогам предыдущих проверок, формировать свой рейтинг лучших учреждений и сотрудников. Его можно опубликовывать на сайте региональной ОНК.

Принцип законности выражается в неукоснительном соблюдении норм действующего законодательства членами ОНК. Стоит не забывать, что информация, полученная в процессе контроля, является в большинстве случаев персональными данными как сотрудников, так и лиц, содержащихся в МПС. Исключение законодателем делается для самих ведомств на основании п. 7 ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. «О персональных данных»

Принцип недопустимости вмешательства в оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную деятельность и в производство по делам об административных правонарушениях запрещает препятствовать членам ОНК законной оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной и административно-процессуальной деятельности.

При оценке «конфликтных ситуациях» на предмет того, имело ли место вмешательство, следует исходить из ст. 2 Конституции РФ.

Описание морально-нравственных принципов содержится в ст. 2.1, 2.2 Кодекса этики членов общественных наблюдательных комиссий по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействию лицам, находящимся в местах принудительного содержания (далее – Кодекс), утвержденного членами Общественной палаты Российской Федерации от 12 июля 2012 г.

Анализ Кодекса позволяет говорить о десяти морально-нравственных принципах осуществления общественного контроля, а именно:

1. Принцип корректности и сдержанности требует от членов ОНК проявлять понимание к идеологическим и моральным убеждениям лиц, находящихся в МПС, их национальным ценностям, куль-

туре, народным традициям и обычаям. Отражением принципа сдержанности является содержащееся в п. 2.2 Кодекса требование не допускать проявления грубости, высокомерия, пренебрежительного тона, заносчивости, предвзятых замечаний, необоснованных обвинений. При всей правильности этого положения сложность его выполнения состоит в том, что данные понятия носят оценочный характер. Зачастую восприятие членами ОНК поведения лиц, находящихся в МПС, и сотрудников ведомств сугубо индивидуальное у каждого.

2. Принцип не дискриминации требует не допускать субъективного отношения к лицу, находящегося в МПС, по признаку вероисповедания, происхождения, пола, возраста, расовой и этнической принадлежности, состояния здоровья и психических отклонений, сексуальной ориентации и других специфических особенностей личности.

3. Принцип на запрет избирательного отношения к поступающим обращениям, который требует одинаково внимательно и взвешенно относиться к жалобам и обращениям, поступающим в ОНК, не допускать избирательности при их рассмотрении. Соблюдение этого принципа одинаково важно, как для эффективности деятельности ОНК, так и для репутации ОНК. Нужно не допустить рассмотрение обращений только по определенным делам или в отношении конкретных лиц.

4. Принцип честного, разумного, добросовестного исполнения своих обязанностей. Если по поводу честности все понятно, то разумность и добросовестность у каждого члена ОНК будет пониматься по-разному. В каждом регионе есть члены ОНК, которые до конца срока действия своего мандата ни разу не посетили ни одного МПС.

5. Принцип взаимоуважения, который декларирует, что нужно относиться к коллегам в духе уважения, доверия и сотрудничества. На практике в ряде случаев происходят единовременные или постоянные разногласия между членами ОНК и о контроле, в таком случае, говорить уже не приходится.

6. Принцип конструктивных отношений с администрацией МПС требует проявлять корректность и сдержанность в общении с представителями администрации МПС. Нужно не забывать, что главная цель контроля – это оказание помощи лицам, находящимся в МПС, а не выяснения отношений с сотрудниками правоохранительных органов по типу «нравится – не нравится». В таком случае множественные поездки членами ОНК в МПС бессмысленны и не достигают поставленных перед ОНК целей и задач со стороны государства.

7. Принцип сдержанности публичной активности в СМИ, под которым понимается то, что не нужно членам ОНК допускать высказываний, заявлений, обращений от имени организации, не будучи на то уполномоченными. Решения о размещении публикации (видео, фото) должны обсуждаться коллективно, вплоть до голосования.

8. Принцип запрета на провокационное поведение, которое выражается в высказывании оскорбительных выражений, совершении действий угрожающего характера, препятствующих нормальному общению или провоцирующих противоправное поведение лиц, находящихся в МПС. Задачей членов ОНК является снятие социальной напряженности в МПС, а не наоборот.

9. Принцип запрета вводить в заблуждение об объеме полномочий членов ОНК, выходящего за рамки действующе-

го законодательства, то есть не давать обещания лицам, находящимся в МПС, выполнение которых выходит за пределы компетенции членов ОНК.

10. Принцип коллегиальности при принятии решений в случае возникновения «конфликтных ситуаций» в ОНК и во взаимоотношениях с администрацией и сотрудниками МПС.

В качестве организационных принципов следовало бы выделить следующие принципы:

1) последовательность и преемственность в планировании и осуществлении работы;

2) комплексный и системный подходы;

3) эффективность использования ресурсов, предоставленных государством;

4) использование экспертного потенциала;

5) результативность;

6) участие бывших членов ОНК в работе региональных отделений общероссийской общественной организации «Совет общественных наблюдательных комиссий».

Таким образом, понимание содержания указанных принципов членами ОНК в итоге повысит результативность ее деятельности, уровень доверия со стороны государственной власти и институтов гражданского общества, даст государству эффективный инструмент защиты прав человека в местах принудительного содержания.

Сперанская А.В.,

кандидат психологических наук

Вологодский институт права и экономики
ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ОСУЖДЕННЫХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ НАВЯСТВЕННОСТИ

По мнению Л.И. Анцыферовой, уникальность человеческого существования заключается в том, что человек не просто живет, он прилагает усилия, чтобы выстроить свою жизнь. Он способен занять оценочную позицию к жизни вообще и к

своей в особенности. Человек способен распоряжаться жизнью и даже по своей воле уйти из нее. Таким образом, Л.И. Анцыферова рассматривает жизнь человека как развернутую во времени систему выборов. В основе данной сис-

темы лежит выбор — между жизнью и смертью.¹ Каждой личности на протяжении жизни приходится делать множество выборов, касающихся сущности ее существования. Вся жизнь человека представляет собой цепь переходов из одного жизненного мира в другой. Он попадает в новые системы социально-психологических связей, в непривычные обстоятельства, из которых он должен создать свой новый уникальный жизненный мир и овладеть новыми способами жизни.

С пенитенциарной точки зрения изучение жизненного пути осужденного необходимо не только для выявления причин, порождающих преступное поведение, но и для реализации эффективных воспитательных, профилактических, а также коррекционных программ.² Из этого следует, что изучение личности должно предшествовать пенитенциарному воздействию на нее, «пронизывать» профессиональную деятельность сотрудников всех структурных подразделений ис-

правительных учреждений и обеспечивать решение задач по коррективке поведения осужденного на различных этапах отбывания наказания.

Исследование проводилось на выборке, состоящей из впервые осужденных мужчин в ФКУ ИК-2 УФСИН России по Костромской области. Количество испытуемых — 60 человек (30 осужденных лиц мужского пола, отбывающих уголовное наказание за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности (экспериментальная группа №1 (далее — ЭГ №1), и 30 осужденных лиц мужского пола, отбывающих наказания за преступления против здоровья населения и общественной нравственности (далее — ЭГ №2).

В качестве инструментария использовалась методика психодиагностика жизненных ситуаций «Психологическая автобиография» Е.Ю. Коржовой, У-критерия Манна-Уитни.

Таблица
СРАВНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ПО МЕТОДИКЕ «ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ» В ОБЕИХ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ГРУППАХ

Варианты ответа	Количество выборов в%, в ЭГ №1	Количество выборов в%, в ЭГ №2	р-знач. для У- критерия
1. Школа	63,3	40	1,822
2. Осуждение	90	60	2,809
3. Освобождение	53,3	60	0,522
4. Рождение ребенка	20	16,7	0,329
5. День рождения родственников	30	6,7	2,457
6. Занятие любимым делом	50	23,3	2,183
7. Детство	30	10	1,993
8. Работа	63,3	10	4,628
9. Письма	40	10	2,805
10. Расстался с девушкой	3,3	20	2,175
11. Отдых в компании	6,7	56,7	4,570
12. Создание семьи	33,3	13,3	1,869
13. Потеря близкого человека	20	10	1,095
14. Получение высшего образования	20	36,7	1,451
15. Встреча с родными/ друзьями	6,7	3,3	0,615
16. Болезнь	13,3	30	1,594
17. Развод родителей	3,3	3,3	0
18. Приобретение автомобиля	30	3,3	3,072
19. Праздники	20	46,7	2,236
20. Условное осуждение	6,7	36,7	3,010
21. Любовь к женщинам	13,3	0	2,89
22. Свидания	10	0	2,492

Продолжение таблицы

23. Служба в армии	3,3	0	1,413
24. Взаимоотношения в отряде	10	0	2,492
25. Отношения с родными	20	0	3,587
26. Прошлая жизнь	13,3	0	2,89
27. Переоценка взглядов	23,3	0	3,897
28. Плохая компания	0	16,7	3,258
29. Наркотики	0	40	5,298
30. Первая интимная близость	0	13,3	2,89
31. Сдал на права	0	6,7	2,028
32. Первая любовь	0	6,7	2,028
33. Условно-досрочное освобождение	0	10	2,492
34. Влез в долги	0	3,3	2,492
35. Хороший заработок	0	3,3	1,413
36. Ссора с родными	0	6,7	2,89

При сравнении ЭГ №1 и ЭГ №2 выявлены значимые различия в особенностях восприятия значимых жизненных ситуаций. Так, осуждение воспринимается членами экспериментальной группы как самое отрицательное событие в жизни, для испытуемых ЭГ №2 оно является отрицательным в меньшей степени, так как большая часть данной группы имели ранее условную судимость или считают, что лишение свободы способствовало прекращению употребления наркотических веществ.

Большая часть осужденных, совершивших преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, в отличие от осужденных за преступления против здоровья населения и общественной нравственности, отмечают значимым положительным событием день рождения родственников (в 26 из 30% – это день рождения матери). Это можно объяснить тем, что испытуемые до исполнения приговора суда в большей степени поддерживали родственные связи.

«Работа» является значимым событием для ЭГ №1, так как большая часть осужденных в настоящее время трудоустроены, практически все осужденные до осуждения работали. Испытуемые ЭГ №2 не считают работу значимым событием, так как в настоящее время все 100% данной группы являются нетрудоустроенными, до осуждения работали только 6,6%.

Для осужденных за преступления против здоровья населения и обществен-

ной нравственности значимыми являются письма от родственников и знакомых. Осужденные за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности переписку практически не ведут.

«Отдых в компании» наиболее значим для ЭГ №2, так как до осуждения они вела «разгульный» образ жизни (отдых с друзьями, посещение увеселительных заведений), осужденные ЭГ №1 в большей степени были направлены на работу и общение с родными.

Условное осуждение в меньшей степени является значимым для осужденных за насильственные преступления событием, так как по сравнению с осужденными второй группы, гораздо меньшая часть из них имела ранее условную судимость.

«Любовь к женщинам», «свидания» отмечены только испытуемыми первой группы.

«Взаимоотношения в отряде», «отношения с родными» данные выборы присуще только ЭГ №1, они оцениваются как негативные события. У большей части осужденных данной группы, в связи с осуждением, были испорчены взаимоотношения с близкими людьми.

«Прошлая жизнь», «переоценка взглядов» отмечены только осужденными ЭГ №1.

«Плохая компания», «наркотики», «первая интимная близость», «условно-досрочное освобождение», «долги», «ссора с родными» отмечались только испытуемыми ЭГ №2.

Таким образом:

— характер деформации жизненного пути различается в зависимости от типа преступления;

— у лиц мужского пола, совершивших преступления насильственного характера, наблюдается деформация субъективной картины жизненного пути, отмечается низкая продуктивность воспроизведения образов своей жизни;

— у лиц мужского пола, совершивших преступления против здоровья населения и общественной нравственности, отмечается большая наполненность жизненного

пути событиями, среди которых по значимости наркотики (употребление и распространение) заняли третье место, то есть данный факт биографии выступил переломным моментом в судьбе каждого испытуемого в данной группе.

¹ Гришина Н.В. Психология жизненного пути // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5. С. 82.

² Смирнов, А.М. Характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 6. С.17.

Галыгина И.П.,

кандидат юридических наук

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета

Писаревская Е.А.,

кандидат юридических наук, доцент

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, ОСУЖДЕННОГО К ОТБЫВАНИЮ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЕГО РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Особо актуальным представляется вопрос о необходимости обеспечения ресоциализации несовершеннолетних, содержащихся в воспитательных колониях. Полагаем, что лица, совершившие уголовно наказуемое преступное деяние, в том числе и несовершеннолетние, отбывающие наказание в виде лишения свободы, не лишаются права на частную жизнь. Это следует из того, что международное законодательство по правам человека является юридически обязательным для всех государств и их представителей, включая работников тюрем.¹ Кроме того, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну имплементировано в отечественное законодательство. В частности, оно гарантировано положениями статей 23 и 24 Основного закона Российской Федерации.

Конечно, не вызывает сомнений, что реализация права на частную жизнь в условиях изоляции от общества существенно затрудняется, поскольку в рассматриваемом случае возникает необходимость «введения определенных ограничений на некоторые из этих прав в связи с необходимостью обеспечения безопасности не только самих лиц, находящихся в пениitenciарных учреждениях, но и персонала, находящегося на их территории»². Кроме того, администрация исправительных учреждений нередко не признает за осужденными, в том числе и осужденными несовершеннолетними, права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. При этом 39 опрошенных нами сотрудников одной из воспитательных колоний для несовершеннолетних осужденных мужского пола

более позитивно отнеслись к праву осужденных на частную жизнь. Так, 46,2% опрошенных ответили, что осужденные обладают правом на частную жизнь, но с ограничениями, связанными с отбыванием наказания в виде лишения свободы. Еще 7,6% сотрудников признали за несовершеннолетними осужденными безусловное право на частную жизнь. Таким образом, более 50% опрошенных нами сотрудников воспитательной колонии согласились, что их «подопечные» таким право обладают. Однако значительным удельным весом характеризовалась также группа сотрудников – 46,2%, указавшая, что осужденные правом на частную жизнь не обладают, поскольку отбывают наказание в виде лишения свободы.

Кроме сотрудников воспитательной колонии нами также были опрошены 59 осужденных несовершеннолетних мужского пола. Им было предложено ответить на вопросы, аналогичные тем, которые были заданы сотрудникам. Сравнительный анализ ответов осужденных несовершеннолетних и сотрудников воспитательной колонии показал, что удельный вес группы осужденных, полагающих, что у них есть право на частную жизнь, значительно выше удельного веса соответствующей группы сотрудников. Так, 59,6% осужденных несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательной колонии, ответили утвердительно на вопрос о том, есть ли у них право на частную жизнь. 23,1% опрошенных признали у себя наличия такого права, но с ограничениями, связанными с отбыванием наказания в виде лишения свободы, и лишь 17,3% указали, что они этим правом не обладают.

Однако, несмотря на представления сотрудников исправительных учреждений, а также осужденных лиц, которые отбывают наказание в виде лишения свободы, лица, отбывающие наказание, связанное с изоляцией от общества, в том числе несовершеннолетние, отбывающие наказание в виде лишения свободы в условиях воспитательной колонии, как граждане государства обладают правами и свободами человека и гражданина, ко-

торые согласно ст. 2 Конституции РФ являются высшей ценностью.

Какие же составные элементы частной жизни имеют место и могут быть гарантированы в условиях воспитательной колонии?

Опрошенные нами сотрудники воспитательной колонии, признавшие право несовершеннолетних осужденных на частную жизнь, характеризовались отсутствием единого понимания того, какие элементы следует включать в это понятие. В «топ 5» наиболее распространенных ответов сотрудников при возможности выбора одновременно нескольких вариантов вошли: право на получение образования и трудовых навыков – 30,8%; право на духовную неприкосновенность – 23,1%; право на общение, включая дружеские и семейные отношения, – 18,0%; право на свободу труда – 17,9%; право на семейную тайну – 15,4%.

Среди осужденных несовершеннолетних рейтинг наиболее распространенных ответов выглядел несколько иначе: право на получение образования и трудовых навыков – 42,3%; право на личную тайну – 40,4%; право на свободу передвижения – 38,5%; право на духовную неприкосновенность – 34,6%; право на личную неприкосновенность – 34,6%.

В целом следует признать, что осужденные несовершеннолетние более активно, чем сотрудники, отнеслись к перечислению тех элементов, которые, по их мнению, следует включать в понятие «частная жизнь». Характер ответов осужденных показывает, что обозначение границ и частной сферы их жизнедеятельности является для них актуальной задачей.

Отметим, что на первую позицию у двух категорий опрошенных вышел ответ «право на получение образования и трудовых навыков», очевидно, что это связано с возрастными особенностями несовершеннолетних осужденных. В то же время в характере ответов несовершеннолетних осужденных и сотрудников воспитательной колонии фиксировались значительные расхождения. Так, значительная группа несовершеннолетних осужденных (38,5%) включила в состав

«права на частную жизнь» свободу передвижения, тогда как среди сотрудников этот ответ «популярностью» не пользовался и составил всего 5,1% от общего числа опрошенных сотрудников.

На наш взгляд, рассматривая и определяя структурные элементы права на частную жизнь осужденных несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы, на одно из первых мест следует поместить такие права, органически присущие частной сфере, как право на общение, включая дружеские и семейные отношения, а также право родителей и ребенка находиться в обществе друг друга. К такому выводу мы приходим по нескольким основаниям, руководствуясь положениями ст. 54, 55 Семейного кодекса Российской Федерации. На указанное обстоятельство обращается внимание и в литературе: «В соответствии с принципами, сложившимися в устоявшейся прецедентной практике Европейского суда, если установлено наличие семейной связи с ребенком, государство должно действовать таким образом, чтобы позволить этой связи развиваться, и предоставить правовую защиту, делающую возможным интеграцию ребенка в его семью»³.

Полагаем, что в понятие «право осужденного несовершеннолетнего на частную жизнь» должны включаться следующие составные элементы: право на общение, включая дружеские и семейные отношения, право родителей и ребенка находиться в обществе друг друга, право на семейную тайну, право на личную тайну, право на медицинскую тайну, право на свободу передвижения, право на неприкосновенность образа, право на духовную неприкосновенность, включая свободу вероисповедания и тайну исповеди, право на получение образования и трудовых навыков, право на свободу труда, право на свободу творчества.

Мы поддерживаем предложение М.А. Ступаловой о дополнении положений действующего Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации нормами, закрепляющими право осужденного на частную жизнь. В целях законодательного закрепления понятия «частная жизнь осужденных, отбывающих

наказание в местах лишения свободы» М.А. Ступалова предлагает главу 2 УИК РФ дополнить статьей 12.1 «Право осужденных на частную жизнь», где в части 1 изложить данное определение.⁴ Однако, на наш взгляд, формулирование определения понятия «частная жизнь» применительно только к отдельной, достаточно узкой социальной группе – группе лиц, осужденных за совершение преступления к отбыванию наказания в виде лишения свободы, в уголовно-исполнительном законодательстве представляется не вполне обоснованным и, исходя из целей и сферы правового регулирования уголовно-исполнительного законодательства, излишним. Нами предлагается дополнить статью 12 УИК РФ «Основные права осужденных» частью 3.1 следующего содержания: «Осужденные имеют право на частную жизнь, которая включает право на общение, включая дружеские и семейные отношения; право родителей и ребенка находиться в обществе друг друга; право на семейную тайну; право на личную тайну; право на медицинскую тайну; право на свободу передвижения; право на неприкосновенность образа; право на духовную неприкосновенность, включая свободу вероисповедания и тайну исповеди; право на получение образования и трудовых навыков; право на свободу труда; право на свободу творчества.

Право осужденного на частную жизнь может быть ограничено только в связи с характером отбываемого им наказания и только в целях обеспечения безопасности и соблюдения законных прав и интересов иных лиц».

Направленность усилий субъектов профилактики на работу по обеспечению права несовершеннолетнего осужденного на частную жизнь, на наш взгляд, будет способствовать формированию частной сферы его жизни, что в дальнейшем, в постпенитенциарный период, будет способствовать его ресоциализации и, как следствие, предупреждению совершения им новых преступлений.

³ Кодекс ООН поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка // Документы ООН, касающиеся заключенных (сборник). М., 2000. С. 175.

²Сорокин М.В., Сорокина О.Е. Конструкция регулирования частной жизни в зарубежных пенитенциарных учреждениях в сфере обеспечения безопасности // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 718.

³Велиева Д.С. Право на уважение частной жизни: международные стандарты реализации и

защиты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. № 2-2. С. 447.

⁴Ступалова М.А. Правовое регулирование частной жизни осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 10.

Онищенко И.С.

Вологодский институт права и экономики
ФСИН России

Подготовка к освобождению осужденных к лишению свободы женщин, имеющих малолетних детей

Научные данные говорят о высокой уязвимости осужденных женщин, их неумении разрешать свои проблемы некриминальным способом, низкой защищенности и адаптивности к изменяющимся социально-экономическим условиям. В этой ситуации осужденные женщины являются не только преступницами, но и жертвами социального неблагополучия, нуждающимися в комплексной помощи и поддержке. Самостоятельно разрешить трудную жизненную ситуацию, вернуться к нормальной жизни после освобождения многим из них очень сложно. Отсюда следуют необратимые потери для самой женщины, ее микросреды, семьи, общества в целом. Очевидно, что освобождающимся осужденным женщинам необходима специальная комплексная правовая, психологическая, педагогическая и социальная помощь.

Важную роль в данном направлении играет работа группы социальной защиты осужденных. Осуществление социальной диагностики, то есть выявление особенностей личности, содержания интересов, уровня развития нравственно-психологических качеств, мотивации поведения осужденной, позволяет дифференцировать этих лиц и обоснованно прогнозировать поведение каждой из них после освобождения.

Работа специалистов по подготовке осужденных женщин к освобождению начинается с момента прибытия женщин в карантинное отделение, длится на ос-

новном этапе отбывания наказания и продолжается на заключительном, связанном с интенсивной подготовкой женщин к освобождению.

Наиболее острые проблемы, с которыми сталкиваются женщины при освобождении, – это личностные проблемы (страх одиночества, замкнутость), сложности с трудоустройством, жилищные и материальные трудности. В связи с этим важную роль играет помощь администрации колонии.

Как правило, женщины, имеющие детей в доме ребенка исправительного учреждения (далее – ИУ), к моменту освобождения либо не имеют средств к существованию, либо эти средства совсем незначительны. В совокупности с другими отрицательными факторами это может подтолкнуть женщину к новому преступлению. Это говорит о важности своевременного решения вопроса материального обеспечения освобождающейся женщины. Представляется возможным формировать у осужденной женщины стартовый капитал за счет ежемесячных отчислений от ее доходов до достижения суммы, необходимой для существования осужденной в течение месяца после освобождения, при этом она сможет распорядиться им только после освобождения.

Подготовка к освобождению из мест лишения свободы женщин, имеющих при себе малолетних детей, проводится сотрудниками группы социальной защиты

осужденных в контакте с медицинскими работниками ИУ. Выясняется возможность регистрации и трудового устройства освобождаемых, а также определения детей в дошкольные детские учреждения по избираемому ими месту жительства. В случае, когда вопрос трудового и бытового устройства освобождаемых женщин по избранному месту жительства решить невозможно, принимаются меры к установлению их родственных связей. Выясняется возможность их регистрации, трудового устройства, а также определения детей в дошкольные детские учреждения по месту жительства родственников.

С целью оказания помощи осужденным женщинам в бытовом и трудовом устройстве, помещении ребенка в детсад сотрудникам колонии следует на более тесной основе сотрудничать с органами местного самоуправления, центрами трудовой занятости, кадровыми агентствами, органами социальной защиты населения, здравоохранения, образования, опеки и попечительства и другими организациями. Помощь со стороны органов местного самоуправления может также выражаться в строительстве специальных общежитий для кратковременного пребывания освободившихся женщин, не имеющих своего жилья.¹

Полагаем, что индивидуальные программы профилактической работы с освобождаемыми женщинами должны предусматривать меры по их трудоустройству; строительству для них общежитий; обучению их востребованным на рынке труда специальностям; усилению контроля за их поведением; привлечению к данной работе общественности.

Есть и другие факторы, затрудняющие ресоциализацию женщин и способствующие их рецидиву. Дело в том, что освобожденные женщины ждут помощи не только со стороны администрации ИУ, но и со стороны родственников, друзей и близких, которую они зачастую не получают в связи с отдаленностью учреждений от места жительства и отсутствием у большинства родственников материальных возможностей для приезда в ИУ. Особенно актуальна поддержка семьи в первые месяцы после освобождения

женщины, когда существует высокая вероятность рецидива с ее стороны, поэтому социальные работники и психологи должны уделять особое внимание мерам по сохранению социально-полезных связей. Следует также не ограничивать количество свиданий осужденных женщин с родственниками, особенно детьми.

Особое внимание должно уделяться женщинам, родившим детей в колонии. С ними должны проводиться беседы о материнском долге, о любви к детям, о необходимости служить им примером. Медицинские работники должны проводить с мамами беседы о вреде курения, алкоголя, особенно в период кормления ребенка, о правилах гигиены кормящей матери, учить элементарным приемам ухода за ребенком². Необходимо также увеличить количество бесед на тему семейного воспитания, увеличение просмотров семейных фильмов. Женщинам необходимо оказывать поддержку и помощь, которая бы могла возродить у них материнские чувства, любовь и ответственное отношение к своему ребенку, побуждала бы их к принятию ребенка в свою семью после освобождения.

Когда женщина освобождается из мест лишения свободы, необходимо не только осуществлять контроль за ней, но нужно также следить за здоровьем ребенка, оказывать помощь в решении жилищных проблем, проблемы трудоустройства и помещении ребенка в детский сад, дополнительно поддерживать при освобождении осужденную, например, путем помощи в получении материнского капитала.

До сих пор не решена проблема обеспечения жильем осужденных женщин, освобождающихся из мест лишения свободы, а также сохранение его за женщинами, не являющимися собственниками жилой площади, так как жилищное законодательство не предусматривает каких-либо льгот на получение жилья для лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Важным фактором в процессе адаптации осужденных женщин к жизни на свободе является обеспечение их трудовой занятости. Вовлечение сотрудниками колонии осужденных женщин в обуче-

ние, получение ими образования и профессиональной подготовки в ИУ позволяет женщинам устроиться на оплачиваемую работу после освобождения.

Все чаще осужденные женщины освобождаются из мест лишения свободы без предварительной договоренности об их трудовом и бытовом устройстве. Одной из проблем в данной сфере является отсутствие законодательной регламентации взаимодействия исправительных учреждений с органами исполнительной власти и с предприятиями города в целях трудоустройства осужденных после освобождения. Для облегчения вопросов, связанных с трудовым и бытовым устройством осужденных женщин после освобождения, законодатель предоставляет им право краткосрочно выехать за пределы ИУ (п. «а» ч. 1 ст. 97 УИК РФ). Однако не во всех женских колониях администрация предоставляет женщинам данное право.

Одним из способов обеспечения осужденных женщин работой видится внесение в Налоговый кодекс РФ поправки по предоставлению налоговых льгот предприятиям, предоставляющим рабочие места женщинам, отбывшим наказание, с целью их эффективной адаптации в обществе и предупреждения рецидивов.

Администрация исправительного учреждения обеспечивает освобождающихся женщин бесплатным проездом к месту жительства и проездными билетами. В соответствии с ч. 2 ст. 181 УИК РФ и Постановления Правительства РФ от 25 декабря 2006 г. №800 «О размере единовременного денежного пособия, которое может быть выдано осужденным, освобождаемым из мест лишения свободы», каждой осужденной выдается единовременное денежное пособие в размере, установленном Правительством РФ в раз-

мере 850 рублей. На путь следования освободившиеся женщины обеспечиваются продуктами питания. Освобождаемым женщинам с малолетними детьми выдается дополнительно для детей на время, необходимое для проезда к месту жительства, сухой паек в виде набора продуктов по назначению врача-педиатра дома ребенка учреждения, исполняющего наказания, или деньги в сумме, исчисляемой от средней стоимости продуктов, входящих в норму питания детей, сложившейся в месяце, предшествующем освобождению от наказания. На детей, находившихся в домах ребенка при ИУ, выдается одежда по сезону в соответствии с возрастом ребенка.

При освобождении осужденных женщин, имеющих малолетних детей, администрация учреждения заблаговременно ставит в известность об их освобождении родственников либо иных лиц.

Таким образом, подготовка к освобождению осужденных к лишению свободы женщин, имеющих малолетних детей, имеет свои особенности. Применяемые формы и методы работы с ними направлены на их исправление и ресоциализацию, формирование и реабилитацию у них материнских качеств.

¹ Ратникова Н.Д., Ковтуненко Л.В. Ресоциализация осужденных женщин в России на основе международного опыта // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 5. С. 12-17.

² Дубровин А.В. Актуальные особенности ресоциализации осужденных женщин в местах лишения свободы // Проблемы исполнения наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы: сборник материалов межрегиональной научно-практ. конф. (Вологда, 22-23 июня 2016 г.) / Правительство Вологод. обл., Уполномоч. по правам человека в Вологод. обл., ВИПЭ ФСИН России / под ред. О.А. Димони. Вологда: Сад-огород, 2016. С. 89-90.

Обернихина О.В.

Кузбасский институт ФСИН России
(г. Новокузнецк)

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНТРОЛЯ ЗА УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫМИ

Современные тенденции гуманизации уголовно-исполнительной системы и наказаний значительно повлияли на увеличение количества осужденных к наказаниям, альтернативным лишению свободы, а также на тех, к кому применена иная мера уголовно-правового характера. Так, исходя из официальных данных, в России в качестве альтернативы лишению свободы условное осуждение применяется практически к каждому второму осужденному.¹

Контроль за поведением условно осужденных в течение испытательного срока осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями (далее – УИИ) по месту жительства условно осужденных, а в отношении военнослужащих – командованием их воинских частей (ч. 6 ст. 73 УК РФ, ст. 187 УИК РФ).

В течение 2017 г. на учетах УИИ состояли порядка 631239 условно осужденных, что составило 51,2% от общего количества осужденных, состоявших на учете УИИ. Из них 243317 лиц (39,5%), ранее привлекавшихся к уголовной ответственности. Аналогичные показатели наблюдались в 2016 г. и в 2015 г. Следует отметить, что именно условно осужденные чаще всего совершают повторные преступления. Криминогенно-опасными представляются условно осужденные, которые злостно уклоняются от контроля УИИ. К примеру, в 2017 г. в отношении 23251 лиц, осужденных условно, были возбуждены уголовные дела за совершение повторных преступлений после постановки на учет, а 9867 лиц скрылись от контроля УИИ.

Такие показатели свидетельствуют не только о недостаточно эффективной деятельности УИИ, но и о том, что контроль как способ организации исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы и мер уголовно-правового характера, в частности условного осуждения, не является действенным.² Совершенно

справедливо, что органы прокуратуры и ФСИН России стали больше внимания уделять вопросу профилактики повторной преступности среди осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Поскольку дополнительные обязанности возлагаются на условно осужденного по решению суда, можно констатировать, что существуют две формы условного осуждения: 1) с возложением обязанностей; 2) без возложения обязанностей. Полагаем, что с целью профилактики повторной преступности целесообразно было бы оставить только первый вид, то есть с возложением обязанностей, поскольку это в большей степени дисциплинирует осужденного и не позволяет ему думать, что он находится вне поля зрения инспектора УИИ. Однако правоприменительная практика свидетельствует о том, что суды дополнительные обязанности на условно осужденных возлагают крайне редко, несмотря на характеризующие личность осужденного данные, свидетельствующие о необходимости более строгого контроля за ним. Представляется, что для суда большую роль в назначении дополнительных обязанностей играют: возраст, трудоспособность и состояния здоровья осужденного.

Дополнительные проблемы организации контроля за условно осужденными создает и тот факт, что суд вправе не только возложить на условно осужденного исполнение дополнительных обязанностей (ч. 5 ст. 73 УК РФ), но и полностью или частично отменить или дополнить ранее установленные для условно осужденного обязанности. Таким образом, суд, накладывая в качестве дополнительной обязанности на осужденного «запрет на посещение определенных мест», создает ряд проблем при осуществлении контроля, поскольку без применения электронных средств надзора и контроля к условно осужденным выпол-

нить судебное предписание крайне затруднительно. Опрос практических работников показал, что те дополнительные обязанности, которые суд зачастую возлагает на условно осужденного, однообразны и малоэффективны.

Так, обязанность не менять места жительства без уведомления УИИ в 2017 г. была назначена примерно 50% условно осужденным, являться на регистрацию в специализированный государственный орган, осуществляющий исправление осужденного, – порядка 45%, иные меры составили приблизительно 5%.

Полагаем, что, если дополнить предусмотренные законодательством Российской Федерации обязанности иными видами, например обязанностью «не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток» совместно с обязанностью применения электронных средств надзора и контроля, можно значительно повысить показатели эффективности контрольных мероприятий за условно осужденными, уклоняющимися от исполнения иной меры уголовно-правового характера, а также предупредить повторность совершения ими преступных деяний.

Важно учитывать и то, что обязанности должны соответствовать следующим требованиям: учет особенностей совершенного преступления, а также личности осужденного; рациональность карательного воздействия; формулировка должна быть четкой; перечень обязанностей должен быть открытым.

Однако введение в законодательство новых дополнительных обязанностей не должно провоцировать инспекторов УИИ к злоупотреблению ими, поскольку их задачей в первую очередь является кон-

троль за поведением условно осужденных в части осуществления ряда мер, направленных на оказание положительного воздействия на условно осужденного с помощью наблюдения за его поведением, исправления негативных черт его личности, искоренения или ограничения обстоятельств, отрицательно влияющих на процесс исправления. В связи с чем УИИ обладает соответствующими полномочиями. Например, по представлению УИИ суд вправе: отменить условное осуждение и снять с осужденного судимость; продлить испытательный срок; отменить условное осуждение и обязать исполнять наказание, назначенное приговором суда.

Не стоит забывать и о том, что при выявлении нарушения, допущенного условно осужденным, инспектор УИИ может давать компетентным органам предложения с целью исправления конкретного осужденного. Совместные меры по контролю за осужденными всегда способствуют повышению эффективности в борьбе с повторной преступностью.

Аналогичные мероприятия целесообразно осуществлять в отношении не только условно осужденных, но и всех лиц, стоящих на учете в УИИ.³

¹ Яровой А. Уголовно-исполнительные инспекции: проблемы и задачи в процессе реформирования // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2002. № 1. С. 15.

² Ольховик Н.В. Альтернативы лишению свободы в вопросах и ответах. М., 2002. С. 36-37.

³ Шабанов В.Б., Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Меры воздействия, применяемые к осужденным при исполнении наказаний в виде исправительных и обязательных работ: теория и практика // Вестник Кузбасского институт. №4(33) / 2017. С.89-90.

Погорелов С.А.

Санкт-Петербургский военный институт
войск национальной гвардии

ШТРАФБАТ – УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ ИЛИ ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ВЗЫСКАНИЕ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Дисциплинарные взыскания, налагаемые на военнослужащих Вооруженных сил Союза ССР в годы Великой Отечественной войны, перечисленные в главе 2 Дисциплинарного устава Рабоче-Крестьянской Красной Армии 1940 года (далее – «ДУ-40»), условно по характеру и степени воздействия на военнослужащих можно было разделить на четыре группы:

имевшие воспитательный характер и не связанные непосредственно с неблагоприятными для военнослужащего материальными последствиями (замечание, выговор, лишение нагрудного знака);

напрямую влиявшие на служебно-правовое и материальное положение военнослужащих (удержание 50% суточной зарплаты за каждый день ареста, лишение на время процентной надбавки к зарплате за выслугу лет, понижение в должности, отстранение от должности, снижение в воинском звании);

временно влекущие для нарушителя дисциплины определенные лишения и ограничения (назначения в наряд по службе или на работу, дисциплинарный арест с содержанием на гауптвахте, домашний арест, задержка в присвоении очередного воинского звания, неувольнение из расположения, сокращение срока очередного отпуска или лишение его);

исключительную группу образовывали взыскания, прекращавшие военнослужебные отношения между военной организацией и военнослужащим (отчисление из образовательного учреждения и увольнение с военной службы).

Положения ДУ-40, применяемые в мирное время, во многом не могли быть реализованы в период ведения боевых действий. В условиях фронтовой обстановки, когда личный состав выполнял боевые задачи, непосредственно находясь в окопах, вряд ли могло быть признано необходимым и целесообразным приме-

нение взысканий за нарушение формы одежды, дисциплины строя и другие подобные незначительные нарушения дисциплины. Главным для военнослужащих в этой обстановке было ведение решительных боевых действий по уничтожению врага, безусловное выполнение распоряжений командиров и начальников. В этих условиях подлежали наказанию те военнослужащие, которые проявляли в бою панические настроения, уклонялись от выполнения своего воинского долга, игнорировали требования приказов командиров.

В связи с трагическим для нашей страны и Красной Армии началом войны, в целях восстановления управления личным составом, обеспечения выполнения приказов, пресечения паники и других нарушений воинской дисциплины в действующей армии, командиры и начальники в первые месяцы войны лишь в незначительной степени использовали меры воздействия на военнослужащих, обозначенные в Дисциплинарном уставе. Как правило, принималось два крайних решения: за проявленное мужество, героизм и подвиги бойцов и командиров представляли к правительственным наградам, а за грубые дисциплинарные проступки и другие нарушения воинской дисциплины, зачастую даже незначительные, отдавали под суд военного трибунала. Были и факты когда проступки военнослужащих, не влекущие уголовной ответственности, большей частью оставались без дисциплинарного воздействия.¹ Автор согласен с мнением С.Г. Лысенкова о том, что в условиях войны представлялось довольно сложным, а порой и невозможным, проведение четкой грани между дисциплинарной и уголовной ответственностью.²

Ценой предельного напряжения сил, проявления массового героизма и стойкости советских войск к ноябрю 1941 года

противник был остановлен на всех направлениях. Затем Красная Армия перешла в решительное контрнаступление под Москвой и в начале января 1942 года была завершена первая крупная наступательная операция наших войск. Однако общее соотношение сил на советско-германском фронте весной 1942 года в целом оставалось в пользу противника, неудачи на фронтах отрицательно сказывались на состоянии воинской дисциплины во многих воинских частях и подразделениях.³

Данные обстоятельства подвигли военно-политическое руководство страны на издание широко известного приказа наркома обороны от 28 июля 1942 г. №227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», в литературе данный приказ часто именуется как «Ни шагу назад!»⁴.

По мнению С.Г. Лысенкова, приказ НКО №227 наиболее наглядно демонстрировал сближение признаков дисциплинарной и уголовной ответственности. По мнению автора, данный приказ, помимо прочего, был очередным шагом военно-политического руководства в отходе от применения к нарушителям воинской дисциплины крайних уголовных санкций, путем введения по опыту противника, особых штрафных подразделений для военнослужащих «провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости». Из текста приказа видно, что система наказания за трусость и дезертирство – штрафной батальон – явилась копией немецкой модели батальонов «999». Отличие заключалось в том, что в советском штрафбате можно было искупить кровью свою вину и реабилитироваться, а в немецком – нет.⁵

В соответствии с Положениями о штрафных батальонах и ротах действующей армии⁶, военнослужащие направлялись в эти подразделения на срок от одного до трех месяцев в дисциплинарном порядке на основании письменного приказа командира дивизии (бригады) для лиц командно-начальствующего состава или командира полка (отдельной части) – рядовые бойцы и младшие командиры.

Также в соответствии с Положениями в штрафные подразделения на те же сроки могли направляться и по приговору военного трибунала военнослужащие, осужденные с применением отсрочки исполнения приговора согласно примечанию 2 к статье 28 Уголовного Кодекса РСФСР (введено в действие Постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г.). Однако уже с 16 октября 1942 года в соответствии с приказом Наркома обороны №323 осужденные военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны военнослужащие подлежали обязательному направлению в штрафные подразделения действующей армии.⁷ Данное обстоятельство указывает на применение штрафного подразделения в качестве альтернативы уголовному наказанию, связанное непосредственно с дефицитом личного состава на фронте.

Анализируя правовое положение штрафников, С.Г. Лысенков подчеркнул значительные отличия его от положения других военнослужащих действующей армии, которые носили в большей степени репрессивный, чем воспитательный характер. По его мнению, под формальным применением дисциплинарной ответственности в виде направления в штрафные подразделения в большей степени подразумевалась уголовная ответственность военнослужащих, а штрафные подразделения были составным элементом карательной системы государства, предназначенным для поддержания дисциплины и порядка в действующей армии.⁸

Однако автор считает необходимым отметить, что институт штрафных подразделений, помимо нескольких признаков уголовной ответственности, также собрал воедино признаки всех групп формально разделенных дисциплинарных взысканий:

воспитательный характер выражался в лишении осужденных нагрудных знаков, орденов и медалей, а также объявлении их преступниками;

понижение в должности и в звании, перевод офицеров на денежное содержание солдат непосредственно влияло на

служебно-правовое и материальное положение военнослужащего;

ограничение по времени сроков наказания на 1-3 месяца ближе к срокам действия дисциплинарных взысканий (не столь продолжительный срок, как при уголовном наказании);

прекращение военно-служебных отношений происходило в случае смерти или инвалидности военнослужащего.

Всего по данным статистического исследования коллектива авторов под руководством Г.Ф. Кривошеева, за всю войну в штрафные батальоны и роты были направлены 427 910 человек⁹, а если брать в расчет, что, по данным В.П. Заколотного¹⁰, за период со 2 полугодия 1942 года до окончания войны были осуждены к лишению свободы с отсрочкой исполнения приговора 284 172 человек, которые в соответствии с приказом №227 были направлены в штрафные подразделения, то получается, что остальные 143 738 человек (подсчитано автором) попали в штрафные подразделения в дисциплинарном порядке, что составляет около 1/3 части от числа всех военнослужащих-штрафников.

Таким образом, можно прийти к выводам, что четкой грани между уголовной и дисциплинарной ответственностью военнослужащих в годы войны нормативные правовые акты государственного и военного руководства не проводили, в условиях ведения боевых действий наблюдалась явная тенденция к их сближению. Штрафные подразделения, максимально синтезировали в себе признаки уголовной и дисциплинарной ответст-

венности, а также стали более гуманной альтернативой высшей мере наказания, установленной действующим законодательством за совершение военнослужащими в военное время таких воинских преступлений, как неисполнение приказов, уклонение от несения обязанностей военной службы, самовольное оставление воинской части, дезертирство, уклонение от боя и других. Поэтому данное явление необходимо считать особой санкцией юридической ответственности военнослужащих, применяемое в военное время как дисциплинарное взыскание, а также в качестве альтернативы уголовным мерам наказания.

¹ Технология укрепления воинской дисциплины: учебник / под ред. А.А. Чертополоха. М.: Военный университет, 2004. С. 39.

² Лысенков С.Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны (историко-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 346.

³ Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945. Краткая история. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1984. С. 139-159.

⁴ Оpubл.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. - 1942 г. Т. 13 (2-2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 276-278.

⁵ Там же. С. 347-350.

⁶ Русский архив. Т. 13 (2-2). С. 312-314.

⁷ Там же. С. 332-333.

⁸ Лысенков С.Г. Указ. соч. С. 351-356.

⁹ Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил / под редакцией Кривошеева Г.Ф. "ОЛМА-ПРЕСС" М. 2001. С. 183.

¹⁰ Заколотный В.П. Деятельность политорганов в Красной Армии по укреплению военной дисциплины в действующей армии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Дис. ... д-ра истор. наук. М.: 1990. С. 435.

Беляева Л.И.,

доктор юридических наук, профессор

Академия управления МВД России
(г. Москва)

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ОСВЕЩЕНИИ III МЕЖДУНАРОДНОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ФОРУМА

III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» состоялся на базе Академии права и управления ФСИН в г. Рязани 21-23 ноября 2017 г.

Круг его представителей довольно широк: ФСИН России, Академия ФСИН России, НИИ ФСИН России, Ассоциация юристов России, Попечительский совет уголовно-исполнительной системы, научные и образовательные организации ФСИН России, Международная Федерация рукопашного боя. Его официальные участники: Федеральное Собрание Российской Федерации, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Общественная палата Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Правительство Рязанской области.

Деятельность форума – разнообразна и многостороння. Кроме пленарного заседания в рамках Форума прошли 5 международных научно-практических конференций, 8 круглых столов, 2 дискуссионные площадки, научно-практический семинар, совещание руководителей научно-исследовательских и образовательных организаций ФСИН России по проблемам координации научных исследований и перспектив развития ведомственной науки, заседание Координационно-методического совета ФСИН России и выставка образцов производственной деятельности ФСИН России. Одним из особо значимых мероприятий форума стало заседание рабочей группы экспертов Совета руководителей пенитенциарных служб государств – участников СНГ.

Количество участников форума, его объемность и масштабность – свидетельство признания и востребованности.

Показателен состав и степень дискуссионной активности участников. В общей сложности в дискуссиях (очных и заочных) приняли участие более 1100 человек. В их числе более 100 профессоров и докторов наук; более 300 кандидатов наук, преподавателей, научных сотрудников, при этом около половины из них – специалисты из гражданских вузов, других ведомств правоохранительной системы. Среди участников дискуссий около 70 человек – практические работники. С докладами и сообщениями на различных мероприятиях форума выступили более 145 руководителей различных уровней и профилей.

Большой интерес к проблемам, обсуждаемым на форуме, проявили иностранные специалисты. Более 30 гостей выступили по разным вопросам деятельности уголовно-исполнительных систем зарубежных стран.

Безусловно, основная масса выступивших на форуме – это опытные специалисты, ученые и практики. Отраднo, что вместе с ними в обсуждении актуальных проблем деятельности УИС приняли участие начинающие исследователи и молодые специалисты: около 50 адъюнктов, аспирантов и соискателей, 15 студентов и курсантов.

Одна из пяти международных конференций была посвящена вопросам совершенствования норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Здесь прозвучали довольно интересные выступления исследователей, представляющих ведомственные учреждения и не относящиеся к таковым.

Обращает на себя внимание выступление профессора И.М. Середы (Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции), связанное с рассмотрением соотношения понятий «уголовная ответственность»,

«уголовно-правовые отношения», «уголовно-правовое преследование» и «наказание».¹ Автор раскрыла существующие проблемные вопросы и дала ответы на них. Работа отличается глубиной теоретической проработки, системностью. Автору удалось показать связи между обозначенными понятиями, соотношения между ними и построить иерархичность. Такая работа, безусловно, интересна и полезна не только начинающим исследователям.

Профессор И.М. Сердюк, безусловно, права, говоря о необходимости законодательного закрепления понятия уголовной ответственности. Мало того, законодателю необходимо ясно и четко сказать, для чего он ее устанавливает, причем в разных видах, то есть обозначить цели. Об этом мною говорилось уже неоднократно, не стану повторяться.²

Любопытно выступление профессора А.В. Сумачева (Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск), который раскрывает понятие и суть лженаучных уголовно-правовых теорий, классифицирует их, показывает особенности их проявлений. Работа является, на мой взгляд, чрезвычайно ценной для исследователей, особенно начинающих, и их руководителей, поскольку отвечает на вопрос: каким должно (или не должно) быть научное исследование.³

Профессор А.В. Шеслер (Кузбасский институт ФСИН) обратил внимание на несовершенство правовых основ уголовно-правовой охраны деятельности уголовно-исполнительной системы. Автор вносит предложения по совершенствованию ряда статей УК РФ: ст. 129, 313, 321.⁴

Вполне логичным является рассмотрение вопроса о нормах уголовного права, обеспечивающих личную безопасность лиц, содержащихся в местах принудительной изоляции, которое представил доцент Д.А. Никитин (Псковский филиал Академии ФСИН России).⁵ Автор анализирует существующие нормы УК РФ (ст. 206, 212, 321), направленные на обеспечение такой безопасности, и отмечает имеющиеся здесь пробелы и проблемы. Он имеет свое видение их восполнения и решения.

Не обошли вниманием участники конференции и вопроса об уголовной ответственности юридического лица. К этой проблеме обратился профессор Ю.В. Трунцевский (Академия управления МВД России)⁶, который, кроме того, отметил непоследовательность законодателя в отнесении некоторых обстоятельств к основаниям освобождения от уголовной ответственности.

Удачными можно признать выступления начинающих исследователей С.К. Бадамшина, Р.В. Килимбаева.

В дискуссии на конференции были обсуждены и другие вопросы уголовного права о необходимой обороне, неоконченном преступлении, отдельных видах наказаний.

¹ Серда И.М. К вопросу о соотношении понятий «уголовная ответственность», «уголовно-правовое отношение», «уголовное преследование» и «наказание» // III Международный пенитенциарный Форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса РФ) : сб. тез. выступлений и докладов участников. Рязань, 2017. Т. 2. С. 87-91.

² Беляева Л.И. К вопросу о целях уголовной ответственности // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы III Российского Конгресса уголовного права / под ред. В.С. Комиссарова. М., 2008; Беляева Л.И. Уголовная ответственность несовершеннолетних: сущее и должное // Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики : сборник материалов конференции / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб., 2008. С. 20-25.

³ Сумачев А.В. О лженаучных уголовно-правовых теориях // III Международный пенитенциарный Форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса РФ) : сб. тез. выступлений и докладов участников. Рязань, 2017. Т. 2. С. 92-95.

⁴ Шеслер А.В. Совершенствование уголовно-правовой охраны деятельности уголовно-исполнительной системы // Там же. С. 114-118.

⁵ Никитин Д.А. Совершенствование норм уголовного права, обеспечивающих личную безопасность лиц, содержащихся в местах принудительной изоляции // Там же. С. 180-182.

⁶ Трунцевский Ю.В. Об исключении преступности, освобождении от уголовной ответственности и смягчении наказания // Там же. С. 108-119.

План издания № 6

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

XXI международная научно-практическая конференция

(5–6 апреля 2018 г.)

Материалы конференции

ISBN 978-5-7889-0245-6

Часть 1

ISBN 978-5-7889-0247-0

Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой, Е.А. Никитиной, М.Н. Соколовой

Подписано в печать 6 марта 2018 г.
Формат 60х84/8. Бумага типографская. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Уч. изд. листов 21,3.
Тираж 140 экз. Заказ 63.

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии СибЮИ МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.